

ФОНД
содействия науке и образованию в области правоохранительной деятельности
«УНИВЕРСИТЕТ»

АССОЦИАЦИЯ ФИЛОСОФИИ ПРАВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

МОЛОДЕЖНАЯ АССОЦИАЦИЯ «ФИЛОСОФИИ ПРАВА»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 40503

Журнал аккредитован в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ)

Подписной индекс по каталогу Агентства «Роспечать» – 71079

Электронная копия издания размещена в фондах Президентской библиотеки

Юридическая наука: история и современность

2023, № 1

Санкт-Петербург
2023

FOUNDATION
FOR PROMOTION OF SCIENCE AND EDUCATION IN THE AREA OF LAW
ENFORCEMENT ACTIVITIES
“UNIVERSITY”

ASSOCIATION OF THE PHILOSOPHY OF LAW SAINT-PETERSBURG

YOUTH ASSOCIATION PHILOSOPHY OF LAW

Journal is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere
of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor).
Print publication registration certificate No. ФС 77 – 40503

Journal is accredited in the Russian Science Citation Index (RSCI)

Subscription index according to the catalog of Rospechat Agency – 71079

An electronic copy of publications available in the holdings of the Presidential Library

Legal science: history and the presence

2023, № 1

Saint-Petersburg
2023

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Сальников В.П., главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Антонов И.А., декан факультета подготовки научно-педагогических кадров Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН (г. Санкт-Петербург, Россия)

Арзамаскин Н.Н., заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ульяновского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (г. Ульяновск, Россия)

Баранова М.В., заместитель декана по научной работе юридического факультета Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Национального исследовательского университета), председатель докторского диссертационного совета 24.2.340.09 по специальности 5.1.1 по присуждению ученой степени доктора юридических наук, доктор юридических наук, профессор (г. Нижний Новгород, Россия)

Бободжонзода (Бабаджанов) И.Х., председатель международного коммерческого арбитража при Торгово-промышленной палате Республики Таджикистан, главный научный сотрудник отдела теоретических проблем современного государства и права Института философии, политологии и права им. А.М. Баховиддинова Академии наук Республики Таджикистан, доктор юридических наук, профессор (г. Душанбе, Таджикистан)

Бояр В.М., профессор кафедры гражданского права Института технологий предпринимательства и права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

Варыгин А.Н., профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов, Россия)

Захарцев С.И., профессор Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации, доктор юридических наук, академик РАЕН (г. Москва, Россия)

Керимов А.Д., главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук, главный редактор «Российского журнала правовых исследований», доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Лазарев В.В., главный научный сотрудник Центра фундаментальных правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, профессор кафедры теории государства и права Московского юридического университета имени О.Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Майдар Батаев, доктор философии в юриспруденции «PhD», профессор Университета МВД Монголии (г. Улан-Батор, Монголия)

Молчанов А.В., профессор кафедры экономических и финансовых расследований Высшей школы государственного аудита Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, доктор экономических наук, профессор, Заслуженный экономист Российской Федерации, Почетный работник сферы образования Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Мушкет И.И., заместитель руководителя Секретариата Совета МПА СНГ – директор Международного института мониторинга развития демократии, парламентаризма и соблюдения избирательных прав граждан государств – участников МПА СНГ, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

Павлик М.Ю., заведующий кафедрой уголовного права и процесса Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

Рахимов М.З., директор Национального центра по законодательству при Президенте Республики Таджикистан, доктор юридических наук, профессор (г. Душанбе, Республика Таджикистан)

Сальников М.В., Президент Фонда содействия науке и образованию в области правоохранительной деятельности «Университет», главный научный сотрудник Юридического института (г. Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

Сафонов В.Е., заведующий кафедрой истории права и государства Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Шафиров В.М., главный научный сотрудник отдела теории и истории права и судебной власти, профессор кафедры теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Щендригин Е.Н., доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Орел, Россия)

Адрес редакции: 198261, Санкт-Петербург, пр. Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б.

Ответственность за достоверность сведений в опубликованных статьях несут авторы. Полная или частичная перепечатка материалов и использование их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, допускается только с письменного разрешения редакции журнала.

EDITORIAL TEAM

Sal'nikov V.P., Editor-in-Chief of the journal “Legal science: history and the present”, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Antonov I.A., Dean of the Faculty of Training Scientific and Pedagogical Personnel of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences (Saint Petersburg, Russia)

Arzamaskin N.N., Head of the Department of Theory and History of State and Law of Ulyanovsk State University, Doctor of Legal Sciences, Professor (Ulyanovsk, Russia)

Baranova M.V., Deputy Dean for Research, Faculty of Law, Lomonosov Nizhny Novgorod State University N.I. Lobachevsky (National Research University), Chairman of the Doctoral Dissertation Council 24.2.340.09 in specialty 5.1.1 for the award of the degree of Doctor of Law, Doctor of Law, Professor (Nizhny Novgorod, Russia)

Bobojonzoda (Babadzhanov) I.Kh., chairman of the international commercial arbitration at the Chamber of Commerce and Industry of the Republic of Tajikistan, chief research officer of the department of theoretical problems of the modern state and law of the Institute of Philosophy, Political Science and Law. A.M. Bahoviddinov Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Doctor of Law, Professor (Dushanbe, Tajikistan)

Boer V.M., Professor of the Department of Civil Law of the Institute of Entrepreneurship Technologies and Law of Saint-Petersburg State University of aerospace instrumentations, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Varygin A.N., Professor of the Department of Criminal and Criminal Executive Law of Saratov State Academy of Law, Doctor of Legal Sciences, Professor (Saratov, Russia)

Zakhartsev S. I., Professor of the St. Petersburg Military Order of Zhukov of the Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, Doctor of Law, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences (Moscow, Russia)

Kerimov A.D., Chief Scientist at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief of Russian Journal of Legal Research, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)

Lazarev V.V., Chief Researcher, Center for Fundamental Legal Research of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Professor of the Theory of State and Law Department of the Moscow Law University named after O.E. Kutafina, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Maidar Batayev, PhD in Law, Professor of the University of the Ministry of Internal Affairs of Mongolia (Ulan Bator, Mongolia)

Molchanov A.V., Professor of the Department of Economic and Financial Investigations, Higher School of Public Auditing, Lomonosov Moscow State University M.V. Lomonosov, Doctor of Economics, Professor, Honored Economist of the Russian Federation, Honorary Worker of Education of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Mushket I.I., Deputy Head of the Secretariat of the Council of the IPA CIS – Director of the International Institute for Monitoring the Development of Democracy, Parliamentarism and Observance of the Electoral Rights of Citizens of the IPA CIS Member States, Doctor of Law, Professor (St. Petersburg, Russia)

Pavlik M.Yu., Head of the Department of Criminal Law and Procedure, Leningrad State University A.S. Pushkina, Doctor of Law, Professor (St. Petersburg, Russia)

Rakhimov M. Z., Director of the National Legislation Centre under the President of the Republic of Tajikistan, Doctor of Legal Sciences, Professor (Dushanbe, Republic of Tajikistan)

Sal'nikov M.V., President of the Foundation for the Promotion of Science and Education in the Field of Law Enforcement «University», Chief Researcher of the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor (Saint Petersburg, Russia)

Safonov V.E., Head of the Department of the History of Law and State of the Russian State University of Justice, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Shafirov V.M., Senior Research Fellow, Department of Theory and History of Law and Judiciary, Professor, Chair of Theory of Law, State and Judiciary, Russian State University of Justice, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Schendrigin E.N., Doctor of Law, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation (Orel, Russia)

Editorial office address: 114, bldg. 1, Letter B, Veteranov Ave., 198261, Saint Petersburg.

The authors are responsible for accuracy and reliability of the information in the published articles. Full or partial reprinting of materials and use of them in any form, including electronic media, is allowed only with the written permission of the editorial office of the journal.

© Legal science: history and the presence, 2023

© Foundation for support of science and education in the area of law enforcement activities «University», 2023

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Сальников В.П., председатель редакционного совета журнала «Юридическая наука: история и современность», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Александров А.И., член Президиума Ассоциации юристов России, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Баранов В.М., помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности; главный редактор ВАКовского журнала «Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России»; председатель докторского диссертационного совета 03.2.009.01 по специальностям 5.1.1 и 5.1.4 по присуждению ученой степени доктора юридических наук, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Нижний Новгород, Россия)

Бастрыкин А.И., Председатель Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Бондарь Н.С., главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, судья Конституционного Суда Российской Федерации в отставке, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

Василевич Г.А., заведующий кафедрой конституционного права Белорусского государственного университета; председатель Конституционного суда Республики Беларусь (1997-2008 гг.); Генеральный прокурор Республики Беларусь (2008-2011 гг.); доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Республики Беларусь, член-корреспондент Национальной Академии наук Беларуси (Минск, Республика Беларусь)

Виноградова Е.В., главный научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор, (г. Москва, Россия)

Гутман М.Ю., профессор Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

Исмагилов Р.Ф., профессор Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

Каргашов В.Н., заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Ярославль, Россия)

Мазаев В.Д., профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Молдабаев С.С., профессор Евразийской юридической академии им. Д.А. Кунаева, доктор юридических наук, профессор (г. Астана, Республика Казахстан)

Романовская В.Б., заведующая кафедрой теории и истории государства и права Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Национального исследовательского университета), доктор юридических наук, профессор (г. Нижний Новгород, Россия)

Степашин С.В., Председатель Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России», экс-Председатель Правительства Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Хабибулин А.Г., заведующий кафедрой финансовых и экономических расследований, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Шестаков Д.А., президент Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

Эбзеев Б.С., член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Экимов А.И., профессор кафедры теории и истории государства и права РУДН (Российский университет дружбы народов), доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Москва, Россия)

EDITORIAL BOARD

Sal'nikov V.P., Chairman of the editorial team of the journal "Legal science: history and the present", Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Aleksandrov A.I., Member of the Presidium of the Association of Lawyers of Russia, Chief Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Baranov V.M., Assistant Chief of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for innovative development of research activities; Editor-in-Chief of the journal of the State Commission for Academic Degrees and Titles «Legal science and practice. Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation»; Chairman of Doctoral Dissertation Council 03.2.009.01 for disciplines 5.1.1 и 5.1.4 on award of the degree of Doctor of Legal Sciences, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation (Nizhny Novgorod, Russia)

Bastrykin A.I., Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Bondar' N.S., Chief Researcher, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Retired Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Jurist of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Vasilevich G.A., Head of the Constitutional Law Department of the Belarusian State University; Chairman of the Constitutional Court of the Republic of Belarus (1997-2008); Prosecutor General of the Republic of Belarus (2008-2011); Doctor of Law, Professor, Honored Jurist of the Republic of Belarus, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk, Republic of Belarus)

Vinogradova E.V., Chief Researcher of the Sector of Constitutional Law and Constitutional Justice of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor, (Moscow, Russia)

Gutman M.Yu., Professor of the St. Petersburg Military Order of Zhukov of the Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

Ismagilov R.F., Professor of the St. Petersburg Military Order of Zhukov of the Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor (Saint Petersburg, Russia)

Kartashov V.N., Head of the Department of Theory and History of State and Law of Yaroslavl Demidov State University, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Yaroslavl, Russia)

Mazaev V.D., Professor, National Research University Higher School of Economics, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)

Moldabayev S.S., Professor of the Eurasian Law Academy D.A. Kunaev, Doctor of Law, Professor (Astana, Republic of Kazakhstan)

Romanovskaya V.B., Head of chair of the theory and history of state and law of N.I. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (National Research University), Doctor of Law, Professor (Nizhny Novgorod, Russia)

Stepashin S.V., Chairman of the All-Russian public organization «Association of Lawyers of Russia», ex-Chairman of the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)

Khabibulin A.G., Head of the Department of Financial and Economic Investigations, Professor of the Department of Theory of State and Law and Political Science of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)

Shestakov D.A., President of the St. Petersburg International Criminological Club, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

Ebzeev B.S., Member of the Central Election Commission of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Jurist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Ekimov A.I., Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Peoples' Friendship University of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Теория и история права и государства. История учений о праве и государстве

<i>Лазарев В.В.</i>	Конституционная деятельность и конституционное право в свете общей теории государства и права	11
<i>Крижановская Г.Н., Хабибулина Н.И.</i>	Первая мировая война и государственный переворот февраля–марта 1917 г.: последствия и уроки	22
<i>Гутман М.Ю., Сальников В.П., Семенова И.В., Хабибулин А.Г.</i>	Политическая стабильность и «министерская чехарда» в Российской империи: анализ сквозь призму силовых ведомств (1802 – февраль 1917 гг.)	36
<i>Галицкий В.П., Киреев М.П., Литвинов Н.Д., Родионов Д.А.</i>	Криминальная проницаемость государственной границы и территории в механизме гибридной войны Запада и России. Проблемы противодействия	52
<i>Кривошлыков К.А., Приймак Е.Н.</i>	Какой должна быть память о советском прошлом?	88
<i>Потапов Ю.А.</i>	МВД России в лицах: генерал-лейтенант Ким Леонидович Кузнецов (1923 – 1984). К 100-летию со дня рождения	92

**Конституционное и муниципальное право. Конституционный судебный процесс.
Административное право и административная деятельность**

<i>Сорокина Е.В.</i>	Гарантии государственной защиты информационных прав и свобод человека и гражданина	103
----------------------	---	-----

**Гражданское и семейное право. Предпринимательское и международное частное право.
Гражданский и арбитражный процесс**

<i>Игнатьева С.В.</i>	К вопросу о моральной компенсации за вред, нанесённый несовершеннолетнему	110
-----------------------	--	-----

**Трудовое право и право социального обеспечения. Земельное, природоресурсное и аграрное
право. Экологическое право и охрана окружающей среды. Корпоративное
и энергетическое право. Информационное право. Законодательная деятельность
и правоприменительный процесс**

<i>Хабибулин А.Г., Сомик К.В.</i>	Правовые, экономические и технологические аспекты формирования цифровой платформы общего рынка ЕАЭС	117
---------------------------------------	--	-----

**Уголовное право и криминология. Уголовно-исполнительное право. Уголовный процесс.
Криминалистика, судебно-экспертная деятельность и оперативно-розыскная деятельность**

<i>Захарцев С.И., Семёнова И.В.</i>	Отдельные классификационные признаки личности потерпевшего	128
---	--	-----

<i>Аксенов Д.В., Захаров П.А., Григорьев В.П.</i>	Особенности объективной стороны преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения 137
<i>Трусова Е.А.</i>	Принудительные меры медицинского характера в системе мер государственного принуждения 141
<i>Жаркой М.Э.</i>	Особенности уголовно-правовой и криминологической характеристики фальшивомонетчества по законодательству РСФСР 1920-х гг. 146

**Судебная и прокурорская деятельность. Правозащитная и правоохранительная деятельность.
Адвокатура и нотариат**

<i>Крижановская Г.Н., Сальников В.П.</i>	Жизнь и государственная деятельность Петра Васильевича Лопухина 152
--	---

**Международные отношения и внешняя политика. Международное и европейское право.
Иностранное право**

<i>Пикин И.Е.</i>	Ответственность за хищения транспортных средств в зарубежном праве 159
-------------------	--

**Философия права. Правовая культура и правосознание.
Социология права и юридическая психология**

<i>Сальников В.П., Захарцев С.И., Масленников Д.В.</i>	Ф.М. Достоевский и евразийская идея 168
--	---

<i>Оль П.А., Сальников М.В.</i>	Правосознание как форма отражения правовой реальности в контексте материалистической методологии 182
-------------------------------------	---

Информация для авторов	194
------------------------------	-----

CONTENTS
Theory and history of law and state. History of law and state doctrines

<i>Lazarev V.V.</i>	Constitutional activity and constitutional law in the light of the general theory of state and law	11
<i>Krizhanovskaya G.N., Khabibulina N.I.</i>	The first world war and the coup d'etat of february–march 1917: consequences and lessons	22
<i>Gutman M.Yu., Sal'nikov V.P., Semenova I.V., Khabibulin A.G.</i>	Political stability and «ministerial leapfrog» in the Russian Empire: an analysis through the prism of law enforcement agencies (1802 – February 1917)	37
<i>Galitskiy V.P., Kireev M.P., Litvinov N.D., Rodionov D.A.</i>	Criminal permeability of the state border and territory in the mechanism of the hybrid war between the West and Russia. Countermeasures issues	52
<i>Krivoshlykov K.A., Priymak E.N.</i>	What should be the memory of the Soviet past?	88
<i>Potapov Yu.A.</i>	The ministry of internal affairs of Russia in persons: Lieutenant General Kim Leonidovich Kuznetsov (1923 – 1984). To the 100th anniversary of his birth	92

**Constitutional and municipal law. Constitutional litigation.
Administrative law and administrative activities**

<i>Sorokina E.V.</i>	Guarantees of state protection of information rights and freedoms of man and citizen	103
----------------------	--	-----

Civil and family law. Business and private international law. Civil and arbitration proceedings

<i>Ignatieva S.V.</i>	To the question of moral compensation for harm caused to a minor	110
-----------------------	--	-----

**Labour relations law and law of social security. Land, natural resources and agrarian law.
Environmental law and environment protection. Corporate and energy law. Information law.
Legislation and enforcement process**

<i>Khabibulin A.G., Somik K.V.</i>	Legal, economic and technological aspects of the formation of a digital platform for the EAEU common market	117
--	---	-----

**Criminal law and criminology. Criminal executive law. Criminal procedure.
Criminalistics, judicial expert and operational investigative activities**

<i>Zakhartsev S.I., Semenova I.V.</i>	Separate classification signs of the identity of the victim	128
<i>Aksenov D.V., Zakharov P.A., Grigoriev V.P.</i>	Features of the objective side of crimes related to violation of traffic rules	137

<i>Trusova E.A.</i>	Corrective measures of a medical nature in the system of measures of state coordination	141
<i>Zharkoy M.E.</i>	Features of the criminal-legal and criminological characteristics of counterfeiting according to the legislation of the RSFSR of the 1920s	146

**Judicial and procuracy activities. Human rights and law-enforcement activities.
Advocacy and notary system**

<i>Krizhanovskaya G.N., Sal'nikov V.P.</i>	The life and state activity of Pyotr Vasilyevich Lopukhin	152
--	---	-----

International relations and foreign policy. International and European law. Foreign law

<i>Pikin I.E.</i>	Liability for theft of vehicles in foreign law	159
-------------------	--	-----

Legal philosophy. Legal culture and legal consciousness. Sociology of law and legal psychology

<i>Sal'nikov V.P., Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V.</i>	F.M. Dostoevsky and the Eurasian idea	168
<i>Ol P.A., Sal'nikov M.V.</i>	Legal consciousness as a form of reflection of legal reality within the framework of materialistic methodology	182

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА. ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

ЛАЗАРЕВ Валерий Васильевич,
главный научный сотрудник центра фундаментальных правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Москва, Россия)
E-mail: yalazer@rambler.ru

Специальность 5.1.1 – Теоретико-исторические правовые науки

КОНСТИТУЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО В СВЕТЕ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

***Аннотация.** Обращается внимание на ограниченность сугубо отраслевого подхода к рассмотрению любого теоретического или практического вопроса, уводящего к конституции государства. Конституция рассматривается здесь в тройном аспекте: как реальное соотношение политических сил, как представление о необходимой организации государственной власти, как письменный текст. Автор обращается к конкретным примерам, где общая теория должна корректировать выводы представителей конституционного и международного права.*

***Ключевые слова:** конституция; власть; государство; общество; государственно-правовая идеология; ограничение власти; демократия.*

LAZAREV V.V.

CONSTITUTIONAL ACTIVITY AND CONSTITUTIONAL LAW IN THE LIGHT OF THE GENERAL THEORY OF STATE AND LAW

***The summary.** Attention is drawn to the limitations of a purely sectoral approach to the consideration of any theoretical or practical issue that leads to the constitution of the state. The constitution is considered here in a threefold aspect: as a real correlation of political forces, as an idea of the necessary organization of state power, as a written text. The author refers to specific examples where the general theory should correct the conclusions of representatives of constitutional and international law.*

***Key words:** constitution; power; state; society; state-legal ideology; limitation of power; democracy.*

В мае 2021 г. в Казани проводилась XVI международная научно-практическая конференция «Державинские чтения» и одна из секций именовалась так: «Эволюция

конституционно-правового обустройства России: концептуальные направления и результаты». Нетрудно заметить широту и глубину постановки вопроса, но в то же время трудно было ожидать

поднять неподъемное: в России идеи конституционализма жили параллельно их развитию в Европе и в Америке, выдвигались разные проекты конституции (достаточно сослаться на проекты декабристов Пестеля и Муравьева), конституционные преобразования, как правило, рушились, не доходя до результата, а полноценные конституционные акты мы увидели только в советское время. Все они имели свои концепции и до настоящего времени получают не только разные, но и противоположные оценки. Это богатый материал в политическом аспекте и в аспекте большой науки конституционного права.

Идеи державинских чтений получили развитие на 1 Казанском международном юридическом форуме «Право на право». Конституционное право и конституционная деятельность вполне могли претендовать на роль первостепенных вопросов. В методологическом отношении очень выгодная тема – она позволяет современную конституционную реформу видеть в свете исторических судеб конституционных проектов и исторических судеб России. Но общее живет через особенное и единичное. В федеративном государстве исследование конституционализма предполагает изучение соответствующих процессов в государствах членах федерации. В Татарстане советского времени и на интеллектуальном, и на практическом уровне, вопросы конституционного развития, подготовки Конституции и конституционных законов всегда находились в центре внимания [7; 10]. И всегда они упирались в решение неких общих вопросов теории государства и права, заводивших полемику в тупики. Поэтому считаю актуальным обозначить проблему так, как впервые она прямо обозначена в настоящей статье (в ее основе доклад на казанском форуме) и, тем самым, хотя бы привлечь внимание к ее осмыслению.

Собственное позитивное видение основополагающих проблем конституционного развития полагаю возможным изложить через критическое осмысление того, что сегодня нашло или находит признание, или, даже, широкое распространение в науке, что подтверждается в той или другой степени в практике государственного строительства. Критика обусловлена именно тем, что принимаемые решения игнорировали достижения общей теории государства и права.

Время от времени на роль теоретиков права

претендуют международники или конституционалисты. Если видеть здесь конкретных ученых, то в том нет порока – есть много примеров, когда отраслевые своими исследованиями возглавляли тот или другой фронт теоретических работ. Опасность всегда кроется в попытках принципиально поставить ту или другую отраслевую науку на высоту общетеоретической. Но отраслевая наука в силу ее природы не способна дать целостное представление о государстве и праве. Только общетеоретическая наука способна охватить весь комплекс возможных практических следствий того или другого теоретического решения. Конституционалисты, например, не всегда задаются вопросом того, что есть государство и государственные функции вообще, вследствие этого (смешивая с задачами), считают функциями государства то, что ими не является, отождествляют с функциями органов государства, с государственным характером соответствующих акций и т.д. Международники долгое время соизмеряли ценность принимаемых национальными государствами решений фактом соответствия международному праву, не задаваясь вопросом соответствия последнего праву вообще. До настоящего времени господствует легистская и позитивистская позиция, согласно которой справедливость (истина) заключается в нормативной записи – в конституции, в законе, в договоре. Разумеется, нельзя отрицать ценность такого подхода, ценность принципа законности. Однако ценность эта относительная и обращение к общей теории, в частности, к теории государственного суверенитета, дает возможность скорректировать нормы международного права, а понимание договорной теории государства и теории народного суверенитета открывает перспективы мирного решения как национальных, так и международных конфликтов.

Обратимся к конкретным примерам, где общая теория должна корректировать отраслевые подходы.

1. Конституция подается представителями науки конституционного права как определенный текст. Как текст определенного формата. Иногда как совокупность таких текстов (например, Конституция Великобритании). Со времени Лассалья, теория государства и права смотрит иначе.

Конституция государства не сводится к документу, к текстуальному оформлению

государственного устройства. По своей сущности конституция фиксирует сложившееся соотношение социальных сил, претендующих на политическое господство. Это соотношение, как правило, находит фиксацию в письменном тексте, но может определять конституционное развитие и напрямую. Это соотношение осознается и проявляется в идеологии. Поскольку, в силу объективных и субъективных условий, данное соотношение закономерно меняется, принимаются новые конституции, вносятся поправки в тексты старых. Каждой писаной конституции отведен свой срок.

С позиций общей теории государства и права оправдано понимание конституции в тройном аспекте: как реального соотношения политических сил, как представления о необходимой организации государственной власти, как письменного текста.

Это дает целостное представление о «концентрированном выражении качества правовой среды» [11]. Конституционное развитие предполагает высокопрофессиональные действия уполномоченных субъектов (органов, лиц, организаций), обеспечивающих высшую юридическую силу устанавливаемого правового порядка. Конституционное обустройство начинается с идеологии соответствующих решений и разворачивается затем в правотворчестве и правоприменении. Непрерывное конституционное обустройство дает понятие живой конституции. На вопрос, чем вызываются изменения в действующую конституцию и чем обусловлен конституционный контроль над конституционным текстом, дают исследования конституционных судей. Можно, в частности, указать на содержательную статью Н.С. Бондаря [6].

Фактическая конституция базируется и реализуется на реальном материальном соотношении противоборствующих политических сил, а рукотворный текст конституции – на силе пронизывающей его идеологии. Идеология конституции – ценностная составляющая текста в целом и каждой нормы в отдельности. Часть 2 статьи 13 Конституции РФ содержит запрет государству иметь свою идеологию, запрет какую-либо идеологию делать обязательной. Представляется, что мы обязаны появлению данной абсурдной нормы политикам, игнорирующим теоретический научный подход. Руководствуясь интересами сокрушения господствующей идеологии

КПСС, они одержали верх и вместе с водой выбросили и ребенка. Но последующая конституционная реальность (нормы и конституционные действия) опрокидывают не выверенный теоретически запрет.

Следует обратить внимание на то, что в журнале «Мир политики и социологии» (главный редактор В.П. Сальников) получили широкое освещение материалы дискуссии, в которой сама редакция и авторы, опубликовавшие соответствующие статьи, подвергли анализу следующие вопросы:

- возможна ли в принципе обязательная идеология в государстве, в котором господствует легитимная власть: если возможна – можно ли эту идеологию назвать государственно-правовой?
- является ли идеология правящей партии, имеющей большинство в парламенте, государственной и выступает ли она в качестве обязательной, если воплощена в законе?
- как идеология связана с правосознанием и правовой культурой субъектов права (физических лиц), в том числе представляющих политическую элиту общества (руководство государства, правящей партии, оппозиционных партий, институтов гражданского общества и т.д.)?
- какие возможны формы государственно-правовой идеологии?
- является ли разрушительным для государственности отрицание правовой идеологии государства?
- всегда ли есть (или должна быть) у государства правовая политика и каково влияние на государственность отрицания правовой политики государства?
- какие взгляды существуют в отечественной и зарубежной науке по поводу государственно-правовой идеологии?
- возможна ли деидеологизация науки?
- где проявляет себя государственно-правовая идеология, какие объекты в нее входят, является ли правосудие ее объектом?
- многообразие характеристик идеологии;
- имеет ли идеология позитивные цели и нужно ли ее вернуть в образование?
- есть ли идеология у государственных учреждений и возможно ли ее наличие в субъектах, формирующих законодательную

- политику?
- как и где концентрируется государственно-правовая идеология?
 - к чему приводит деидеологизация «по-полицейски»?
 - правовая идеология в классике, модерне и постмодерне;
 - как относиться к идеологии конвергенции и каково ее проявление в национальном и наднациональном правосудии?
 - необходимо ли и важно ли отечественным правоведам критически анализировать западную литературу или надо их идеи принимать безоговорочно?
 - как относиться к отечественным классикам Российской Империи и современности? и др. [15]

Наши выводы, как представляется, подтверждает Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [1]. Первое, что можно констатировать, оценивая Указ Президента, это факт признания им государственной идеологии вообще. Это своеобразная интерпретация ст. 13 Конституции РФ, которую уже давно мог бы истолковать Конституционный Суд, поскольку она постоянно вызывала неоднозначное понимание и применение. Второе, на что следует обратить внимание, это то, что идеология здесь подается под покровом политики (впоследствии она выльется в правовые акты) и касается только защиты традиционных ценностей. Таким образом, предмет правового регулирования в данном конкретном случае очерчен рамками правоохранительной деятельности. О созидании названных ценностей можно вести речь лишь постольку, поскольку вытесняются антиценности, поскольку соответствующие явления соизмеряются на предмет соответствия национальным традициям, поскольку преследуется деструктивная идеология. Оценивая природу ценностей, которые вошли в перечень защищаемых, мы понимаем, что они создаются в ходе исторического развития общества, что их невозможно внедрить в сознание людей единовременными правовыми актами. Отсюда и третье, что в последующем придется постоянно иметь в виду, идеология идеологии рознь: если есть деструктивная идеология (сокрушение ее основной мотив Указа), то,

очевидно, предполагается социально конструктивная идеология.

Сегодня часто вспоминают императора Александра III, указавшего главных союзников власти. Вспоминают не случайно, поскольку со времени военной операции они приобретают особую силу. В тексте конституции она не находит своего отражения. Между тем теоретики государства всегда видели в механизме государства так называемые «материальные придатки». Без них не может функционировать ни одна ветвь власти и государство в целом. Я не ставлю сейчас цели предложить формулировки, которыми высказываемые мысли могут найти отражение в тексте конституции. Я фиксирую частный факт конституционной роли материальных придатков, чтобы сделать общий вывод, известный уже не одну сотню лет. Политическое господство обеспечивают материальные силы*. Три из них называются в качестве определяющих: государственные финансы, государственная армия, государственная полиция. Отсюда вывод: конституция в итоге, конституция в конечном счете – это та реальная сила, которая обеспечивает суверенное функционирование государства в целом, самостоятельную работу всех частей государственного механизма и конкретных органов.

2. Является ли конституция основным законом (!!) государства или это основной закон государства и общества? От решения этого вопроса зависит характер многих норм писаной конституции и многих действий субъектов конституционных правоотношений, реальное функционирование общественных и государственных институтов. Разные конституции решали этот вопрос по-разному. Конституция СССР 1936 г. открывалась главой «Общественное устройство» и это, заметим, идеологически определяло характер общества, того пути, которому оно следует. Сегодня часто слышим недоумения в этой части по отношению к современному обществу.

Конституция – акт государства или и государства, и общества? Дискуссии приутихли, но теоретически вопрос не решен. Раздела об общественном устройстве в тексте Конституции РФ нет, но разве оно – общественное устройство – игнорируется? Нет, тем более, если конституцию не сводить к тексту. Теперь и в тексте появилась ст. 75 прим., которая восполняет имевший место пробел. Конечно, озабоченность специалистов и рядовых граждан (недоумение) по поводу того,

какое общество мы строим, не снята. Да, конституция не программный документ, а документ юридический. Но в юридическом документе обязаны зафиксировать достигнутое и уже одно это позволяет понимать природу общества и государства и, соответственно закономерностям развития, представлять то, что следует ожидать от функционирования институтов, закрепленных в качестве конституционных.

Не претендуя на бесспорность своей позиции, полагал бы необходимым применительно к современным конституциям подходить как к документам и реалиям, организующим единство общества и государства при фиксации взаимоотношений общественных и государственных институтов на основе права и закона.

Взаимоотношение общества и государства всегда было центральным вопросом конституционализма. И само появление конституции связывалось с необходимостью ограничить государство в пользу общества. Все конституционные нормы устанавливали преграды произвольному действию государственных органов. Однако применительно к современности полагаю в этом отношении односторонней укоренившуюся позицию, согласно которой именно в ограничении государственной власти состоит цель любой конституции. Отвлекаясь от национального конституционализма различных стран, рискну с учетом исторического опыта конституционного развития, констатировать необходимость пересмотра данной концепции. Для конституций XVIII в. ограничение абсолютистского государства не вызывало сомнений. Но в условиях XXI века конституционные нормы должны не в меньшей степени, чем государство, ограничивать общество и его институты**. Одновременно, с другой стороны, конституция всегда призвана содержательно открывать возможности для государственных и общественных институтов осуществлять позитивную деятельность в интересах людей.

Сегодня с полным основанием можно констатировать, что отношения между людьми так или иначе, но всегда в сфере правового регулирования. При этом время от времени появляется потребность конституционализации какой-то их части. Например, в процессе работы над Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» на конституционный

уровень подняты нормы о социальных гарантиях граждан. Во всех подобных случаях правильное решение вопросов требует понимания общеторетической проблемы сферы и пределов правового регулирования. В приведенном примере потребовался учет текущей политической и правовой ситуации. Но есть вопросы конституционализации общественных отношений стратегического плана (на относительно длительную перспективу).

3. Однако как бы мы не решали вопрос сферы государственной деятельности (ограничивая собственно государством или распространяя и на общество) ключевым был и остается общеторетический вопрос о понимании государства. Отраслевикам он не под силу. Он имеет свою политическую историю.

Относительно легко было отвечать на вопрос, когда государство мыслилось в духе Аристотеля и соединяло в себе три элемента: территорию, проживающее на ней население и власть, которая распространяется по территориальному принципу.

Сегодня понятие территории и территориальные реалии уступают место пространственным, а пространство мыслится, скорее, как информационное и, часто как виртуальное. Сегодня человек может жить где-то на Бали и голосовать на очередных выборах в тех государствах, в которых его почему-то признают гражданином. Он осуществляет конституционную деятельность, на него распространяются соответствующие конституционные нормы.

Понятие населения, как убеждаемся, тоже приобретает иное содержание. Потоки миграции имеют результатом анклавы жителей, не являющихся гражданами. Классическая теория государства и права не только отвергает признание за ними конституционных прав, но не признает даже постановку вопросов о правах. Постановка и выдвижение на первый план вопроса о правах человека трансформирует институт правосубъектности. Более того, сегодня появились экзотические убеждения, когда правосубъектность признается не только за людьми. Со своей кухонной посудой, с кочергой, браки заключаются.

Понятие власти тоже трансформируется. Есть капитальные исследования, в которых показана власть, гораздо более серьезная, чем власть государства. Власть мирового масштаба. В свое время ее обозначили марксисты, сегодня признают не

только они. А между тем, только в советской Конституции была указана роль одной из негосударственных властей, причем указана в качестве руководящей и направляющей. Сегодня о таких властях текстуально умалчивается. Едва ли не всеми признается так называемое «глубинное государство», но оно не находит закрепления в конституционных текстах. А под его напором трещат писанные нормы законодательства.

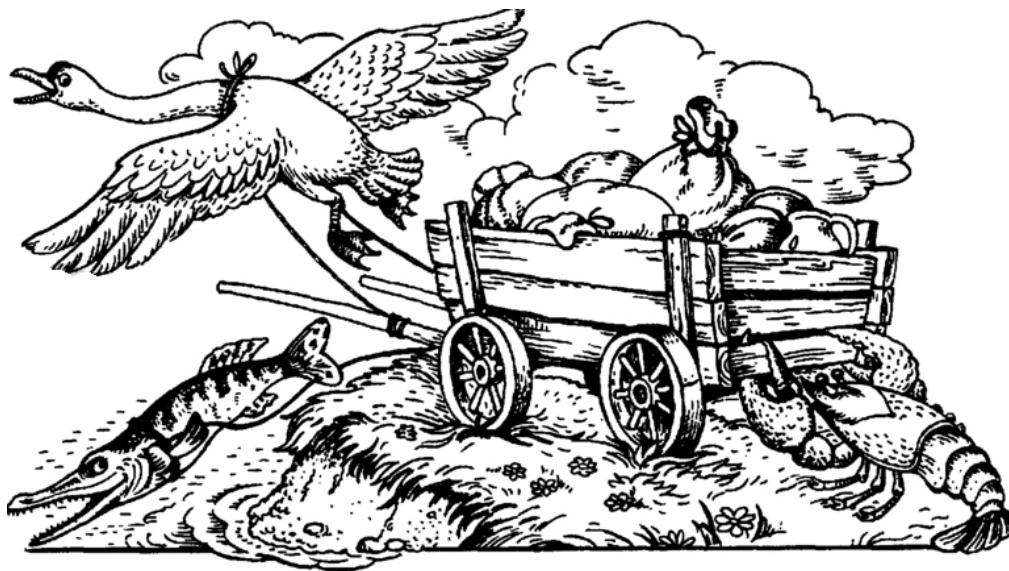
4. Необходимость власти, властного начала в организации общественной жизни общепризнана. Анархистские идеи, если и получают какое-то признание, то только как реакция на непомерное возвышение государственной власти (на государственный произвол). В принципе ограничение ее оправдано, как и разумное ограничение любой другой власти*³. Долгое время по отношению к власти коренным вопросом остается вопрос делить ее или не делить. Между тем с позиций общей теории государства он ставится не вполне корректно. Власть можно делить между силами, которые боролись за нее и овладели ей. Например, делили власть между дворянством и буржуазией. В революционной неконституционной деятельности власть захватывается победителем и только крохи ее могут бросить побежденным. При равновесии сил можно ожидать определенного компромисса, в результате которого противоборствующие силы «поделят» власть.

Теоретические изъяны концепции разделения властей в России попытались компенсировать за счет практической ориентации на Договоры

о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами и органами субъектов Федерации. Похоже и здесь мало что получилось по причине недостаточной теоретической проработанности. Все указанные договоры должны были соответствовать Конституции Российской Федерации, которая исключила любое ограничение либо разделение суверенитета Российской Федерации.

Теоретики объединяют государственные органы в три власти: законодательную, исполнительную и судебную. Государство не способно нормально функционировать, если между властями нет единства. Воз, как известно, остается на месте, коль лебедь рвется в облака, рак пятится назад, а щука тянет в воду. Единство целей, согласие и единство усилий просится, хотя при этом разделено, кому хлопать крыльями, кому цепляться клешнями, кому работать плавниками. Особый разговор должен вестись о единстве властей в федеративном государстве, но и там в принципе существует единство всех властей, которое обеспечивается разделением компетенции и возможностью обжалования любых решений в порядке, установленном законом.

5. Традиционно с конституцией связывают демократические формы правления, демократический политический режим и демократическое государственное устройство – федерацию. И трудно сегодня назвать борющуюся за власть силу, которая бы публично отвергала демократию. В то же время есть противники

Лебедь, Щука и Рак. Басня И.А.Крылова, 1814.

парламентаризма, есть сторонники унитарного государства, сторонники жесткого режима осуществления власти. Наблюдается своего рода лицемерие по отношению к демократии.

Между тем мыслители разного времени констатировали негативные следствия демократической формы правления и демократического политического режима (достаточно указать Сократа и Алексиса де Токвиля). Реальные итоги политической борьбы также оказывались часто не в пользу демократии. Сегодня решение вопросов по большинству голосов подвержено сомнению и сокрушению, а права меньшинства приобретают решающее значение. Демократия рушится в США – самой классически демократической стране.

Представляется, что только общетеоретический, политуценческий анализ ситуации в конкретной стране конкретного периода ее развития позволяет идеологически и текстуально фиксировать необходимость возведения демократии на конституционный уровень.

При этом, независимо от того, подходим ли мы к оценке конституции и конституционной деятельности с легистских позиций или придерживаемся социологических взглядов, институт (явление) демократии в реальной политической борьбе оказывается в центре этих оценок. Так либералы, вопреки всякой логике, расценивали предлагаемые поправки в тексте российской Конституции как посягательство на демократию, как конституционный переворот. В действительности никакого переворота, никакой измены существующему государственному строю нет. Напротив, есть только усиление его. По общему признанию (не исключая и либералов) Россия по Конституции 1993 г. является президентской республикой. Переворот был бы, если бы вдруг предлагался переход к республике парламентской. Но ни в заявлениях правящей элиты, ни в поправках, движения в этом направлении не было. Скорее, наоборот, Президент не один раз подверг сомнению парламентскую форму правления для России.

Особый вопрос – как относиться к сильной власти действующего Президента РФ. Свое позитивное отношение я уже имел возможность высказать в статье «Оценивать рационально и конкретно-исторически» [12].

В науке общая теория государства и права содержит посыл оценивать демократию во всем богатстве ее содержания, принимая во внимание

в том числе и те негативные обстоятельства, которые она влечет: дороговизну ее институтов, не оперативность принятия решений, рост правонарушений и пр. Многие факты свидетельствуют о перекосах в нашей жизни, когда права гражданина превозносятся в ущерб лежащим на каждом гражданине обязанностям. Разумеется, и на государстве лежат обязанности, а на сильном должны лежать еще более значительные. Позитивная конституционная ответственность сильного президента возрастает в большой степени (не случайно в рабочей группе, готовившей поправки, предлагалось закрепить эту позицию буквально). В США и в Европе могли критиковать состояние прав и свобод граждан в КНР, но не является ли убедительным ответом критикам выход Китая на первые позиции в экономике или, что сегодня оказалось вдруг актуально, – в решении проблемы с вирусом?

6. Без обращения к общей теории государства и права нельзя решать вопросы федеративного устройства. Наиболее актуальными здесь оказываются вопросы признаков государства и, в частности, проблема суверенности членов федерации. Суверенитет сопрягается с легитимностью государства. Если государство (государственная власть) не легитимно, мы вправе подвергать сомнению его претензии на суверенитет. И наоборот: если государство не суверенно, зависимо от другой власти, мы обязаны усомниться в его легитимности.

Полнокровно признаком легитимности и суверенности обладает государство, чья власть в аспекте независимости имеет свою пространственную сферу, в которой оказываются лица, имущество и иные объекты прав. По отношению к федерации сомнение не возникает. Мы должны признать, что оно имеет все три элемента государства (в классическом или современном виде). Оно обладает неперменным признаком самостоятельности по отношению к членам федерации, имеет полномочия устанавливать систему власти, единую для данного государства. К такому выводу склоняют конституционные реалии. Но являются ли государствами члены федерации? Положительный ответ в тех или других формулировках находим в официальных актах, сопровождавших возникновение и развитие Татарстана, в научных трудах казанских ученых [2; 5; 8; 14; 17; 18; 19].

Однозначного ответа нет. Ответы могут

разниться в зависимости от того, какую конституцию избираем в качестве основания: письменную, реальную или идеальную. Но в интересах устойчивого развития, в интересах исключения напряженности и достижения долговременного национального согласия всякое официальное решение требует привлечения общетеоретического знания и следования научному знанию.

Приведу хороший пример. В перестроечные годы обострилось противостояние сторонников радикальной самостоятельности республики Татарстан и тех, кто отстаивал ее положение в составе России на правах автономии. Две противоборствующие концепции заняли некое равновесное, и на некоторое время взаимоустойчивое, положение благодаря принятию статьи 61 Конституции РФ: «Республика Татарстан – суверенное государство, субъект международного права, ассоциированное с Российской Федерацией – Россией на основе Договора о взаимном делегировании полномочий и предметов ведения».

Формулировку об ассоциированном членстве в федерации предложил специалист в области международного права В. Лихачев «на основе опыта межгосударственных отношений». Но при этом замалчивалось, что это опыт вовлечения в объединения государств, освободившихся от колониальной зависимости, что ассоциированное членство вводит ограничения для его обладателя, прилагательное «ассоциированный» оказывается синонимичным таким понятиям как «неполноправный», «в порядке апробации», «невысокой ступени». Ассоциированное членство играет вспомогательную или непрофильную роль, из-за чего имеет лимитированные права.

Конституция РФ, конечно, исходила из другого. На первом месте стояло главное – Татарстан суверенный субъект международного права, а с Россией он объединяется лишь постольку, поскольку, соглашается сотрудничать с ней на основе договора.

Надо признать позитивное значение того конституционного регулирования. Оно предотвратило трагическое противостояние. Но на зыбкой почве временного (не глубинного) политического компромисса, приведшего к тотальной декларативности и фасадности в конституционном закреплении форм государственного строительства, нельзя цементировать общее здание российской государственности. Заложенную

в приведенном конституционном тексте мину пришлось разминировать в Конституционном Суде РФ [3]. В итоге сошлись на том, что Конституция Российской Федерации не допускает какого-либо иного носителя суверенитета и источника власти, помимо многонационального народа России, и, следовательно, не предполагает какого-либо иного государственного суверенитета, помимо суверенитета Российской Федерации. Суверенитет Российской Федерации, в силу Конституции Российской Федерации, исключает существование двух уровней суверенных властей, находящихся в единой системе государственной власти, которые обладали бы верховенством и независимостью, т.е. не допускает суверенитета ни республик, ни иных субъектов Российской Федерации*⁴.

Иногда кажется, что текстуальная запись о нерушимости суверенитета используется политиками как красная тряпка на испанской корриде. И всякий погибает, кто эмоционально, реагирует на тот или другой знак, вместо делового решения вопросов на рациональной основе применительно к условиям места и времени. История знает имена, которые успешно решали государственные дела и в центре, и на местах, избегая убийственного противостояния.

Радикальное единство всех национально-государственных интересов, как представляется, обеспечило бы соответствующее толкование (пересмотр) ст. 68 Конституции РФ, в которой говорится о русском языке, как о языке государствообразующего народа. Государство «Российская Федерация» образуют разные народы. Даже в историческом плане Россию образовывали (часто через войны) многие народы. Не говоря уже об СССР, который текстуально образовывали, как известно, народы, входящие в 4 республики. Государственным языком избирается Русский язык, как язык межнационального общения и государственного единства.

7. Ни одна из отраслевых наук не может отразить в конституционной деятельности личностное начало. Между тем, если конституции понимаются как реальное соотношение политических сил, как реальные отношения этих сил, то, рано или поздно, на первый план в анализе конституции выступает деятельность определенных лиц. Конечно, на их деятельности сказывается (часто определяющим образом) действие экономических, политических, культурологических и иных

факторов, которые так или иначе обуславливают или в той или иной степени влияют на конституционное развитие. Но пока никто не написал об экзистенциальном факторе, хотя конституционные акты почти всегда связывались с жизнью той или другой личности. Экзистенция (от лат. *existo* – существую) – понятие философии, выражающее один из аспектов бытия – наличное бытие, существование [13]. Более развернуто: «...существование, лат. *exsistentia*, от глагола *ex-sisto*, *ex-sistere* – выступать, выходить, обнаруживать себя, существовать, возникать, показываться, становиться, делаться» [9]. Или более близко к теме: «Понятие, обозначающее способ существования личности, посредством которого человек обретает неповторимую уникальность и индивидуальность, проявляющуюся в специфических эмоциональных состояниях и переживаниях» [20].

Есть много других определений, но здесь важно подчеркнуть рассмотрение экзистенции как уникальной и неповторимой индивидуальности, что актуализирует такой общий вопрос, как роль личности в истории, а вместе с тем и все частные вопросы о роли личности, каковым является и поставленный нами – роль личности в конституционном обустройстве России. С осознанием некоторой условности, своего рода образности, содержание явления экзистенции можно перенести на бытие всего, что одухотворено человеческим участием, связано с непосредственной деятельностью человека.

Классическая наука не входила в анализ экзистенции (отечественная юридическая не знает этого явления до сих пор). Но весьма обстоятельно исследовалась роль личности в истории и в этом контексте экзистенциальное начало отражалось в постановке, например, таких вопросов, как формирование личности, условия ее жизнедеятельности, взгляды и т.д. Исследование их возлагается преимущественно на историческую

науку. Однако, если объектом становится конституционная деятельность действующих руководителей государства, если ставится задача выбора конституционного проекта из числа предложенных, нельзя все отдавать на откуп истории. Выводы общей теории и теории конституционного права должны учитывать проявление экзистенциального начала.

Итак, подводя итоги, скажем: общая теория государства и права:

- 1) подчеркивает единство государства и права;
- 2) обязывает рассматривать государство прежде всего в рамках национальной правовой системы;
- 3) не ограничивает научный анализ этой системы легистскими ценностями и выводит на широкий социологический подход, отражающий жизненные потребности современности.

Общая теория государства и права способна видеть право за пределами парламентских актов. Она не сводит конституцию к текстам, хотя формализованное легистское понятие конституции (как основного закона) может иметь при известных условиях первостепенное значение. В соответствии с социологическим подходом к праву (он по определению не может быть исключен из общей теории), конституция – сами фактические отношения, отражающие реальное соотношение политических сил. А, в соответствии с психологической (феноменалистской) теорией права (составляющей общей теории) конституция является совокупностью (синтезом) требований, формируемых переживаниями реального мира в сознании и подсознании отдельных индивидов и их общностей. Это те требования, которые, в качестве идеологических и правовых, претендуют воплотиться в реальное поведение, в писанные законодательные нормы и юридическую практику.

Примечания

* Известный в мире публицистики Владимир Пастухов не без иронии и не без горечи заметил, что в России приверженцы идеи либерализма и конституционализма творили Конституцию, прислушиваясь к грохоту танковых орудий. «Все, что происходило на поле конституционализма в России потом, нельзя назвать иначе, как конституционной алхимией. ...Конституция не возникает из вакуума, даже если этот вакуум проголосовал за нее на референдуме» [16]. С публицистом можно и нужно вести научную полемику. Внесение изменений в текст Закона о поправке дает для этого основу, но неизменность статей соответствующих глав не позволяет полностью исключить алхимию их применения.

- ** Отдельными правовыми актами такие цели реализуются. Например, 31 января 1992 года Президент Татарстана М. Шаймиев издал указ «Об упорядочении деятельности общественных объединений» [4].
- *³ Нам важно подчеркнуть с научной точки зрения нечто «звериное» в обществе, которому противостоит «цивилизованное» в лице государства («...и чтоб не стать под стать волкам, герр Пуффендорф и Федер нам подносят как лекарство – сплотитесь в государство» Шиллер). Разумеется, мы знаем как по жизни все менялось с точностью до наоборот. Революции поглотили не одно государство. Государство – дитя общества. Но глядя на картины Гойи и Рубенса, мы содрогаясь от того, как властитель по-звериному, борясь потери власти, пожирает своих детей. Поэтому остается надеяться на естественные усилия по-умному, рационально и прагматически, ограничивать всякую власть (общественную или (и) государственную) в интересах правового порядка.
- *⁴ Проблема суверенитета политизирована и это находит отражение в текстах специальных норм. Но действующая писаная Конституция РФ содержит нормы, которые позволяют членам федерации вполне самостоятельно решать самые разные вопросы. Ст. 73, например, дает полное основание самостоятельно определяться с учреждением своего конституционного суда. Дискуссии могли вестись только по причинам экономической целесообразности, но главенствовать в них должны были интересы и права граждан.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019>
2. Договор Российской Федерации и Республики Татарстан «О разграничении предметов ведения и взаимном

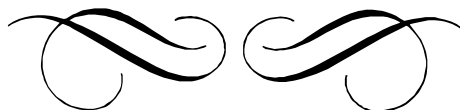

«Сатурн, пожирающий своего сына».
Франсиско Гойя, 1819 – 1823.

«Сатурн, пожирающий своего сына», Рубенс, 1636–1638.

- делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан» (Москва, 26 июня 2007 г.) // <https://tatarstan.ru/documents/polnomochia.htm>
3. Определение Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 92-О «По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке соответствия Конституции Российской Федерации отдельных положений конституций Республики Адыгея, Республики Башкортостан, Республики Ингушетия, Республики Коми, Республики Северная Осетия – Алания и Республики Татарстан» // <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-27062000-n/>
 4. Указ Президента Республики Татарстан от 31 января 1992 г. № УП-49 «Об упорядочении деятельности общественных объединений» // <https://docs.cntd.ru/document/917003590>
 5. Проект Конституции Татарской республики в редакции от 9 января 1926 г. // <https://yandex.ru/search/?text=Проект+Конституции+Татарской+республики+в+редакции+от+9+января+1926+г.&lr=969&site=gossov.tatarstan.ru>
 6. Бондарь Н.С. Социоисторический динамизм Конституции – без переписывания конституционного текста // Журнал конституционного правосудия. – 2014. – № 2(238). – С. 22-34.
 7. Железнов Б.Л. АССР – высшая форма Советской автономии. – Казань: Казанский университет, 1984. – 144 с.
 8. Железнов Б.Л. К вопросу о суверенитете и гражданстве республик России // Научный Татарстан. – 2010. – № 1. – С. 134-138.
 9. История философии. Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов. – Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом. 2002. – 1376 с. – (Мир энциклопедий).
 10. Каримов А.М. Компетенция высших органов власти автономной республики : (по материалам Татарской АССР) / Науч. ред. С.Г. Батыев. – Казань: Казанский университет, 1975. – 144 с.
 11. Лазарев В.В. Закон о поправке к Конституции Российской Федерации в развитии качества правовой среды // Московский юридический форум онлайн-2020: Сборник тезисов докладов: в 4 ч. Ч. 1. – М.: РГ-Пресс, 2020. – С. 6
 12. Лазарев В.В. Оценивать рационально и конкретно-исторически. Комментарий к Закону о поправках в Конституцию РФ // Адвокатская газета. – 2020. – 17 марта.
 13. Левин В.И. Философия, логика и методология науки. Толковый словарь понятий – Пенза : Пензенская государственная технологическая академия, 2010. – 66 с.
 14. Мухаметшин Ф.Х. Федеративные отношения как фактор социально-политического развития республики- субъекта Российской Федерации: Автореф дис. ... докт. полит. наук. – М., 2001. – 50 с.
 15. От редакции. О дискуссии, вызванной статьей-презентацией доктора юридических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации В.В. Лазарева «Идеологическое сопровождение современного правосудия» // Мир политики и социологии. – 2019. – № 10. – С. 11-34.
 16. Пастухов В. Стоила ли конституция мессы // «Polit.ua». – 2013. – 03 октября.
 17. Правовой статус Республики Татарстан / Б.Л. Железнов, Г.Р. Хабибуллина, Р.Т. Биктагиров и др.; науч. ред. В.Н. Лихачев, Б.Л. Железнов; Кафедра государственного и международного права Казанского гос. ун-та. – Казань: Татарское книжное изд-во, 1996. – 204, [1] с.
 18. Развитие парламентаризма, государственности и демократии в Республике Татарстан: Материалы республиканской научно-практической конференции (4 апреля 2005 г., Казань). – Казань: Центр инновационных технологий, 2005. – 61 с.
 19. Республика в системе российского федерализма: Монография / [И. Г. Горбачев и др. ; сост. и науч. ред. Б.Л. Железнов. – Казань: Казанский государственный ун-т, 2010. – 147, [1] с.
 20. <https://terme.ru/slovari/tematicheskii-filosofskii-slovar.html>

КРИЖАНОВСКАЯ Галина Николаевна,
доцент кафедры теории и истории государства
и права Санкт-Петербургского военного ордена
Жукова института войск национальной гвардии
Российской Федерации, кандидат исторических
наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: imyarec@list.ru

ХАБИБУЛИНА Наталья Ивановна,
профессор кафедры истории государства и права
Российского государственного университета пра-
восудия. доктор юридических наук, профессор
(г. Москва, Россия)

Специальность 5.1.1. – Теоретико-исторические
правовые науки

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ ФЕВРАЛЯ–МАРТА 1917 г.: ПОСЛЕДСТВИЯ И УРОКИ

***Аннотация.** Проанализированы тексты Высочайшего Манифеста от 20 июля (1 августа) 1914 г. о вступлении России в войну, Воззваний Верховного главнокомандующего Великого Князя Николая Николаевича к полякам и русскому народу, письма и воспоминания императрицы Александры Федоровны, Великих Княжон Романовых и их ближайшего окружения как источники по истории Первой Мировой войны и революции 1917 г. Предпринята попытка провести сравнительный анализ геополитической ситуации в современном мире и в начале XX века и извлечь исторические уроки.*

***Ключевые слова:** Первая Мировая война; революция 1917 г.; государственный переворот; отречение Николая II; информационная война; медицинское обслуживание; благотворительность; Комитет Великой Княжны Ольги; Комитет Великой Княжны Татьяны; ссылка в Тобольск; Дом особого назначения.*

**KRIZHANOVSKAYA G.N.
KHABIBULINA N.I.**

THE FIRST WORLD WAR AND THE COUP D'ETAT OF FEBRUARY–MARCH 1917: CONSEQUENCES AND LESSONS

***The summary.** The article analyzes the texts of the Supreme Manifesto of July 20 (August 1), 1914 on Russia's entry into the war, Appeals of the Supreme Commander Grand Duke Nikolai Nikolaevich to the Poles and the Russian people, letters and memoirs of Empress Alexandra Feodorovna, the Grand Duchesses of the Romanovs and their inner circle as sources on the history of the First World War and the Revolution of 1917. An attempt has been made to conduct a comparative analysis of the geopolitical situation in the modern world and at the beginning of the twentieth century and to draw historical lessons.*

***Key words:** World War I; revolution of 1917; coup d'etat; abdication of Nicholas II; information war; medical care; charity; Grand Duchess Olga's Committee; Grand Duchess Tatiana's Committee; exile to Tobolsk; Special Purpose House.*

В 1914 г. Российская империя вступила в Первую Мировую войну.

В Высочайшем Манифесте от 20 июля (1 августа) 1914 г. говорилось о том, что Россия, будучи единой «по вере и крови» со славянскими народами, никогда не была равнодушна к их судьбе, в силу чего и в данной ситуации выступит в защиту Сербии [24]. Прошло более ста лет, но и сейчас, и тогда глава нашего государства, выступая с заявлениями, вынужден констатировать, что игнорирование миролюбивых инициатив России западными партнерами вынуждает нас предпринимать более решительные шаги. Объясняя свое решение вступить в войну в 1914 г., император Николай II включил в Высочайший Манифест актуальные и в наши дни слова: «Ныне предстоит уже не только заступаться за несправедливо обиженную, родственную Нам страну, но оградить честь, достоинство, целостность России и положение её среди Великих Держав» [24]. Очевидно, что история циклична, ее тщательное изучение и извлечение уроков может предотвратить катастрофы мирового масштаба.

Первая Мировая война 1914–1918 гг. стала тяжелым испытанием для всех стран, вступивших в нее, а для государственности России и Германии она была фатальна. И это первый урок, который мировое сообщество должно усвоить. В начале XX века европейским державам следовало серьезно отнестись к мирным инициативам, исходившим от Российской империи на Гаагских конференциях, ведя переговоры, не забывать и о родственных связях, объединявших правящие дома Европы, «сделать ставку» на мирное разрешение геополитических проблем.

Не менее важные выводы должна сделать для себя и Россия. Победа в войне достигается не только силой оружия. Вера в ее справедливость, понимание необходимости шагов, предпринимаемых главой государства для обеспечения суверенитета страны, сплочение народа, поддержание боевого духа как на фронте, так и в тылу – вот необходимые слагаемые успеха [9; 25; 26; 30].

Стоит сказать, что в начале Первой Мировой войны и император, и Верховный главнокомандующий пытались обосновать необходимость вступления Российской империи в войну и сплотить народ. В воззваниях Верховного главнокомандующего Великого Князя Николая Николаевича к полякам и русскому народу, опубликованных 2 августа 1914 г. обозначались далекоидущие цели

данной войны: воссоединить польские земли под властью Российской империи, земли, некогда принадлежавшие Киевской и Московской Руси и утраченные в конце XVIII в. по итогам разделов Речи Посполитой.

Высочайший манифест от 20 июля 1914 г. заканчивался призывом к нации о сплочении: «В грозный час испытания да будут забыты внутренние распри. Да укрепится еще теснее единение Царя с Его народом и да отразит Россия, поднявшаяся как один человек, дерзкий натиск врага» [24]. Не случайно в сообщении о начале войны, напечатанном в журнале «Искры», она была названа «Второй Отечественной». Это был отсыл к Отечественной войне 1812 г., победа в которой была достигнута не только благодаря грамотному руководству командиров, мужеству и героизму воинов, но и широкомасштабному партизанскому движению, и деятельности в тылу.

Начало Первой Мировой войны вызвало патриотический подъем в стране. По воспоминаниям посла Франции в России Мориса Палеолога, после выхода Государя на балкон Зимнего дворца для объявления войны, люди, заполнившие Дворцовую площадь, в едином порыве опустились на колени и исполнили гимн «Боже, Царя храни». В своем дневнике 2 августа 1914 г. Морис Палеолог записал: «В эту минуту царь для них действительно самодержец, посланный Богом, военный, политический и религиозный вождь своего народа, неограниченный владыка их душ и тел» [21].

Предполагалось, что каждый на своем месте внесет посильную лепту в борьбу с врагом. Император, императрица и их дети подавали пример служения своему народу. Во всех императорских дворцах императрица открыла госпитали, к которым были сделаны пристройки, где при необходимости могли разместиться жены или матери солдат, находившихся на излечении. Кроме того, в ряде дворцов размещались склады, снабжавшие армию бельем и перевязочными средствами.

По воспоминаниям фрейлины императрицы А. А. Вырубовой, сразу после объявления войны императорская семья переехала в Царское село. Императрица была не совсем здорова, но «забыв свои недомогания, создала пункт эвакуации, включавший в себя примерно восемьдесят пять лазаретов в окрестностях столицы. Они обслуживали порядка двадцати санитарных поездов,

Обложка журнала «Искры» с воззванием Верховного Главнокомандующего (№ 31 от 10 августа 1914 г.) [22].

названных именами императрицы и царских детей» [6]. Чтобы грамотно организовывать медицинское обслуживание и работать сестрами милосердия Государыня и Великие Княжны Ольга и Татьяна прошли курс обучения, проводивший хирургом, княжной В.И. Гедройц, на общих основаниях успешно сдали экзамен и стали работать в лазарете, созданном при Дворцовом госпитале.

По воспоминаниям начальника канцелярии Министерства императорского двора А.А. Мосолова «Все, что они не делали, было проникнуто основательностью в исполнении. Они не только несли в полном смысле слова обязанности сестер милосердия, но и с большим умением ассистировали при сложных операциях

Выход Его Императорского Величества Государя Императора на балкон Зимнего дворца к народу после молебствия 20-го июля 1914 г. Фотооткрытка. 1914 г. [22].

День объявления войны Государем Императором 20 июля 1914 г. в Зимнем дворце. Фотооткрытка, изданная фотопечатной А.И. Центер в Петербурге и надписанная 22 июля (3 августа) 1914 г. [22].

[20].

В то время как 19-летняя Ольга и 17-летняя Татьяна перевязывали раненых, принимали на операциях ампутированные конечности, 15-летняя Мария и 13-летняя Анастасия готовили для раненых перевязочные материалы, навещали их, беседовали, давали концерты, писали по их просьбе письма родным. Великая Княжна Анастасия записала в своем альбоме: «Сегодня я сидела рядом с нашим солдатом и учила его читать. Ему это очень нравится. Он стал учиться читать и писать здесь, в госпитале. Двое несчастных умерли, а еще вчера мы сидели с ними» [1]. Эти встречи воодушевляли бойцов. После выздоровления многие солдаты писали письма княжнам. Вот цитаты из писем Великой

Высочайший Манифест от 20 июля 1914 г. о вступлении России в войну. Обложка журнала «Искры» с сообщением о начале войны (№ 29 от 27 июля 1914 г.) [22].

Княжны Анастасии отцу: «...Потом мы поехали в Дворцовый госпиталь большой; Мама и сестры перевязывали, а я и Мария ходили ко всем раненым, с каждым говорили, один мне показал очень большой осколок от шрапнели, вынули ему из ноги, и тяжелый кусок. Все говорили, что хотят вернуться отплатить врагу! Я получила письмо от солдата» [7].

Уже в первые дни войны Александра Федоровна приняла решение о сокращении семейного бюджета. Например, новые платья для себя и дочерей перестала заказывать. Освободившиеся в результате экономии деньги были направлены на нужды благотворительности. Сама же императрица и Великие Княжны носили платья сестер милосердия, которые чинили сами себе при необходимости.

Помимо работы в лазаретах и госпиталях царская семья развернула широкую благотворительную деятельность. Великие Княжны Ольга и Татьяна организовали и возглавили комитеты, состоявшие из государственных и общественных деятелей, в которых, по словам А. А. Мосолова,

«очень разумно и толково работали и председательствовали» [20]. Императрица старалась предоставить Великим Княжнам в этом вопросе максимальную свободу. В письме Николаю II 20 сентября 1914 г. она писала: «Полезно предоставлять девочкам возможность работать самостоятельно, их притом ближе узнают, а они научатся приносить пользу» [23, стр. 6].

Комитет Великой Княжны Ольги Николаевны осуществлял помощь семьям фронтовиков и увечных воинов, а комитет Великой Княжны Татьяны Николаевны был создан для помощи беженцам. В его задачи входило оказывать всяческую помощь, людям, попавшим из-за военных действий в тяжелое положение, где бы они не находились. Членами комитета осуществлялась помощь беженцам в возвращении на Родину, поиске работы для трудоспособных. Нетрудоспособных комитет помещал в приюты. Кроме того, на средства принятых пожертвований беженцам оказывалась материальная помощь.

От имени Её Императорского Высочества Великой Княжны Татьяны 9 ноября 1915 г. было

Великие княжны Мария и Анастасия с ранеными [32]

Великие княжны Ольга и Татьяна с ранеными [32]

13-летняя Анастасия за работой

Императрица Александра Федоровна, Великие Княжны Ольга и Татьяна, фрейлина Императрицы Анна Танеева (Вырубова)

опубликовано Обращение, в котором она говорила: «Война разорила и рассеяла миллионы наших мирных жителей: несчастные беженцы – бездомные и голодные – ищут пропитание. Правительство, общественные и национальные установления, частные благотворители и Мой Комитет помогают беженцам, но нужда их так громадна, что покрыть её под силу лишь всему народу. Прошу вас, добрые люди, согрейте беженца духовно и телесно и утешьте его сознанием, что понято вами безысходное горе его... Татьяна» (Матф. XXV, 35) [13].

Несмотря на всю благотворительную деятельность императрицы и ее дочерей, в общественном

сознании пропаганда рисовала образ немки-предательницы и неверной жены, вовлекший в непозволительные отношения с Г. Распутиным и Великих Княжон. Все это для дискредитации власти широко публиковалось в газетах, при этом оппозиционная пресса использовала право на свободу печати, дарованное Указом от 12 декабря 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» и Основными

Великая княжна Татьяна

государственными законами от 23 апреля 1906 г. [16, стр. 107-108] и не ограниченное в период военных действий.

Неэффективность цензуры позволила революционному движению с помощью пропаганды открыть «внутренний фронт» – информационный с целью использовать чрезвычайную ситуацию для разрушения российской государственности. Отчасти эта цель соответствовала социалистическим идеалам, вела к построению, по их мнению, справедливого бесклассового общества. С другой стороны, вся эта деятельность была выгодна врагам Российской империи, уже использовавшим военный потенциал России для спасения Европы и теперь не желавшим ее видеть в числе стран победительниц. По мнению Н.Д. Литвинова, государственный переворот февраля-марта 1917 г. в России была завершающим этапом деятельности западных стран по разрушению государственности Российской империи [18].

Здесь можно подчеркнуть, что и сегодня пятая колонна существует в нашем Отечестве,

и все делает для того, чтобы опорочить политику современной России по защите русского мира, в том числе и в контексте проводимой Специальной военной операции по защите Донбасса. Им чужды судьба России и наши национальные ценности [12; 19; 27; 28; 29]. Они в центре гибридной войны против нашей Родины [2; 3; 4].

В период Первой мировой войны враги государства на фронт все чаще направляли агитаторов от революционных партий, объяснявших солдатам «антинародный» характер войны и призывавших российских солдат к дезертирству и «братанию» с немецкими солдатами. Несмотря на внесенные 14 ноября 1914 г. изменения в Воинский устав о наказаниях 1869 г., согласно которым подстрекательство к неповиновению, сопротивлению начальству или восстанию, а также уклонение от несения воинской службы с помощью симуляции, болезни или другого обмана, а также дезертирство каралось лишением всех прав состояния, срочной или бессрочной ссылкой или смертной казнью, революционная пропаганда достигала своих целей. Информационная война была проиграна правительством Николая II. Разрыв между царем и его подданными, достигнутый в том числе и при помощи агитации и пропаганды, становился все более непреодолимым. И это еще один наглядный урок истории.

Среди политической элиты Российской империи, членов Государственной Думы и императорской семьи росло недовольство императором. Обстановка в стране накалилась. В феврале 1917 г. вдовствующая императрица Мария Федоровна и Великий Князь Александр Михайлович отмечали безысходность ситуации, указывая на недопустимость сложившегося положения в разгар войны. Однако Император и императрица недооценивали существовавшее положение дел [10, стр. 38; 14].

Все это привело к тому, что 2 марта 1917 г. император, не найдя поддержки в лице командующих фронтами, веря, что это поможет сплотить народ во имя победы, отрекся от престола, был арестован и препровожден в Царское Село, к семье, где его ждали супруга и больные корью дети [17]. 3 марта 1917 г. Великая княжна Мария, будучи под домашним арестом, написала отцу сдержанное и теплое письмо. «Дорогой и любимый Папа! Я – всегда с тобой в моих мыслях

и молитвах. Сестры все еще лежат в темной комнате. Сегодня мы очищали пули от олова и были очень довольны. Я провожу почти все дни с Мама, потому что теперь только я одна здорова и могу ходить. Я также сплю с ней в одной комнате, чтобы быть близко на случай, если ей что-то понадобится. Дорогой, любимый Папа, все мы сердечно тебя обнимаем и целуем. Храни тебя Бог. Твои дети» [8].

Александровский дворец в Царском селе был оцеплен солдатами, верными присяге, желавшими защитить царскую семью. Чтобы не допустить кровопролития и ободрить солдат, императрица, в одежде сестры милосердия в сопровождении Великой Княжны Марии обошла оцепление. Вот что вспоминала баронесса С. К. Буксгевден: «Фигуры императрицы и ее дочери как тени переходили от одной линии к другой, позади призрачной громадой возвышался дворец, а беспорядочная стрельба была все ближе» [5, стр. 540].

А вот записки А. А. Вырубовой: «Они переходили от одного солдата к другому: величественная статная женщина и храбрая юная девушка, глядя прямо в глаза смертельной опасности, находя для каждого слова ободрения, простого доверия и надежды. Может быть, полки ушли бы в эту ночь, если бы не Государыня и ее храбрая дочь, которые до двенадцати часов обходили солдат» [6].

Находясь под арестом в Александровском дворце и в ссылке на Урале, Великие Княжны общались с солдатами охраны. В своих воспоминаниях генерал М. К. Дитерихс отмечал, что в ходе прогулок в парке Царского Села после ареста Великая Княжна Мария, общаясь с солдатами, прекрасно помнила, как зовут их жен и сколько у них детей. Во время ареста ей удалось расположить к себе даже комиссаров, а в Екатеринбурге охранники-рабочие обучали ее готовить лепешки из муки без дрожжей [10]. Один из солдат охраны в день рождения Великой Княжны Марии пытался принести ей именинный торт, но патруль ему не позволил.

В августе 1917 г. императорскую семью перевезли в Тобольск. Для проживания им выделили старый губернаторский дом. Сестер поселили в угловой спальне на втором этаже. Спали девушки на армейских койках, привезенных из Александровского дворца. Семья старалась жить обычной жизнью: дети учились, гуляли,

посещали церковные службы, устраивали домашние спектакли. Зимой катались на собственноручно построенной горке. Анастасия и Татьяна запасали дрова с отцом и очищали дорожки от снега. «Мы стараемся больше быть на воздухе, – писала Анастасия тете, Великой Княгине Ксении Александровне. С горы больше не катаемся, так как ее испортили, прокопав поперек канаву, чтобы мы не ездили, ну и пусть; кажется, на этом пока успокоились. Ужасно глупо и слабо, правда? Ну а мы нашли теперь себе новое занятие: пилим, рубим и колем дрова, это полезно и очень весело, чистим дорожки и подъезд. Этим мы многим помогаем, а нам весело» [7].

Мария, не понимая степени опасности, нависшей над ними, думала, что готова долго и счастливо жить в Тобольске, если у нее будет возможность гулять свободно по городу. Вот что она писала из Тобольска Зинаиде Толстой: «Мы живем тихо, гуляем два раза в день. Погода стоит хорошая. Сейчас все сидим у себя в комнате. Сестры тоже пишут, собаки бегают и просятся на колени. Часто вспоминаю Царское Село и веселые концерты в лазарете, прогулки в Павловск и Ваш маленький экипаж, утренние проезды мимо Вашего дома. Как все это, кажется, давно было. Правда?» [8].

Из Тобольска Николая II, императрицу и Великую Княжну Марию перевезли в Екатеринбург. Остальные члены семьи были оставлены в Тобольске. Великая Княжна Ольга должна была ухаживать за больным Алексеем, а Великая Княжна Татьяна занималась домашним хозяйством.

Тобольский комендант полковник Е.С. Кобылинский вспоминал об этом времени: «Когда Государь с Государыней уехали, никто как-то не заметил старшинства Ольги Николаевны. Что нужно, всегда шли к Татьяне: «Как Татьяна Николаевна скажет». Это была девушка прямой, честной и чистой натуры, в ней отмечалась склонность к установлению порядка и сильно развитое чувство долга» [31].

Из Екатеринбурга Мария писала сестрам: «Скучаем по тихой и спокойной жизни в Тобольске. Здесь почти ежедневно неприятные сюрпризы. Только что были члены областного Комитета и спросили каждого из нас сколько кто имеет с собой денег. Мы должны были расписаться. Так как вы знаете, что у Папы и Мамы с собой нет ни копейки, то они подписали

Император Николай II и Великая Княжна Татьяна в Тобольске. Апрель 1918 г.

«ничего», а я 16 рублей 75 копеек, которые Анастасия мне дала с собой в дорогу. У остальных все деньги взяли в комитет на хранение, оставили каждому понемногу, выдали им расписки. Предупреждают, что мы не гарантированы от новых обысков. Кто бы мог думать, что после 14 месяцев заключения так с нами обращаются. Надеемся, у Вас лучше, как было и при нас» [8].

20 мая 1918 г. Ольгу, Татьяну, Алексея и сопровождавших их лиц на пароходе «Русь» перевезли в Екатеринбург. Детей закрыли в каютах, запретив вход к Алексею даже доктору.

В Екатеринбурге в «Доме особого назначения», был установлен жесткий режим. В туалет ходили под охраной, возможность мыться была ограничена. Стены уборной были исписаны циничными рисунками и надписями. Один час в день была позволена прогулка. Тем не менее семья старалась вести обычную жизнь: читали, играли в любимые игры, пели хором, занимались рукоделием, пекли хлеб, чинили одежду.

Сестрам отвели отдельную комнату. Алексей жил с отцом и матерью. Вечерами Мария играла с отцом в «безик» и «трик-трак», по очереди читала с ним вслух «Войну и мир», по очереди Александра Федоровна и сестры дежурили у постели больного Алексея.

В июне 1918 г. Мария и Анастасия отметили свои дни рождения. Марии Николаевне исполнилось девятнадцать лет, а Анастасии Николаевне – семнадцать. 15 июля в дом привезли местного священника. Вся семья и слуги исповедались и причастились. В ночь с 16 на 17 июля 1918 г. их разбудили около полуночи и повели в подвал дома, где расстреляли.

В последние годы много написано о том, можно ли было спасти царскую семью, вывезя ее за границу. Дело в том, что ни император, ни императрица, уезжать из страны не хотели. Когда полковник А. А. Мордвинов предложил Николаю

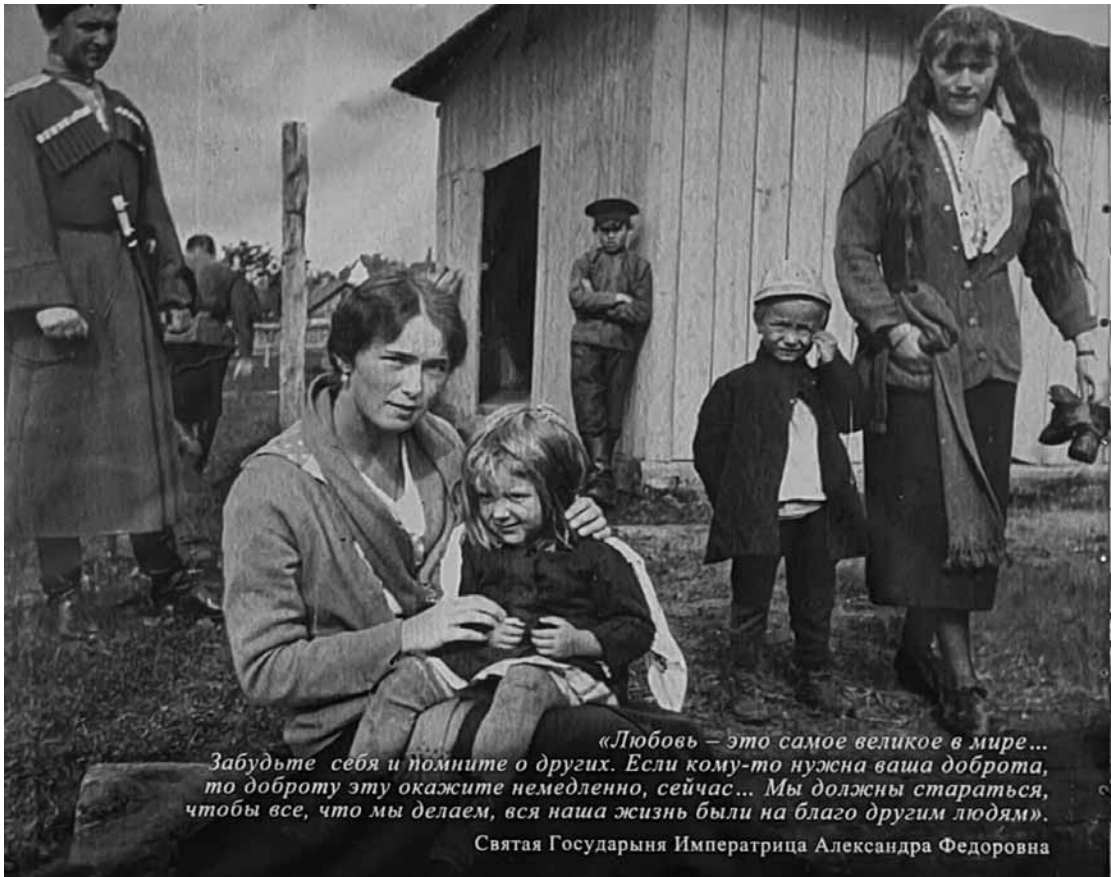
Екатеринбург. Дом Ипатьева. Открытка.
МЗ «Петергоф»

II уехать из России, он ответил: «Я не хотел бы уезжать из России, я слишком ее люблю» [32, стр. 95]. Когда государю стало известно, что по условиям Брест-Литовского договора немцы требуют, чтобы царская семья была передана им целой и невредимой, то Николай II, по словам П. Жильяра, счел это оскорблением, а не помощью, а Александра Федоровна сказала, что предпочтет умереть в России, чем быть спасенной немцами [11].

А вот что императрица писала из ссылки Анне Вырубовой: «Боже, как я свою Родину люблю! Ежедневно славлю Творца, что нас оставили здесь! Как я счастлива, что мы не за границей, а с Родиной все переживаем. Как хочется с любимым больным человеком все разделить, вместе пережить и с любовью и волнением за ним следить. Чувствовала себя слишком долго ее матерью, чтобы потерять это чувство – мы одно составляем, и делим горе и счастье. Больно нам она сделала, обидела, оклеветала и т.д., но мы ее любим все-таки глубоко» [32, стр. 96]. Будучи не русской по крови, императрица считала себя русской, была истинным патриотом, осталась со

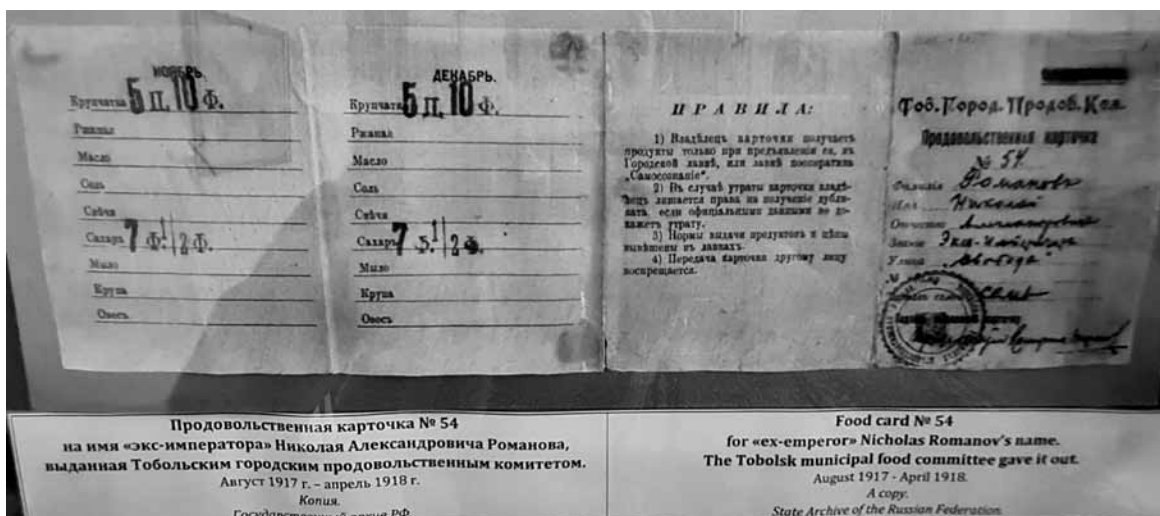

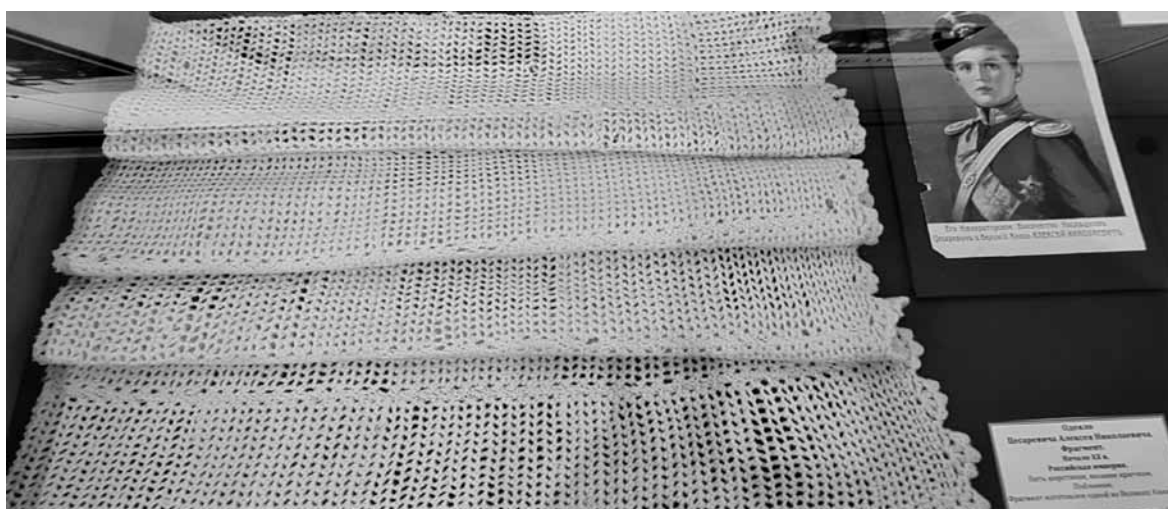
Баннер у входе в Храм на крови в Екатеринбурге
(фото из Музея Святой царской семьи в Екатеринбурге)

Остатки найденных в камине вещей, принадлежавших Великим Князям «Дома особого назначения» в Екатеринбурге: остаток зубной щетки, домино, шпилька, кусочек чашки, булавка, серебряная брошка от туфельки с алмазиками, сапожный гвоздь, серебряная иконка, кусочек сожженной ткани.

Продовольственная карточка № 54 на имя «Экс-императора» Николая Александровича Романова, выданная Тобольским продовольственным комитетом. Копия. Государственный архив РФ.

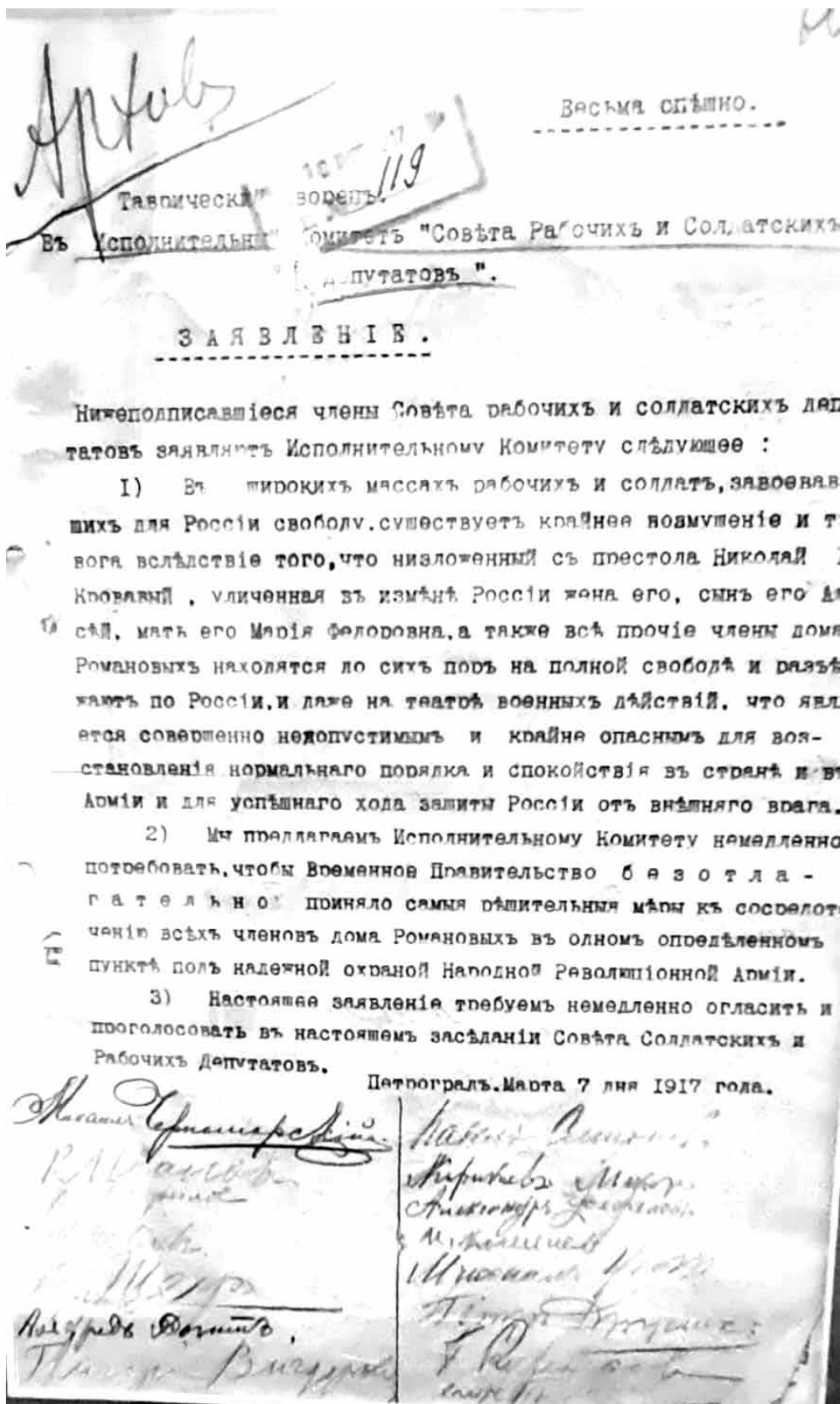
Фрагмент одеяла, связанного Великими княжнами, принадлежавшего наследнику Цесаревичу Алексею Николаевичу (фото из Музея Святой царской семьи в Екатеринбурге)

Перчатка, принадлежавшая Великой Княжне Татьяне (фото из Музея Святой царской семьи в Екатеринбурге)

Храм на крови, построенный недалеко от места расстрела царской семьи в Екатеринбурге

Телеграмма членов Совета солдатских и рабочих депутатов Исполнительному комитету с требованием арестовать царскую семью от 7 мая 1917 г. (фото из Музея Святой царской семьи в Екатеринбурге)

своей Родиной до конца.

Царская семья показала истинный пример служения своей стране, не покинув ее в самый тяжелый момент, желая вместе преодолеть трудности, выпавшие на долю России. Так же поступили многие дворяне и интеллигенция, для которых высылка из страны в 20-е гг. XX века была одним из самых тяжелых наказаний. Многие предпочли остаться в России, лишившись своих богатств и привычного уклада жизни, и работать на ее благо.

Та же часть либеральной интеллигенции, которая включилась в гибридную войну, развязанную против Российской империи, и манипулировала

сознанием народа, призывая его на борьбу с царем, сама пострадала от революции. Не сумев удержаться у власти, они попросту эмигрировали из России, не желая отвечать за последствия своей политической деятельности, приведшей к расколу общества, кровопролитной гражданской войне, отбросившей нашу экономику далеко назад.

Сейчас нам как никогда важно обратиться к истории, противодействовать ее фальсификации, транслировать исторические уроки обществу, дабы не допустить повторения трагических событий начала XX века, сохранить сильную и единую Россию.

Список литературы

1. Альбом Великой Княжны Анастасии / Отдел рукописей РГБ. Ф. 492. № 23. 227 л. (450 с.)
2. Ананских И.А., Литвинов Н.Д., Сальников М.В., Милькевич Н.Д. Западная Европа как фронт гибридной войны // Юридическая наука: история и современность. – 2020. – № 12. – С. 164-188.
3. Ананских И.А., Литвинов Н.Д., Сальников М.В., Чернявский В.С. Геополитические и территориальные аспекты гибридных войн в Российской империи // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 11. – С. 46-82.
4. Ананских И.А., Горбунова Я.П., Журавель В.П., Литвинов Н.Д., Лавров О.Л., Миронов И.К., Сальников М.В., Сальников П.П. Проблемы административно-правового обеспечения национальной безопасности России в области культуры // Юридическая наука: история и современность. – 2022. – № 5. – С. 132-176.
5. Буксгевден С. К. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, Императрицы России: воспоминания фрейлины: перевод с английского: в 3 кн. Т. 1. – М.: Лепта, 2013. – 796 с.
6. Вырубова А.А. Фрейлина Ее Величества. «Дневник» и воспоминания Анны Вырубовой // URL : <https://www.litmir.me/br/?b=271920&p=27>
7. ГАРФ. Фонд Великой княгини Анастасии Николаевны. Ф. 683. Оп. 1. 129 ед. хр.
8. ГАРФ. Фонд Великой княжны Марии Николаевны. Ф. 685. Оп. 1. 278 ед. хр.
9. Гутман М.Ю., Сальников В.П. Навеки в памяти народной (к 625-летию Куликовской битвы) // История государства и права. – 2005. – № 9. – С. 2-7.
10. Дитерихс М.К. Убийство царской семьи и членов Дома Романовых на Урале. – Владивосток: б.и., 1922.
11. Жиляр П. Император Николай II и его семья // URL: <https://azbyka.ru/fiction/imperator-nikolaj-ii-i-ego-semyaper-zhilyar/>
12. Захарцев С.И., Сальников В.П. Что отличает человека русской культуры от любого другого: философско-правовой взгляд // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 1. – С. 23-40.
13. Комитет по оказанию временной помощи пострадавшим от военных бедствий (Петербург). Памятная книжка Комитета ее императорского высочества Великой Княжны Татианы Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий: (издана к 3 мая 1915 года): приложения к памятной книжке... / Комитет по оказанию врем. помощи пострадавшим от военных бедствий. – Пг., 1915. – 193, 12 с.
14. Крижановская Г.Н. Альтернативы развития формы государственного территориального устройства Российской империи на рубеже XIX-XX веков // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 9. – С. 20-28.
15. Крижановская Г.Н. Восприятие революционных событий 1917 года российским обществом начала XX и XXI веков: историко-правовой анализ // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 3. – С. 38-44.
16. Крижановская Г.Н. Эволюция правового статуса подданных Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 11. – С. 96-108.
17. Крижановская Г.Н., Кондрат И.Н. К вопросу об оценке событий февраля и октября 1917 года с позиций теории правового государства // Правовое государство: теория и практика. – 2019. – № 1 (55). – С. 32-38.
18. Литвинов Н.Д. Февральская революция 1917 года в России как завершающий этап криминальной геополитики

- Запада // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 4. – С. 14-33.
19. Морозов А.И., Прокофьев К.Г., Сергеева А.Ю. Институт семьи как нравственно-правовая ценность (к вопросу о суверенной правовой идеологии как основании семейного права Российской Федерации) // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 12. – С. 107-114.
 20. Мосолов А.А. При дворе последнего императора. [Электронный ресурс] URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/M/mosolov-aleksandr-aleksandrovich/pri-dvore-poslednego-imperatora> (Дата обращения: 01.07.2022 г.)
 21. Палеолог М. Дневник посла. [Электронный ресурс] URL: <https://istmat.org/node/25186> (Дата обращения: 06.06.2022 г.)
 22. Первая Мировая война в документах из фондов РГБИ // URL: <http://ww1.liart.ru/1.html>
 23. Переписка Николая и Александры Романовых. 1914–1915. – М.: Гос. изд-во, 1923. – 512 с.
 24. Российский государственный исторический архив. – Ф. 1329. – Оп.1. – Д. 1005. – Л. 250-250об.
 25. Сальников В.П. Историческая память, историко-правовые исследования и патриотическое воспитание // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – № 2. – С. 6-9.
 26. Сальников В.П., Гутман М.Ю. «И была брань крепкая и сеча злая» (к 625-летию Куликовской битвы) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – № 2. С. 104-109.
 27. Сальников В.П., Сальников М.В. Национально-этнические ценности в правовой культуре и политико-правовых традициях // Вестник Башкирского ун-та. – 2014. – № 3. – Том 19. – С. 1096-1099.
 28. Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей // Юридическая мысль. – 2014. – № 4(84). – С. 70-86.
 29. Сальников В.П., Жданов П.С., Сальников М.В., Романовская В.Б. Русская религиозная философия права как защита национальных ценностей от инокультурной экспансии // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 11-18.
 30. Силкин Н.Н., Шелепова М.А. Воспитание патриотизма на примере героев Великой Отечественной войны // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 151-158.
 31. Стенограммы допросов следователем Е. С. Кобылинского в качестве свидетеля // URL: <http://lastromanovs.blogspot.com/2015/03/Stenogrammy-doprosov-sledovatelem-E-S-Kobylynskogo-v-kachestve-svidetelja.html>
 32. Царская семья. Возвращение. – Омск: Сириус, 2018. – 102 с.

ГУТМАН Матвей Юрьевич,

профессор Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Почётный работник высшего образования Российской Федерации, академик Академии военно-исторических наук

E-mail: mygutman@gmail.com

САЛЬНИКОВ Виктор Петрович,

профессор Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии РФ, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, Почетный сотрудник МВД России, академик РАЕН (г. Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: Fonduniver@bk.ru

СЕМЕНОВА Ирина Владимировна,

и.о. начальника кафедры гражданского права Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: 9053202867@mail.ru

ХАБИБУЛИН Алик Галимзянович,

заведующий кафедрой экономических и финансовых расследований Высшей школы государственного аудита (факультета) Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Республики Башкортостан (г. Москва, Россия)

E-mail: 21alik@mail.ru

Специальность 5.1.1 – Теоретико-исторические правовые науки

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ И «МИНИСТЕРСКАЯ ЧЕХАРДА» В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: АНАЛИЗ СКВОЗЬ ПРИЗМУ СИЛОВЫХ ВЕДОМСТВ (1802 – ФЕВРАЛЬ 1917 гг.)

Аннотация. В современном мире вопрос о политической стабильности и устойчивости является одним из основных в иерархии проблем политологии, но до сих пор в современной политической науке нет единой точки зрения на это понятие. Рассматривается ряд концепций политической стабильности и предлагается вариант этой сложной по содержанию дефиниции,

не претендуя на её окончательную редакцию, в то же время сосредоточив внимание на взаимосвязи проблем политической ситуации в Российской империи с проводимой монархами кадровой политики в силовых министерствах в условиях политической стабильности и во время кризисных ситуаций, которые случались в период царствования каждого из пяти императоров, которым пришлось стоять у руля Российской империи со времени введения в стране министерской системы и до Февральской революции 1917 года.

Ключевые слова: дестабилизация; институциональная структура; министерство; министры; политические институты; политический кризис; политическая культура; политическая система; политическая стабильность; Российская империя; силовые ведомства.

GUTMAN M.Yu.
SAL'NIKOV V.P.
SEMENOVA I.V.
KHABIBULIN A.G.

POLITICAL STABILITY AND "MINISTERIAL LEAPFROG" IN THE RUSSIAN EMPIRE: AN ANALYSIS THROUGH THE PRISM OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES (1802 – FEBRUARY 1917)

The summary. *In the modern world, the issue of political stability and sustainability is one of the main problems in the hierarchy of political science, but so far in modern political science there is no single point of view on this concept. A number of concepts of political stability are considered and a variant of this definition, which is complex in content, is proposed, without pretending to be its final version, while at the same time focusing on the relationship between the problems of the political situation in the Russian Empire and the personnel policy pursued by the monarchs in power ministries in conditions of political stability and during crisis situations that occurred during the reign of each of the five emperors who had to stand at the helm of the Russian Empire from the time the ministerial system was introduced in the country until the February Revolution of 1917.*

Key words: *destabilization; institutional structure; ministry; ministers; political institutions; political crisis; political culture; politic system; political stability; Russian empire; power departments.*

Стабильность, как понятие в широком смысле слова, представляет собой способность системы функционировать, не изменяя собственную структуру, находиться в равновесии, но его содержание по отношению к различным системам приобретает особенности, которые не позволяют исследователям прийти к единой точке зрения на это понятие. Такое положение сложилось и с понятием политическая стабильность. Поэтому до сих пор не найдено общей его дефиниции. Но поиск продолжается и на сегодняшний день существует целый ряд формулировок, предложенных исследователями. Многие политологи согласны с тем, что политическая стабильность как неотъемлемое свойство политической системы, основанной на внутренних

связях между её элементами, которые сильнее внешних связей, и этим обеспечивают интеграцию внутри системы, придавая тем самым способность региональной политической системе быть устойчивой, адаптивной, продуктивной и эффективной. Но и эта дефиниция не охватывает всего содержания этого понятия. Так политологи К. Даудинг и Р. Кимбер (Британия) определяют систему как стабильная, если она может успешно отражать угрозы и вызовы дестабилизации извне. Стабильность – это способность субъектов социально-экономической и политической жизни противостоять внутренним и внешним действиям, дезорганизирующим систему, и нейтрализовать их. Х.А. Гаджиев считает, что политическую стабильность: можно определить

как состояние политической системы, при котором все ее элементы максимально сбалансированы, способны к сохранению основных свойств и целостности и, как следствие, к эффективному преодолению возникающих угроз в период кризиса» [11]. Есть и другие подходы.

Р.И. Бальбек считает, что «трактовка понятия зависит от научных интересов авторов и научной сферы, которую они представляют, от конкретного исторического контекста исследования и даже от особенностей политической системы, политического режима, политической культуры, которым симпатизирует автор. Иными словами, на трактовку понятия «политическая стабильность» влияют не только объективные обстоятельства, но и субъективные особенности исследователей» [6].

Очень ёмкую дефиницию предложил украинский политолог С.Д. Савин, который считает, что политическую стабильность следует понимать как «вид социальной стабильности, такое состояние политической сферы общества», которое гарантирует воспроизводство материальных и духовных ресурсов, соблюдение определенного порядка политических отношений. Она характеризуется относительно устойчивым состоянием политических институтов, наличием поддерживающей систему политической культуры, эффективностью и легитимностью власти в обществе [28, стр. 6].

В настоящее время наиболее распространенными концепциями политической стабильности являются следующие:

- описание политической стабильности как ситуации, при которой отсутствуют очаги внутренних конфликтных ситуаций, а также отсутствует агрессивное насильственное поведение в обществе при смене власти;
- политическую стабильность следует приравнять к продолжительности власти правительственного кабинета;
- рассмотрение политической стабильности через призму существования легитимного конституционного порядка;
- способность политической системы реагировать на внутренние и внешние изменения системы и др. [8].

На наш взгляд, практически все идеи, заложенные в перечисленных концепциях политической стабильности, касаются того или иного

элемента политической стабильности, и должны быть учтены в окончательной её дефиниции. Она может быть примерно таковой:

Политическая стабильность в государстве представляет собой демократическое общество с устойчивой политической системой, балансом и равновесием политических сил, эффективной и легитимной властью, при смене которой отсутствуют насильственные действия, его экономическая база гарантирует воспроизводство и распределение материальных и духовных благ на основах социальной справедливости, а военная мощь позволяет успешно отражать внутренние и внешние угрозы и вызовы.

Мы понимаем, что абсолютной политической стабильности не бывает и не может быть. Иначе, речь бы шла о полной неподвижности политической системы. Таких обществ в природе не было и не будет в перспективе. Но относительная стабильность, т.е. без её отдельных, или слабо выраженных элементов, хотя и непродолжительное время, но всё же была.

Любая политическая стабильность не может длиться вечно, приходит время, когда неизбежность перемен становится очевидной для всех. Если период отказа от реформ затягивается, общество может впасть в застой, а нестабильность может перерасти не только в политический кризис*, но проявиться в политических мятежах и переворотах, воплотиться в революции, т.е. выход из сложившейся ситуации становится возможным не эволюционным путём, а болезненным революционным. И многим странам, в том числе и Россия, не удалось избежать крупных революционных потрясений. Даже в самом политически стабильном государстве нельзя избежать политических перемен, смен правительств, деятельность оппозиции. Более того, для демократических политически стабильных государств такие политические процессы являются обычным и нормальным явлением, а абсолютная политическая стабильность даже вредна для развития государства и общества. (примером такой ситуации является Советский Союз).

Существует множество экономических, политических, идеологических, культурных и других внутренних и внешних факторов, приводящих к политической нестабильности, дестабилизирующих политическую систему государства, Что же породило политическую нестабильность в Российской империи в XIX – начале XX веков?

Кризис и развал Российской Империи имел множество факторов, которые вместе смогли довести ситуацию в стране до критической точки.

Основное направление развития России в XIX веке большинство российских и зарубежных исследователей рассматривают как период политической модернизация, содержанием которой являлся переход от старых, отживавших феодальных общественных отношений к новым (буржуазным). И если в других странах модернизация проходила в виде ограниченных во времени периодов реформ, а затем наступал период «затишья» и происходило сращивание старых и новых черт, то в России этот процесс стал постоянно действующим фактором. Если XIX век для всего европейского континента стал временем социальной, правовой, интеллектуальной, институциональной перестройки, утверждения индустриального общества, оформления правового государства и гражданского общества, складывания наций и национальных государств, расцвета и начала заката европейских империй, то в России в первой половине XIX века развитие общества происходило по эволюционной модели модернизации, а во второй половине XIX и начале XX веков – совершился переход к революционной модели модернизации.

А.В. Фирсов писал, что опыт Российской империи и Советского Союза выявил следующую тенденцию: «до тех пор, пока государство жестко держало контроль над внутривластной ситуацией в своих руках – будь то тайная политическая полиция царского режима или НКВД в советское время, – в стране наблюдалась относительная политическая стабильность, которая, правда, при все большем ужесточении мер государственного контроля над инакомыслящими, все быстрее трансформировалась в стагнацию политической системы. Далее следовали короткие периоды полулиберальных реформ, в результате которых наступала тотальная дестабилизация и окончательный крах правящего режима, как в случае царской России, так и в случае распада СССР. При попытке власти перейти на адаптивную модель происходил слом всей политической системы [36]

Безусловно, на политическую стабильность влияет и деятельность правоохранительных органов, а также лиц, руководящих ими, и тех, кто назначает этих руководителей. Мы согласны с утверждением известного философа, политолога

Йозефа Шумпетера, который обосновал условия эффективности демократической системы: «человеческий материал политики – люди, которые составляют партийный аппарат, избираются в парламент, возвышаются до министерских постов – должен быть достаточно высокого качества»; необходимо, чтобы бюрократия обладала сильно развитым чувством долга и чувством чести мундира (в эти понятия, естественно, не вписываются коррумпированность или nepотизм). Также требуется «демократический самоконтроль» [38, стр. 378-385]. На значительную роль влияния личности на политическую стабильность обратил внимание и А.В. Фирсов, который писал: «Если рассматривать примеры царской и советской России, а также современной политической ситуации, то можно с уверенностью говорить о том, что в основе легитимности власти, самой ее природы в российской политической практике лежит глубинная традиция – персонифицированное восприятие власти обществом. Многие исследователи убеждены, что российскому народу испокон веков требуется сильный политический лидер, который прямо ассоциируется с самим государством, причем карательные функции государства и жесткий контроль над инакомыслием внутри страны воспринимаются как единственно верный вариант управления и отождествляются с политически стабильным государством [35].

В России в определении политического курса, а также в назначениях на конкретные должности в государстве, решающая роль принадлежала самодержцу, но и он далеко не всегда был, да и не мог быть, самостоятелен в этом вопросе, так как на него оказывало влияние, а иногда и давление, его окружение и обстоятельства.

Лица, формирующие государственную политику, начинают испытывать серьезные затруднения в выборе адекватных стратегий в силу резкого снижения уровня легитимности институционального порядка, появляются сомнения в правильности правил и процедур, регулирующих процессы принятия политических решений государственными органами. Лица, принимающие решения, начинают осознавать, что ранее безотказно действовавшие механизмы выработки реализации государственной политики перестают давать нужный эффект. Как правило, в такой ситуации они начинают переходить к «ручному» управлению [26].

В истории любой страны возникают периоды,

которые характеризуются резким обострением противоречий, ростом недовольства политикой властей, неспособностью государства в полной мере выполнять свои управленческие функции, возникновением острых социальных и политических конфликтов.

В истории Российского государства с момента его образования национальная безопасность рассматривалась в качестве системы гарантий территориальной целостности, суверенитета и национальных интересов, основываясь на силовых методах обеспечения политической стабильности [34].

В истории России, как и в большинстве государств мира, политическая нестабильность наблюдалась многократно. Она имела место и период формирования и функционирования министерской системы в России, начало которой было заложено Манифестом императора Александра I «Об учреждении министерств» от 02 сентября 1802 года.

Согласно манифесту учреждалось 8 министерств, из которых четыре имели явно выраженный силовой характер, так как имели в своём составе вооружённые формирования, и им разрешалось при исполнении своих функций применять насилие. Это: Министерства военных дел, внутренних дел, морских дел и министерство юстиции. Так как назначение на должность министра и освобождение от неё было прерогативой только самодержца России, то периоды политической нестабильности в стране и производимые императором передвижения министров силовых ведомств рассмотрим по времени царствования этих персон со времени учреждения министерств в 1802 году и до крушения Российской империи в октябре 1917 года. Обратимся к созданной авторами таблице, в которой приведены имена российских императоров и служивших при них министров, которых они выдвигали, перемещали, увольняли по различным причинам (а нередко и без объяснения причин) или сами просили об отставке по болезни. Но были нередки и случаи, когда министры умирали, находясь на посту (Таблица 1).

Таблица 2 позволяет нам видеть количественную сторону процесса и провести сравнение выявленных показателей.

Как известно, девятнадцатый век был временем социальной, правовой, интеллектуальной, институциональной, экономической перестройки,

становления и утверждения индустриального общества, оформления правового государства и гражданского общества, складывания наций и национальных государств, расцвета и начала заката европейских империй на всём европейском континенте. Именно в XIX веке сформировались такие важнейшие институты современного общества, как демократия, гражданское общество, социальная защищённость и социальное равенство, массовая культура.

Однако в России всё было не так! Безусловно, проблески этого движения наблюдались, но политический режим самодержавия и отдельные социальные институты стояли мощной преградой на пути её эволюции, и в первой половине XIX века нарастал кризис феодально-крепостнической формации, в недрах которой формировался капиталистический уклад. Эти процессы в полной мере находили отражение в политической надстройке самодержавного, дворянско-бюрократического крепостнического государства, которое также начинало переживать все углубляющийся кризис. Эти процессы не могли не найти отражение и на отдельных структурах государства и конкретных политических деятелях этой эпохи, в том числе и на руководителях министерств и ведомств.

В 1802 году в Российской империи Александром II была введена министерская реформа, в соответствии с которой было организовано 8 министерств: Министерство сухопутных сил, Министерство морских Сил, Министерство внутренних дел, Министерство финансов, Министерство иностранных дел, Министерство юстиции, Министерство коммерции и Министерство народного просвещения. В последующие годы его структура претерпела целый ряд изменений. Так в октябре 1905 года Совет министров в результате реорганизации стал в формально-юридическом смысле первым в истории России правительством, которое возглавлял Председатель Совета министров с правами, позволявшими ему в определённой степени осуществлять руководство Советом министров. К началу Первой мировой войны в составе Совета министров Российской империи было 11 министерств. В процессе совершенствования государственной структуры добавились Министерство путей и сообщения, Министерство императорского двора и уделов, Министерство земледелия. Функционировали и

Таблица 1. Синхронистическая таблица силовых министров Российской империи (1802-1917 гг.)

	Министры МВД	Министры ВС.	Морские министры	Министры юстиции	Комитет министров
Александр I Благословенный (1777 – 1825)	<p>Кочубей В.П. (08.09.1802-24.11.1807) Ушел в отставку из-за несогласия с внешней политикой России. (Сам)</p> <p>Куракин А.Б. (24.11.1807-31.03.1810) (Сам)</p> <p>Козодавлев О.П. (31.03.1810-24.07.1819). Умер на посту.</p> <p>Голицын А.Н. (03.08.1819-04.09.1819). ВРИО мин МВД</p> <p>Кочубей В.П. (04.09.1819-1823). По прошению из-за несогласия по ряду вопросов. (Сам)</p> <p>Кампенгаузен Б.Б. (28.06-29.08.1823) Умер на посту.</p> <p>Ланской В.С. (29.08.1823-10.04.1828) По болезни и старости (Сам)</p> <p>7 чел.</p>	<p>Вязмитинов С.К. (1802–1808) 6 лет Уволен Сам, устал от трудов.</p> <p>Аракчеев А.А. (13.01.1808-01.01.1810) 2 года. Переведён на др. должность.</p> <p>Барклай де Толли М.Б. (20.01.1810-24.08.1812). 2, 5 года. Замена была обусловлена не военной необходимостью, а политической.</p> <p>Горчаков А.И. (24.08.1812-15.12.1815); 3 года. Снят с поста за обнаруженные хищения и злоупотребления.</p> <p>Коновницын П.П. (12.12-1815-06.05.1819). 3,5 года. Уволен по личной просьбе (Сам.)</p> <p>Меллер-Закомельский П. (06.05.1819-26.08.1827) Уволен по болезни.</p> <p>Татищев Г.А. (14.03.1823–26.08.1827). 4 года. Уволен, по прошению «за болезнью»</p> <p>7 чел.</p>	<p>Мордвинов Н.С. (08.09-28.12.1802). 3 мес. (Сам).</p> <p>Чичагов П.В. (31.12.1802-28.11.1811). (Сам.) До увольнения с 1809 г. был в отпуске</p> <p>де Траверсе И.И. (28.11.1811-29.03.1828). (Сам.)</p> <p>3 чел.</p>	<p>Державин Г.Р. (08.09.1802-07.10.1803). Уволен царём за ревностную службу.</p> <p>Лопухин П.В. (08.10.1803 г. – 01.01.1810). Переведён на др. должность.</p> <p>Дмитриев И.И. (01.01.1810-30.08.1814). Был вынужден проситься в отставку.</p> <p>Троцинский Д.П. (30.08.1814-25.08.1817). Противник реформ. Ушел в отставку по прошению.</p> <p>Лобанов-Ростовский Д.И. (25.08.1817-18.10.1827). В отставке по болезни. Сам.</p> <p>5 чел.</p>	<p>Румянцев Н.П. (01.01.1810-20.03.1812) В 1814 отправлен в отставку по болезни.</p> <p>Салтыков Н.П. (29.03.1812-09.09.1812). Во время войны 5 мес.</p> <p>Вязмитинов С.К. (09.09.1812 – 30.10.1816) 4 года. Назначен военным губернатором СПб.</p> <p>Лопухин П.В. (30.10.1816-06.04.1827). Умер на посту.</p> <p>4 чел.</p>
Николай I Незабвенный (1796–1855)	<p>Ланской В.С. (29.08.1823-10.04.1828) По болезни и старости (Сам)</p> <p>Закревский А.А. (19.04-1828-19.11.1831). (И сам, и его-самодур)</p> <p>Блудов Д.Н. (12.02-1832-15.02.1839). (Переведён в Мин-во Юстиции)</p> <p>Строганов А.Г. (10.03.1839-23.09.1841) Переведён.</p> <p>Перовский Л.А. (23.09.1841- 30.08.1852). (Работал хорошо, но Сам просил отставки)</p> <p>Бибиков Д.Г. (30.08.1852-20.08.1855). «по своей просьбе».</p> <p>6 чел.</p>	<p>Татищев Г.А. (14.03.1823–26.08.1827). 4 года. Уволен, по прошению «за болезнью»</p> <p>Чернышев А.И. (26.08.1827-26.08.1852) 25 лет. Уволен по прошению в связи с болезнью в 1856 г.</p> <p>Долгоруков В.А. (26.08.1852-17.04.1856) 4 года (3 г. 8.м). Обвинённый в провале российской военной машины, просил об увольнении по болезни.</p> <p>3 чел.</p>	<p>де Траверсе И.И. (28.11.1811-29.03.1828). (Сам.)</p> <p>Моллер А.В. (29.03.1828-05.02.1836). Уволен по возрасту.</p> <p>Меншиков А.С. (05.02.1836-23.02.1855). Снят с поста по состоянию здоровья.</p> <p>Врангель Ф.П. (18.05.1855-27.07.1857) Уволен по состоянию здоровья.</p> <p>4 чел.</p>	<p>Лобанов-Ростовский Д.И. (25.08.1817-18.10.1827). В отставке по болезни. Сам.</p> <p>Долгорукий А.А. (18.10.1827-20.09.1829). Уволен.</p> <p>Дашков Д.В. (20.09.1829-14.02.1839). Трения. По прошению Сам.</p> <p>Блудов Д.Н. (14.02.-31.12.1839). Переведён на др. должность.</p> <p>Панин В.Н. (31.12.1839-21.10.1862). Противник реформ. Уволен.</p> <p>5 чел.</p>	<p>Лопухин П.В. (30.10.1816-06.04.1827). Умер на посту.</p> <p>Кочубей В.П. (29.04.1827–03.06.1834) Умер на посту.</p> <p>Новосильцев Н.П. (11.07.1834-08.04.1838). Скончался в должности председателя КБ.</p> <p>Васильчиков И.В. (09.04.1838-21.02.1847). Скончался в должности председателя КБ.</p> <p>Левашов В.В. (31.12.1847-23.09.1848). Скончался в должности председателя КБ.</p> <p>Чернышёв А.И. (01.12.1848-05.04.1856). Скончался в должности председателя КБ.</p> <p>6 чел.</p>

	Министры МВД	Министры ВС.	Морские министры	Министры юстиции	Комитет министров
Александр II Освободитель (1818–1881)	<p>Бибиков Д.Г. (30.08.1852-20.08.1855). «по своей просьбе».</p> <p>Ланской С.С. (20.08.1855-23.04.1861) Был вынужден уйти (Сам)</p> <p>Валуев П.А. (23.04.1861-09.03.1868). (Был уволен. Повод – непринятие мер для борьбы с голодом.)</p> <p>Тимашев А.Е. (09.03.1868-27.11.1878). Уволен с почётом, многое сделал</p> <p>Маков Л.С. (27.11.1879-06.08.1880). Переведён в другое ведомство после покушения на Александра II.</p> <p>Лорис-Меликов М.Т. (06.08.1880 04.05.1881). После убийства Ал-ра Сам написал прошение об отставке.</p> <p>6 чел.</p>	<p>Долгоруков В.А. (26.08.1852-17.04.1856) 4 года (3 г. 8.м). Обвинён в провале российской военной машины, просил об увольнении по болезни.</p> <p>Сухожанет Н.О. (17.04.1856-09.11.1861). 5 лет. Уволен по возрасту и болезни.</p> <p>Милютин Д.А. (16.05.1861-22.05.1881). 20 лет. (Сам.) Подал в отставку, понимая, что в его реформаторских идеях новый монарх нуждаться вряд ли будет.</p> <p>3 чел.</p>	<p>Врангель Ф.П. (18.05.1855-27.07.1857) Уволен по состоянию здоровья.</p> <p>Метлин Н.Ф. (27.07.1857-18.09.1860). Уволен по состоянию здоровья.</p> <p>Краббе Н.К. (19.09.1860-03.01.1876). Умер на посту.</p> <p>Лесовский С.С. (12.01.1876-23.06.1880). Ушёл по собственному желанию чтобы возглавить тихоокеанскую эскадру.</p> <p>Пещуров А.А. (23.06.1880-11.01.1882) Уволен по болезни.</p> <p>5 чел.</p>	<p>Панин В.Н. (31.12.1839-21.10.1862). Противник реформ. Уволен.</p> <p>Замятин Д.Н. (21.10.1862-18.04.1867). Уволен, защищая закон.</p> <p>Урусов С.Н. ВРИО (18.04.1867-05.10.1867). Уволен, человек консервативных взглядов в условиях начавшихся реформ.</p> <p>Пален К.И. (15.10.1867-30.05.1878). Уволен. Критиковался как либерал в условиях контрреформ.</p> <p>Набоков Д.Н. 30.05.1878-06.11.1885). Уволен, в рамках несвободы.</p> <p>5 чел.</p>	<p>Чернышёв А.И. (01.12.1848-05.04.1856). Скончался в должности председателя КБ.</p> <p>Орлов А.Ф. (05.1857–01.1861). Уволен по прошению по болезни.</p> <p>Блудов Д.Н. (12.11.1861–19.02.1864). Скончался в должности председателя КБ.</p> <p>Гагарин П.П. (24.02.1864–01.01.1872). Скончался в должности председателя КБ.</p> <p>Игнатъев П.Н. (1872–1879). Скончался в должности председателя КБ.</p> <p>Валуев П.А. (1879–1881). Получил отставку. (Не сам)</p> <p>6 чел.</p>
Александр III Миротворец (1845–1894)	<p>Лорис-Меликов М.Т. (06.08.1880 04.05.1881). После убийства Александра написал прошение об отставке.</p> <p>Игнатъев Н.П. (04.05.1881-30.05.1882). Уволен царём,</p> <p>Толстой Д.А. (30.05.1882-25.04.1889). Умер на посту</p> <p>Дурново И.Н. (28.04.1889 15.10.1895). Назначен председ. Кабина. стров</p> <p>4 чел.</p>	<p>Д.А. Милютин (16.05.1861-22.05.1881). 20 лет. (Сам.) Подал в отставку, понимая, что в его реформаторских идеях новый монарх нуждаться вряд ли будет.</p> <p>П.С. Ванновский (22.05.1881-01.01.1898).</p> <p>2 чел.</p>	<p>Пещуров А.А. (23.06.1880-11.01.1882) Уволен по болезни.</p> <p>Шестаков И.А. (11.01.1882-21.11.1888). Умер на посту.</p> <p>Чихачев Н.М. (28.11.1888-13.07.1896). Уволен.</p> <p>3 чел.</p>	<p>Набоков Д.Н. 30.05.1878-06.11.1885). Уволен, в рамках несвободы.</p> <p>Манасеин Н.А. (06.11.1885-01.01.1894). Был вынужден уйти.</p> <p>Муравьев Н.В. (01.01.1894-14.01.1905). Направлен на др. должность – послом в Италию , боялся покушений.</p> <p>3 чел.</p>	<p>Валуев П.А. (1879–1881). Получил отставку.</p> <p>Рейтерн М.Х. (1881–1886). Ушел в отставку.</p> <p>Бунге Н.Х. (1887–1895). Уволен. Выступал против политики «контрреформ» 1880–90-х гг.</p> <p>3 чел.</p>

	Министры МВД	Министры ВС.	Морские министры	Министры юстиции	Комитет министров
Н Стратогерпелц (1868–1916)	<p>Дурново И.Н. (28.04.1889-15.10.1895). Назначен председ. Кабмина. стров</p> <p>Горемыкин И.Г. (15.10.1895-10.1899.). Уволен царём без объяснения причин!</p> <p>Сипягин Д.С. (10.1899-04.2002) Убит террористом</p> <p>Плевэ В.К. (04.04.1902-15.07.1904). Убит террористом.</p> <p>Святополк-Мирский П.Д. (26.08.1904-18.01-1905). Уволен после начала массовых беспорядков в январе 1905 года (после 9 янв.)</p> <p>Булыгин А.Г. (20.01-22.10.1905). Уволен после провала его выборов в Думу.</p> <p>Дурново П.Н. (23.10.1905-22.04.1906). Он ушел в отставку Сам после отставки Витте</p> <p>Столыпин П.А. (26.04.1906-05.09.1911). Убит террористом</p> <p>Макаров А.А. (20.09.1911-16.12.1912). уволен по настоянию демократически настроенных депутатов Думы и прессы.</p> <p>Маклаков Н.А. (16.12.1912-05.06.1915). Государь решил пойти навстречу пожеланиям либералов, и в июне 1915 Маклаков вынужден был выйти в отставку.</p> <p>Щербатов Н.Б. (05.06-26.09.1915). Уволен за сотрудничество с оппозицией.</p> <p>Хвостов А.Н. (26.09.1915-03.03.1916) Уволен за попытку устранить Распутина.</p> <p>Штюрмер Б.В. (03.03.1916-07.07.1916). Уволен как немец во время войны с Германией.</p> <p>Хвостов А.А. (07.07.1916-16.09.1916). Уволен царём из-за отказа прекратить дело.</p> <p>Протопопов А.Д. (16.09.1916-28.02.1917) Уволен революцией.</p> <p>15 чел</p>	<p>Ванновский П.С. (01.01.1881-13.07.1898). А.Н. Куропаткин (01.01.1898-07.02.1904). Уволен по прошению</p> <p>Сахаров В.В. (07.02.1904-04.07.1905). Уволен в связи с несогласием реорганизации армии</p> <p>Редигер А.Ф. (21.06.1905-11.03.1909). Уволен императором за оскорбление армии, Сухомлинов В.А. (11.03.1909-12.06.1915). Смещен как неспособный обеспечить армию вооружением, и обвинен в ответственности за поражения России на раннем Восточном фронте.</p> <p>Поливанов А.А. (13.06.1915-15.03.1916). Уволен по требованию монархистов.</p> <p>Шуваев Д.С. (15.03.1916–03.01.1917). Назначен в Государственный Совет.</p> <p>Беляев М.А. (03.01-28.02.1917) Свергнут революцией.</p> <p>8 чел.</p> <p>Вопрос о влиянии Распутина на назначение министров основной в его адрес. Суть обвинений – все его «назначенцы» не соответствовали служебному положению..</p>	<p>Чихачев Н.М. (28.11.1888-13.07.1896). С 1898 года член комитета по строительству Восточно-Сибирской железной дороги.</p> <p>Тыртов П.П. (13.07.1896-04.03.1903) Умер на посту!</p> <p>Авелан Ф.К. (10.03.1903-29.06.1905). Уволен по прошению (Сам).</p> <p>Бирилев А.А. (29.06.1905-11.01.1907). Уволен согласно прошению. (Сам).</p> <p>Диков И.М. (11.01.1907-08.01.1909). Уволен по прошению (Сам)</p> <p>Воеводский С.А. (08.01.1909-18.03.1911). По прошению. (Сам.)</p> <p>Григорович И.К. (19.03.1911-28.02.1917). Многие сделал для восстановления Флота. Смещён революцией.</p> <p>8 чел.</p>	<p>Муравьев Н.В. (01.01.1894-14.01.1905). Направлен на др. должность – послом в Италию , боялся покушений.</p> <p>Манухин С.С. (21.01.1905-24.04.1906). 3 мес. Обвинён в бездействии в условиях революции и снят.</p> <p>Щегловитов И.Г. (24.04.1906-06.07.1915). Уволен в связи с курсом «на общественность».</p> <p>Хвостов А.А. (06.07.1915-07.07.1916). Снят в связи с делом Сухомлинова.</p> <p>Макаров А.А. (07.07.1916-20.12.1916). Снят.</p> <p>Добровольский Н.А. (20.12.1916-28.02.1917). Снят революцией.</p> <p>6 чел.</p>	<p>Бунге Н.Х. (01.01.1887–03.05.1895). Уволен. Выступал против политики «контрре форм» 1880–90-х гг.</p> <p>Дурново И.Н. (1895–1903). Скончался в должности председателя КБ.</p> <p>Витте С.Ю. (16.08.1903-23.04.1906). Отправлен в отставку по собственному желанию</p> <p><u>Премьер-министры</u> (1906-1917 гг.)</p> <p>Витте С.Ю. (19.10.1905-22.04.1906). Назначение вопреки воле своей жены Александры Федоровны дворцового окружения. Не имел поддержки и через 5 м. написал просьбу об отставке! отправлен в отставку по собственному желанию</p> <p>Горемыкин И.Л. (22.04-08.07.1906). Заменён П.А. Столыпиным.</p> <p>Столыпин П.А. (08.07.1906-01.09.1911). Убит террористом.</p> <p>Коковцов В.Н. (11.09.1911-30.01.1914). Уволен. В конце января 1914 года он был вынужден уйти в отставку из-за разногласий с правыми партиями и Распутиным.</p> <p>Горемыкин И.Л. (30.01.1914-20.01.1916). Отправлен в отставку,</p> <p>Штюрмер Б.В. (20.01.1891-10.11.1916). Боролся против революционного движения и оппозиции в Госдуме.</p> <p>Трепов А.Ф. (10.11.-27.12.1916). Пытался бороться с влиянием Распутина, министра внутренних дел А. Протопопова.</p> <p>Отправлен в отставку</p> <p>Голицын Н.Д. (27.12.1916-27.02.1917) Назначен по требованию императрицы. Уволен революцией.</p> <p>10 чел.</p>

Таблица 2
Количество министров силового блока Российской империи, вступивших в должность и освобождённых от должности со времени введения в России министерской системы и до Февральской революции 1917 года при монархах этого периода (сентябрь 1802 – февраль 1917 г.)

Императоры России. Годы правления.	Министры					
	МВД	Вооруженных Сил	Морского флота	Юстиции	Председатели Комитета (Совета) Министров	Всего смен
Александр I (1777 – 1825) Благословенный (12.03.1801-19.11.1825)	7	7	3	5	4	26
Николай I (1796–1855) Незабвенный (19.11.25-18.02.1855)	6	3	4	5	6	24
Александр II (1818–1881) Освободитель (02.03.1855-03.03.1881)	6	3	5	5	6	25
Александр III (1845–1894) Миротворец (02.03.1881-20.10.1894)	4	2	3	3	3	15
Николай II (1868–1918) Страстотерпец (20.10.1894-02.03.1917)	15	8	8	6	10	47
	38	23	23	24	29	137

такие бюрократические структуры как Государственная канцелярия, Статс-секретариат великого княжества Финляндского, Ведомство учреждений императрицы Марии, Собственно Его Величества канцелярия, Главное управление государственного здравоохранения, Главное управление коннозаводства, Государственный контроль и Обер-прокуратура Священного синода.

Как любой живой организм, состав министерств и их руководителей изменялся, а иногда и довольно часто. И если при назначении министром учитывался достаточно определённый перечень необходимых качеств кандидата, то оставляли этот пост министры по самым разным причинам.

Причины, по которым министры Российской империи в разные годы покинули свой пост:

1. В связи с назначением на другой пост – 8.
2. Уволены по различным причинам – 45.
3. По собственному прошению – 25.
4. Ушли в отставку по старости и болезням – 13.
5. Умерли на посту – 17.

Примечание. Из 17 человек, умерших на посту, 10 были Председателями Комитета (с 1906 года – Совета) министров Российской империи.

Анализ времени оставления министрами постов, позволили нам прийти к выводу, что с 1802 и до 1914 годов случаи, когда, несмотря на кризисные состояния в стране, министры покидали свои посты «массово», солидарно, сразу несколько человек, пробыв в должности министра непродолжительное время, были очень редки. Однако перестановки в правительстве, как свидетельствуют приведённые ранее сведения, были. Мы ограничим свой анализ четырьмя силовыми министерствами, имевших самое большое влияние на политическую сферу: Министерстве внутренних дел, Сухопутных войск, Военно-морского флота, юстиции, а также на должности Председателя Комитета (с 1906 года – Совета) министров Российской империи, которые с 1906 года уже не представляли видимость руководителя, а действительно имели власть и пользовались ею.

Вопрос о назначении на министерскую

должность окончательно решал император, однако это назначение не могло происходить без «помощи» и рекомендаций приближённых к монарху лиц, многие из которых имели от этого определённые привилегии. И, тем не менее, окончательно вопрос решал император Всея Руси, то с именами самодержцев России мы и свяжем этот анализ.

Прежде всего, напомним, что в Российской империи со времени введения министерской системы и до ухода в небытие самой Империи через должности министров силовых ведомств прошло 137 человек, из которых министрами МВД были 34 человека, Сухопутных войск – 19, Военно-морского флота – 18, Юстиции – 21, Председателями Комитета (Совета) министров 25 человек.

Рассмотрим, в какой обстановке и как происходило обновление руководство министерств Российской империи в период кризисов и в обычное время, когда случались «перетряски» министров силовых ведомств.

За 24-летнее царствование (19.03.1801 – 19.11.1825 гг.) Александра I Благословенного (12.12.1777 – 19.11.1825 гг.) сменилось 26 министров силового блока. Уход с поста был обусловлен следующими причинами:

- по собственному прошению 10;
- по болезни – 4;
- умерли на посту – 4;
- были назначены на другую должность – 2;
- были вынуждены проситься в отставку – 2;
- 2 были сняты с должности и 2 исполняли обязанности министра временно.

В эти годы министерский строй государственного управления только возрождался, далеко не всё было понято и одобрено даже некоторыми министрами. Так министр юстиции Д.П. Трошинский был вообще противником министерской системы в России, В.П. Кочубей был уволен по собственному прошению (причём уволен дважды) из-за несогласия с проводимой внешней политикой, а Г.Д. Державин и вовсе был уволен за слишком ревностную службу. Фактически Россия в период царствования Александра I всё время находилась в состоянии войны, в том числе и Отечественной войны 1812 года, и, например, замена Б.Д. Барклая де Толли А.Н. Горчаковым была обусловлена не военной необходимостью, а политической целесообразностью. Всё это свидетельствует, что ни

политического, ни правительственного кризиса в эти годы не было и перестановки министров происходили в связи с конкретными обстоятельствами.

За 28-летний период царствования Николая I (19.11.1825 – 18.02.1855) Незабвенного (25.06.1796 – 18.02.1855) сменилось 24 министра силового блока. Их смена началась практически через 2 года после его прихода к власти. В 1827 году были заменены трое и в 1828 году – двое. Замена произошла в связи со смертью одного, болезнью троих и один ушел в отставку по собственному прошению. За весь же период его царствования уход с поста был обусловлен следующими причинами:

- по собственному прошению – 3;
- уволены царём – 3;
- по болезни – 5;
- умерли на посту – 5 – все были председателями Кабинета министров;
- 2 были назначены на другую должность
- и 1 исполнял обязанности министра временно.

И в период правления Николая I, несмотря на кризис всей феодально-крепостнической системы, тем не менее, правительственного кризиса еще не было. Министры менялись как и в прежнее царствование.

Николай I вступал на трон в декабре 1825 года во время выступления декабристов. Это был момент безвластия и нестабильности, который позднее назовут Междоцарствием 1825 года, когда новый император ещё не вступил на престол, решили воспользоваться тайные общества недовольных положением дел в стране дворян-декабристов. Их главным требованием было введение в стране конституции. Т.е. это был в кризисный для власти момент. Начавшееся утром 26 декабря 1825 года восстание было жестоко подавлено Николаем I, а организаторы – казнены или отправлены в ссылку. Но к перестановкам состава министров монарх приступил лишь через 2 года. В 1827 – 1828 годах был обновлён весь силовой блок, несмотря на то, что министры без колебаний были на его стороне и его деятельность без колебаний поддерживали. В последующие годы смена министров проходила в обычном порядке, и резких перемен на министерских должностях не было.

За 26-летнее царствование (02.03.1855 – 13.03.1881 гг.) Александра II Освободителя

(17.04.1818–01.03.1881 гг.) сменился 21 министр силового блока. Уход с поста был обусловлен следующими причинами: по собственному прошению были освобождены от должностей -6 человек; уволены по велению государя – 7; -1 был назначены на другую должность; уволены по болезни – 3; умерли на посту – 4, трое из них – председатели Кабинета министров. Уже в начале воцарения Александра II кризис феодально-крепостнической системы достиг своего апогея и отмена крепостного права стала неизбежной. Среди царских министров и, как и всего дворянско-бюрократического сословия России по вопросу отмены крепостного права и отдельных положений готовящегося Манифеста не было единства, причины которого достаточно хорошо исследованы и необходимости о них писать в данной статье, нет.

Так что же происходило с министерским корпусом в эти сложнейшие годы, как расставлял свои фигуры на политической арене император? Все министры силового блока во время разработки положений крестьянской реформы и после её обнародования прочно «сидели» на своих местах, а в условиях поднявшихся крестьянских бунтов активно участвовали в их подавлении. Активным противником крестьянской реформы был Министр юстиции В.Н. Панин, который всячески тормозил её разработку, но под давлением императора был вынужден не проявлять особую активность [13, стр. 50-53]. Однако он сумел сохранить за собой пост министра юстиции почти до конца 1862 года. Но ни у одного министра, как свидетельствуют документы, не возникло желание на почве недовольства сутью реформы уйти в отставку, хотя и не все были сторонниками отмены крепостного права, не всех устраивало наделение крестьян землёй и т.п. И всё же реформы 1860–70-х годов создали новые институты как противовес бюрократическому правлению.

Но царю-освободителю не удалось спокойно завершить свой жизненный путь. Разразившийся политический кризис конца 1770 – начала 1880-х годов потряс всю Россию и её министерскую систему.

24 января 1878 г. революционерка-народница В.И. Засулич стреляла в петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова и ранила его, что трактовалось ею как протест против произвола властей, выражением открытого конфликта между

властью и революционными силами, на стороне которых оказались и общественные симпатии. Проявлением правительственного кризиса стал сбой в судебной системе: 31 марта 1878 г. присяжные заседатели петербургского окружного суда вынесли В.И. Засулич оправдательный приговор [5; 7; 16; 22; 29]. Кассационным департаментом Сената вердикт присяжных был отменен, но В.И. Засулич скрылась за границей. 1 июня 1878 года министр юстиции К.И. Пален был уволен [14, стр. 42-47], а революционеры активизировали свою деятельность. Начались угрозы высшим чиновникам власти: Министру внутренних дел А.Е. Тимашеву [9, стр. 102-109; 24, стр. 32-33; 25, стр. 142-151; 15, стр. 16-19], Министру народного просвещения Д.А. Толстому, военному министру и другим. 2 апреля народник А.К. Соловьёв несколько раз выстрелил в государя [4]. На него были и другие покушения [2; 20; 21]. А 01 марта 1881 года был убит террористами и сам царь-освободитель [1; 19].

Какие же изменения произошло в силовых ведомствах, которые не уберегли царя-батюшку? Одним из виновников гибели императора был назван министр внутренних дел России М.Т. Лорис-Меликов [9, стр. 118-131; 24, стр. 36-37; 25, стр. 160-175; 15, стр. 22-26; 3], который до этого происшествия подготовил план привлечения общественности к законотворчеству путём созыва представительного органа с законосовещательными полномочиями (так называемая Конституция Лорис-Меликова) и одобренную императором за несколько дней до своей гибели, а также подготовил доклад, в котором предложил меры, направленные на завершение «великих реформ». Он был обвинён в отсутствии достаточных мер по охране личной безопасности императора. Но ведь именно он за несколько дней до царевубийства просил царя воздержаться от поездок, был уволен по своему прошению; Министр Вооруженных сил Д.А. Милютин, не разделявший идей М.Т. Лорис-Меликова и К.П. Победоносцева [17; 18; 23], осознавал, что российское общество находится в кризисе, что необходимо продолжение реформ, имел сложные отношения с новым императором, после отставки Лорис-Меликова и опубликования Манифеста о незыблемости самодержавия, написал прошение об отставке и был уволен.

04 октября был уволен Председатель кабинета министров П.А. Валуев, обвинённый комиссией

сенатора М.Е. Ковалевского в больших злоупотреблениях при раздаче башкирских земель. П.А. Пещуров – министр Морского флота и Д.Н. Набоков – Министр юстиции, продолжали служить [14, стр. 47-51]. Таким образом, в период царствования Александра II мы видим, что замена министров в значительной мере была связана с определённой долей их оппозиционности не к самому самодержавному режиму, но к некоторым его наиболее отсталых форм правления.

13-лет царствовал (02.03.1881 – 20.10.1894) Александр III Миротворец (26.02.1845–20.10.1894). За это время сменились 15 министров силового блока. Уход с постов был обусловлен следующими причинами: по собственному прошению ушли в отставку 4 министра; были уволены императором 2; ушли в отставку по болезни 3; умерли на посту 4; 2 были назначены на другую должность 2. Как отмечалось ранее, после вступления на престол Александра III были произведены замены трех министров силового блока, что было связано, как мы писали ранее с убийством Александра II. Последующие перемещения этих должностных лиц в условиях наступившей реакции и контрреформ производилось редко, были вызваны объективными причинами: болезнь и возраст, смерть на посту и др. Все остальные министры, кроме Н.П. Игнатьева, уволенного в связи с недостатками в работе, прослужили более 5 лет, их перемещение или увольнение не вызывалось необходимостью, хотя и не все были согласны с проводимой политикой усиления реакции в стране.

Последним императором России был Николай II (1868 – 1917 гг.) Вступивший на престол 20 октября 1894 года, он правил чуть более 21 года (20.10.1894 – 02.03.1917). Этот период в истории России характеризовался её экономическим развитием, участием в войнах, в том числе и Первой мировой войне, а также ростом в стране социально-политических противоречий и революционного движения. Неизбежным следствием непоследовательности правительственной политики, противоречий и конфликтов, характерных для социально-экономического развития России, стал очередной общественно-политический кризис конца XIX – начала XX века, который в отличие от предыдущих кризисов (начала 1860-х гг. и рубежа 1870–1880-х гг.) не был подавлен правительством, а вылился в полномасштабную революцию, охватившую страну в 1905–1907

годов и Февральскую революцию 1917 года. За его 21-летнее царствование сменились 47 министров силового блока, в том числе:

- из МВД – 15,
- из министерства Сухопутных войск – 8;
- из ВМФ – 8,
- из Минюста – 6;
- председателей Кабинета (с 1906 года – Совета) 10 человек.

Причины освобождения от должности:

- по собственному прошению – уволены 30, в том числе:
 - из МВД 10 из 14;
 - из Военного министерства – 6 из 7;
 - из Министерства юстиции 4 из 6;
 - из Кабинета (Совета) министров – 6 из 8);
 - убиты террористами 3;
- переведены на другие должности – 2;
- на посту умер 1*³.

Сменялись министры и других ведомств. В Министерстве иностранных дел Империи сменилось 17 министров, в т.ч. с 1802 до 1807 – т.е. за 5 лет сменилось 3 министра; с 1895 до 1900 – за 5 лет сменилось 3 министра, и только в одном 1916 г. – 3 министра. Министерство коммерции Российской империи за этот период претерпело ряд преобразований, связанных с разделением и ликвидацией этой управленческой структуры как единого ведомства, и в этом плане не может служить показателем. В Министерстве народного просвещения Российской империи было 25 министров. За период с 1858 до 1862 года – за 4 года сменилось 4 министра, с 1880 до 1882 г. – за 2 года – сменилось 3 министра, с 1901 до 1906 – за 5 лет сменилось 4 министра и в 1916-1917 гг. – 2. В Министерстве финансов Российской империи за все 115 лет было 18 министров, но кратковременное пребывание их на посту отмечалось лишь с 1903 до 1906 года, сменилось 3 министра. Даже в условиях Первой мировой войны министр финансов П.Л. Барк находился все годы у руля министерства.

В первый год царствования Николай II произвёл только одну перестановку: вместо уволенного Председателя кабинета министров Н.Х Бунге был назначен И.Н.Дурново. В годы Первой русской революции произошло 15 перестановок в правительстве, в том числе: в МВД – 4, в министерстве Сухопутных войсках 2; по 3 руководителя сменилось в министерствах ВМФ и Министерстве

юстиции. Сменилось также 3 Председателя Комитета Министров. Это было достаточно значительное обновление государственного аппарата за 2,5 года, но и обстановка была чрезвычайно далеко не простой.

Революция 1905-1907 годов дала серьезные властные полномочия чиновникам среднего уровня и способствовала усовершенствованиям на нижнем. Однако высший уровень администрации остался нетронутым, и это привело к катастрофе 1917 г.

Особенно значительным был масштаб обновления государственного аппарата в Российской империи в годы Первой мировой войны (28.07.1914 – 11.11.1918 гг.), в которую империя вступила в состоянии глубокого политического и социального кризиса. Ни одна из попыток разрешить внутренние противоречия и осуществить давно назревшие реформы, царской властью не удавалось довести конца. Созданный ею парламент не был наделён реальными полномочиями, постоянно менявшийся состав правительства не желал прислушиваться к голосу оппозиции [39].

В эти годы произошло около 300 крупных кадровых перемен.

К концу правления Николая II с сентября 1915 по февраль 1917 гг., т.е. за 1 год и 6 месяцев произошло 24 назначения на министерские должности, в том числе сменилось три председателя Совета министров. Этот процесс получил в истории России название «министерская чехарда», а сам термин был впервые употреблён членом правой фракции IV Государственной думы В.М. Пуришкевичем, выступившим в Государственной Думе 12 февраля 1916 года. Это явление стало следствием общего кризиса власти. Практически после убийства П.А. Столыпина [27; 30; 31; 32; 33] на политической арене России не осталось сильных харизматичных личностей.

Однако о соответствии содержания понятия «министерская чехарда», и сущности раскрываемого им конкретного периода в истории Российской империи возникают некоторые сомнения. Дело в том, что понятие «министерская чехарда», которое употребил В.М. Пуришкевич, касалось всех министерств, в то время как эта чехарда касалась практически лишь силовых министерств, а других лишь «слегка затронула». Проблема осложнялась и тем, что после убийства Петра Столыпина на политической арене не осталось харизматичных личностей. Только что

назначенные министры отправлялись в отставку, не успев даже вникнуть в дела своего ведомства. Причины подобных кадровых решений часто объяснялись недостаточной квалификацией очередного чиновника, но иногда оставались загадкой [39]. Частые смены высокопоставленных чиновников являлись попыткой царизма улучшить работу министерств и ведомств

Самые значительные изменения произошли в годы войны в Министерстве внутренних дел. Аппарат этого министерства претерпел около 90 персональных перемен и оставил далеко позади все остальные министерства. Кроме 7-ми министров за два с половиной года войны в МВД сменилось 15 товарищей министров, 4 директора Департамента полиции, 4 директора Департамента общих дел, 4 начальника Главного управления по делам печати, 3 председателя ветеринарного комитета, 3 управляющих земским отделом, 3 директора Департамента духовных дел иностранных исповеданий, 2 председателя медицинского совета, 2 начальника управления по делам местного хозяйства, 2 начальника управления воинской повинности и т.д.

Некоторые другие министерства и ведомства были затронуты кадровыми перестановками в незначительной степени. Они практически не заделали столь важные для военного времени ведомства, как министерства финансов, торговли и промышленности, путей сообщения, морское и государственный контроль.

В этот период министрами иностранных дел перебивали С. Сазонов (08.1910 – 07.07.1916 гг.), Б. Штюрмер (07.07. – 10.11.1916) и Н. Покровский (30.11.1916 – 04.03.1917 гг.) В министерстве народного просвещения произошли две замены: П.Н. Игнатъев был министром с 09.01.1915 г. до 27.12.1916 г., а затем его сменил Н.К. Кульчицкий (27.12.1916 г. – 28.02.1917 г.) В министерстве финансов весь период «министерской чехарды» просидел П.Л. Барк (30.01.1914 – 28.02.1917 гг.), который в чрезвычайно сложной и менявшейся обстановке, умело, лавировал между политическими соперниками.

Таким образом «министерская чехарда», под которой подразумевается мелькнувший калейдоскоп министров, коснулась даже далеко не всех министров, входящих в силовой блок этого периода. Так в военном министерстве сменилось всего 3 министра: А.А. Поливанов (13.06.1915–15.03.1916), Д.С. Шуваев (15.03.1916–03.01.1917)

и М.А. Беляев (03.01-28.02.1917), бывший военным министром всего 2 месяца; В Министерстве юстиции сменилось также 3 министра: А.А. Хвостов (06.07.1915-07.07.1916), А.А. Макаров. (07.07.1916-20.12.1916), Н.А. Добровольский (20.12.1916-28.02.1917), а Морской министр И.К. Григорович находился на этом посту с 19 марта 1911 года до 28 февраля 1917 года и был смещён революцией. То есть полной перетряске бюрократии не было, хотя внутри министерств она была весьма внушительной. Нам представляется, что более правильным по содержанию в этой связи будет термин не «министерская чехарда», а «кадровая чехарда» или «чехарда в государственном

аппарате Российской империи».

Вместе с тем мы считаем, что в пуришкевичевской редакции термин должен сохраниться, так как он более эмоционально и по содержанию правильно воспринимается, однако на его силовую суть необходимо обращать внимание.

«Министерская чехарда», ставшая следствием общего кризиса власти, несомненно, усложняла жизнь российского общества, бесчисленные перестановки кадров не позволяли сформировать эффективное правительств, способное справиться с многочисленными проблемами, как снежный ком навалившихся на Россию в условиях обострения социально-экономических проблем и войны.

Примечания

- * Политический кризис всегда воспринимается как нарушение привычного хода политических событий, отклонение от того, что совсем недавно было принято считать нормой.
- ** В течение первых лет существования Комитета министров на его заседаниях председательствовал император, а в его отсутствие – члены Комитета министров поочередно, начиная со старшего в чине, каждый в течение 4 заседаний. С 1812 года этот пост превратился в самостоятельную должность, которая до 1865 года совмещалась с председательством в Государственном совете. По установившейся со временем традиции, председательство в Комитете было последней на государственной службе почётной должностью, на которую назначались сановники, ставшие слишком старыми для исполнения иных хлопотных обязанностей. Достаточно сказать, что 10 из 17 председателей Комитета скончались во время пребывания на этом посту. После учреждения 19 октября (1 ноября) 1905 года Совета министров Российской империи все министерства и главные управления были объявлены частями единого государственного управления, министры перестали быть отдельными чиновниками, ответственными каждый лишь за свои действия и распоряжения. Первым председателем Совета министров 24 октября (6 ноября) 1905 года был назначен граф С.Ю. Витте.
- *³ Адмирал Флота Советского Союза И.С.Исаков писал, что «Империю Александра III и в первый период царствования Николая II после адмирала И.А.Шестакова обслуживали три бесталаных и вороватых морских министра – Н.М. Чихачев, П.П. Тыртов и Ф.К. Авелан, – больше связанных с Зимним дворцом, чем с флотом. Эти адмиралы вполне отвечали требованиям авантюристической и реакционной политики русского самодержавия, приведшей к «преступной и позорной войне», в которой «военное могущество самодержавной России оказалось мишурным»

Список литературы

- 1 марта 1881 года: казнь императора Александра II / Сост. В.Е. Кельнер. – Л.: Лениздат, 1991. – 384 с., ил.
- Ананских И.А., Булатов В.И., Литвинов Н.Д., Овчинников В.В., Сальников М.В. Покушение Д. Каракозова на Александра II как спецоперация гибридной войны // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 7. – С. 65-104.
- Ананских И.А., Литвинов Н.Д., Пучнин В.А., Сальников С.П., Щербатых И.М. Министр внутренних дел России граф М.Т. Лорис-Меликов: неподтвержденная биография // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 12. – С. 46-97.
- Ананских И.А., Литвинов Н.Д., Петров П.А., Сальников М.В., Щербатых И.М. Покушение А. Соловьева на Александра II как спецоперация гибридной войны Запада против России // Юридическая наука: история и современность. – 2020. – № 3 – С. 50-73.
- Балан В.П., Литвинов Н.Д., Числов А.И. А.Ф. Кони, Вера Засулич и терроризм в Российской империи конца

- XIX – начала XX века // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 11. – С. 15-37.
6. Бальбек Р.И. Теоретические подходы к исследованию политической стабильности в условиях изменяющейся реальности // <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-podhody-k-issledovaniyu-politicheskoy-stabilnosti-v-usloviyah-izmenyayusheysya-realnosti>
 7. Балясников Н.А., Еремина Т.И. Роль Анатолия Федоровича Кони в оправдании Веры Ивановны Засулич по делу о покушении на Петербургского градоначальника генерал-адъютанта Федора Федоровича Трепова // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 11. – С. 115-120.
 8. Билюга С. Э. Политическая стабильность: основные подходы к анализу устойчивости политических систем // Век глобализации. – 2018. – № 2. – С. 46–56.
 9. Борисов А.В. Министры внутренних дел России. 1802 – октябрь 1917 / Вступительная статья В.Ф. Некрасова и В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 350 с. – (Серия: «Внутренние войска и органы внутренних дел России»).
 10. Воронин В.Е. Политический кризис в России конца 1870-х гг. и способы его преодоления глазами высших государственных чиновников // Вестник РУДН. – Серия: История России. – 2008. – № 1. – С. 15-34.
 11. Гаджиев А.Г. Роль политических институтов в обеспечении политической стабильности // Теории и проблемы политических исследований. – 2016. – № 3. – С. 123-135.
 12. Гайда Ф.А. «Министерская чехарда»: к вопросу о причинах и характере явления // Первая Мировая война. Взгляд из XXI века: Россия и Нижегородская губерния в 1914-1918 гг.: Сборник статей / Общественная палата Нижегородской обл., Нижегородский гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского; сост. и науч. ред. Ф.А. Селезнев. – Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2014. – 366 с.: табл.
 13. Гутман М.Ю., Никулин А.Г., Сальников В.П. К 220-летию министерства юстиции Российской Федерации. Министры юстиции, генерал-прокуроры дореформенной России (1802-1861 гг.) // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 6. – С. 11-58.
 14. Гутман М.Ю., Никулин А.Г., Сальников В.П. К 220-летию министерства юстиции Российской Федерации. Министры юстиции, генерал-прокуроры пореформенной России (1861-1905 гг.) // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 7. – С. 30-64.
 15. Гутман М.Ю., Сальников В.П. Министры внутренних дел Российской империи (1861 – 1899 гг.) // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 8. – С. 11-40.
 16. Захарцев С.И., Маков Б.В., Сальников М.В. Рассмеялся бы Христос, присутствуя на судебном процессе с участием А.Ф. Кони ? // Мир политики и социологии. – 2018. – № 12. – С. 26-32.
 17. К.П. Победоносцев: pro et contra. Личность, общественно-политическая деятельность и мировоззрение Константина Победоносцева в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология / Вступ. ст., сост. и примеч. С.Л. Фирсова. – СПб.: РХГИ, 1996. – 576 с. – (Русский путь).
 18. Ковалев В.А., Тетерина А.А. К.П. Победоносцев и его отношение к Судебной реформе 1864 года // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 6. – С. 43-48.
 19. Литвинов Н.Д., Литвинова А.Н. Ликвидация императора России Александра II. 1 марта 1881 г. // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 2. – С. 137-149.
 20. Литвинов Н.Д., Литвинова А.Н. Покушение на Александра II в Зимнем дворце 5 февраля 1880 г. // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 5. – С. 171-182.
 21. Литвинов Н.Д., Балан В.П., Литвинова А.Н. Покушения на императора Всея Руси Александра II на объектах железнодорожного транспорта (1879 г.) // Мир политики и социологии. – 2016. – № 12. – С. 74-84.
 22. Маков Б.В. Мастерство парадокса в речах А.Ф. Кони // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 11. – С. 150-153.
 23. Макушин А.А., Перцева А.А. Константин Петрович Победоносцев – выразитель идеи русского консерватизма // Мир политики и социологии. – 2019. – № 7. – С. 93-96.
 24. Министры внутренних дел России (1802-2018): Биографический справочник / Сост.: Ч.Н. Ахмедов, С.Е. Байкеева, И.В. Романова, С.В. Ремнева, Т.Г. Лясевич, А.А. Удальцов. – СПб.: Р-КОПИ, 2018. – 140 с., ил.
 25. Нижник Н.С., Сальников В.П., Мушкет И.И. Министры внутренних дел Российского государства (1802 – 2002): Биобиблиографический справочник. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 584 с. – (Серия: «МВД России 200 лет»).
 26. Пушкарева Г.В. Политические кризисы: содержание, виды и факторы эскалации // Вестник Московского университета. – Серия 21: Управление (государство и общество). – 2016. – № 1. – С. 140-164.
 27. Рыбас С., Тараканова Л. Жизнь и смерть Столыпина. – М.: Недра, 1991. – 206,[1] с.: ил.
 28. Савин С.Д. Политическая стабильность в изменяющемся обществе: Автореф. дис... канд. полит. наук: 23.00.02. – СПб., 2003. – 33 с.
 29. Свербиль О.С. Современная уголовно-правовая квалификация содеянного В. Засулич // Юридическая наука:

- история и современность. – 2018. – № 3. – С. 96-98.
30. Семенов Юлиан. Гибель Столыпина. Кровавый канун апокалипсиса. – СПб.: Амфора, 2014. – 254 с.
31. Сидоровнин Г.П. П.А. Столыпин. Жизнь за Отечество. Жизнеописание (1862-1911). – М.: О-во сохранения лит. Наследия, 2014. – 792 с.: илл.
32. Степанов С.А. Столыпин. Жизнь и смерть за Россию. – М.: Яуза : Эксмо, 2009. – 446, [1] с.
33. Столыпин: жизнь и смерть (1862-1911): Сборник. – Саратов: Приволжское книжное изд-во, 1991. – 468,[2] с., [16] л. ил.
34. Федякин А.В. Реализация национальных интересов как стратегический приоритет современной российской политики // Вестник Российской нации. – 2014. – № 6. – С. 110–132.
35. Федякин А.В. Справедливое и сильное государство в образе России // Вестник Московского университета. – Серия 12. Политические науки. – 2009. – № 3. – С. 28–36.
36. Фирсов А.В. Особенности поддержания политической стабильности в современной России // Вестник Российской нации. – 2016. – № 5. – С. 224–235.
37. Цыплакова Е.П., Кирсанова Н.П. Деградация элит как фактор кризиса украинской государственности // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 5. – С 65-67.
38. Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. – М.: Экономика, 1995. – 540 с.
39. <https://www.syl.ru/article/329459/ministerskaya-cheharda---krizis-vlasti-v-godu>.

ГАЛИЦКИЙ Владимир Прохорович,
действительный член (академик) Академии военных наук, доктор юридических наук, профессор, капитан 1 ранга, заслуженный деятель науки России (г. Москва, Россия)
E-mail: vladimir.vgalizky@yandex

КИРЕЕВ Михаил Павлович,
профессор Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Москва, Россия)
E-mail: mihail.kireev.1950@mail.ru

ЛИТВИНОВ Николай Дмитриевич,
руководитель экспертного центра «Национальной безопасности», доктор юридических наук, доцент (г. Воронеж, Россия)
E-mail: ndlitvinov49@mail.ru

РОДИОНОВ Дмитрий Алексеевич,
аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Ростов-на-Дону, Россия)
E-mail: pskov.1980@mail.ru

Специальность 5.1.4 – Уголовно-правовые науки

КРИМИНАЛЬНАЯ ПРОНИЦАЕМОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЫ И ТЕРРИТОРИИ В МЕХАНИЗМЕ ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ ЗАПАДА И РОССИИ. ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

***Аннотация.** Рассматриваются проблемы проницаемости государственной границы Российской Федерации в контексте противодействия формам и методам гибридной войны, объявленной объединенным Западом против нашей страны. Анализируются особенности формирования государственной границы Российской империи, которые ослабляли государственную власть и способствовали созданию мощнейшей, преимущественно этнической, революционно-террористической сети гибридной войны. Приводятся данные об обучении террористов в зарубежных учебных центрах, создании за рубежом бандформирований для действий на территории России, поставках из-за рубежа огнестрельного оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств. Формулируется вывод о том, что исторические аспекты защиты России от криминальной проницаемости участников гибридных войн заслуживают особого внимания в современных условиях.*

***Ключевые слова:** гибридная война; государственная граница; проницаемость; терроризм; Российская империя; революционно-террористическое организации; этно-политические партии.*

**GALITSKIY V.P.
KIREEV M.P.
LITVINOV N.D.
RODIONOV D.A.**

CRIMINAL PERMEABILITY OF THE STATE BORDER AND TERRITORY

IN THE MECHANISM OF THE HYBRID WAR BETWEEN THE WEST AND RUSSIA. COUNTERMEASURES ISSUES

The summary. The problems of the permeability of the state border of the Russian Federation are considered in the context of countering the forms and methods of the hybrid war declared by the united West against our country. The features of the formation of the state border of the Russian Empire, which weakened state power and contributed to the creation of a powerful, predominantly ethnic, revolutionary-terrorist network of hybrid war, are analyzed. Data are given on the training of terrorists in foreign training centers, the creation of bandit formations abroad for operations on the territory of Russia, the supply of firearms, explosives and explosive devices from abroad. The conclusion is formulated that the historical aspects of the protection of Russia from the criminal permeability of participants in hybrid wars deserve special attention in modern conditions.

Key words: hybrid war; state border; permeability; terrorism; Russian empire; revolutionary terrorist organizations; ethno-political parties.

К началу XXI века в мире сформировались транснациональные террористические организации, координирующих между собой сотрудничество. В информационно-политической среде появился новый «нарратив – стратегический терроризм». Многочисленные исследователи стали рассматривать терроризм как «повстанческую войну». Они пришли к выводу, что терроризм является и особой формой психологической борьбы, битвой за умы с помощью воли [150]. И данная формулировка отсылает к классикам военной мысли от Фукидида до Клаузевица [19; 44; 50; 64; 89; 131; 143].

Терроризм представляет серьезную опасность для суверенитета современной России. Не случайно эта проблема привлекает многих отечественных исследователей [6; 7; 8; 11; 113; 114; 115; 124].

Международный терроризм стали сравнивать с герильей. Исследователи пришли к выводу, что для борьбы с терроризмом «нужна своя стратегия, адекватная для своего места и времени» [107]. Английские авторы П. Нойман и М.Л.Р. Смит (кафедра военных исследований Королевского колледжа Лондона) пришли к выводу, что «терроризм должен более адекватно рассматриваться как военная стратегия». И что «только путем изучения динамики стратегического терроризма можно создать необходимую концептуальную основу, с помощью которой прийти к полному пониманию роли террористического насилия в походах некоторых групп, которые вышли за пределы использования

стратегического терроризма в продвижении своих целей» [107; 151].

В этой связи особого внимания заслуживает история Российской империи, которая после 60-х годов XIX стала ареной развития международного, европейского и турецкого терроризма. Россия прошла путь от листовок экстремистского содержания до партийно-охлакратического террора, деятельности международных боевых организаций на своей территории. В том числе вооруженных восстаний населения и войсковых частей; уничтожения представителей высшей государственной и функциональной элиты. На территории Российской империи велись гибридные войны, которые не получили достаточного освещения в литературе.

В современных условиях военные теоретики США и НАТО, ведущие политики этих государств, разрабатывают учение о гибридной войне. Как отмечается в литературе, «гибридная война – термин, который сформировался в XX веке военными специалистами в Соединенных Штатах Америки для применения военной стратегии, включающей в себя обычную войну, малую войну, кибервойну, которая включает в себя применения ядерного, биологического, химического оружия, самодельных взрывных устройств, средств информационной войны, в современных условиях новый исторический подход в разрешении конфликтов является ведущим видом войны» [144].

По словам американского теоретика гибридной войны, (подполковника Корпуса морской

пехоты США) Билла Неметта, гибридная война – это «современный вид партизанской войны», который «объединяет современные технологии и современные методы мобилизации».

Генсек НАТО Йенс Столтенберг заявил 1 декабря 2015 года, в Брюсселе, что «гибридная война охватывает широкий перечень различных типов военных действий. Обычно этот термин используют для описания сочетания военных и невоенных средств, скрытых и открытых операций... Это комбинация различных гражданских и военных приемов» [144].

Далее Йенс Столтенберг сказал, что «гибридная война не является новой. Это старо, как троянский конь. Чем она отличается от прошлого – это своим масштабом, скоростью и интенсивностью» [144].

Согласимся с данным высказыванием. Механизм гибридной войны изложен в трактатах военного теоретика древнего Китая Сунь-Цзы (VI в. до н.э.) «Трактаты о военном искусстве». Сунь-Цзы писал, что война – это «путь обмана». Он сформулировал 13 таких способов военной хитрости, как: «заманивай противника выгодой», «приведи его в состояние расстройств», «приняв смиренный вид, вызови в нем самомнение», «если у него силы дружны – разъедини» [130, стр. 36, 49, 70]. В китайском трактате по военному искусству и военной науке «Шесть секретных учений Тай Гуна» говорилось о «двенадцати правилах гражданского наступления» в случае ведения войны. Куда входили: тайный подкуп помощников правителя страны-противника, лесть, превознесение и восхваление его самого, поддержка его чиновников [45; 55, стр. 99].

Механизм гибридных войн на полную мощь был введен в действие против Российской империи, в 1861 – 1917 гг. В результате чего громадная сверхдержава, Российская империя, рухнула в феврале – марте 1917 года.

На сегодняшний день во всех странах и военно-политических объединениях нет единого понятия «гибридной войны» [83]. Военные теоретики России также исследовали потенциальные возможности гибридных войн. Полковник Генерального штаба Русской императорской армии Е.Э. Месснер издал в 1960 году в Буэнос-Айресе книгу «Всемирная мятежевойна». Он утверждал, что гибридная война, «это есть современная версия и форма войны, как вооруженной

борьбы: 1) война негосударственных вооруженных формирований против государства как такового и без официального участия в войне государственных вооруженных сил вторжения, осуществляемая методом вооруженного нашествия, 2) это вооруженная борьба геополитических противников России возглавляемых США, против государства, морали и порядка, организованная – негодьями и осуществляемая уродами и отмороженками местных и пришлых фашистских (ваххабитских) и других террористических формирований, осуществляемые под лозунгами и прикрытием «гражданской войны», 3) Это есть – организованное убийство местного населения и тотальный геноцид нормальных людей» [83].

О необходимости введения новой тактики ведения военных и невоенных действий, на наш взгляд, хорошо сказали военные теоретики современной России. «Изменение форм вооруженной борьбы в конце XX – начале XXI в., наличие у противоборствующих сторон оружия массового поражения вызвало к жизни новые способы противоборства, тесно связанные не только с применением военной силы, но и других несиловых методов противоборства, направленных на подрыв противника изнутри в различных сферах его жизнедеятельности (политической, социально-экономической, идеологической, духовной и ряда других)» [132].

Классическая схема гибридной войны выглядит следующим образом. Государство-агрессор (блок государств-агрессоров) выбирает для своей агрессии государство-мишень. Основная цель агрессии – смена политического режима; изменение формы государственного правления; разрушение территориальной целостности и пр. Как правило, это сильное государство, с которым опасно связываться «в открытом бою». И тогда в дело включается механизм «тайной войны». Государство-агрессор начинает формировать «ополчение» на территории государства-мишени из числа населения самого государства. Население государства-мишени становится субъектом гибридной войны на стороне противника своего государства. Для этого проводится масштабная работа по вербовке тех слоев населения, кто недоволен политическим режимом, формой правления, государственным устройством, проводимой государственной политикой; кто имеет «обиды на власть».

В основе гибридной войны и революционного

террора всегда лежит экстремистская целеформирующая и организационно-объединяющая идея. Идея формулирует политическую цель, достижение которой возможно только криминальным путем. Идея формирует мотив криминальной деятельности; освобождает (психологически) исполнителя от чувства вины. Особенность революционного движения, террора, гибридных войн в Российской империи состояла в том, что все экстремистские идеи были зарубежного происхождения.

Запад периодически «запускал» экстремистские идеи, с учетом принципов ориентированности и востребованности. Идеи были притягательны для определенных слоев населения: национальных, возрастных, социально-профессиональных и др. Все идеи формировали цель уничтожить политический режим государства-мишени. Из числа местного населения, воспринявшего те или иные идеи, вербовались кадры противников Самодержавия. Из них готовили оппозицию, подстрекателей, организаторов протестных актов, террористов, диверсантов и пр. Для этого государство-агрессор направляло на территорию государства-мишени своих подстрекателей, инструкторов, организаторов гибридной войны; оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества (ВВ) и самодельные взрывчатые устройства (СВУ); обучало на своей территории завербованное население государства-мишени.

В решении этих непростых задач было единственное препятствие – государственная граница. Вот почему государство-агрессор и участники структур гибридной войны вырабатывают меры незаконного пересечения государственной границы. После чего – и территории государства-мишени. Таким образом, основные события происходят на территории государства-мишени, попасть куда можно только после пересечения государственной границы.

Территория государства является его обязательной составной частью [4; 5; 10; 51; 52; 119; 126, стр. 37-59.]. Любое государство представляет собой триединый блок, куда входят: территория, население, власть. Отсутствие государственной территории не дает возможности появиться самому государству. Территория является главенствующей составной частью. Население может меняться по национальным, половозрастным, социально – профессиональным и иным характеристикам. На смену ушедшего либо

уничтоженного населения на эту территорию могут прийти другие люди. Власть тоже нестабильна. Меняется политический режим, меняется форма правления. Власть меняется, уходит, уничтожается. Стабильной остается только территория.

В свою очередь, «государственная территория» является сложной составной частью. Она может быть сухопутной, водной, воздушной. Она обладает площадью; конфигурацией; протяженностью границ; географическими и климатическими особенностями; качественными характеристиками. Она обладает недрами, находящимися в глубинах территории. «Земные недра под сухопутной и водной поверхностью государства находятся под его полным и исключительным суверенитетом. Это право народов и наций закреплено во многих международно-правовых актах» [28].

Территория государства обладает особым правовым статусом. Она «создает» государство; позволяет объединять проживающее на ней население под эгидой государственной власти; создает условия для выполнения внешних и внутренних функций государства, и т.п. Как отмечают теоретики государства и права, «правовой режим государственной территории определяется национальным законодательством; некоторые вопросы государственной территории могут стать предметом регулирования нормами международного права» [28].

Современные российские юристы-международники считают, что «государственная территория – это пространственная сфера осуществления государственного верховенства. В пределах государственной территории действует исключительно власть данного государства, которое обладает полным и исключительным суверенитетом, иначе говоря, обладает территориальным верховенством, которое неразрывно связано с понятием суверенитета государства» [28].

Защита государственной территории является одной из задач государственной власти. Ибо, захват государственной территории государства-объекта силами государства-агрессора может привести к ликвидации самого государства; изменению правового положения населения и территории. Не случайно при внесении поправок 2020 года в Конституцию РФ [12; 20; 21; 39; 61; 62; 146] этому вопросу было уделено очень серьезное внимание.

Обязательным признаком государства является

его суверенитет. «Суверенитет, – *гласит современная теория государства и права*, – это юрисдикция государства, распространяемая на всю свою территорию и на всех граждан, людей, проживающих на этой территории. Суверенное государство представляет собой территориальное образование, которое контролирует население...» [103, стр. 95]. Все учебники по теории государства и права обращают внимание на суверенитет государства [56; 63; 79; 80; 88; 101; 118; 133; 134; 135]. Этой проблеме посвящена многочисленная научная литература [22; 42; 53; 54; 86; 148]. Одной из форм защиты государственного суверенитета является защита государственной территории от несанкционированного доступа на его территорию, передвижения по его территории физических лиц, перемещения предметов, товаров, транспортных средств и пр.

Территория государства начинается с государственной границы. Как говорится в Законе РФ от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 «О Государственной границе РФ» (с изменениями и дополнениями), «государственная граница Российской Федерации есть линия и проходящая по этой линии вертикальная поверхность, определяющие пределы государственной территории (суши, вод, недр и воздушного пространства) Российской Федерации, то есть пространственный предел действия государственного суверенитета Российской Федерации» [1].

Каждая государственная граница обладает своими особенностями: территориальными (сухопутная, водная, воздушная); географическими; климатическими; качественными характеристиками территории и пр.

Защищая свой государственный суверенитет, государство устанавливает законодательные меры пересечения границы и передвижения по государственной территории. Тем самым государство осуществляет контроль за перемещением по своей территории людей и грузов. Современная теория государства и права называет режим защиты государства «внешним суверенитетом», как стремление государства «обеспечить территориальную целостность и невмешательство во внутренние дела страны со стороны внешней среды (государств)» [103, стр. 96].

В ведении гибридных войн против Российской империи Запад, как коллективный субъект агрессии, активно использовал незаконное пересечение государственной границы и территории

Российской империи.

В формировании государственной границы Российской империи был ряд особенностей. Которые, в конечном счете, ослабляли государственную власть и способствовали развитию этнического революционно-террористического движения.

Первая особенность состояла в постоянном приращении территории государства, а следовательно, формировании новых границ в различных регионах Российской империи.

Территория Российской империи формировалась в результате:

- а) добровольного вхождения в состав империи племен и этносов со своими территориями;
- б) по международным договорам;
- в) в результате военных действий;
- г) приобреталась у бывших государственных собственников, и др. Присоединялись территории Кавказа, Средней Азии, Прибалтики, Польши, Финляндии, Украины, Бессарабии, Дальнего Востока.

Присоединяемые территории обладали разнообразными географическими, климатическими, качественными и иными характеристиками, которые надо было учитывать при организации охраны границ [16; 17; 25].

Вторая особенность: на протяжении длительного времени отсутствовала единая государственная системы охраны границ.

Вот почему особой заботой государства стало строительство и совершенствование системы охраны и защиты границы империи в 1725-1827 гг. Уже при Петре I охрану границ осуществляли сухопутные войска, «поселенные войска (ландмилиция)», казацкие формирования.

В 1782 году, согласно Указу Екатерины II: «Об учреждении таможенной цепи», началось создание «вольнонаемной пограничной стражи». С 1827 года началось создание для охраны границы специальных войск. После восшествия на престол Николая I началось усиление западной государственной границы. К примеру, в августе 1827 года, по Высочайшему повелению императора Николая I, в целях «воспрепятствования бесполошному (тайному) провозу из-за границы разных товаров помимо таможи», на границе с Пруссией был создан «один из тринадцати военных таможенных округов Пограничной таможенной (с 1832 года – Пограничной) стражи

Российской Империи» [104].

Исследователи дореволюционной России уделяли пристальное внимание вопросам охраны границ. Так, в трудах В.Н. Татищева, Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского содержится интересная информация об организации сторожевой службы на рубежах Киевской Руси, Московского и Российского государства. В 1846 году вышла в свет книга профессора Московского университета И.Д. Беляева: «О сторожевой, станционной и полевой службе на польских украинских Московского государства до царя Алексея Михайловича». В 1886 г. была издана книга сотрудника Департамента таможенных сборов К.Н. Лодыженского, об истории пограничной таможенной службы.

На определенном историческом этапе развития нашего Отечества серьезное внимание границе стал уделять и политическая полиция [33].

Третья особенность: этно-религиозные особенности «нового населения», включаемого в состав Российской империи в результате военных побед, добровольного вхождения, захвата территорий и пр.

Многие этносы находились на доцивилизационном уровне развития, вели кочевой, полукочевой либо бродячий образ жизни. А главным средством существования было «набеговое производство», грабежи окружающих племен и народов. Соответственно, население присоединяемых территорий обладало разным уровнем законопослушности, в том числе, и соблюдения пограничного законодательства. Территория Царства Польского была зоной постоянного возмущения определенных групп населения, вооруженных восстаний, что в значительной мере обеспечивалось возможностью бесконтрольного пересечения государственной границы отдельными лицами и отрядами.

Четвертая особенность: граница Российской империи, практически, с самого своего появления, активно использовалась для незаконного пересечения людьми, переправки контрабандных товаров через границу.

Это было естественное состояние для населения приграничных государств. У кого-то остались родственники на той стороне границы. Где-то, на территории соседних государств, был более высокий уровень развития промышленности; либо производились изделия, отсутствовавшие у

континентальной России. К примеру, на Кавказ с территории Турции в большом количестве поступали турецкие ятаганы, пистолеты. Оружие пользовалось высоким спросом, а потому контрабандисты обеспечивали большие объемы поставок. Чем прочнее становилась граница, тем организованнее становилась контрабанда. В определенные периоды контрабанда превращалась в национальное бедствие для государства.

Естественно, империя делала упор на защиту государственной границы от незаконного пересечения ее, в ущерб от защиты контрабандного перемещения товаров и грузов. К примеру, в 1811 г. было разработано «Положение об устройстве военной стражи». Граница от Паланги до Ягорлыка (более 1600 верст) делилась на 150-верстные участки, для охраны которых были выделены 8 полков донских и 3 полка бугских казаков. В то же время таможенная стража с западной границы была снята [9].

При охране государственной границы прежде всего ставился вопрос о противодействии контрабанде. Ибо контрабандой в Россию завозились взрывчатые вещества, электродетонаторы, бикфордовы шнуры и др. Так, в 30-е годы XIX века контрабанда резко активизировалась на российско-прусской границе. Объясняется тем, что, «в начале 1830-х годов через российско-прусскую и российско-польскую границы резко возрос поток контрабанды» [104]. Что можно объяснить более высоким уровнем развития европейской промышленности; более широким диапазоном выпускаемых товаров. Это повлекло необходимость создания дополнительных таможенных округов. Поток контрабанды был столь велик, что контрабандисты создавали незаконные вооруженные формирования, «в сто, а то и более человек... принялись нападать на пограничные наряды, а, когда встречали отпор со стороны превосходящих сил пограничников, отказывались сложить оружие и вступали с ними в бой» [104].

Для защиты государственной границы руководство страны вынуждено было принимать особые меры. Так, «в 1832 году Пограничная стража Юрбургского военного таможенного округа была усилена двумя эскадронами кавалерии и двумя ротами пехотного полка, а в 1836 году дополнительно – пехотным полком с легкой батареей восьмиорудийного состава» [104; 77]. Использование для охраны границы легкой артиллерии уже само собой говорит

о сложности положения на границе. Задержания контрабандистов временами напоминали действия по задержанию незаконных вооруженных формирований. Так, 5 декабря 1846 года «у местечка приграничного к Восточной Пруссии Анджеево» пограничный наряд «из шести объездчиков» задержал конный обоз с контрабандой. Обоз состоял из пяти саней и охранялся «одиннадцатью дюжими по физической стати контрабандистами». Которым вскоре пришли на помощь «мелкие вооружённые группы из числа местных жителей» [104].

Исследователи в основном говорят об опасности контрабанды: незаконной перевозки (незаконного перемещения) товаров, ценностей или других предметов через государственную границу. В свою очередь, под «незаконным перемещением» понимается тайное, с нарушением установленных процедур, перемещение товаров, ценностей и предметов, перемещение которых запрещено законом либо ограничено. На наш взгляд, это несколько некорректное определение «незаконного перемещения».

Прежде всего перемещение через государственную границу осуществляется «тайно», «незаконно», с нарушением таможенных либо пограничных правил, установленных государством. Подобного рода «тайные перемещения» наказываются в уголовном либо административном порядке. «Тайность» может выступать в ряде форм. «Тайность», как перемещение вне контроля должностных лиц, призванных регулировать процесс «перемещения». «Незаконно», значит и сам механизм «тайности», и предмет перемещаются в нарушение установленных правил, в нарушение перечня товаров, которые могут ввозиться официально. Контрабанда, таинство и незаконность активно использовались при переправке через границу в Россию оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств [104].

Контрабанда предполагает тайное и незаконное перемещение через границу товаров и предметов, обладающих высоким уровнем востребованности у населения. Применительно к гибридным войнам стоимость незаконно перемещаемых через границу «товаров и предметов» не является их главным показателем. Переправляемые товары и предметы могут обладать копеечной стоимостью, но иметь важное значение для развития гибридной войны. К примеру, в период Российской империи через границу,

контрабандно, перемещались газеты и журналы экстремистского содержания. Материальная ценность этих изданий могла быть копеечной. Но, они несли информацию экстремистского содержания, которая формировала мотивы борьбы с политическим режимом; подстрекала читателей на совершение государственных преступлений.

Более того, нередко доставка в Россию определенного рода грузов контрабандным путем обходилась значительно дороже, нежели официальная переправка через таможню. В 1865 году военно-следственная комиссия на территории Царства Польского обратила внимание на контрабандную переправку в Россию фосфора. В 1864 году путем контрабанды в Россию из-за границы, были переправлены, «через Белосток в Санкт-Петербург... и в Москву..., до 80 пудов фосфору. Занимались этой пересылкой контрабандисты-евреи. При этом замечательно то обстоятельство, что пересылка одной банки фосфору в 10 фунтов, доставленной дозволенным, т. е. прямым путем из Кенигсберга в Петербург, по расчету сведущих людей», обходилась в 4 р. 85 коп. Между стоимостью контрабандного фосфора доходила до 10 р. 25 коп. Но, фосфор использовался для негласных поджогов. Евреи на территории Царства Польского создали этническую криминальную сеть. Они страховали, а затем поджигали различного рода строения. Для этого мог понадобиться фосфор [9]. Поэтому, на наш взгляд, понятие «контрабанда» не охватывает всех предметов, товаров и ценностей, тайно перемещаемых через границу.

С 1856 года в Российской империи началась полоса великих реформ. Были подготовлена и проведена крестьянская реформа 1861 года, отменившая крепостное право. Проведены земская, городская, судебная и военная реформы [13; 18; 38; 43; 84; 87; 102; 120; 122, стр. 121-187]. Расширялась сеть учебных заведений различного уровня. Совершенствовалась работа органов государственной власти, и пр. Разрабатывалась пограничная политика империи, направленная на защиту государственной границы от криминального проникновения. Все это объективно способствовало росту экономической и военной мощи империи.

Запад моментально среагировал на преобразовательную деятельность Александра II. Уже 1 марта 1861 г. в Европе была обнародована программа международного террориста

Л. Мерославского о развитии гибридной войны против Российской империи. Реализовывать мероприятия которой можно было только с использованием незаконного пересечения государственной границы.

В своей программе Л. Мерославский обозначил территории ведения гибридной войны: внутренние регионы России: «бросим огни и бомбы за Днепр и Дон, в самое сердце Руси», «во внутренности Москвы».

Он сформулировал формы и методы ведения гибридных войн: социальные и национальные конфликты, «ссоры в самом русском народе, пусть он разрывает себя собственными ногтями».

Были обозначены объекты гибридных войн: «попы, чиновники и бояре», то есть представители идеологического, функционального, и элитного слоев населения [138, стр. 29; 58, стр. 132; 140, стр. 11].

Таким образом, Запад выступил в роли коллективного агрессора. А объектом агрессии, страной-мишенью, стала Российская империя. Ведение гибридных войн на территории империи требовало активного пересечения государственной границы, территорий, незаконной доставки на территорию России оружия, подстрекательской литературы, взрывчатых веществ, отравляющих веществ и пр.

Указанные выше особенности формирования государственной границы Российской империи, безусловно, ослабляли государственную власть и работали на развитие этнического революционно-террористического движения. Но эта особенность формирования нашей государственности свидетельствует о суверенном характере и ее идеологии [13; 18; 38; 43; 84; 87; 102; 120; 122] и о суверенитете сформировавшейся русской философско-правовой науки [46; 48; 49; 116; 117; 121; 145], о чем настойчиво в крайнее десятилетие пишут отечественные философы и юристы профессора В.П. Сальников, С.И. Захарцев, Д.В. Масленников, Р.Ф. Исмагилов, их последователи и ученики.

В условиях Российской империи ведение гибридной войны сопровождалось активным пересечением государственной границы. Естественно, часть пересечений границы осуществлялась на основе действующего законодательства, в том числе, с использованием загранпаспортов. В то же время активно использовалась криминальная проницаемость государственной

границы. На наш взгляд, можно выделить два признака незаконности пересечения границы:

- 1) пересечение границы через пограничные КПП с использованием «документов прикрытия». Причем, «документы прикрытия», чаще всего, изготавливались за рубежом на иностранных граждан;
- 2) пересечение государственной границы вне пределов пограничных КПП, с нарушением режима охраны границы.

К примеру, 10 марта 1875 года на российско-прусской границе пограничники задержали двух подданных России, ехавших из Европы: Морозова и Саблина. Пограничники при проверке документов обратили внимание на то, что «граждане иностранного государства, имевшие прусские легитимационные билеты, Морозов на фамилию Энгеля и Саблин – Фридриха Вейсмана, разговаривали между собой по-русски».

В Пруссии легитимационные билеты выдавались своим гражданам ландратами и полицией президентств сроком от 3 до 28 дней. Подданные России не могли получить такие временные документы. К тому же Саблин – Фридрих Вейсман, как оказалось, находился в розыске по делу о «хождении в народ» [93]

Незаконное пересечение границы нередко осуществлялось вообще без каких-либо документов. Здесь использовались два варианта:

- а) нелегальное перемещение, чаще всего, с помощью представителей приграничного населения, контрабандистов и т.п.;
- б) нелегальное пересечение границы с использованием коррупционных связей среди сотрудников пограничных учреждений.

В Российской империи незаконное перемещение границы стало активно использоваться после начала против нее гибридных войн. В 1861 году на территории Царства Польского началась подготовка вооруженного восстания. На этапе подготовки и в ходе восстания 1863-1864 годов организаторы восстания, наемники из государств Западной Европы, вооруженные отряды, активно и незаконно пересекали государственную границу [74]. То есть осуществлялась «криминальная проницаемость границы».

В конце XIX столетия на территории Российской империи началось создание международной этно-политической и революционно-террористической сети ведения гибридной

войны. Она была сформирована, преимущественно, из тех этносов, которые на разном этапе создания империи входили в состав государства. Основными организационными структурами гибридной войны стали этно-политические партии и революционно-террористические организации. Наибольшую активность в гибридной войне проявляли следующие:

а) Польские революционно-террористические партии и организации, структуры гибридной войны. Создание вооруженных формирований гибридной войны началось с польского вооруженного восстания 1863-1864 гг. В последующем наибольшее количество экстремистских и террористических структур гибридной войны действовали именно на территории Царства Польского. К числу основных из них можно отнести: «Польская Лига» (1888 г.), преобразованная в «Польскую Народовую Лигу». «Народовый Скарб». «Народовый рабочий Союз». «Польская прогрессивная партия». «Партия реальной политики». «Польский союз Белого Орла». «Польский Народный Союз». «Партия польской государственности». «Союз мести польского народа». «Союз национального образования». «Лига независимости Польши». «Польская социалистическая партия». Выделение из состава партии «Боевой фракции польской социалистической партии». Структуры польских революционно-террористических организаций активно действовали во внутренних регионах России. В частности, именно поляки подготовили покушение Д. Каракозова на Александра II.

б) Украинofilьские и Прибалтийские националистические партии. Украина в значительной мере находилась под влиянием поляков. После освобождения территорий Малороссии от польской оккупации на этих землях остались поляки. Которые сохранили свои помещичьи владения, свои позиции в образовании, культуре. И которые оказывали существенное негативное влияние на самих украинцев, постоянно подстрекая их к борьбе с Россией. На территории Малороссии была создана экстремистская организация «Спилка» (1901 г). Затем, «Украинская радикально-демократическая партия»; «Украинская народная партия». Прибалтика длительное время была оккупирована поляками и немцами. На территории Прибалтики активно создавались экстремистские и террористические организации. «Социал-демократия латышского

края» («Латышский социал-демократический союз». В 1905 году в структуре партии были созданы: «Боевая организация» и «Группы лесных братьев»). «Заграничный Комитет социал-демократии Латышского края». «Литовская социал-демократическая партия». «Литовская демократическая партия». «Союз литовских христианских демократов». «Рижское Латышское общество» как первая национальная латышская организация (создана в 1868 г.). «Латышская народная партия». «Балтийская конституционная (немецкая) партия» (1905 г.). «Латышская Конституционно-демократическая партия». «Эстонская Свободомыслящая прогрессивная партия». «Демократическая партия».

в) Основным этническим субъектом развития революционно-террористического движения стали евреи. Евреи присутствовали во всех ведущих политических партиях экстремистской направленности. Они создавали свои, чисто еврейские националистические, экстремистские, террористические организации. «Социалистическая еврейская рабочая партия «Серп». «Всеобщий еврейский рабочий Союз в Польше и Литве» («Бунд»). Создание еврейских «Боевых дружин». Несмотря на малочисленность самих организаций, они были ведущими в антироссийской деятельности. Евреи составляли организационное ядро всех революционных партий, в том числе, социалистов-революционеров и РСДРП.

г) Финляндские националистические организации. Шведские (шведоманские) и финские (младо-финноманские) экстремистские организации. Финский рабочий союз. Финская студенческая социал-демократическая рабочая партия.

д) Кавказские террористические организации. Армянская партия «Дашнакцутюн» и «Гнчак». Грузинская партия социалистов-федералистов. Организация «Мудафе» и др.

Таким образом, на территории Российской империи стараниями Запада, как коллективного агрессора и организатора гибридных войн, была создана мощнейшая, преимущественно, этническая, революционно-террористическая сеть гибридной войны, которая буквально накрывала и разрывала всю Россию. Заказчики и организаторы этой сети находились за рубежом, в странах Западной Европы.

Обратим внимание еще на одну особенность этно-политических и этно-террористических

субъектов гибридной войны. Основная часть этносов, создававших партии и организации, проживала в приграничной зоне Западных регионов империи и Кавказа. Что существенно облегчало незаконное пересечение границ.

У этих этнических революционно-террористических организаций была одна особенность. Они действовали полностью под контролем Запада; выполняли его волю и указание.

Запад, как организатор гибридных войн, проводил многогранную политику в отношении структур гибридных войн. Прежде всего, он определял цели и задачи создания структур гибридной войны. Так, первая организация «Земля и Воля» возникла на стадии подготовки польского вооруженного восстания 1863-1864 гг., для его поддержки. Члены «Земли и Воли» создавали организационные центры для вербовки молодежи (кружки); распространяли литературу экстремистского содержания; занимались шпионажем в пользу польского восстания.

Второе общество «Земля и Воля» было создано на стадии подготовки России к русско-турецкой войне на Балканах. Именно это общество попыталось организовать крестьянское восстание на юге Киевской губернии, («Чигиринский заговор»). Чтобы нанести удар по каналам снабжения русской армии, воевавшей на Балканах [67]. «Народная Воля» была создана, конкретно, для ликвидации Александра II [68].

В конце XIX века Запад приступил к развитию партийно-охлакратического террора на территории Российской империи, как формы ведения гибридной войны. Запад управлял созданием и деятельностью революционно-террористических организаций; готовил кадры организаторов и боевиков; обеспечивал финансовое, политическое, информационное сопровождение, материальное обеспечение террора (оружие, ВВ, ВУ). Практически все эти задачи решались с использованием криминальной проницаемости государственной границы и территории Российской империи; с незаконным и тайным перемещением через государственную границу литературы экстремистского содержания, людей, ВВ и СВУ [127; 137].

Вот почему, начиная со второй половины XIX века, в России резко активизировалось незаконное пересечение государственной границы участниками гибридной войны; переправка через границу огнестрельного оружия,

взрывчатых веществ, взрывных устройств, литературы экстремистского содержания [26; 108]. Произведения печати, шрифты, печатные станки, прибывавшие в Россию через границу, привлекали особое внимание таможенных учреждений. Уже 9 июня 1879 года III Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии направило циркуляр в таможенные учреждения. «Таможенные учреждения, – *говорилось в циркуляре*, – не ожидая запросов со стороны жандармских чинов, обязаны сообщать им о привозе из за границы всех произведений печати, шрифтов и печатных станков, немедленно по выпуске их из таможен, указанием времени поступления, досмотра и выпуска, а также и адресов отправителей и получателей товаров» [60, стр. 95]. В свою очередь жандармские управления по получении этих сведений должны были «проверять их относительно личности получателей и о всем, заслуживающем внимания, сообщать департаменту полиции» [60, стр. 95].

Криминальная проницаемость государственной границы – это несанкционированное, противоречащее действующему государственному законодательству, пересечение государственной границы физическими лицами; перемещение через нее грузов, предметов, транспорта; веществ, предметов и средств, запрещенных к официальному перемещению.

Российская империя была крупнейшей державой мира. Эта держава обладала самыми протяженными, но слабыми границами. Приграничное население которых нередко принимало активное участие в незаконной переправке через границу людей и грузов. Отдельные участки границы Российской империи обладали достаточно высоким уровнем криминальной проницаемости. Что позволяло использовать их в интересах гибридных войн и террористических организаций.

На территории русской Литвы и Северной Пруссии в первом десятилетии XX века существовал достаточной стабильный контрабандный канал. Используя лесистую местность, большевики наладили переправку через границу людей, нелегальной литературы и др. В этот нелегальный канал были включены немецкие и литовские контрабандисты [14, стр. 150-151]. Они переправляли через границу людей и грузы.

Таким образом, криминальная проницаемость территории государства является одной из форм ведения гибридных войн. Криминальная

проницаемость государственной территории начинается с незаконного, несанкционированного перемещения через границу и по территории государства людей, товаров, предметов. Активизация операций гибридной войны существенно отразилась на функционировании государственной границы. В деловой переписке между Департаментом таможенных сборов, Департаментом полиции и начальниками пограничных пунктов появилось новое определение: политическая контрабанда. Отсутствие четкого определения «политической контрабанды» нередко приводило к тому, что «подлинные письма, заключавшие в себе зашифрованный текст», направлялись не в Департамент полиции, а в Комитет цензуры иностранной. Где на зашифрованную переписку просто не обращали внимания и отправляли письма адресатам [60, стр. 97].

После незаконного пересечения государственной границы криминальная проницаемость границы переходит в криминальную проницаемость территории. Ибо люди, незаконно прибывшие в Россию, товары и предметы, не изъятые Таможенным ведомством, далее начинали перемещаться по внутренним территориям государства, с нарушением действующего государственного законодательства.

Для защиты государственной границы от криминальной проницаемости применяется законодательство государства. Теория государства и права утверждает, что «территориальные границы государства считаются священными и неприкосновенными» [103, стр. 88].

В современной теории государства и права, в теории гибридных войн, практически не рассматриваются вопросы проницаемости и непроницаемости государственной территории. Между тем, дореволюционная литература по теории государства и права уделяла достаточно пристальное внимание вопросу о «проницаемости» («проникновенности») государственной территории. Так, известный специалист в области теории государства и права барон С.А. Корф считал невозможным обеспечение «непроницаемости» государственной территории. «Неприемлемыми оказываются устанавливаемые некоторыми учеными понятия непроникновенности или непроницаемости... государственной территории;... и международное, и государственное право знают много примеров, противоречащих непроницаемости, допуская действие одной государственной власти

на территории другого государства» [59, стр. 66].

На наш взгляд, криминальную проницаемость территории государства необходимо рассматривать как возможность несанкционированного пересечения государственной границы; несанкционированного перемещения через границу материальных объектов, с их последующим несанкционированным передвижением по внутренней территории государства с нарушением действующего законодательства.

Можно выделить ряд факторов, которые повышали уровень востребованности криминальной проницаемости границ России.

Главные центры управления структурами гибридной войны находятся за рубежом, за пределами страны-объекта.

Заказчиком и организатором гибридной войны, революционного террора, выступает государство-агрессор. В период Российской империи коллективным агрессором по отношению к России были страны Западной Европы. В государствах Европы заказчиками гибридной войны с Россией выступали представители правящих элит. В роли непосредственных организаторов спецоперации на территории России выступали спецслужбы этих государств. Для достижения своей цели «агрессор» создавал на территории и для территории государствамишены различного рода структурные подразделения гибридной войны. Управление которыми осуществлял «агрессор». В Российской империи первыми структурами гибридной войны стали два общества «Земля и Воля». Первое общество «Земля и Воля» было достаточно «робкой организацией», члены которой занимались распространением литературы экстремистского содержания и шпионажем в пользу польских революционно – террористических кругов. Второе общество «Земля и Воля» было более обширным количественно, более структурировано, действовало более дерзко. Второе общество «Земля и Воля» сделало попытку организовать массовое крестьянское восстание в тылу Русской армии, воевавшей на Балканах [9].

В период первой и второй организаций «Земля и Воля», «Народной Воли», непосредственные руководители организации находились на территории России; были арестованы и подвергнуты наказанию. В то же время внешнее руководство организаций находилось в Европе, а потому не пострадало от арестов.

В начале XX века у всех структур гибридных войн, революционно-террористических организаций была одна особенность. Все высшие органы управления партий и организаций находились за рубежом: на Западе либо на территории Турции и Персии. То есть за пределами досягаемости спецслужб и полиции России, что повышало уровень их безопасности. Руководители структурных подразделений гибридной войны часто выезжали на Запад для получения указаний и заданий. Как писал в воспоминаниях руководитель «Боевой организации» партии социалистов-революционеров, Б. Савинков, «в середине февраля я выехал за границу через Эйдкунен, по паспорту Джемса Галлея. В Женеве я застал Азефа, Рутенберга и Гапона» [108]. Этот же известный и коварный враг нашего Отечества оставил и другие воспоминания, подтверждающие наши размышления [111; 112].

Аналогичным образом, высшие органы управления этнических структур гибридных войн, польских, прибалтийских, еврейских и др. также

находились за пределами Российской империи, в Англии, Франции, Швейцарии, иных государствах.

В начале XX века основные органы управления всех революционных организаций находились за рубежом. Что существенно повышало уровень безопасности руководителей. У партии социалистов-революционеров, (по данным Департамента полиции на конец 1908 г.), за рубежом находились следующие высшие органы управления:

- 1) съезд партии;
- 2) Центральный комитет партии;
- 3) Совет партии;
- 4) партийные конференции;
- 5) центральный орган;
- 6) центральная касса;
- 7) заграничная организация (Парижское областное бюро);
- 8) заграничные организации и др. (Рис. 1)

Основные органы управления Российской социал-демократической рабочей партией также

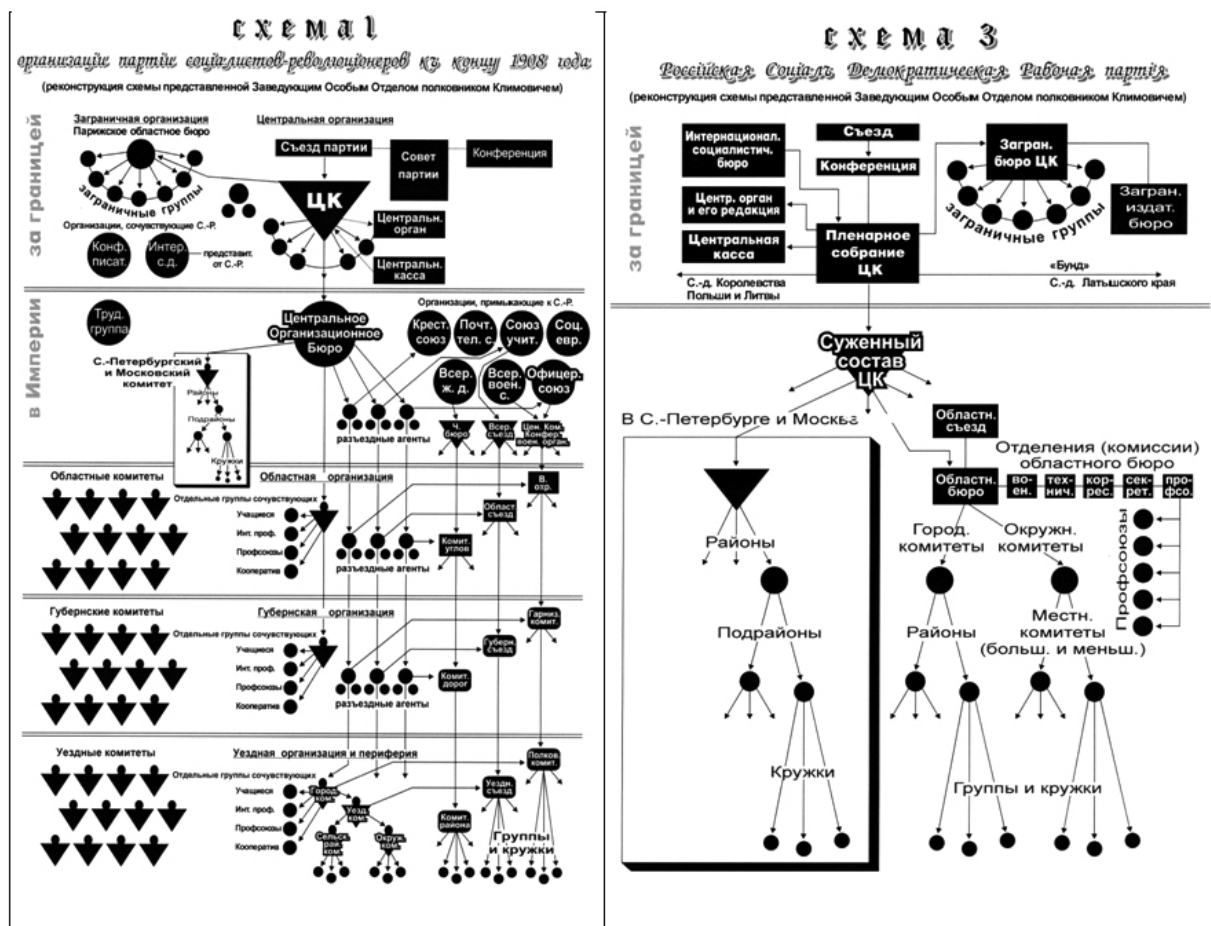

Рис. 1

находились и действовали за рубежом, на территории европейских государств. В их состав входили: Съезд партии, конференция, пленарное собрание ЦК, заграничное бюро ЦК, заграничное издательское бюро, интернациональное социалистическое бюро, центральный орган и его редакция, центральная касса и др.

Каждая революционная партия как субъект гибридной войны против России, создавала непосредственно на территории России свои органы непосредственного управления. У партии социалистов-революционеров это были: Центральное Организационное бюро; Санкт-Петербургский и Московский комитеты; органы управления Крестьянским союзом; органы управления Почтово-телеграфным союзом, Союзом учителей; офицерским Союзом и др.

У РСДРП(б) высшие органы непосредственного управления также находились на территории России. К ним относились: суженный состав ЦК; съезды; областные бюро; отделения (комиссии) областного бюро; окружные и городские комитеты; местные комитеты.

Как писал Б. Савинков, руководящие указания он получал за рубежом. «Убедившись, что в моем присутствии в Петербурге нет необходимости, я решил поехать в Женеву, чтобы посоветоваться... о дальнейших боевых предприятиях» [108].

Руководители зарубежных центров управления, их представители, нелегально прибывали в Россию, и, также нелегально, покидали ее через государственную границу [78].

В воспоминаниях наиболее известных офицеров-контрразведчиков, А.И. Спиридовича, Герасимова, Мартынова и др., много примеров о том, как в Россию через государственную границу проникали из Европы зарубежные резиденты. Они прибывали с целью проверки деятельности местного подполья гибридной войны; подготовки террористических актов; расширения подпольной сети гибридной войны и пр. [127; 26; 97]. К примеру, Мартынов рассказывает, как в конце 1908 г. в Саратов прибыла из Парижа член руководства партии социалистов-революционеров Кочеткова. Несмотря на высокий ранг Кочетковой в структуре международной террористической организации, ее нельзя было задерживать, дабы не «засветить» агента, непосредственно с ней контактировавшего [97].

Антироссийское революционно-террористическое движение было формой криминальной

геополитики Запада. Центры управления таким движением находились в государствах Западной Европы. Изучение материалов по истории революционно-террористического движения позволяет выделить европейские города, в которых, судя по всему, находились организационные центры. Эти города регулярно посещались российскими террористами. Для чего последние, чаще всего, нелегально пересекали государственную границу. В документах спецслужб Российской империи чаще всего упоминаются: Берлин, Париж, Женева, Цюрих, Лондон, и др.

Так, в 1874 году кружок чайковцев направил в Швейцарию путем нелегального перехода границы двух членов московского революционного кружка – Н. Морозова и Н. Саблина. По прибытии в Швейцарию Морозов выехал в Женеву, а Саблин – в Берн [65].

Женева на протяжении нескольких десятилетий была местом концентрации российских террористов. Уже в начале двадцатого века здесь проживали идеологи и руководители партии социал-революционеров В. Чернов, Гоц, Азеф. Лица, «уходившие» в террор, именно здесь, в Женеве, проходили «тестирование» со стороны руководства Боевой организации. Так, когда Б. Савинков и Каляев встретились с Азефом в Берлине, то Азеф направил завербованного Каляева Женеву. После собеседования и дополнительной идеологической обработки в Женеве, Каляев выехал в Москву для убийства Великого князя Сергея [137].

Другие кандидаты в террор, завербованные на территории империи, также проходили тестирование и обучение в Женеве [109, стр. 157]. Швейцарский город Берн часто упоминается в связи с деятельностью Боевой организации социал-революционеров. Здесь часто находился руководитель Боевой организации партии Е. Азеф; здесь разрабатывались террористические акции и др.

Постоянным центром управления антироссийским революционно-террористическим движением, со времен Герцена и до крушения Российской империи, был Лондон.

Естественно, что посещение зарубежных центров и возвращение революционеров на территорию России осуществлялось с использованием криминальной проницаемости границ.

Большевики часто использовали криминальную проницаемость государственной границы

для переправки завербованных людей за границу. Например, в 1911 г. за рубежом, в местечке Лонжюмо под Парижем была создана школа подготовки кадров для РСДРП(б). Вербовка кадров проводилась на территории России. У части завербованных не было загранпаспортов, а потому они не могли легально пересечь границу. Деньги для выезда за рубеж выдавались в зависимости от того, «ехал ли ученик легально или же должен был перейти границу при содействии контрабандистов» [14, стр. 124]. В этом случае сумма «командировочных» увеличивалась, с учетом оплаты услуг контрабандистов.

Нередко, при переправке через границу нескольких человек, использовался смешанный способ пересечения границы. Часть людей, не имевшие загранпаспортов, шли через границу «налегке», в сопровождении контрабандистов. Другие, с загранпаспортами, пересекали границу официально, и везли с собой вещи нелегалов [14, стр. 125].

Обучение участников гибридных войн в зарубежных учебных центрах

Ведение гибридной войны предполагает использование политических, информационно-идеологических, экономических, культурных и иных диверсий против государства-мишени. Но самый большой эффект дает использование диверсионно-террористических актов против руководства страны; представителей функционального слоя; инженерных сооружений и др. государства-объекта. Для чего нужны подготовленные специалисты.

Гибридная война против России велась при активном противодействии со стороны спецслужб и полиции. А потому успех гибридной войны в значительной мере зависел от уровня подготовки участников, от соблюдения ими мер конспирации; умения противодействовать контрразведывательной деятельности спецслужб и правоохранительной деятельности полиции. Самостоятельно участники гибридной войны из числа студентов, гражданского населения, не могли приобрести необходимые знания. Вот почему полиция достаточно быстро выявила основных организаторов общества «Земля и Воля».

Боевики «Народной Воли» уже обладали высоким уровнем разведывательных и контрразведывательных знаний; наружного

наблюдения; взрывотехники. На этапе партийно-охлократического террора Запад готовил кадры идеологов, подстрекателей, пропагандистов, боевиков на территории Европы, практически для всех террористических организаций России. Для этого участники гибридной войны, революционного подполья, завербованные на территории России, выезжали на учебу в учебные центры Запада. Чаще всего, они уходили за рубеж нелегально. Для этого они использовали документы прикрытия, либо нелегально пересекали государственную границу.

Первые «тропы» ухода в Европу стали прокладываться уже в начале 70-х годов XIX века. На этапе подготовки «хождения в народ» отдельные лица выезжали за рубеж, в Европу. Там они изучали: меры конспирации; тайнопись; шифры; меры противодействия спецслужбам и полиции и пр. Затем эти знания использовались при подготовке массового подстрекательского десанта, «хождения в народ». В последующем все основные члены второй организации «Земля и Воля», «Народной Воли», проходили трехмесячное обучение за рубежом в Лондоне, Берлине, Берне и др. [137].

Участники гибридных войн готовились для выполнения широкого круга задач. Они занимались распространением литературы экстремистского характера; совершали диверсионно-террористические акты; формировали партизанские отряды, и т.п. Все это требовало широкого диапазона знаний. Значительная часть членов революционных организаций проходили подготовку в учебных центрах на территории Западной Европы. Программа и уровень подготовки зависели от целей и задач, которые предстояло в последующем решать членам организации.

Исследователи криминальной деятельности «Земли и Воли» и «Народной Воли» почему-то не обращают внимания на то, что ни полиция, ни Третье отделение (спецслужба империи) не могли справиться с революционерами. Между тем сами революционеры великолепно владели навыками наружного наблюдения, оперативно-розыскной деятельности, взрывотехники. Высокий уровень специальной подготовки народников объясняется тем, что многие из них проходили трехмесячные учебные курсы за рубежом. Вот почему народники с легкостью уходили от наружного наблюдения; профессионально грамотно выбирали

места для закладки мин; умели пользоваться взрывчаткой и взрывными устройствами [75; 70]. К примеру, «столяр» Халтурин отменно владел наружным наблюдением; взрывотехникой; умением составлять схемы внутренних помещений Зимнего дворца.

Активный участник народнического движения С.М. Кравчинский, избегая ареста, выехал за рубеж. Судя по его последующим действиям, он прошел за рубежом хорошую и разностороннюю подготовку. В Россию он прибыл в мае 1878 года, с заданием ликвидировать начальника спецслужбы России генерала Мезенцева. В июне – июле 1878 года организовал изучение распорядка дня генерала. Для чего активно использовал наружное наблюдение за генералом Мезенцевым. Изучив распорядок дня и образ жизни объекта покушения, спланировал спецоперацию по убийству генерала. 4 августа 1878 года Кравчинский организовал засаду на маршруте утренней прогулки генерала. Когда генерал проходил мимо Кравчинского, он нанес ему «специально изготовленным итальянским стилетом» удар с проворотом клинка в теле. Это достаточно сложный профессиональный удар специалистов по рукопашному бою, которому в вооруженных силах России не обучали. Укол был выполнен столько быстро и профессионально, что ни сам генерал ничего не понял, ни сопровождавший его бывший сослуживец не заметил. Генерал продолжил прогулку по маршруту. И только, когда ему стало плохо, его на карете отвезли домой. От полученного ранения он скончался.

Сам Кравчинский после этого три месяца прятался от полиции в России; и при первой же возможности, в ноябре 1878 года, выехал назад за рубеж.

В подготовке специалистов для революционно-террористического движения в России четко прослеживаются две особенности. В период народничества за рубежом готовили непосредственных исполнителей: киллеров, подрывников и др. В начале XX века, на этапе партийного революционного движения, за рубежом готовили агитаторов и подстрекателей.

К примеру, 19 ноября 1901 года во Франции, в Париже (на ул. Сорбонны, дом 16), начал действовать базовый центр подготовки идеологов, подстрекателей и организаторов революционно-террористического движения для России. Центр одновременно готовил специалистов и для

эсеров, и для социал-демократов. Несмотря на теоретические разногласия внутри России, и эсеры, и большевики были структурами гибридной войны Запада. А потому они обучались в одном учебном центре. Этот базовый учебный центр назывался «Русская высшая школа общественных наук». В этом учебном центре готовили не боевиков, а высший состав революционно-террористических организаций. «Их оружие – не динамит и винтовка, а слово и убеждение» [128].

Летом 1909 года большевики открыли на о. Капри «особую школу для подготовки опытных и серьезных профессионалов из рабочей среды» [14, стр. 79]. В это же время в Париже были организованы занятия конкретно для 5 человек. По окончании обучения, «из Парижа пятерка отправилась в Россию, перешла при помощи бундиста «Григория» нелегально границу и приступила в пределах империи к партийной работе» [14, стр. 79].

Таким образом, организаторы, подстрекатели революционного террора в большом количестве проходили специализированную подготовку за рубежом. Куда проникали, чаще всего, используя криминальную проницаемость границы.

Незаконное пересечение государственной границы агентурой и сотрудниками иностранных разведок. Переправка в Россию оружия, боеприпасов

Гибридные войны всегда ведутся при активном участии спецслужб и специалистов военного ведомства государств-агрессоров. Революционное подполье гибридной войны на территории Российской империи создавалось и действовало под контролем западных спецслужб. Которые в большом количестве направляли через границу своих специалистов для работы на территории России.

В конце XIX века в приграничных государствах Европы резко активизировались разведслужбы. Они направляли на территорию России, нелегально, либо с использованием документов прикрытия, как штатных офицеров разведки, так и завербованную агентуру. Так, в 1895 году Австрийская разведка начала в массовом порядке забрасывать на территорию Российской империи завербованных граждан чешской и польской национальности. Они проникали в Россию под видом мигрантов, и стремились устроиться на работу на строительство стратегических и

оборонных объектов: железнодорожных мостов, воинских казарм, «исполнению других казенных подрядов» [60, стр. 195].

Иностранные разведки занимались контрабандной доставкой на территорию России литературы экстремистского содержания. Так, летом 1895 г. австрийские пограничные власти принялись оказывать помощь галицийскому обществу «Сокол» в контрабандной поставке в Россию «польских брошюрок и воззваний (в форме стихотворений) о воссоединении Польши» [60, стр. 195].

20 ноября 1888 г. Департамент полиции своим циркуляром обозначил «список местностей», наиболее притягательных для зарубежных разведок. Где должен «быть учрежден особый надзор за иностранными подданными». Сюда, в частности, входили, «все 10 губерний Царства Польского» [60, стр. 121], где наиболее активно действовали многочисленные субъекты гибридной войны, польские революционные партии.

На территорию России в начале XX века активно проникали турецкие эмиссары, распространявшие идеи панисламизма среди мусульман. Так, «один турецкий эмиссар, ... основавшийся в городе Казани в качестве учителя, говоря о своей задаче и о возможности ее разрешения, выразился так: «гяуры и не мечтают о том, что готовят им обновленные мусульманские государства. После того, как нам и персам удалось освободиться от тяготевшего над нами абсолютизма, наступило время подумать об объединении в одной политическое целое Турции и Персии. После же осуществления этого святого проекта остальные мусульманские государства безусловно пожелают добровольно войти в состав новой, великой мусульманской Империи. Вот когда мы вступим в борьбу с христианскими государствами, в особенности с проклятой Россией и отомстим ей за все поражения» [37, л. 141-141об.].

Распространение панисламизма на территории России происходило под руководством флигель-адъютанта Турецкого Султана полковника Исмаила Хакки. Который проинспектировал деятельность единоверцев на территории внутренних регионов России. Полковник дал следующее указание панисламистским структурам на территории России. «Милостию Бога и молитвами нашего пророка Великий Аллах спасет всех верных магометан от тирании гяуров и мы

развернем знамя пророка, знамя справедливости и истины, под которое каждый верный мусульманин обязан придти как и всякий, кто желает прийти в рай вечности.

Продолжайте под большим секретом ваши сношения с мусульманскими странами, как я указал вам и комитету каждого города, и продолжайте в мечетях, медресах, подворьях у хаджей и именитых лиц ваши совещания, так, чтобы гяуры ничего не понимали...» [105, л. 142].

Создание за рубежом бандформирований, ДРФ и ДРГ для действий на территории России

Механизм гибридных войн требует создания различных вооруженных структур для борьбы с государством-мишенью на его территории. В период восстаний Запад активно создавал вооруженные отряды из числа зарубежных наемников, которые затем перебрасывались через границу во внутренние регионы империи. На территории Царства Польского наиболее активно пересечение государственной территории Российской империи незаконными вооруженными формированиями осуществлялось в период польского восстания 1863 – 1864 годов.

После начала восстания в целом ряде стран Западной Европы проводилась работа по вербовке наемников для участия в восстании на территории Царства Польского, Прибалтики, Украины. Для этого была создана разветвленная международная вербовочная сеть, подразделения которой находились: в Пруссии, Австрии, Княжестве Познанском и Галиции. Среди различных слоев населения распространялись призывы поддержать восставших людьми, оружием и деньгами [75].

Наиболее активно действовали Парижский и Галицийский вербовочные центры. Основными объектами вербовки стали бывшие французские и австрийские военнослужащие; лица без определенных занятий, уголовники; авантюристы и др. Из числа завербованных лиц формировались незаконные вооруженные формирования. Наемники вооружались, проходили стрелковую подготовку, а затем в организованном порядке направлялись на территорию Царства Польского и западных регионов Российской империи. Отряды незаконно пересекали границу

империи, незаконно передвигались по территории империи.

К примеру, в Галиции шляхетско-аристократический комитет во главе с Сапегой создавал незаконные вооруженные формирования и направлял их в Люблинскую и Волынскую губернии. Отряды наемников, по отзывам современников, состояли «из всякого рода сброда» [75].

Переправка через границу материалов экстремистского характера (политической, информационной контрабанды)

В распространении информации экстремистского и подстрекательского характера на территории России были две ярко выраженные этно-территориальные особенности.

Первая: Кавказ и внутренние территории проживания мусульман в России [66].

Среди населения, включаемого в состав России на этапе формирования империи, было много мусульман. Империя не устанавливала никаких ограничений для распространения и функционирования ислама. Тем не менее, изначально мятежи на Северном Кавказе под руководством Гази-Муллы, Хамзат бека, имама Шамиля проходили на основе мюридизма, суфизма, радикального ислама. В силу неграмотности основной части горских этносов идеи распространялись устным путем, «на слух». Информацию подстрекательского характера среди горского населения распространяли дервиши либо непосредственно лидеры мятежа. К примеру, Гази мулла лично распространял информацию подстрекательского характера.

В начале XX века на территории проживания мусульманского населения активно распространялись идеи панисламизма. Младотурецкие газеты «Танин» (Слава); «Иеми-Гзете» (Новая Газета); «Сабах» (Утро); «Икдам» (Шаг) издавались в Константинополе, а затем переправлялись в Россию, на Кавказ. Прокламации экстремистского содержания с пропагандой идей панисламизма издавались в Турции и в Индии, «с горячим призывом к единению». А затем направлялись в Россию для распространения среди мусульман.

Вторая: распространение информации экстремистского характера в Европейской части империи. Здесь активно использовались печатные издания. Литература экстремистского характера издавалась за рубежом, в Европе, а затем

нелегально поставлялась в Россию. Здесь народ приобщался к информации экстремистского содержания через письменные источники.

Основные авторы экстремистских теорий: М. Бакунин, П. Лавров, Ткачев и другие, бежавшие из России, находили прибежище в странах Западной Европы. Находясь в эмиграции, перечисленные лица активно разрабатывали и пропагандировали свои экстремистские и антироссийские учения. Прежде всего они принимали участие в издании за рубежом газет, журналов экстремистского содержания, которые затем направлялись контрабандным путем в Россию.

Нелегальная литература в больших объемах издавалась за рубежом, а затем контрабандным способом поставлялась в Россию. Нередко для контрабандной переправки в Россию литературы экстремистского содержания использовались люди, не вызывающие подозрения у пограничников. Так, 26 ноября 1881 года Департамент полиции обратил внимание пограничного ведомства на необходимость скрупулезно осматривать «вещи иностранцев, едущих в Россию с визой консула в г. Тульче или вице-консула в г. Сулине». Как оказалось, «проживающие в Румынии социалисты пересылают свою корреспонденцию преимущественно чрез молокан и монахинь женского монастыря Чилик-Дере» [60, стр. 197].

К примеру, по данным Варшавского охранного отделения на апрель 1901 года, на территорию Царства Польского, для «Польской социалистической партии», «Социал-демократической партии», «Польской социалистической партии «Пролетариат»; «Еврейского рабочего союза в России и Польше» регулярно поступали 14 наименований газет и журналов экстремистского содержания. Периодические издания выпускались: в Лондоне (Przedswit; Swiatlo); в Берлине (Gasetarobotaiczka); в Париже (Proletariat), в Женеве (журнал «Еврейский рабочий»), в Кракове (LatarniaNaprzod), во Львове (Еврейская народная газета) или, «где-то за рубежом». Затем вся эта литература незаконно, минуя таможенную, поступала на территорию Русской Польши [75].

Для переправки через границу информационной контрабанды активно использовались меры маскировки. 18 августа 1901 г. Департамент полиции обратил внимание таможенного ведомства на то, что «образовавшаяся в Женеве революционно-социалистическая группа «Свобода», для водворения своих печатных

изданий в пределы империи, заказала чемоданы приблизительно одинакового типа» [60, стр. 198]. В циркуляре Департамента полиции указывались размеры чемоданов, приметы, способы маскировки информационной контрабанды: «прокламации и другие публикации будут вделываться в самый остов чемоданов». 6 июня 1902 г. Департамент полиции проинформировал пограничное ведомство о новом способе маскировки предметов политической контрабанды: «обыкновенные бювары, различных размеров, – в соответствии от величины влагаемых в них изданий» [60, стр. 201].

Запад постоянно тестировал состояние и уровень обеспечения пограничной и таможенной безопасности России. На основе полученной информации формировались каналы поставки в Россию информационной контрабанды. 26 марта 1902 года Департамент полиции проинформировал таможенное и пограничное ведомства о формировании таких каналов.

В начале XX века наиболее устойчивые каналы поставки в Россию информационной политической контрабанды действовали на следующих направлениях:

- а) «Берлинский канал», «через германскую границу на Ковну и Вильну». Использовались «чемоданы с двойными стенками и днами» для маскировки продукции. Печатные изделия маскировались под одежду; переправлялись через пассажиров третьего класса, не привлекающих к себе внимания.
- б) через австрийскую границу, с поставками на Киев.
- в) морские границы, через Батумский, Одесский и Архангельский порты.

Наиболее безопасными для переправки информационной пропаганды считались южные участки границы: «Румынская и Болгарская границы». Здесь нелегальная литература вначале концентрировалась «в Яссах у содержательницы бакалейной лавки еврейки...», или «в Варне у владельца книжного магазина болгарского социалиста...». А затем большие партии контрабанды отправлялись в Россию «сухим путем через Измаил, Унгены и Рени, а морем – на Одессу» [60, стр. 200].

В 1908 году спецслужбы империи выявили в районе Черновиц устойчивый канал контрабандной переправки на территорию России

«нелегальной литературы» [138, стр. 363]. В 1911 году за рубежом, в том числе в Шотландии издавались газеты «Труд», «Кова» (Борьба); «Союз Литовцев», на литовском языке, которые затем, через границу, направлялись на территорию Литвы.

По данным Варшавской судебной палаты, в феврале 1912 года «Группа Революционеров-мстителей» отпечатала «за границей» 32 тысячи «экземпляров воззвания», которые потом были незаконно доставлены на территорию Царства Польского.

Поставки из-за рубежа огнестрельного оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств

Диверсионно-террористическая деятельность на территории империи требовала большого количества огнестрельного оружия, взрывчатых веществ, взрывных устройств. Революционно-террористические организации в России имели в своем распоряжении новейшие образцы западного стрелкового оружия (винтовки, пистолеты, пулеметы), взрывчатку, взрывные устройства, электрические взрыватели. Основная часть оружия и взрывчатых веществ нелегально поставлялась из-за рубежа.

Так, сразу же после принятия на Липецком съезде решения о ликвидации Александра II путем взрыва поезда, революционер А.И. Зунделевич выехал за рубеж. Цель поездки – закупить динамит и переправить его через границу в Россию. Динамит был закуплен, но переправить его не удалось, задержала таможня [24, стр. 101]. В данном случае мы имеем пример защиты государственной границы от криминальной проницаемости.

К примеру, в литературе по истории «Народной Воли» основная заслуга в производстве взрывчатых веществ для диверсионно-террористических актов отводится Кибальчичу. Между тем, производством взрывчатки занимались и уже упоминавшийся Ширяев, и Исаев. Кроме домашних «самоделок», значительное количество взрывчатки для нужд российских террористов поступало из-за рубежа.

Тогда террористы использовали каналы нелегальной поставки динамита. Среди народовольцев уже были подготовленные специалисты-взрывотехники, которые умели его использовать. «Народники» подготовили

несколько покушений, при которых использовался динамит. Они минировали железнодорожное полотно под Одессой, Александровском и под Москвой. Они заминировали Каменный мост в Санкт-Петербурге. Для минирования моста использовались специальные резиновые мешки для закладки динамита в воде. Они заложили мощный заряд взрывчатки в подвале зимнего Дворца, непосредственно под столовой императора. Они самостоятельно изготавливали самодельные взрывные устройства (гранаты), с помощью которых и был убит Александр II. Все это требовало большого количества взрывчатки, которую террористы получали за рубежом.

7 декабря 1879 года Московский обер-полицеймейстер в своем совершенно секретном циркуляре информировал частных приставов и квартальных надзирателей о «ввозе в Россию из заграницы нового изобретения хрустальных бомб и особых спринцовок, наполненных каким-то фосфористым веществом» [81, стр. 51].

Для переправки через границу и таможенно запрещенных предметов активно использовались меры маскировки. 14 декабря 1895 года Департамент полиции обратил внимание таможенного ведомства на поставки в Россию из Европы «дешевых гипсовых и гончарных изделий». Как показала практика Департамента полиции, «в них могут быть заделаны преступные и запрещенные изделия» [60, стр. 197].

В начале XX века изменилась тактика революционной борьбы, что отразилось и на поставках оружия. В революционном движении наступал период использования масс населения в вооруженных восстаниях. Поэтому на территорию империи осуществлялись массовые поставки стрелкового оружия. Большое количество огнестрельного оружия было завезено из-за рубежа к началу революции 1905 года. Дореволюционный публицист М. Меньшиков писал в ноябре 1905 года, что «армия вооруженных рабочих в Петербурге достигает шести тысяч человек». При этом указывал, что поставки огнестрельного оружия осуществляются пароходами и поездами, с использованием криминальной проницаемости территории.

Как пишут современные исследователи, «главным образом крупные партии оружия и боеприпасов в Россию нелегально поставлялись морским путем в черноморские и балтийские порты. В частности, по сведениям Департамента

полиции, оружие ввозилось в Россию на пароходах, доставлявших нефть в Англию, Ирландию, Дублин, Белфаст, откуда они возвращались с оружием в русские черноморские порты, главным образом в Батум, Поти и Сухум [91].

В Петербург, писал М. Меньшиков, можно «проехать сразу несколько целых пароходов и поездов, наполовину, если не целиком нагруженных оружием» [82, стр. 40].

Поставки в Россию боевого огнестрельного оружия, боеприпасов осуществлялись государственными структурами Англии. Об этом 30 мая 1906 г. доложил письменно начальник Генерального штаба главе Правительства П.А. Столыпину. «Из сопоставления получаемых сведений о ввозе оружия можно вывести заключение, что сосредоточением всех грузов является Англия», говорилось в докладе. 31 мая 1906 г. начальник Генерального штаба вновь докладывал П.А. Столыпину информацию о нелегальной поставке оружия из Великобритании в Россию: «1) Большая часть оружия отправляется из Гуллы и из Манчестера; в эти два пункта перевозятся ящики с оружием или патронами, как приобретенные в Англии, так и доставленные из Остенде и Роттердама. В Балтийском море грузы эти идут обыкновенно на пароходах, но из Гуллы иногда на рыбацких лодках, выходящих якобы на Доггербанк для ловли; 2) почти все оружие идет якобы в Прибалтийский край и внутренняя губернии России, в Финляндию же оружия не посылают, полагая, что она достаточно вооружена: за лето 1905 года туда перевезено будто бы 100000 ружей, не считая револьверов и пулеметов; 3) в данное время на Темзе строится пароход, якобы для Общества Соединенного Пароходства, в действительности же для революционеров; этот пароход будет делать 22 узла; 4) в Генуе есть отделение завода Армстронга, которое изготавливает большое количество оружия для русских революционеров. Это оружие из Италии направляется в наши порты Черного моря» [91].

Нелегальными поставками огнестрельного оружия в Россию с использованием криминальной проницаемости морских границ занимались и другие государства Западной Европы. В частности, большие партии оружия шли из Бельгии. Как отмечалось в материалах МВД 20 августа 1906 г.: «По полученным сведениям, проживающие в Бельгии революционеры занимаются усиленной закупкой в большом количестве оружия

Льежских и других фабрик для водворения такового в Россию, пользуясь тем, что Бельгийское Правительство смотрит главным образом с коммерческой точки зрения на возможность для его подданных сбывать оружие своего производства» [91].

Вопросы поставки огнестрельного и холодного оружия на Кавказ, в Туркестан решала Турция. В начале XX века среди мусульманского населения Туркестана, Казани, Уфы и других регионов активно распространялись идеи панисламизма. При этом Турецкие спецслужбы, курировавшие этот проект, подстрекали мусульман самостоятельно приобретать оружие для борьбы с русскими. «Чтобы вести войну, нужно обеспечить себя оружием, – последнего у нас нет. Почему вам, мусульманам, посылаю настоящую прокламацию, прошу постараться, по силе возможности, запастись оружием и старайтесь иметь револьверы, кинжалы, в особенности винтовки русских солдат» [37, л. 141 об- 142], – писал секретарь Турецкого Султана полковник Исмаил Хакки.

Таким образом, высокий уровень криминальной проницаемости сухопутных и морских границ позволял странам-агрессорам обеспечивать структуры гибридной войны на территории России новейшими видами огнестрельного оружия.

Нелегальное пересечение границы лицами, объявленными в розыск

Спецслужбы и полиция России действовали весьма успешно. Они обладали значительной информацией о перемещениях наиболее активных участников гибридной войны. Террористы, объявленные в розыск на территории России после совершения террористических актов, уходили через границу за рубеж и укрывались от ареста на территории Западных государств.

В розыск террористов включался достаточно отлаженный аппарат полиции и спецслужб. Так, 19 мая 1879 года III Отделение направило секретный циркуляр «частным приставам и квартальным надзирателям» о народнике Преснякове. После убийства «полицейского агента Шарашкина» сам Пресняков бежал «из под стражи за границу». Затем к лету 1879 года он вернулся в Россию и прибыл в Москву, чтобы принять участие в подготовке диверсии против Александра II. О чем Московскую полицию

предупредил циркуляр III отделения [81, стр. 52].

К примеру, террористы «Народной Воли» произвели подрыв царского литерного поезда в ночь с 19 на 20 ноября. Основные участники подготовки террористического акта использовали документы прикрытия. Тем не менее, уже 30 декабря 1879 года Московский обер-полицеймейстер направил розыскную ориентировку «господам частным приставам и квартальным надзирателям». В ориентировке давалось указание о задержании «Архангельского мещанина Льва Николаева Гартмана», который имел «фальшивый паспорт на имя Саратовского мещанина Николая Степанова Сухорукова» [138, стр. 83].

Как правило, члены российских революционно-террористических организаций после совершения террористических актов, скрываясь от преследования полиции, уходили за рубеж. Так, после неудавшегося покушения на Александра II, под Москвой, ушли за рубеж Л.Н. Гартман и А.Б. Арончик.

После отдыха, повышения квалификации террористы возвращались в Россию для выполнения очередного задания, так же через государственную границу. Так, в мае 1878 года специально из-за рубежа в Россию возвратился террорист Кравчинский. Он разыскивался полицией как один из активных участников «хождения в народ». В Россию он прибыл для ликвидации начальника III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии генерала Мезенцева [73]. После убийства генерала Мезенцева Кравчинский снова ушел за рубеж. Нелегально, через государственную границу.

Регулярно укрывались за границей члены Боевой организации партии социал-революционеров, в частности, Савинков и др. За рубежом же длительное время проживал руководитель международной революционно-террористической организации, РСДРП(б) В.И. Ленин.

Выезд в Европу идеологических противников России

Экстремистские идеи Запада оказывали ориентированное воздействие на представителей различных социально-политических, экономических, культурных, образовательных, социально-профессиональных слоев населения России. Лица, уверовавшие в экстремистские идеи Запада стремились выехать в Европу для встречи с

тамошними авторами таких идей или их последователями. Нередко они оставались на Западе, откуда начинали вести подстрекательскую работу против России.

Одним из первых таких лиц стал Михаил Александрович Бакунин [32; 34; 76]. Почувшись в Московском университете, Бакунин выехал в Берлин «довершить там свое учение под руководством знаменитейших профессоров, возвратиться в Россию и с пользой вступить на государственную службу...»

В Европе Бакунин увлекся коммунистическими идеями и превратился в противника Самодержавия. В 1848 г. Бакунин принял участие в польском восстании в Подолии и Волинии, в февральской революции во Франции; в мартовской революции в Германских государствах; в восстаниях в Праге и Вене и др. В 1848 г. издал на немецком языке работу «Воззвание к славянам...». В 1851 году Австрийское правительство выдало Бакунина русскому правительству. Будучи отправлен в ссылку в Омск, Бакунин бежал в 1861 году через Японию в Лондон. После чего положил начало «бакунизму», идеологии и практике террора.

Автором другого экстремистского движения, «лавризма», стал бежавший на Запад полковник Лавров.

В 1861 году было создано общество «Земля и Воля». Один из основателей общества ездил для консультаций в Лондон «к Герцену и другим эмигрантам, завязал с ними сношения» [138, л. 22 об.]. До создания «Земли и Воли» за рубежом, в Англии, Бельгии, Германии, Франции и Швейцарии побывал еще один член «Земли и Воли», Серно-Соловьевич. В 1862 году во время обыска у Серно-Соловьевича были обнаружены письма из зарубежных экстремистских центров.

Таким образом, криминальная проницаемость границ Российской империи формировалась многочисленными структурами гибридной войны и революционно-террористическими организациями. С другой стороны, криминальной проницаемости способствовали недостатки в деятельности силовых, правоохранительных органов и спецслужб Российской империи.

Обеспечение территориальной целостности государства начинается с защиты его государственной границы, делающей невозможным незаконное пересечение границы; перемещение оружия, взрывчатых веществ, взрывных

устройств в целях совершения террористических актов.

Криминальная проницаемость границы, это начальная стадия криминальной проницаемости территории государства. Уровень криминальной проницаемости границы связан с криминальной проницаемостью внутренних территорий государства. Что, в свою очередь, зависело от уровня развития революционно-террористического движения. А это значит, от эффективности работы полиции и спецслужб России.

Криминальная проницаемость территории России

Пересекая государственную границу, участники революционного подполья гибридной войны «ступают» на территорию самого государства.

Территория государства обладает четкими юридическими характеристиками. Государственная власть определяет порядок пользования территорией различными категориями населения. В свою очередь, население государства обладает определенными правами и обязанностями по отношению к территории государства. Порядок пользования территорией государства регламентируется законами. В частности, населению, под страхом уголовного наказания, запрещено совершать действия, угрожающие самому государству, органам власти, гражданам государства. Населению государства предоставляется право пользоваться территорией государства, на которую не налагаются ограничения и которая не обладает особым правовым режимом.

Криминальная проницаемость территории государства осуществлялась для достижения различных целей революционного террора.

Использование транспортной плотности границы и территории государства

Криминальная проницаемость границ либо внутренней территории государства во многом зависит от наличия транспортных средств, скорости перемещения. Нелегальный переход границы в значительной мере зависел от скорости перехода приграничной территории.

В 1908 году спецслужбы империи выявили налаженный, длительное время действовавший «путь переправы через границу у Черновиц в Россию транспортов оружия и нелегальной литературы, а также лиц, нуждавшихся в нелегальной

переправе» [138, стр. 363]. При этом для «переправы через границу» и перемещения в глубь территории использовались различные виды транспорта: железнодорожный, гужевого, верховые лошади.

В целом пересечение границы осуществлялось железнодорожным транспортом и пароходами. А дальше скорость перемещения по внутренним территориям империи зависела от наличия транспортной сети и видов транспорта: шоссейных дорог, гужевого и автомобильного транспорта; железных дорог и железнодорожного транспорта; воздушных, водных (речных и морских) сообщений.

К примеру, на границе между русской Литвой и Северной Пруссией нелегалов и нелегальные грузы переправляли: пешком через саму границу, и далее, с помощью верховых лошадей либо гужевого транспорта в приграничной зоне. Затем грузы либо нелегалов подвозили к Либаво-Роменской железной дороге, откуда они отправлялись железнодорожным транспортом [14, стр. 151].

В Российской империи контроль за перемещениями транспортных средств, людей и грузов на транспортных магистралях осуществляли: речная полиция, жандармская железнодорожная полиция; общая полиция и др. В деятельности которых также было много проблем.

Осуществление подстрекательской деятельности; распространение информации экстремистского содержания

В рассматриваемый период на территории Российской империи структуры гибридной войны активно использовали территорию государства для распространения «крамолы», информации экстремистского содержания. Тем самым подвергали «излишнему отягощению законные интересы верного Престолу населения», сеяли «смуту в государстве». Распространением «крамолы» занималось уже первое общество «Земля и Воля». Наиболее крупное и организованное распространение крамолы происходило во время спецоперации «хождение в народ» [71; 72]. Структуры гибридной войны создавали на территории государства организационные базовые центры, руководившие разнообразной экстремистской деятельностью. Так, революционные кружки были созданы в Нижнем Новгороде, Самаре, Саратове, Оренбурге и других местностях. «Что касается

провинции, то она к началу движения «в народ» оказалась... распропагандированною, и в некоторых городах, как Киев, Харьков, Одесса, к 1873 году были установлены крепкие оплоты агитации» [27, стр. 14].

Один лишь перечень городов империи, охваченных базовыми центрами подготовки спецоперации, говорит об уровне организационной работы, конспирации, финансирования. Как отмечал министр юстиции граф К.И. Пален [31, стр. 42-47], «к концу 1874 года пропагандисты успевают покрыть как бы сетью революционных кружков и отдельных агентов большую половину России» [36, стр. 10]. Кроме революционных кружков, в режиме базовых центров действовали:

- а) в Москве: столярная мастерская студента Фроленко; сапожная мастерская Войнаральского; типография стенографа Мышкина;
- б) в Новгородской губернии: сельская школа дочери генерал-майора Софии Лешерн;
- в) в Пензенской губернии – особый революционный кружок из местной учащейся молодежи, склад напечатанных в типографии «противозаконных брошюр»; мелочная лавка, устроенная «для ближайшего общения с народом»; столярная мастерская;
- г) в Саратовской губернии – сапожная мастерская, она же – склад «запрещенных изданий»; «притоны для агитаторов» у ряда лиц и т.д.

Всего же базовые центры различного предназначения, кроме перечисленных, были устроены: в Тверской, Тамбовской, Самарской, Казанской, Оренбургской, Уфимской, Нижегородской Ярославской, Воронежской, Курской, Харьковской, Екатеринославской, Полтавской, Киевской, Черниговской, Ковенской, Каменец-Подольской, Херсонской, Орловской, Смоленской, Калужской, Тульской, Архангельской, Костромской, Владимирской, Вятской, Пермской, Томской, Могилевской, Тифлисской губерниях, в земле войска Донского, в Одессе.

Затем более 4-х тысяч подстрекателей отправились «в народ» «сеять крамолу», подстрекать крестьян к восстанию [71].

Угроза экстремизма для России исходила не только от Западной Европы. Активную деятельность по распространению «турецкого экстремизма» проводила Турция. В начале XX века

Турция стала разрабатывать идеи панисламизма. Представители Турции, проникая на территорию исламских регионов России, активно пропагандировали идеи экстремизма «в мусульманских центрах Российской империи».

В начале XX века Турция направляла на территории проживания мусульманского населения России «целые десятки дервишей-пропагандистов, специально командированных Турецким Султаном для пропаганды объединения». Эти дервиши-пропагандисты использовали мечети для устного распространения информации экстремистского содержания «среди мусульман России, ежедневно проповедуя в мечетях идеи о захвате мусульманами всего человечества и о будущем торжестве Ислама» [37, л. 145 об.].

Создание незаконных вооруженных формирований; ДРГ и ДРФ на территории России

Успех гибридной войны на территории государства-объекта в значительной мере зависит от наличия вооруженных формирований; специализированных ДРГ и ДРФ. Впервые незаконные вооруженные формирования создавались на территории Царства Польского либо для Царства Польского в Европе. Часть бандформирований создавались за рубежом, а потом направлялись на территорию Царства Польского.

Во время подготовки Чигиринского восстания территория южных регионов России, Киевской, Одесской, иных областей, использовалась для создания законспирированных резидентур; ведения прифронтовой разведки; проведения комплекса подготовительных мероприятий для организации крестьянского восстания [67].

Боевики «Народной Воли» использовали территорию для перемещения ВВ и СВУ; для совершения диверсий против Александра II. В самом Санкт-Петербурге боевики «Народной Воли» организовали наружное наблюдение за всеми перемещениями императора по своей столице [68].

На этапе партийно-охлократического террора сухопутная и морская территории России использовались для вооруженных восстаний, на суше и на море.

Криминальная проницаемость государственной территории учитывалась при создании и деятельности ДРФ и ДРГ. Одни структуры, как «Боевая организация» партии

социалистов-революционеров, действовали без ограничений территории [137]. Одновременно в структуре партии социалистов-революционеров создавались «Летучие боевые отряды» для «выполнения крупных террористических актов в пределах области» [142].

«Устав крестьянской боевой дружины партии социалистов-революционеров» предусматривал создание крестьянских ДРФ и ДРГ, действовавших на территории уездов. Крестьянские ДРГ могли объединяться в ДРФ, «в одну районную дружину». Крестьянские ДРГ и ДРФ занимались разведкой; совершали акты функционального деморализационного и аграрного террора, и др. [37, л. 79-81 об.].

На территории Царства Польского начиная с 1863 года постоянно создавались и действовали боевые структуры гибридной войны. К примеру, в 1905 г. «Социал-демократия Царства Польского» сформировала «Варшавскую боевую дружину». ДРФ действовало на территории Царства Польского, но при этом преследовало цель, сформулированную большевиками: «ниспровержение путем вооруженного восстания на всем пространстве России монархического образа правления» [37, л. 117 об.].

Таким образом, криминальные силовые структуры (незаконные диверсионно-террористические формирования) действовали в разных регионах России, в пределах отведенной им территории. Используя при этом криминальную проницаемость территории.

Возможность конспиративного проживания на территории России лиц, находившихся в розыске

Спецслужбы и полиция России владели достаточно большим объемом информации об участниках подполья гибридных войн. Но не всегда могли их задержать, так как они использовали документы прикрытия, с помощью которых передвигались по территории государства. Так, Московский обер-полицмейстер 24 апреля 1880 года секретным циркуляром предупредил частных приставов и квартальных надзирателей, что «лица, принадлежащие к обществу социалистов-революционеров и скрывающиеся от преследования правительства, проживая в г. Москве, под чужими именами и фамилиями, продолжают свою преступную деятельность» [81, стр. 82]. И давал конкретные указания по розыску таких

лиц.

28 июня 1894 года МВД направило циркуляр по Департаменту полиции о том, что «во многих губерниях розыскная часть поставлена весьма неудовлетворительно и что чины общей полиции оказывают, в большинстве случаев, крайне слабое содействие чинам корпуса жандармов по обнаружению и задержанию лиц, укрывающихся от преследования властей» [60, стр. 104]. А это значит, что государственная территория обладала высоким уровнем криминальной проницаемости. Что позволяло лицам, находящимся в розыске, избегать внимания полиции.

Возможность перемещения по территории государства лиц, бежавших из мест лишения свободы

Уголовно-исполнительная система России не обеспечивала надежное содержание осужденных за экстремизм и терроризм. Участники гибридной войны нередко бежали из мест лишения свободы. Пользуясь высоким уровнем криминальной проницаемости территории, они возвращались в подпольную сеть гибридной войны. И снова начинали действовать, в том числе, совершать террористические акты. К примеру, в ликвидации Министра внутренних дел В.К. Плеве [15, стр. 181-193; 85, стр. 48-49; 92, стр. 236-247; 29, стр. 18-22] принял участие боевик Е. Сазонов, сын богатого купца [2; 110]. После окончания Уфимской гимназии он поступил в Московский университет. В 1901 году был исключен из Московского университета за участие в беспорядках. В 1902 году, за участие в революционной организации в Уфе, был сослан на пять лет в Якутскую область. Бежал из ссылки, скрылся за границу, где прошел необходимую подготовку. Вошел в боевую организацию. Прибыл в Россию и совершил убийство министра внутренних дел.

Полиция России очень медленно нарабатывала опыт противодействия криминальной проницаемости территории. Как отмечалось в циркуляре Департамента полиции от 17 сентября 1895 года, «розыскные органы, за редкими, к сожалению, исключениями, относятся к делу крайне формально, ограничивая свою деятельность, в большинстве случаев, главным образом, бумажною его стороною». Департамент полиции рекомендовал обращать внимание «за теми лицами, с которыми розыскиваемый, по своим родственным, товарищеским или иного рода связям,

может находиться в сношениях» [60, стр. 106].

Изучение родственных и иных связей разыскиваемых лиц часто давало хорошие результаты. Вот почему Департамент полиции в розыскных ориентировках «всегда помещал в розыскные списки и циркуляры все те сведения о родственных, товарищеских и других связях розыскиваемых» [60, стр. 107].

Создание на территории России схронов с оружием и боеприпасами

Гибридная война – это тайная война. Значительная часть участников войны, не желая попадать в поле зрения спецслужб и полиции, действует с соблюдением мер конспирации. Для обеспечения безопасности участников гибридных войн создаются различного рода базовые центры. Сюда входят базовые центры:

- а) нелегального проживания;
- б) мастерские по изготовлению оружия, СВОУ; склады оружия, боеприпасов;
- в) изготовления литературы экстремистского содержания (типографии);
- г) подготовка диверсионно-террористических актов, и др.

Известные контрразведчики, оставившие свои воспоминания, приводят много примеров выявления различного рода базовых центров гибридной войны. Так, сотрудник «охранки» полковник А.П. Мартынов рассказывал, как ему удалось обнаружить в Саратове «склад оружия и мастерскую для изготовления и хранения бомб» [97].

Для подготовки диверсионно-террористических актов высокого уровня сложности боевики создавали отдельные базовые центры. Они снимали жилье рядом с объектом либо территорией диверсии, и готовили диверсионно-террористические акты. Так, во время подготовки подрыва царского поезда под Москвой, 19 ноября 1879 г., боевики сняли частный дом рядом с железной дороги. Откуда сделали подкоп под полотно железной дороги, заложили взрывчатку, и произвели подрыв свитского поезда.

Проанализировав тактику подготовки диверсионно-террористического акта, Московский обер-полицмейстер 21 апреля 1880 года направил секретное письмо надзирателям, в котором рекомендовал взять под контроль придорожные строения [81, стр. 80].

Таким образом, в Российской империи государственная территория использовалась для

создания и деятельности структур гибридной войны. Анализ происходящих событий позволяет дать высокую оценку заказчикам и организаторам гибридной войны на территории России. Запад сумел создать на территории России разветвленную сеть гибридной войны; структуры и участники которой весьма успешно использовали криминальную проницаемость государственной границы и территории империи. Результатом этого были: ликвидация носителя Верховной власти императора Александра II; ликвидация представителей высшей государственной и функциональной элиты Великого князя Сергея; начальника спецслужбы империи генерала Мезенцева; министров внутренних дел Сипягина и фон Плеве; высокоэффективный железнодорожный, фабричный и аграрный террор.

В целом диапазон криминальной проницаемости государственной территории участниками гибридных войн был широким и разнообразным.

Вполне естественно, что Российская империя пыталась на законодательном и организационном уровне защищать границы и территории государства от криминальной проницаемости. Империя выработывала и реализовывала пограничную политику, которая была направлена на формирование пограничного пространства; на обеспечение суверенитета, неприкосновенности и целостности территории, защиту границ и территорий от криминальной проницаемости. Основными объектами пограничной политики Империи были государственная граница; национальные интересы в ее пограничном пространстве.

Меры, принимавшиеся империей, можно систематизировать по ряду направлений.

Первое: совершенствование действующего антитеррористического законодательства. Повышение уровня нормативно-правовой плотности противодействия криминальной проницаемости границы и территории.

Уровень развития законодательства, нормативно-правовой и локальной базы силовых, правоохранительных органов и спецслужб позволяет говорить о «нормативно-правовой плотности защиты границы и территории».

Низкий уровень антитеррористического законодательства Российской империи; несоответствие системы спецслужб и правоохранительных органов интенсивности гибридных войн; тактике деятельности структур гибридной войны, привели к ликвидации Александра

II. Об этом прямо было указано в Высочайшем указе Правительствующему Сенату, изданном 4 сентября 1881 г. Этим же указом было издано «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия». Где был установлен особый режим усиленной охраны территорий ряда губерний, уездов, городов.

Режим непроницаемости государственной территории всегда регулируется государством. Для защиты своей безопасности государство устанавливает особый правовой режим:

- а) пересечения государственной границы;
- б) передвижения по внутренней территории государства.

Для этого государство издает законы, подзаконные акты.

Начальная стадия формирования режима криминальной непроницаемости государственной границы, это закон о государственной границе; установленный государством порядок перемещения через границу физических лиц; порядок перемещения предметов и товаров через границу. Законодатель сам определяет уровень защиты границы от несанкционированного перемещения людей и грузов.

Затем законодатель устанавливает порядок контролируемого перемещения людей и грузов по территории государства. В том числе, огнестрельного оружия. В Российской империи это было закреплено в таможенных уставах. Одновременно законодатель в «Уложении о наказаниях уголовных и исполнительных» устанавливал уголовную ответственность: а) «за тайный вывоз товаров»; б) «за провоз каких-либо предметов, скрытых пассажирами в тайных помещениях»; в) «за тайный ввоз иностранных запрещенных к привозу... товаров» [141]. Так, 24 ноября 1905 года было Высочайше утверждено «Положение Совета Министров о порядке хранения и продажи огнестрельного оружия» [100]. Ответственность за ношения, хранения огнестрельного оружия, «стрельба из огнестрельного или другого опасного оружия в местах, где это запрещено», регламентировалась Уставом о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. 9 февраля 1906 г. было Высочайше утверждено мнение Государственного Совета об ответственности за изготовление, приобретение, хранение, ношение и сбыт без подлежащего разрешения взрывчатых веществ и снарядов [125].

В отдельных случаях законодатель устанавливал уголовную ответственность за осуществление криминальной проницаемости границы в конкретных регионах. К примеру, «за тайный на Прусской границе провоз товаров, при коем оказано сопротивление с насилием». Особый уголовно-правовой статус «на Прусской границе» определялся тем, что здесь действовали отлаженные каналы контрабандного перемещения людей и грузов, которые часто использовались революционно-террористическими организациями.

Для усиления правового режима криминальной непроницаемости территории наиболее революционно активные территории объявлялись «в положении усиленной охраны», на основе «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия». Что позволяло вводить усиленный режим работы правоохранительных органов и спецслужб. Так, 28 октября 1907 г. Градоначальник Санкт-Петербурга Д.В. Драчевский [30, стр. 51-52] издал обязательное постановление о порядке регулирования обращения огнестрельного оружия и взрывчатых веществ на территории С. Петербургского градоначальства. 7 апреля 1910 года Департамент полиции издал циркуляр № 15462, коим были утверждены новые «Правила пользования оружием в местностях, не объявленных в исключительном положении».

Второе: совершенствование силовой плотности защиты государственной границы и территории. Создание блока погранвойск; системы правоохранительных органов и спецслужб для борьбы с геополитическим терроризмом Европы.

Революционно-террористическое движение в России как инструмент гибридной войны было формой геополитического противоборства России и Запада, России и Турции. Все это требовало создания погранвойск; правоохранительных органов, спецслужб. Для защиты государства от криминальной проницаемости структур гибридной войны государство создает специализированные государственные структуры. Каждая такая структура отвечает за «свои» каналы, способы, участки, территории перемещения. Государство устанавливало особый режим силовой плотности отдельных приграничных территорий. Так, циркуляром Департамента полиции от 20 ноября 1888 г. вводился особый режим силовой плотности целого ряда территорий. В

частности, пограничной полосы «на всем протяжении от Балтийского до Черного моря, шириною в 50 верст» [60, стр. 121].

В конце XIX века в Империи произошло резкое усиление пограничной стражи. 14 августа 1886 г. Департамент таможенных сборов утвердил «Инструкцию для мобилизации пограничной стражи», а также расписания пеших рот и конных пограничных полков. Новые мобилизационные планы пограничной стражи были введены в действие с 1 марта 1887 г.

Новые нормативно-правовые акты предусматривали действия пограничной стражи в случае объявления войны. Пограничная стража должна была использоваться как особый вид вооруженных сил, существенно отличающийся от имевшихся пехотных подразделений военного ведомства. Пограничная стража должна была вести «наблюдение за противником путем выставления отдельных наблюдательных постов и высылкой разъездов вдоль линии границы»; «обеспечивать развертывание ближайших к границе сборных и сдаточных пунктов»; осуществлять «вывоз касс и ценного казенного имущества из таможен и городских казенных управлений» [147] и др.

Вместе с тем, пограничная стража должна была осуществлять разведывательные функции; вести «наблюдение и прикрытие своими постами всех путей, ведущих через границу с целью своевременного извещения о наступлении неприятеля и непрерывного наблюдения за ним»; совершать диверсии на путях продвижения наступающего неприятеля путем порчи «мостов, гатей на путях, телеграфа и уничтожение тех запасов и средств, которые могли бы послужить противнику». Одновременно пограничная стража должна была вести в ближайшей прифронтовой линии агентурную разведку, «посылкой за границу негласных агентов, преимущественно из лиц, известных чинам пограничной стражи еще в мирное время и хорошо проявлявших себя в борьбе с контрабандистами» [90].

Последняя задача, «посылка за границу негласных агентов», требовала подготовки пограничных кадров для работы с агентурой; вербовки агентуры «из лиц, известных чинам пограничной стражи и хорошо проявлявших себя в борьбе с контрабандистами»; разработки инструкций по организации работы с такой агентурой.

Со второй половины XIX века основная ответственность за защиту территории государства от

криминальной проницаемости возлагалась на Губернские жандармские управления, как структурные подразделения Отдельного корпуса жандармов. Однако, деятельность чинов Губернских жандармских управлений носила, в основном, наблюдательный характер. Штаб Отдельного корпуса жандармов осуществлял управление Губернскими жандармскими управлениями как войсковыми структурами. Штаб не смог организовать агентурную работу губернских жандармских управлений. В результате ГЖУ не смогли проникать в законспирированную сеть гибридной войны, революционного подполья. А это значит, они не смогли обеспечить криминальную непроницаемость территорий Империи.

Противодействие криминальной проницаемости государственной границы и территории с использованием железнодорожного транспорта осуществляла жандармская железнодорожная полиция. В 1866 г. началось реформирование жандармской железнодорожной полиции. В декабре 1866 г. был принят закон «Об обязанностях и подчинении жандармских полицейских управлений железных дорог». Полицейские управления жандармской железнодорожной полиции были изъяты из ведения Министерства путей сообщения и подчинены шефу жандармов и непосредственно Штабу Отдельного корпуса жандармов. В январе 1867 г. Корпус жандармов приказом № 6 принял в свое подчинение все жандармские части и управления на железных дорогах. Были расширены права и обязанности ЖПУ железных дорог. Им были предоставлены права и обязанности общей (территориальной) полиции [35].

Жандармская железнодорожная полиция (ЖЖП) несла обязанности на пограничных пунктах. Пограничные пункты были трех видов:

- а) железнодорожные;
- б) в портах на парходах;
- в) на грунтовых сухопутных пунктах.

Функции ЖЖП железных дорог на пограничных пунктах регулировались:

- а) Уставом о паспортах;
- б) циркулярами Штаба Корпуса жандармов от 20 августа 1898 г. № 7754; от 2 июля 1902 г. № 17; от 3 июня 1909 г. № 6576-6581;
- в) циркулярами Департамента полиции и др.

Одной из проблем в действиях чинов ЖЖП железных дорог на пограничных пунктах и пограничной стражи был низкий уровень

взаимодействия. В связи с чем Штаб Корпуса жандармов издал 18 августа 1898 г. циркуляр № 21 «О содействии чинов пограничной стражи».

На сотрудников ЖЖП возлагалась обязанность «наблюдать, чтобы как в пассажирских, так и в товарных поездах не провозилось бы огнестрельное нарезное оружие и взрывчатые грузы без разрешений подлежащих властей» [93, стр. 544].

Основным недостатком в деятельности ЖЖП железных дорог по предупреждению революционного движения было отсутствие в структуре подразделений офицеров-агентуристов. В результате ЖЖП железных дорог до 1907 г. практически не имела агентов из числа железнодорожников, и из числа лиц, проживавших в полосе отчуждения. Что в значительной мере способствовало вовлечению железнодорожников в деятельность структур гибридной войны. Следствием чего стали подрывы подвижного состава; железнодорожных мостов и сооружений; умышленные крушения и обстрелы пассажирских поездов, в том числе с военнослужащими, и др.

Департамент полиции, обладая оперативной информацией о планах Боевой организации партии социалистов-революционеров, оказывал информационную помощь ЖЖП железных дорог в предотвращении террористических актов на железных дорогах. 14 октября 1906 г. Департамент полиции направил информацию «начальникам ГЖУ, ЖПУ железных дорог и охранных отделений в связи с возможностью терактов на железных дорогах» [138, стр. 286].

Криминальные посягательства на объекты железнодорожного транспорта в период гражданской войны 1905-1907 гг. стали возможны во многом потому, что объекты транспорта не имели достаточной вооруженной силы для защиты железнодорожных сооружений, перевозимых грузов. Станционные безоружные сторожа не могли противостоять действиям вооруженных банд дружинников. Для усиления силовой защиты объектов железнодорожного транспорта и перевозимых грузов МПС приступило к созданию специализированной ведомственной вооруженной силы – «вооруженной вольнонаемной охранной стражи на железных дорогах». Правовым основанием для этого послужили дополнения к общему учреждению губернскому по продолжению 1906 года, ст. 642 и «Положение

о вооруженной вольнонаемной охранной страже на железных дорогах», утвержденное министерством путей сообщения по согласованию с МВД. «Стража назначается исключительно для охраны железнодорожных путей, сооружений, денежных сумм, имущества, грузов и товарохранилищ и для выполнения охраны в других случаях, по усмотрению начальника дороги» [99], – подчеркивалось в положении. Создание подразделений вооруженной охранной стражи, как вынужденная мера обеспечения собственной технической и экономической безопасности, привела к усилению самозащиты объекта-жертвы.

Таким образом, на железных дорогах Российской империи действовала система самых разнообразных субъектов антитеррора, каждый из которых в той или иной мере обеспечивал безопасность функционирования железнодорожного транспорта.

Третье: развитие оперативно-розыскной деятельности спецслужб империи.

Основная особенность деятельности структур гибридной войны, ДРФ и ДРГ, состояла в высоком уровне конспирации и контрразведывательной деятельности. Навыкам конспирации группу завербованной молодежи обучали в 1871 г. на Кушелевской даче. Лица, прошедшие обучение по программе нелегальной разведки, затем стали «офицерами гибридной войны». Они входили в состав организационных структур «хождения в народ»; подготовки Чигиринского восстания; организаторов «Народной Воли». В конечном счете именно эти люди организовали ликвидацию Александра II. Затем организационное ядро «Народной Воли» проходило подготовку за рубежом. Вдобавок, деятельность участников структур гибридной войны на территории России контролировалась зарубежными разведслужбами, курировавшими революционное подполье. Наглядный пример, вербовка Г.П. Судейкиным бывшего штабс-капитана С.П. Дегаева, члена исполкома «Народной Воли». Дегаев выехал за рубеж, где не прошел спецпроверку кураторов «Народной Воли». Будучи разоблачен как агент спецслужбы России, получил задание ликвидировать Г.П. Судейкина. Что и выполнил.

Ликвидация Александра II народниками показала, что для борьбы со структурами гибридной войны нужна организация агентурной работы. Уже 29 января 1883 г. была утверждена «Инструкция инспектору секретной полиции».

10 марта 1897 г. была утверждена «Инструкция полицейским надзирателям при Отделении по охране общественной безопасности в порядке в Москве».

В начале XX века МВД и Департамент полиции империи приступили к созданию чисто оперативных подразделений, которые должны были заниматься внутренней и внешней (наружное наблюдение) агентурой.

12 августа 1902 г. Министр внутренних дел фон Плеве утвердил «Положение о начальниках розыскных отделений». 9 февраля 1907 г. Министр внутренних дел П.А. Столыпин [15, стр. 222-235; 29, стр. 31-35; 47; 85, стр. 56-57; 92, стр. 276-293] утвердил «Положение об охранных отделениях» [98, стр. 81-96]. В 1907 году была издана «Инструкция начальникам охранных отделений по организации наружного наблюдения» [98, стр. 119-125].

Значительную работу по усилению нормативно-правового противодействия криминальной проницаемости государственной территории проводил департамент полиции. Департамент полиции был создан 15 ноября 1880 г. путем издания указа императора «О соединении Департамента государственной полиции и полиции исполнительной в одно учреждение» [149, стр. 44-48]. Он издавал многочисленные циркуляры об организации работы таможенного, пограничного ведомств, сотрудников полиции и отдельного корпуса жандармов [60].

Департамент полиции выполнял большую организационно-аналитическую работу по противодействию структурам гибридной войны. Так, 12 августа 1902 г. Департамент Полиции ввел в действие «Свод правил в развитие Положения о начальниках розыскных отделений». 31 октября 1902 г. была утверждена «Инструкция филерам летучего отряда и филерам розыскных и охранных отделений» [98, стр. 52-55]. 4 октября 1907 г. Департамент полиции направил «Циркуляр Департамента полиции начальникам районных охранных отделений о мерах по усилению агентурного наблюдения за революционными организациями» [98, стр. 113-116].

Однако в его работе по организации оперативно-розыскной деятельности, успешно разрабатываемой в том числе и современными исследователями [40; 41; 57; 94; 95; 96; 136], можно выделить ряд недостатков.

Департамент полиции не смог разработать

концепцию организации оперативно-розыскной деятельности. Он ограничился изданием инструкций по организации внутренней агентуры и наружного наблюдения. Инструкции Департамента полиции по организации агентурной работы были столь несовершенны, что начальник Московского охранного отделения разработал и издал свою «Инструкцию Московского охранного отделения по организации и ведению внутренней агентуры» [138, стр. 340-356].

Департамент полиции предоставлял агентам внутри структур гибридной войны только функции наблюдения, без активного внедрения в деятельность. 10 мая 1907 г. Департамент полиции направил свой «Циркуляр Департамента полиции начальникам охранных отделений и губернских жандармских управлений о степени участия агентов в деятельности революционных организаций» [98, стр. 108-110], которым ограничивал степень участия агентов в деятельности структур гибридной войны. Как писал начальник Санкт-Петербургского охранного отделения А.В. Герасимов, «вопрос о правильной постановке центральной внутренней агентуры в революционных партиях вследствие официальной позиции, занятой по отношению к нему Департаментом Полиции, находился в самом неудовлетворительном положении. Департамент Полиции чрезмерно ограничивал роль и характер отношений своего секретного агента в отношении революционной организации. Такой агент не мог входить в революционную организацию и не мог непосредственно участвовать в ее деятельности. Он должен был только использовать в частном порядке свои личные знакомства, отношения и связи с революционные деятелями... Абсолютно исключалось участие агентов в центральных, руководящих органах или предприятиях революционных партий, что фактически означало неосведомленность о деятельности их» [138, стр. 262].

Департамент полиции не отработывал варианты поведения агентов на случай провала; не предусматривал их срочную эвакуацию в случае опасности. Наглядный пример: знаменитый агент Татаров, который помог предотвратить ликвидацию боевиками представителей высшей государственной элиты. Кто-то из сотрудников охранки написал «донос» в партию социалистов-революционеров о деятельности Татарова. «Комиссия, назначенная партией

социалистов-революционеров, подвергла его перекрестному допросу. Татаров запутался в противоречиях, был пойман на лжи, однако не сознался. Он знал уже, что наступит неизбежный, немедленный конец. В страхе неминуемой смерти он бежал в Варшаву и скрылся в квартире своего отца» [138, стр. 272]. Где и был ликвидирован.

Департамент полиции не смог отработать систему контрразведывательного обеспечения работы с агентами. Судя по всему, Департамент полиции не осознавал роли участия Западных спецслужб в создании подполья гибридной войны. Запад активно внедрял свою агентуру в агентурную сеть Департамента полиции. Внедренный Западом Евно Азеф стал ведущим агентом Департамента полиции [69]. Одновременно он руководил Боевой организацией партии социалистов-революционеров и организовал ликвидацию Министра внутренних дел В.К. фон Плеве; Великого князя Сергея и других представителей высшей государственной элиты. Внедренный Западом в агентурную сеть Киевского охранного отделения Мордка Богров ликвидировал председателя Правительства империи П.А. Столыпина [3; 106; 123; 129]. Более «мелкие» агенты ликвидировали своих офицеров-агентуристов.

Четвертое: повышение пограничного контроля путем совершенствования системы учета пересечения государственной границы.

Контроль за передвижением пассажиров через границу осуществлялся по наличию у них загранпаспортов. Как выяснилось, существующие формы заграничных паспортов не дают возможности контролировать время выезда человека за границу и время пребывания за границей. В 1889 году Министерство финансов России обратило внимание на отсутствие сведений «о средней продолжительности пребывания за границей русских подданных, выезжающих из России по заграничным паспортам». Министерство финансов выступило с инициативой изменить формы заграничных паспортов. В частности, «для удобства контроля в сем отношении, дополнить бланки талонов заграничных паспортов точными указаниями о том, кем и когда выдан паспорт, а также времени выезда за границу и возвращения оттуда владельца паспорта» [60, стр. 165]. Соответствующее указание Департамент полиции направил 12 января 1889 г. губернаторам, градоначальникам и другим лицам, уполномоченным

выдавать заграничные паспорта.

Ужесточение пограничного паспортного контроля заставляло нелегалов искать новые способы пересечения границы. Когда в 1913 году Ленин созывал очередное большевистское совещание за границей», то участники совещания, члены РСДРП(б), должны были самостоятельно выехать в Европу, в том числе, по нелегальным каналам. Как указывалось в агентурной записке Департамента полиции, 18 сентября 1913 года четыре делегата-большевика должны были выехать «из Москвы одним поездом, но в разных вагонах; все четверо намерены перейти границу тайно по адресу, данному на этот случай в редакции местной газеты «Наш путь»».

Как выяснила агентура Департамента полиции, помощь в нелегальном переходе участников гибридной войны через границу оказал бывший солдат пограничной стражи. После демобилизации он устроился экспедитором в газету «Наш путь». «Познакомившись с заправилами газеты, он передал свои впечатления о границе, о контрабандистах, а затем дал адрес лиц, которые могут за границу переправлять эмигрантов. В разговоре он заявил, что ...знает евреев-факторов, специалистов по этим делам и дал некоторым членам редакции адреса для такой тайной переправы...» Солдат передал руководству газеты имена и адреса проживания местных контрабандистов, расценку за переправку каждого нелегала через границу» [139].

Этот же принцип подготовки боевиков для совершения диверсионно-террористических актов на территории России используется и в нынешних условиях.

В настоящее время на территории Украины создана достаточно мощная сеть структур Сил специальных операций. Боевиков для борьбы с Россией готовят за рубежом. В августе 2022 г.

Евросоюз приступил к созданию тренировочных баз для подготовки «на них террористов для киевского режима..., для натаскивания для киевского режима террористов и нацистских боевиков». Подготовка «диверсантов НАТО для атак в России» началась на территории Эстонии [23].

Пятое: повышение уровня силовой плотности защиты территории государства от криминальной проницаемости.

Все действия криминальных структур гибридной войны проходили на территории империи. Где осуществлялась государственная власть; действовали спецслужбы и полиция империи. Успешная деятельность экстремистских организаций; боевых структур гибридной войны, позволяет говорить о низком уровне защиты территории империи от криминальной проницаемости.

Одной из проблем государства стала неспособность обеспечить непроницаемость территории от незаконного перемещения осужденными и ссыльными. Возникла странная ситуация: спецслужбы и полиция задерживали лиц за совершение преступлений террористической направленности. Суда выносили приговоры. Их отправляли в колонии или ссылки, откуда они бежали и возвращались к прежней деятельности. К примеру, студент Московского университета Е. Сазонов, увлекшийся экстремистскими идеями, в 1902 году был выслан в Якутскую губернию сроком на 5 лет. Бежал из места ссылки и «скрылся за границу в Женеву». Там он прошел боевую подготовку. Затем, незаконно перейдя границу, вернулся в Россию. Где 15 июля 1904 года взрывом гранаты убил министра внутренних дел Плеве [138, стр. 168-169].

На наш взгляд, исторические аспекты защиты России от криминальной проницаемости участников гибридных войн заслуживают особого внимания в современных условиях.

Список литературы

1. Закон РФ от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1993. – № 17. – Ст. 594.
2. Ананских И.А., Булатов В.И., Литвинов Н.Д., Лавров О.Л., Сальников М.В. Причины и механизм ликвидации министра внутренних дел Российской империи В.К. фон Плеве // Юридическая наука: история и современность. – 2020. – № 9. – С. 34-58.
3. Ананских И.А., Литвинов Н.Д., Овчинников В.В., Сальников М.В., Петров П.А. Император Николай II и

- развитие революционно-террористического движения в Российской империи // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 6. – С. 59-94.
4. Бабурин С.Н. Мир империй: территория государства и мировой порядок. – М.: Магистр, ИНФРА-М, 2010. – 829 с.
 5. Бабурин С.Н. Территория государства: правовые и геополитические проблемы. – М.: Моск. ун-т, 1997. – 480 с.
 6. Байрамов Ш.Б., Лукин В.Н., Михеев В.Л., Мусиенко Т.В., Пиджаков А.Ю., Смыслов Б.А. Международный терроризм: вызовы и противодействия: в 3-х т. Т 1: История и современность / Глав. ред. В.Л. Михеев. – СПб.: Архей, 2011. – 383 с.
 7. Байрамов Ш.Б., Лукин В.Н., Михеев В.Л., Мусиенко Т.В., Пиджаков А.Ю., Смыслов Б.А. Международный терроризм: вызовы и противодействия: в 3-х т. Т 2: Противодействие международному терроризму: поиск новой парадигмы / Глав. ред. В.Л. Михеев. – СПб.: Архей, 2011. – 482 с.
 8. Байрамов Ш.Б., Лукин В.Н., Михеев В.Л., Мусиенко Т.В., Пиджаков А.Ю., Смыслов Б.А. Международный терроризм: вызовы и противодействия: в 3-х т. Т 3: Библиография / Глав. ред. В.Л. Михеев. – СПб.: Архей, 2011. – 310 с.
 9. Балан В.П., Литвинов Н.Д. Проницаемость государственной территории как фактор развития терроризма в Российской империи // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 8. – С. 104-117.
 10. Барсегов Ю.Г. Территория в международном праве. – М.: Госюриздат, 1958. – 271 с.
 11. Бастрыкин А.И. Лекция: О средствах обеспечения безопасности и противодействия терроризму // Юридическая мысль. – 2021. – № 4(124). – С. 170-184.
 12. Боброва Н.А. Конституционная реформа-2020 как решение проблемы «транзита власти»-2024 // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 2. – С. 3-9.
 13. Богатырёв Д.К., Сальников В.П. Ценности, мышление, культура в пространстве духовной жизни // Мир политики и социологии. – 2019. – № 9. – С. 186-194.
 14. Большевики: Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 г. бывш. Моск. охран. отд-ния / Сост. и авт. предисл. М. А. Цявловский. [Репр. изд.]. – Нью-Йорк: Телекс, 1990. – 355 с.
 15. Борисов А.В. Министры внутренних дел России. 1802 – октябрь 1917 / Вступительная статья В.Ф. Некрасова и В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 350 с. – (Серия: «Внутренние войска и органы внутренних дел России»).
 16. Боярский В.И. На стороже Руси стояти. Страницы истории пограничной стражи Российского государства. – М.: Граница, 1992. – 166 с.
 17. Боярский В.И., Дмитриев В.А., Кудинов Н.Н. Пограничный надзор на море: Историко-документальный очерк. – М.: Граница, 2006. – 254 с., [24] л. ил., портр., цв. ил.
 18. Брылева Е.А., Захарцев С.И., Сальников В.П. Благотворительность как свойство российской суверенной государственно-правовой идеологии // Теория государства и права. – 2021. – № 4(25). – С. 23-32. DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.002
 19. Бусидо. Военный канон самурая с комментариями / Пер. с японского Р.В. Котенко, А.А. Мищенко, А.А. Петрова. – М.: АСТ, 2019. – 320 с. (Библиотека военной и исторической литературы).
 20. Виноградова Е.В. Грани современного российского конституционализма. – М.: РИТМ, 2021. – 240 с.
 21. Виноградова Е.В., Виноградова П.А. Укрепление конституционных гарантий поправками 2020 года в Конституцию Российской Федерации. – М.: Эдитус, 2020. – 200 с.
 22. Виноградова Е.В., Захарцев С.И. Суверенитет: государство – личность – государство. Российская модель // Правовая политика и правовая жизнь. – 2021. – № 1. – С. 156-163.
 23. Военный эксперт рассказал о подготовке в Эстонии диверсантов против России // <https://lenta.ru/news/2022/09/03/terror/>
 24. Волк С.С. Народная Воля. 1879 – 1882. – М.Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1966. – 491 с., 5 л. ил., карт.
 25. Высотенко А.В. Исторический опыт обеспечения безопасности государственной границы Российской империи Отдельным корпусом пограничной стражи: Дис... канд. истор. наук: 07.00.02. – М., 2004. – 284 с.: ил.
 26. Герасимов А. В. На лезвии с террористами. – М.: Товарищество русских художников, 1991. – 204,[2] с.: портр.; 20 см. – (Белая книга России; Вып. 5).
 27. Глинский Б.Б. Революционный период русской истории (1861-1881 гг.): Ист. очерки. Ч. 1-2. Ч. 1. – СПб.: т-во А.С. Суворина «Новое время», 1913. – XII, 528 с., 1 л. портр.: ил.
 28. Государственная территория // <https://isfic.info/mpgra/intlow98.htm>
 29. Гутман М.Ю., Сальников В.П. Министры внутренних дел Российской империи в начале XX века // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 9. – С. 11-55.
 30. Гутман М.Ю., Кудин В.А., Сальников В.П. Градоначальники Санкт-Петербурга (1873 – февраль 1917 гг.) и

- руководители полиции (милиции) переходного периода (февраль – октябрь 1917 г.) // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 5. – С. 20-65.
31. Гутман М.Ю., Никулин А.Г., Сальников В.П. К 220-летию министерства юстиции Российской Федерации. Министры юстиции, генерал-прокуроры пореформенной России (1861-1905 гг.) // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 7. – С. 30-64.
 32. Демин В.Н. Бакунин. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 347, [2] с., [16] л. ил., портр. – (Жизнь замечательных людей).
 33. Доронин А.М., Доронин М.П., Мушкет И.И., Сальников В.П. Жандармы и граница / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2003. – 144 с.
 34. Дюкло Ж. Бакунин и Маркс. Тень и свет / Перевод с фр. В. Н. Николаева; под ред. проф. В.В. Загладина. – М.: Прогресс, 1975. – 462 с.
 35. Жандармские полицейские управления железных дорог // <https://guides.rusarchives.ru/terms/3/46/zhandarmskie-policeyskie-upravleniya-zheleznyh-dorog>
 36. Записка министра юстиции графа Палена. Успехи революционной пропаганды в России. – Женева: Imprimerie Troussonoff, 1875. – 31 с.
 37. Записки по истории революционного движения в России. Для курсов при штабе Отдельного Корпуса Жандармов. 1912-1913 гг. – СПб., 1913.
 38. Захарцев С.И., Сальников В.П. Размышления об основах русской суверенной философско-правовой идеологии // Юридическая наука: история и современность. – 2020. – № 2. – С. 183-194.
 39. Захарцев С.И., Сальников В.П. Российский конституционализм: настоящее и будущее. Рецензия на монографию: Е.В. Виноградовой «Грани современного российского конституционализма». М.: РИТМ, 2021. – 240 с. // Правовая политика и правовая жизнь. – 2022. – № 2 (88). – С. 337-344.
 40. Захарцев С.И., Игнащенко Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке: Монография. – М.: Норма, 2015. – 400 с. DOI: 10.17513/np.469
 41. Захарцев С.И., Игнащенко Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия в XXI веке: Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 320 с. – Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности. DOI: 10.17513/np.506
 42. Зоиров Д.М., Сафаров Б.А. Суверенная государственность на постсоветском пространстве: предпосылки и процесс формирования (на примере Республики Таджикистан): Монография / Под общ. ред В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 336 с. – (Библиотека: «Философия государства и права»).
 43. Зорина Н.В., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Прокофьев К.Г., Сальников М.В. Идея свободы в суверенной идеологии права: аксиологический и нравственно-правовой аспекты // Мир политики и социологии. – 2018. – № 11. – С. 188-193.
 44. Ивашов Л.Г. Человечество. Мировые войны и пандемии. – М.: Книжный мир., 2020.- 544 с.
 45. Иващенко В., Кравец А. Николай Кибальчич: Ученый, революционер: Историко-биографическая документальная повесть. – М.: АСЛАН, 1995. – 288 с.: ил.
 46. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Философия Ф.М. Достоевского как источник суверенной российской философии права // Права человека в диалоге государственной власти и гражданского общества: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Дню прав человека (г. Уфа, 10 декабря 2020 г.). В 2-х частях. Ч. 1 / Отв. ред. Е.О. Тулупова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. – Уфа, 2020. – С. 83-92. – в сб. 243 с.
 47. Казиханова А.Ч., Рамазанова П.К. Аграрная реформа Столыпина // Юридическая наука: история и современность. – 2022. – № 5. – С. 71-76.
 48. Керимов А.Д., Масленников Д.В. Научная работа петербургских правоведов в перспективе суверенной философии права // Мониторинг правоприменения. – 2019. – № 4. – С. 14-18. DOI: 10.21681/2226-0692-2019-4-14-18.
 49. Керимов А.Д., Сальников В.П., Хабибуллин А.Г. Гегелевская философия как теоретическая предпосылка суверенной философии права // Творческое наследие Гегеля: философия, теология, право, экономика: Сборник материалов Межрегиональной конференции с международным участием, посвященной 250-летию со дня рождения Г.В.Ф. Гегеля (Санкт-Петербург, 19–21 ноября) / Отв. редактор Д. В. Масленников. – СПб.: РХГА, 2020. – С. 284-290. – в сб. 306 с.
 50. Клаузевиц Карл фон. О войне. Избранное / Пер. с нем. А.К. Рачинского; предисл. и коммент. Л.В. Ланника. – М.: АСТ, 2017. – 320 с.: ил. – (Иллюстрированная военная история).
 51. Клименко Б.М. Государственная территория. Вопросы теории и практики международного права. – М.: Международные отношения, 1974. – 168 с.
 52. Клименко Б.М., Порк А.А. Территория и граница СССР. – М.: Международные отношения, 1974. – 302 с.
 53. Клименко О.А., Мирзоев А.К. Суверенитет государства и суверенитет народа в современной европейской

- мысли // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 50-64.
54. Клименко О.А., Мирзоев А.К., Третьяков И.Л. Государственный суверенитет как комплексная проблема современности // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 3. – С. 59-65.
55. Кокошин А.А. Политология и социология военной стратегии. – М.: URSS, 2005. – 613 с.
56. Комаров С.А. Общая теория государства и права: Учебник / 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 1997. – 416 с.
57. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности»: с приложением решений Конституционного Суда Российской Федерации и обзоров практики Европейского Суда по правам человека / Вагин О.А., Гаврилов Б.Я., Горяинов К.К. и др.; вступительная статья Председателя Конституционного Суда Российской Федерации, Заслуженного юриста Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора В.Д. Зорькина; отв. ред. В.С. Овчинский. – 3-е изд., доп. и перераб. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. – 574, [1] с.
58. Корнилов Л.А. Общественное движение при Александре II. (1855-1881): исторические очерки. – М.: Журнал «Русская мысль», 1909 (Т-во тип А.И. Мамонтова). – 263 с.
59. Корф С.А. Русское государственное право. Ч. 1. – М.: скоропеч. А.А. Левенсон, 1915. – IV, [2], 315 с.
60. Краткий систематический свод действующих законоположений и циркулярных распоряжений, относящихся до обязанностей чинов губернских жандармских управлений по наблюдению за местным населением и по производству дознаний / Составил полковник Добряков. – СПб., 1903. – 688 с. разд. паг.
61. Лазарев В.В. Идеология конституционного реформирования правовой системы Российской Федерации // Журнал российского права. – 2021. – № 4. – С. 5-17.
62. Лазарев В.В. Ценностно-идеологический подход к оценке новелл Конституции РФ // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 2. – С. 11-17.
63. Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права: Учебник для академического бакалавриата. 5-е изд., испр. и доп. – М.: Юрайт, 2016. – 521 с. – Серия: Бакалавр. Академический курс.
64. Лиддел Гарт Б. Стратегия непринятых действий / Пер. с англ. – М.: АСТ, 2018. – 508 с., [4] с.
65. Литвинов Н.Д. Тайна «самоубийства» террориста Н. Саблина // Мир политики и социологии. – 2016. – № 8. – С. 67-81.
66. Литвинов Н.Д., Журавель В.П. Северный Кавказ как территория деформации Российской государственности (по материалам Кавказских агентств) // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 9. – С. 47-68.
67. Литвинов Н.Д., Журавель В.П. Чигиринское восстание как форма Европейской гибридной войны на территории России. 1876-1877 гг. // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 2. – С. 64- 85.
68. Литвинов Н.Д., Литвинова А.Н. Ликвидация императора России Александра II 1 марта 1881 г. // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 2. – С. 137-149
69. Литвинов Н.Д., Пучнин В.А. Евно Азеф: механизм внедрения в агентурную сеть Департамента полиции Российской империи // Мир политики и социологии. – 2019. – № 5. – С. 55-73.
70. Литвинов Н.Д., Суровцев И.С. Объект покушения – царь Всея Руси. – Воронеж: б.и., 2006. – 334, [1] с. : табл.
71. Литвинов Н.Д., Журавель В.П., Числов А.И. «Хождение в народ» как форма нетрадиционной (гибридной) антироссийской войны Запада //Юридическая наука: история и современность. – 2018. – №.3. – С.162-184.
72. Литвинов Н.Д., Пучнин В.А., Сопко В.В. Спецоперация гибридной войны Запада «хождение в народ»: проблемы расследования преступлений // Мир политики и социологии. – 2018. – № 5-6. – С. 126-148.
73. Литвинов Н.Д., Пучнин В.А., Числов А.И. Ликвидация генерала Н.В. Мезенцева в 1878 году как спецоперация гибридной войны Запада // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 5. – С. 53-80.
74. Литвинов Н.Д., Пучнин В.А., Щербатых И.М. Польское вооруженное восстание 1863 – 1864 гг. как спецоперация гибридной войны Запада // Мир политики и социологии. – 2018. – № 11. – С. 40-67.
75. Литвинова А.Н., Литвинов Н.Д. Первая кровь России. Зарождение революционно-террористического движения в Российской империи. 1861-1879 гг. Воронеж: Межрегион. общенац. центр «Антитеррор», 2006. – 286, [1] с.: портр.
76. М.А. Бакунин: Pro et contra. – 2-е изд., испр. – СПб: РХГА, 2015. – 1050 с.
77. Марков Л.Н. Очерки из истории таможенной службы. – Иркутск: Иркутский ун-т, 1987. – 156,[1] с.
78. Мартынов А.П. Моя служба в отдельном корпусе жандармов: Воспоминания / Под ред. Ричарда Враги. – Stanford (California): Hoover Institution Press, 1972.
79. Марченко М.Н. Теория государства и права: Учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2019. – 640 с.
80. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: Учебник. – 5-е изд. – М.: Дело: РАНХиГС, 2019. – 528 с.
81. МВД России. Циркуляры департамента полиции и Московского обер – полицмейстера. 1878- 1888 гг. – СПб.,

- 1889.
82. Меньшиков М.О. Петербург в опасности // М.О. Меньшиков. Национальная Империя: борьба миров: цивилизация в опасности: Россия прежде всего. – М.: Имперская традиция, 2004. – 505, [3] с.
 83. Месснер Е.Э. Всемирная мятежевойна. – М.: Кучково поле, 2004. – 511 с.
 84. Министерство внутренних дел России. 1802 – 2002: Исторический очерк в 2-х томах. Том 1 / Под общ. ред. В.П. Сальникова; Грызлов Б.К., Сальников В.П., Стрельников А.А., Рыскин Л.Б., Глушаченко С.Б., Александров А.И., Нижник Н.С. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 272 с. – (Серия: «МВД России 200 лет»).
 85. Министры внутренних дел России (1802-2018): Биографический справочник / Сост.: Ч.Н. Ахмедов, С.Е. Байкеева, И.В. Романова, С.В. Ремнева, Т.Г. Лясович, А.А. Удальцов. – СПб.: Р-КОПИ, 2018. – 140 с., ил.
 86. Мирзоев А.К. Государственный суверенитет и институты обеспечения публичной политической власти // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 38(48). – С. 62-65.
 87. Морозов А.И., Прокофьев К.Г., Сергеева А.Ю. Институт семьи как нравственно-правовая ценность (к вопросу о суверенной правовой идеологии как основании семейного права Российской Федерации) // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 12. – С. 107-114.
 88. Мурсалимов К.Р., Хабибулин А.Г. Теория государства и права: Учебное пособие. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: ФОРУМ; ИНФРА-М, 2015. – 512 с. – (Высшее образование)
 89. Мусаси Миямото. Книга пяти колец. Горин-но сё. Путь стратегии. – М.: Центрполиграф, 2016. – 190 с.
 90. Мусин Ф.С. Некоторые вопросы усиления охраны государственной границы Российской империи во второй половине XIX в. // <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-usileniya-ohrany-gosudarstvennoy-granitsy-rossiyskoj-imperii-vo-vtoroy-pолоvine-xix-v>
 91. Невский С.А. Противодействие незаконному ввозу оружия и боеприпасов в Россию в начале XX в. // <http://istorja.ru/forums/topic/2507-kontrabanda-oruzhiya-v-nachale-xx-veka/>
 92. Нижник Н.С., Сальников В.П., Мушкет И.И. Министры внутренних дел Российского государства (1802 – 2002): Биобиблиографический справочник. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 584 с. – (Серия: «МВД России 200 лет»).
 93. Обязанности жандармской железнодорожной полиции: По жандармско-полицейской части / Сост. полковник Тимофеев. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб.: тип. М-ва вн. дел, 1912. – [4], XXXVIII, 1195 с.
 94. Оперативно-розыскная деятельность в цифровом мире: Сборник научных трудов / Под ред. В.С. Овчинского. – М.: ИНФРА-М, 2021. – 630 с.
 95. Оперативно-розыскная деятельность: Научно-практический комментарий (постатейный) к Федеральному закону / А.И. Бастрыкин, В.М. Егоршин, С.И. Захарцев, Ю.Ю. Игнащенко, И.Н. Кондрат, Д.В. Ривман, В.П. Сальников, А.Г. Хабибулин, А.В. Шахматов; под общ. ред. А.И. Бастрыкина. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 280 с.
 96. Основы оперативно-розыскной деятельности: Учебник / Г.В. Сурков, Ю.Ф. Кваша, В.П. Сальников, Ю.А. Сандулов, В.В. Зорин, И.Н. Зубов, В.М. Егоршин, Н.Н. Васильев; под общ. ред. С.В. Степашина. – СПб.: Лань, 1999. – 704 с.
 97. «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений / Вступ. статья, подгот. текста и коммент. З.И. Перегудовой. Т. 1. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 512 с., ил.
 98. Политическая полиция Российской Империи между реформами. От В.К. Плеве до В.Ф. Джунковского. Сборник документов / Вступительная статья, составление и комментарии Е.И. Щербакова. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2014. в кн.: 352 с. – (Серия «АИРО – первая публикация» / Под ред. Г.А. Бордюгова).
 99. Положение о вооруженной вольнонаемной страже на железных дорогах» (утверждено 16 сентября 1912 г. МПС и МВД Российской империи) // Государственный архив Томской области. – Ф. 411. – Оп. 1 – Д. 203. – Л. 322–325.
 100. Положение Совета Министров о порядке хранения и продажи огнестрельного оружия от 24 ноября 1905 года // Собрание узаконений. – 1905. – № 241. – Ст. 1975.
 101. Радько Т.Н., Лазарев В.В., Морозова Л.А. Теория государства и права: Учебник для бакалавров. – М.: ПРОСПЕКТ, 2019. – 568 с.
 102. Раков К.А. Правовая идеология как содержательное основание правопорядка // Право и образование. – 2020. – № 12. – С. 101-105.
 103. Рассолов М. М. Теория государства и права: Учебник для академического бакалавриата. – М.: Юрайт, 2016. – 481 с.
 104. Ржевцев Ю. Пограничная стража Российской империи // <http://voenspez.ru/index.php?topic=3930.0>
 105. Рожанов Ф.С. Записки по истории революционного движения в России (до 1913 года) / Сост. Отд. корп. жандармов подполк. Рожанов. – СПб.: Деп. полиции, 1913. – [2], VI, 512 с.

106. Рыбас С., Тараканова Л. Жизнь и смерть Столыпина. – М.: Недра, 1991. – 206,[1] с. : ил.
107. Савин Л. Стратегический терроризм // <https://www.geopolitica.ru/585-strategicheskij-terrorizm.html>
108. Савинков Б. Боевая организация // <https://mybiblioteka.su/9-58080.html>
109. Савинков Б. Воспоминания // Былое. – 1917. – № 1.
110. Савинков Б. Воспоминания террориста. – Л.: Лениздат, 1990. – 448 с.
111. Савинков Б. Воспоминания террориста. – М.: Азбука, 2016. – 480 с.
112. Савинков Б.В. Избранное. – М.: Политиздат, 1990. – 432 с.
113. Сальников В.П. Законодательство Российской Федерации и проблемы борьбы с терроризмом // Защита и безопасность. – 1998. – № 4. – С. 4-5.
114. Сальников В.П. Образование в свете проблем глобализации, кризиса демократии, международного терроризма // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2006. – № 2(36). – С. 16-25.
115. Сальников В.П. Российское законодательство в сфере борьбы с терроризмом и проблемы его применения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2000. – № 1. – С. 9-11.
116. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И. Философия Гегеля как теоретическая предпосылка суверенной философии права России. Краткий обзор докладов, статей и выступлений на Межрегиональной конференции с международным участием «Творческое наследие Гегеля: философия, теология, право, экономика», посвященной 250-летию со дня рождения Г.В.Ф. Гегеля // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 1. – С. 182-194.
117. Сальников В.П., Масленников Д.В., Морозов А.И. Человек в системе нравственно-правовых ценностей и задача формирования суверенной философии права // Права человека в диалоге государственной власти и гражданского общества: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Дню прав человека (г. Уфа, 10 декабря 2020 г.). В 2-х частях. Ч. 1 / Отв. ред. Е.О. Тулупова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. – С. 176.-187. – в сб. 243 с.
118. Сальников М.В., Ромашов Р.А., Оль П.А., Основы теории государства и права: Учебник / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 192 с. Серия: Учебники для вузов, специальная литература.
119. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулин А.Г. Государственность как феномен и объект типологии: теоретико-методологический анализ. Санкт-Петербургский университет МВД России, Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – СПб.: Фонд «Университет», 2001.– 208 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
120. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Морозов А.И. Ценностное основание суверенитета (к вопросу о суверенной государственно-правовой идеологии) // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 11. – С. 149-162.
121. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Сальников М.В. Развитие идеи абсолютной свободы в классической русской философии как источник суверенной философии права // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 12. – С. 185-193.
122. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Прокофьев К.Г., Морозов А.И. Принцип суверенности государственно-правовой идеологии и философии права // Мир политики и социологии. – 2019. – № 9. – С. 170-178.
123. Семенов Юлиан. Гибель Столыпина. Кровавый канун апокалипсиса. – СПб.: Амфора, 2014. – 254 с.
124. Силкин Н.Н., Иоголевич В.А., Шелепова М.А. Терроризм – угроза мировой безопасности // Мир политики и социологии. – 2016. – № 3. – С. 132-142.
125. Собрание узаконений. – 1906. – № 47. – Ст. 206.
126. Современное государство в эпоху глобальных трансформаций: Аналитический доклад / И.М. Рагимов, С.Н. Бабурин, Ю.В. Голик, Ю.И. Дук, А.И. Коробеев. – СПб.: Юридический центр – Академия, 2019. – 344 с.
127. Спиридович А.И. Записки жандарма. – Харьков: Пролетарий, 1928.
128. Стариков Н.В. Кто финансирует развал России?: от декабристов до моджахедов. – М.: Питер, 2015. – 285 с.: ил.
129. Степанов С.А. Столыпин. Жизнь и смерть за Россию. – М.: Яуза: Эксмо, 2009. – 446, [1] с.
130. Сунь-Цзы, У-Цзы. Трактаты о военном искусстве / Пер. с китайского, предисл. и коммент. Н.И. Конрада. – М.: АСТ; СПб.: Астрель ; 2011. – 606, [1] с.
131. Сунь-Цзы. Искусство войны / Пер. с англ. М.М. Михайлова. – М.: АСТ, 2017. – 96 с.: ил.
132. Теоретические и практические аспекты «гибридных войн» в современном геополитическом противоборстве: Информационный обзор ФСВНГ. – М., 2017.
133. Теория государства и права / Под ред. В.М Корельского, В.Д. Первалова. 2-е изд., изм. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2002. – 616 с.

134. Теория государства и права: Учебник / Под ред. В.В. Лазарева, А.Г. Хабибулина. – 3-е изд., перераб и доп. – М.: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2009. – 624 с. – (Высшее образование).
135. Теория государства и права: Учебник / Под ред. Р.А. Ромашова, В.П. Сальникова. Изд. 2-е, доп., перераб. В 3-х т. Том 1. – СПб.: Фонд «Университет», 2010. – 216 с.
136. Теория оперативно-розыскной деятельности: Учебник / Под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского. – 4-е изд.; перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2018. – 762 с.
137. Террор в Российской империи. Записки жандармов: Информационно-аналитический сборник / Сост.: Н.Д. Литвинов, О.Л. Лавров, В.С. Чернявский и А.Г. Хабибулин; Экспертный центр «Национальной безопасности»; Региональный общественный фонд помощи ветеранам специальных подразделений органов безопасности по борьбе с терроризмом «Защита Отечества»; Фонд «Университет». – Воронеж: Воронежская областная типография, 2018. – 928 с.
138. Террор и агентура в Российской империи, 1861-1917: Сборник / Авт.-сост. Н.Д. Литвинов. – Воронеж: Альбом, 2007. – 482, [1] с.
139. Тольц В., Эдельман О. Выпуск «Документов прошлого» посвящен нелегальному переходу российской и иных границ в начале XX и в XXI веке // <https://www.svoboda.org/a/1740563.html>
140. Украинский сепаратизм в России: Идеология национального раскола: Сборник. – М.: Издательство журнала «Москва», 1998. – 427 с.
141. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ulonakaz1845C101>.
142. Устав летучего боевого отряда // Записки по истории революционного движения в России. Для курсов при штабе Отдельного Корпуса Жандармов. 1912-1913 гг. – СПб., 1913. – Л. 77-78.
143. У-Цзы. Трактат о военном искусстве / Пер. с кит. В.В. Башкеев. – М.: АСТ: ОГИЗ, 2021.- 224 с. – (Власть: искусство править миром).
144. Фингергут А.Г. «Гибритные» войны. Мнение экспертов // <https://novainfo.ru/article/11096>
145. Фролова Е.А. Проблемы теории и философии права: Монография. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 304 с.
146. Хабриева Т.Я., Клишас А.А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации О поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». – М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. – 240 с.
147. Шевцов И. Пограничная служба в России во второй половине XIX века // Пограничник. – 1943. – № 18. – С. 39-43.
148. Шумков Д.В. Государственный суверенитет России: история и современность: Монография. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2002. – 231 с.
149. Энциклопедия секретных служб России / Авт.-сост. А.И. Колпакиди. – М.: АСТ [и др.], 2003. – 800 с., [24] л. портр.
150. Gerard Chaliand, Terrorism: From Popular Struggle to Media Spectacle. – London: Saqi Books 1987.
151. Neumann Peter R., Smith M. L. R. Strategic terrorism: The framework and its fallacies. Journal of Strategic Studies, 2005, 28: 4, 571-595

КРИВОШЛЫКОВ Кирилл Алексеевич,
Ростовский институт (филиал) Всероссийского
государственного университета юстиции (РПА
Минюста России) (г. Ростов-на-Дону, Россия)
E-mail: k_krivoshlykov@mail.ru

ПРИЙМАК Елена Николаевна,
заместитель директора колледжа Ростовского
института (филиала) Всероссийского госу-
дарственного университета юстиции (РПА
Минюста России), кандидат психологических
наук (г. Ростов-на-Дону, Россия)

Специальность 5.1.1 – Теоретико-исторические
правовые науки

КАКОЙ ДОЛЖНА БЫТЬ ПАМЯТЬ О СОВЕТСКОМ ПРОШЛОМ?

***Аннотация.** Материал посвящен памяти советскому прошлому и отношению людей к истории великой страны. Затрагиваются современные проблемы, связанные с уничтожением советского прошлого. Также рассказывается о том, как граждане отстаивают традиции, обычаи, культуру и историю страны.*

Данная статья печатается в порядке участия во Всероссийском конкурсе патриотических и исторических текстовых работ «Помним историю. Россия – история патриотизма в становлении государственности», организуемом Фондом поддержки и развития исторического наследия А.Ф. Кони, Фондом содействия науке и образованию в области правоохранительной деятельности «Университет», Северо-Западным институтом управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте России, Северо-Западным филиалом Российского государственного университета правосудия, Санкт-Петербургским отделением Общероссийской общественной организации «Российское объединение судей» при поддержке Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

***Ключевые слова:** Бессмертный полк; СССР; Запад; история; память; развал; гуманитарная катастрофа; угроза.*

KRIVOSHLIKOV K.A.
PRIYMAK E.N.

WHAT SHOULD BE THE MEMORY OF THE SOVIET PAST?

***The summary.** This article is devoted to the memory of the Soviet past and the attitude of people to the history of a great country. The article touches upon modern problems related to the destruction of the Soviet past. It also tells about how citizens defend the traditions, customs, culture and history of the country.*

This article is published in order to participate in the All-Russian competition of patriotic and historical text works “Remember history. Russia – the history of patriotism in the formation of statehood, organized by the Foundation for the Support and Development of the Historical Heritage of A.F. Koni, the Foundation for the Promotion of Science and Education in the Field of Law Enforcement «University», the North-Western Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of Russia, the North-Western Branch of the Russian State University of Justice, the St. Petersburg Branch of the All-Russian Public Organization «Russian Association judges” with the support of the Main Directorate of the Ministry of Justice of the Russian Federation for St. Petersburg and the Leningrad Region.

Key words: *Immortal regiment; USSR; West; history; memory; collapse; humanitarian catastrophe; threat.*

Сегодня перед каждым человеком, проживающим на территории бывшего Советского Союза, стоит один и главный вопрос – какой должна быть память о советском наследии?

Поэтому, на наш взгляд, должно быть трепетное отношение к истории великой и могущественной державы. Так Владимир Владимирович Путин, в неоднократных своих выступлениях обращал внимание на то, что развал Советского Союза является трагедией XX – XXI века и гуманитарной катастрофой. 20 миллионов этнических русских оказались в одночасье уже в другой стране [1]. Режиссёр Карен Шахназаров подчеркивает: «ужасно было видеть то как спускается флаг великой страны, с которой очень многое связано. Ужасно было смотреть на то как советские граждане, уходя из состава Советского Союза проливают кровь своих родных. Ради того, чтобы уйти от неуютного старшего брата» [32]. Владимир Владимирович Путин неоднократно упоминал: «многие руководители республик считали, что они справятся без старшего брата, но увы, руководство многих республик за 30 лет суверенитета не только не оправдали доверия своего народа, но и бросили свои страны на растерзания западным кураторам» [24]. По этому поводу в периодической литературе и СМИ содержится много информации [2; 6; 7], свидетельствующей о беспокойстве граждан России за судьбу своей страны.

Сегодня Российская Федерация часто сталкивается с многочисленными вызовами – попытками наглого переписывания истории, принижением своей роли в мировой истории, подменой традиционных ценностей, характерных для русской культуры [13; 15; 20] западными ценностями, являющимися для нас антиценностями [3; 4; 5; 11; 16; 18; 19; 21; 26; 27; 33]. Однако существует средство, которое помогает защитить общество перед лицом этих угроз. И это – осознанное отношение к Родине, к ее прошлому, настоящему и будущему, развитие национального самосознания подрастающего поколения, углубление знаний об истории и культуре родной страны, о подвигах дедов и прадедов при защите Отечества.

Наиболее знаковым проектом памяти о Советском прошлом является «Бессмертный

полк», выросший к 2015 г. из региональной инициативы в общегражданский проект. Шествие потомков ветеранов с портретами участников боевых действий символизирует как преемственность прошлого и настоящего, так и олицетворяет прямое участие нескольких поколений многих российских семей в истории страны. Акция стала механизмом общегражданской мобилизации, но одновременно использовалась руководством страны для демонстрации ценностного и исторического единства российской бюрократии и народа [10]. С 2015 года в шествии принимают участие волонтеры, молодые люди, ветераны, губернаторы, представители власти, министры, Председатель Правительства и Президент Российской Федерации. Данное шествие сплотило народ перед лицом многих угроз и показало то как дорога нам наша история.

Сегодня на Западе активно происходит снос памятников освободителей и героев Великой Отечественной Войны. «Именно памятники в наши дни оказались на переднем крае этой политической борьбы. Бороться по-настоящему надо с другими вещами: с институтами власти, с учреждениями, с лицами, с идеями... Бороться с памятниками, конечно легче всего, поэтому политическая борьба фокусируется на них, потому что это легче всего. Западные партнёры это называют дегуманизацией. О какой дегуманизации вообще может идти речь, когда именно эти люди отстаивали интересы нашей великой страны?» [13].

Очень важно использовать историю Великой Отечественной войны, ее правду в патриотическом воспитании российских граждан, и в первую очередь молодежи [8; 12; 22; 23; 25; 28; 29; 30; 31].

По инициативе руководства Российской Федерации и Республики Беларусь для увековечения памяти защитников Родины, не вернувшихся с Великой Отечественной войны, в 2020 году, был построен памятный мемориал погибшим в Ржевской мясорубке. Президент России отметил, что Ржевский мемориал – еще один яркий символ нашей общей памяти.

Вокруг него были созданы гранитные стелы с выгравированными данными о погибших

жителей Тверской области. Это своеобразная Книга Памяти для живых и будущего поколения. На этих именных каталогах записаны имена погибших, пропавших без вести, умерших от ран и болезней воинов. В ряде региональных Книг Памяти содержатся краткие исторические справки о боевых действиях на территории СССР, данные о войсковых подразделениях, местах дислокации госпиталей и захоронений, статистические данные, описание работы тыла в годы войны, статьи о героях-земляках.

Основной задачей отдела «Книга Памяти» является демонстрация записи имен погибших в электронном Именном каталоге и во Всероссийской Книге Памяти, оказание методической помощи в установлении судеб погибших и пропавших без вести, а также внесение имен погибших в локальную базу данных «Электронная Книга Памяти» с дополнениями и исправлениями по заявке родственников [9].

Именно с посещением таких памятных мест к людям возвращается историческая память, появляется чувство благодарности и гордости за родную Отчизну. Несмотря на то, что уже минуло почти 77 лет, которые отделяет нас от победы Великой Отечественной войны. Многие граждане не могут забыть тех трагических событий и колоссальных потерь. Люди не могут привыкнуть к смерти, к голоду, к потере близких людей. Но тем не менее, многие по сей день помнят о великом подвиге наших предков и благодарят их за данное ими нам право жить [14].

Проблема патриотического воспитания и формирования бережного отношения к культуре своей страны и народа должна решаться ежедневно и постепенно, где не последнюю образовательную

и гуманистическую роль играют памятники культуры и истории.

Для актуализации патриотического воспитания среди молодежи и развития мотивации, предлагается внести следующие мероприятия среди подрастающих поколений, а именно:

1. Совместное посещение культурно-исторических мест и памятников, всевозможных экскурсий;
2. Подготовка юношами и девушками, проектов и презентаций о важных исторических событиях нашей Родины и их защита;
3. Запуск специальных молодежных теле- и радиоканалов, посвященных исторической хронике событий, участием молодых поколений в тех или иных исторических событиях;
4. Курирование и уход молодежью за культурно-историческими памятниками;
5. Профилактика подростковой преступности, наркомании, алкоголизма и курения;
6. Формирование патриотических чувств у подрастающего поколения и воспитание чувства гордости за свою страну;
7. Противодействие религиозному и политическому экстремизму в молодежной среде, воспитание толерантности;
8. Включение учащихся в активную созидательную деятельность на благо своей Родины [17].

Благодаря современным подходам к процессу патриотического воспитания молодое поколение сможет по-новому взглянуть на свою страну, почувствовать личную сопричастность к ее истории и культуре и осознать свою роль в развитии Отечества.

Список литературы

1. Путин В.В. Патриотизм – национальная идея России. – М.: Книжный мир, 2017. – 510 с.
2. Абрамов Р.Н. Музеефикация советского. Историческая травма или ностальгия // Человек. – 2013. – № 5. – С. 99–111.
3. Ананских И.А., Михеев А.А., Кирюшина Н.Ю. Современное российское государство и духовно-нравственное состояние общества // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 86-91.
4. Ананских И.А., Серпухова О.Ю., Шелепова М.А. Формирование новой концепции брака и семьи в западной христианской церкви (американский профессор Джеймс В. Браунсон о новом прочтении Священного Писания) // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 4. – С. 181-188.
5. Ананских И.А., Силантьева В.А., Кулева М. Трансформация традиционных семейных ценностей как угроза национальной безопасности // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 1. – С. 40-46.
6. Антоновский АЮ. Массмедиа – трансцендентальная иллюзия реальности // Н. Луман. Реальность массмедиа. – М.: Праксис, 2005. – С. 221–249.

7. Ариф Э.М. «Советские» бренды снова в цене // Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики: веб-сайт: URL: <https://www.hse.ru/news/121639412>.
8. Ашик М.В. 83-я отдельная Новороссийско-Дунайская дважды Краснознаменная ордена Суворова бригада морской пехоты. 1941-1945 г.г. – СПб., 2015. – 411 с.
9. Бараш Р.Э.О некоторых причинах «советской» ностальгии и особенностях исторической памяти россиян о советском периоде // Социологическая наука и социальная практика. – 2017. – № 4(20). – С. 124-151.
10. «Бессмертный полк»: помним, гордимся, участвуем! // Пресс-выпуск № 311023. 17.05.2016. // URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=1024&q_id=70639&date=17.05.2015.
11. Бурова С.Н. Современная семья: крах или другая жизнь?// Социология. – 2015. – № 2. – С. 4-15.
12. Гер О.Е., Сальников М.В., Сальников С.П., Шелепова М.А. Национальная идея и патриотизм // Мир политики и социологии. – 2016. – № 2. – С. 128-144.
13. Гутарева Н.Ю. Межкультурная коммуникация и способы ее развития: Сборник материалов международной научно-практической конференции «Современные научные исследования представителей филологических наук и их влияние на развитие языка и литературы». – Украина. Львов, 2013. – С. 49-51.
14. Дубин Б. Кровавая война и «великая» победа // Отечественные записки. – 2004. – № 5(20). – С. 68–84.
15. Епископ Филипп (М. Филипченко). Православная семья: духовность, быт, здоровье. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. – 283[2] с. – (Золотой фонд).
16. Жданов П.С., Сальников С.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. От гуманизма к имморализму, от прав естественных к правам противоестественным: смена ценностных оснований западного права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 90-98.
17. Зубов А. Советский человек пережил СССР // Ведомости. – 2011. – 21 ноября.
18. Исаева Е.А. Трансформация института семьи: опыт зарубежных стран // Социально-юридическая тетрадь. Вып. 3: Семья в пространстве права: сборник научных трудов. – Ярославль: ЯрГУ, 2013. – С. 110-123.
19. Исаева Е.А., Соколов А.В. Легализация однополых браков: реализация политики равенства или разрушение института семьи? // Ярославский педагогический вестник. Том I (Гуманитарные науки). – 2013. – № 3. – С.109-112.
20. Морозов А.И., Прокофьев К.Г., Сергеева А.Ю. Институт семьи как нравственно-правовая ценность (к вопросу о суверенной правовой идеологии как основании семейного права Российской Федерации) // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 12. – С. 107-114.
21. Назарова Н.Л., Петросян Л.К., Сэруа В.С. Эволюция семейных ценностей в современном западном мире // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 5. – С. 96-100.
22. Первый и последний день войны: Сборник воспоминаний участников Великой Отечественной войны / Составитель и редактор И.Д. Ходанович. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2000. – 116 с.
23. Потапов Ю.А. МВД России в лицах: Профессор Яков Михайлович Бельсон. К 100-летию со дня рождения // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 5. – С. 11-37.
24. Путин объяснил, почему считает распад СССР крупнейшей катастрофой XX века // <https://ria.ru/20170613/1496353896.html?ysclid=ldvz2sybgk990581268>
25. Сальников В.П. Историческая память, историко-правовые исследования и патриотическое воспитание // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – № 2. – С. 6-9.
26. Сальников В.П., Груздева М.Л. Преодоление Европы: философско-правовое эссе // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 11-22.
27. Сальников В.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. Западная цивилизация и угроза голубого интернационала: политико-правовая агрессия периода постмодерна // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 193-202.
28. Сальников В.П., Степашин С.В., Янгол Н.Г. Органы внутренних дел Северо-Запада России в годы Великой Отечественной войны. – СПб.: Лань; Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1999. – 224 с.
29. Семенов В. Жизнь и победа. Герой Советского Союза Михаил Владимирович Ашик. Страницы биографии. – СПб.: Петроцентр, 2015. – 192 с. – Серия книг «Писатели о войне», посвященная 70-летию Победы.
30. Семенов В.А. МВД России в лицах: Последний герой Петербурга. Страницы биографии Героя Советского Союза Михаила Владимировича Ашика // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 1. – С. 11-35.
31. Силкин Н.Н., Шелепова М.А. Воспитание патриотизма на примере героев Великой Отечественной войны // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 151-158.
32. Удар властью. Распад СССР // <https://yandex.ru/video/preview/12748402328327417688>
33. Чернова О.Ю. «Право» на однополый брак в контексте личных прав человека // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 38(48). – С. 81-85.

ПОТАПОВ Юрий Алексеевич,

доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент, полковник полиции (г. Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: upotapov@mail.ru

Специальность 5.1.1 – Теоретико-исторические правовые науки

**МВД России в лицах:
ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ КИМ ЛЕОНИДОВИЧ КУЗНЕЦОВ (1923 – 1984).
К 100-летию со дня рождения**

***Аннотация.** Материал повествует об известном советском военачальнике, участнике Великой Отечественной войны, Заслуженном работнике МВД, заместителе начальника внутренних войск МВД СССР по боевой подготовке (1979-1984) генерал-лейтенанте Киме Леонидовиче Кузнецове и приурочен к 100-летию со дня его рождения. Статья подготовлена на основе сведений, экспонатов и материалов, хранящихся в Центральном архиве и Центральном музее войск национальной гвардии Российской Федерации, а также в его филиалах в Нижнем Новгороде и Хабаровске, семейном архиве Кузнецовых. На примере деятельности военачальника рассматриваются основные этапы строительства внутренних войск МВД СССР в послевоенный период, определяется его личный вклад в развитие войск правопорядка, подготовку офицерских кадров, совершенствование боевой службы и учебы частей и соединений. Приводятся малоизвестные факты из личной и служебной биографии К.Л. Кузнецова, воспоминания членов его семьи, сослуживцев и подчиненных.*

***Ключевые слова:** Ким Леонидович Кузнецов; Великая Отечественная война; Забайкальский фронт; внутренние войска МВД СССР; военная академия; военное училище; государственная безопасность; правопорядок; боевая служба; боевая подготовка.*

ПОТАПОВ Yu.A.

**The ministry of internal affairs of Russia in persons:
LIEUTENANT GENERAL KIM LEONIDOVICH KUZNETSOV (1923 – 1984).
To the 100th anniversary of his birth**

***The summary.** The material tells about the famous Soviet military commander, participant of the Great Patriotic War, Honored Worker of the Ministry of Internal Affairs, Deputy Chief of the Internal Troops of the USSR Ministry of Internal Affairs for combat Training (1979-1984), Lieutenant General Kim Leonidovich Kuznetsov and is timed to the 100th anniversary of his birth. The article was prepared on the basis of information, exhibits and materials stored in the Central Archive and the Central Museum of the National Guard Troops of the Russian Federation, as well as in its branches in Nizhny Novgorod and Khabarovsk, the Kuznetsov family archive. Using the example of the military commander's activity, the main stages of the construction of the internal troops of the USSR Ministry of Internal Affairs in the post-war period are considered, his personal contribution to the development of the law enforcement forces, the training of officers, the improvement of combat service and training of units and formations is determined. Little-known facts from K.L. Kuznetsov's personal and official biography, memoirs of his family members, colleagues and subordinates are given.*

***Key words:** Kim Leonidovich Kuznetsov; The Great Patriotic War; the Trans-Baikal Front; internal troops of the Ministry of Internal Affairs of the USSR; military Academy; military school; state security; law and order; combat service; combat training.*

Генерал-лейтенант К.Л. Кузнецов. Фото из Центрального архива войск национальной гвардии Российской Федерации.

«Сорок первый – наш год призывной» – так о довоенном поколении сказал известный советский поэт Анатолий Чепуров [21]. Ему вторит наш современник полковник Виктор Верстаков:

*«Полыхают столетние даты –
Дни Рождения Русских Богов,
пред войною вступивших в солдаты,
одолевших сто адских кругов» [3, стр. 21].*

Заместитель начальника внутренних войск МВД СССР по боевой подготовке генерал-лейтенант Ким Леонидович Кузнецов родился 17 февраля 1923 года [8; 15, стр. 106]. Он – представитель военного поколения начала 1940-х годов [5]. Жизнь и служба советского военачальника – пример беззаветного служения Родине, сопряженного с интересами безопасности государства. Он прошел славный боевой путь от семнадцатилетнего добровольца Красной армии, а затем юного командира стрелкового взвода и роты

Забайкальского фронта до слушателя двух военных академий, командира двух дивизий, заместителя начальника войск.

Сибирский характер

Семейная легенда, открывшаяся для земляков уже в наши дни, приоткрывает страницу истории родного края и одной известной забайкальской династии, состоящей преимущественно из военных и железнодорожников.

Годы Гражданской войны и иностранной интервенции в Сибири были сложными, противоречивыми. Мужчины, воодушевленные лозунгами советской власти, оказывая сопротивление карательным отрядам, уходили в тайгу, создавали партизанские отряды, совершали стремительные рейды в стан врага. Железная дорога, словно кровеносная артерия, на отдельных участках не раз переходила из рук в руки. Трудившиеся на приисках рабочие под угрозой жизни спасали золото и руду.

Своего родного отца Ким, названный так родителями в честь коммунистического интернационала молодежи, не помнил. Красный партизан Ефим Афанасьевич Шаталов погиб вскоре после рождения сына. Спустя какое-то время молодая вдова – мать Кима – вышла замуж за железнодорожника со станции Хилок Леонида Михайловича Кузнецова, который усыновил мальчишку [4, стр. 112].

Фамилия, надо сказать, довольно-таки известная на Транссибе. За прошедшее столетие на Забайкальской железной дороге сложилась целая трудовая династия Кузнецовых. Ее представители работали в паровозном депо во время индустриализации страны, участвовали в стахановском движении, затем самоотверженно трудились в годы Великой Отечественной... В послевоенные пятилетки Кузнецовы водили тепловозы, затем, в 70-х годы, пересели на электровозы. Отцы, сыновья, внуки – все работали и продолжают трудиться до сих пор на Транссибе [6; 15; 20]. Железнодорожную стезю выбрал и Ким.

В 1939 году, закончив школу-семилетку, юноша устроился работать в паровозное депо токарем, затем его перевели техником-лаборантом в химическую лабораторию [4, стр. 112]. Подумывал учиться дальше...

Не успела начаться война, как мужчины таежного сибирского поселка, близлежащих полустанков, казачьих и «семейских» сел, бурятских

улусов, собрав нехитрые пожитки в вещмешок, направились в райвоенкомат. Тех, у кого была железнодорожная «бронь», с порога разворачивали обратно. Мужчин, пребывающих в запасе, отбирали по армейским и флотским специальностям. Команды убывали в Читу или Улан-Удэ. Вчерашние старшеклассники, здесь же, во дворе комиссариата, толпились гурьбой. Кому-то уже отказали – мал, мол, еще, и кто матери по хозяйству помогать будет, если отец и старшие братья ушли на фронт?

Ким, счастливый, что его приняли в резерв, вприпрыжку бежал в родительский дом поделиться радостью с матерью, отчимом и соседскими мальчишками с Острова.

Через несколько дней команда из таких же, как он сам, безусых юнцов, на товарнике уехала в областной центр, а оттуда вскоре убыла в Сретенск, где призывников зачислили в запасной полк, а потом направили на курсы младших лейтенантов при 36-й армии [17, стр. 6-11]. В августе 1942 года новоиспеченных офицеров направили в войска – кого на запад, а кого (таких оказалось большинство) на восток.

Красноармеец К. Кузнецов (слева) с сослуживцами. Забайкальский фронт. Ноябрь 1941 г. Фото из семейного архива А.К. Кузнецова

На Забайкальском фронте

Ким Кузнецов, которому едва исполнилось восемнадцать лет, в августе 1942 года принял под свое начало стрелковый взвод, стоявший в дозоре на советско-китайской границе, а затем участвовавший в оборонительных работах в Борзинском укрепрайоне. Через два года старший лейтенант Кузнецов был назначен командиром роты 583-го стрелкового полка 103-й стрелковой дивизии 2-го стрелкового корпуса (в июне 1945 г. дивизия была передана 36-й армии Забайкальского фронта). 24 июня части соединения сосредоточились в пади Куйтун в готовности перейти государственную границу СССР.

Руководство Советского Союза и высшее армейское командование понимало: не ровен час – против СССР откроется второй фронт [2]. Милитаристская Япония бесцеремонно хозяйничала в Китае, представляя угрозу на восточных рубежах. В Забайкалье, Приамурье и Приморье были сформированы боеспособные воинские части в составе стрелковых дивизий, армейских корпусов трех полноценных фронтов. Активная фаза боевых действий началась летом 1945 года, когда войска Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточного фронтов, корабли и части Тихоокеанского флота, усиленные живой силой и техникой, переброшенной с западного театра военных действий, совершили стремительное наступление, разгромив Квантунскую армию. Менее чем за месяц, 2-го сентября 1945 года, Япония капитулировала [19].

Как следует из журнала боевых действий и сведений о дивизии, размещенных на сайте «Память народа. 1941-1945» [23], 9 августа 583-й стрелковый полк во взаимодействии с частями дивизии форсировал реку Аргунь и совершил марш через горный хребет Хайрхан. Не встретив особого сопротивления противника, советские войска углубились вглубь территории Маньчжурии, заняли важные в стратегическом плане город Хайлар, станцию Якеши, а также другие населенные пункты.

В первый бой с японцами части дивизии вступили 15 августа, затем 18 августа они преодолели хребет Большой Хинган. Подразделения стрелкового полка, в котором воевал Кузнецов, были погружены в железнодорожный состав и переброшены для дальнейшего наступления на станцию Чжаланьтунь, а впоследствии участвовали в охране железной дороги, ведущей до Харбина.

25 августа дивизия вступила в г. Гунчжулин, где приняла капитуляцию части войск 20-й японской армии, взяв в плен более 20 тысяч солдат и офицеров, а также захватив большое количество вооружения и военного имущества. Всего за время боевых действий дивизия углубилась на территорию Маньчжурии более чем на 950 км. За боевые отличия приказом Верховного Главнокомандующего от 20 сентября 1945 г. ей было присвоено почетное наименование «Хинганская».

Старший лейтенант К.Л. Кузнецов завершил войну, удостоившись медалей «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За победу над Японией» [12; 26].

Перед выбором

Будучи уже старшим офицером, Ким Леонидович, наставляя сына Александра, также, к слову, как и отец избравшего военную стезю, вспоминал в кругу семьи, перед каким нелегким выбором он оказался после окончания войны. Ему предлагали продолжить военную карьеру, но для этого не хватало образования. Двухлетний старший лейтенант имел полное право выйти в запас и вернуться

на родину, где мог, без сомнения, состояться на железнодорожном поприще. Однако, решившись, предпочел военное дело, о чем потом ни разу не пожалел.

В соответствии с решением командования 583-й стрелковый полк, а также некоторые другие воинские части осенью 1945 года были переданы в состав конвойных войск НКВД для охраны японских военнопленных и строившихся объектов народного хозяйства [7]. Так Ким Леонидович оказался вначале в Черемхово, потом в Усолье-Сибирском и Иркутске, где без отрыва от службы окончил вечернюю школу, а затем был переведен в индустриальный Ангарск. Вступил в партию, командовал ротой – в 430-м и 235-м полках 38-й дивизии конвойных войск НКВД-МВД СССР (15 марта 1946 г. наркоматы были переименованы в министерства).

Служба в войсках правопорядка стала делом жизни офицера. В разные годы под его началом находились не только части по охране объектов, но и отдельные батальоны оперативного назначения, специальные моторизованные части милиции, другие особые подразделения и целые воинские формирования [13, стр. 174].

Понимая, что знания – залог успеха, Кузнецов, как следует из автобиографии, всегда много

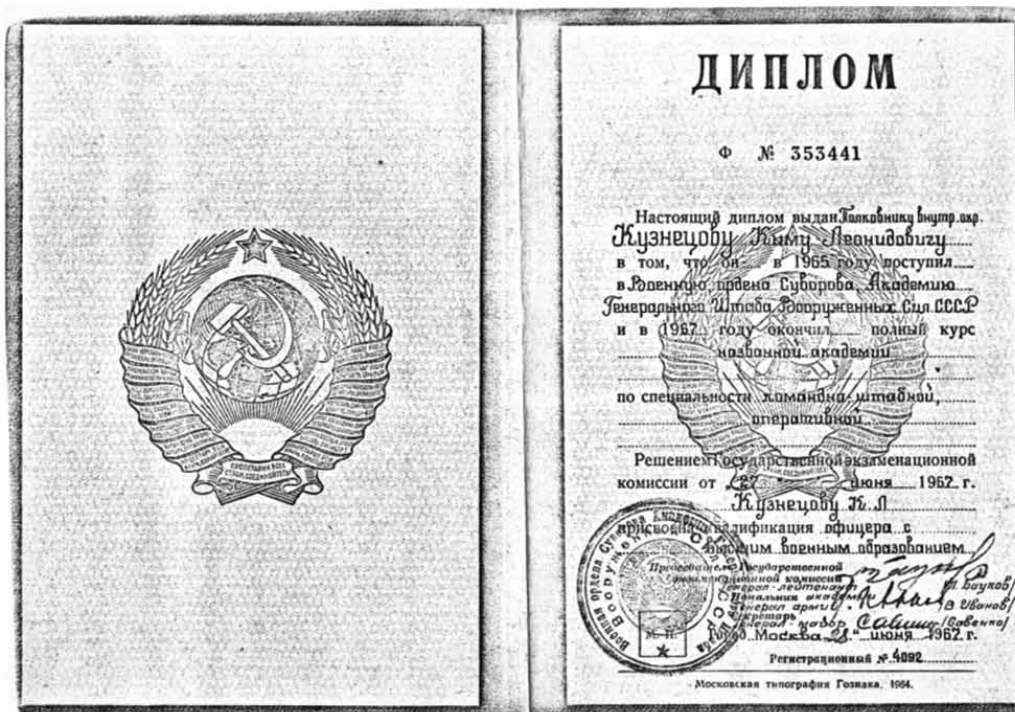

Слушатели Военной академии Генерального штаба во время экскурсии. В первом ряду: генерал-майор В.И. Варенников (третий слева), генерал-майор И.М. Волошин (третий справа). Во втором ряду: полковник К.Л. Кузнецов (справа), полковник Д.Т. Язов (слева). Москва, 1966 г. Фото из семейного архива А.К. Кузнецова

и успешно учился. В конце 1940-х окончил Рижскую школу усовершенствования офицерского состава, в середине пятидесятых – Краснознаменную ордена Ленина и Суворова 1-й степени Военную академию им. М.В. Фрунзе [16]. В 1967 году одним из первых представителей внутренних войск завершил обучение в Военной ордена Суворова академии Генерального штаба Вооруженных сил СССР [24].

5 июля 1967 года в Большом Кремлевском дворце состоялся торжественный прием

выпускников военных академий, куда был приглашен и полковник К.Л. Кузнецов. К слову говоря, в ВАГШ, он учился вместе со своими сверстниками-фронтовиками – будущим министром обороны СССР маршалом Советского Союза Д.Т. Язовым, главкомом Сухопутных войск – заместителем министра обороны генералом армии В.И. Варенниковым, главнокомандующим войсками Дальнего Востока генералом армии И.М. Волошиным и другими известными военачальниками [4, стр. 113; 24].

Диплом об окончании Военной ордена Суворова академии Генерального штаба Вооруженных сил СССР. Фотокопия из Центрального архива войск национальной гвардии Российской Федерации.

Приглашение на прием в Большой Кремлевский Дворец в честь выпускников военных академий Вооруженных Сил СССР. На обороте подписи однокурсников. Фотокопии из Центрального архива войск национальной гвардии Российской Федерации.

Командир дивизии

Начав службу в Восточной Сибири, будущий военачальник успешно продолжал ее там, куда направляло командование – в частях и соединениях, дислоцировавшихся в Западной Сибири, Кировской области, Поволжье, Подмосковье... Здесь офицер рос как командир, последовательно возглавлял штаб и командовал полком, бригадой, дивизией. В 1971 году полковнику К.Л. Кузнецову было присвоено звание генерал-майора, а руководимая им Горьковская дивизия внутренних войск удостоилась Почетной грамоты [25].

В течение нескольких лет Ким Леонидович, что весьма символично, возглавлял Краснознаменное соединение внутренних войск, правопреемником которого была 192-я стрелковая дивизия (второго формирования). Ее боевой путь овеян победами в боях за освобождение Белоруссии и ратными успехами при разгроме японских милитаристов. За образцовое выполнение заданий командования дивизия удостоена воинского почетного наименования «Оршанско-Хинганская», которое с честью носит и поныне Центральный Краснознаменный округ войск национальной гвардии. В 1970-е

годы части и подразделения соединения дислоцировались на территории ряда центральных областей РСФСР, тесно взаимодействуя с правоохранительными органами, обеспечивали общественный порядок и безопасность [13].

Быть командиром дивизии – далеко не кабинетная работа. Специфика службы в конвойных частях внутренних войск заключалась в том, что основные полковые звенья – рота и батальон, дислоцировались, как правило, на приличном удалении друг от друга и были подчас единственными воинскими подразделениями в областном или районном центре. Комдив много времени проводил в войсках, занимаясь решением непростых вопросов боевой службы, совершенствования выучки личного состава и создания учебно-материальной базы.

Однажды, делились воспоминаниями ветераны войск, в одной из исправительно-трудовых колоний произошли массовые беспорядки. Как и положено, на место чрезвычайных событий прибыл командир дивизии. Все ждали от московского начальника решительных действий с вводом войск на территорию охраняемого объекта и подавлением бунта. На удивление многих,

Вручение Боевого знамени отдельному специальному моторизованному батальону милиции.

В центре – командир 68-й дивизии внутренних войск МВД СССР полковник К.Л. Кузнецов. Горький, август 1969 г. Фото из фондов филиала Центрального музея войск национальной гвардии Российской Федерации (Нижний Новгород)

комдив, действуя нестандартно, приказал ... вызвать оркестр. Произвел строевой смотр сил и средств сводного отряда полка. Площадка для размещения войскового резерва находилась на возвышенности и хорошо просматривалась из колонии. Увиденное произвело настолько сильное впечатление на бунтующих, что они выбросили белый флаг.

Основа боеготовности – офицерские кадры

В общей сложности генерал Кузнецов командовал двумя соединениями внутренних войск без малого восемь лет. Такой в те времена была кадровая практика. И лишь после успешного и стабильного руководства многотысячным коллективом могло последовать новое, более высокое, назначение. После дивизионного звена Ким Леонидович еще в течение четырех последующих лет прошел этапы оперативного уровня в главке – в управлении кадров, штабе войск [24].

Последние пять лет жизни – с 1979 по 1984 годы – К.Л. Кузнецов занимал должность заместителя начальника ГУВВ МВД СССР по боевой подготовке – начальника управления боевой подготовки. В 1982 г. ему было присвоено воинское звание генерал-лейтенанта. Кстати говоря, форменный мундир военачальника со всеми наградами и знаками отличия хранится в филиале Центрального музея войск национальной гвардии в Хабаровске [26].

В течение нескольких лет Ким Леонидович входил в состав редколлегии военно-политического журнала «На боевом посту»,

неоднократно публиковался там [10; 11]. По оценкам командования и сослуживцев генерала Кузнецова, он внес значительный вклад в повышение боеготовности войск и совершенствование системы обучения и воспитания офицерских кадров [9].

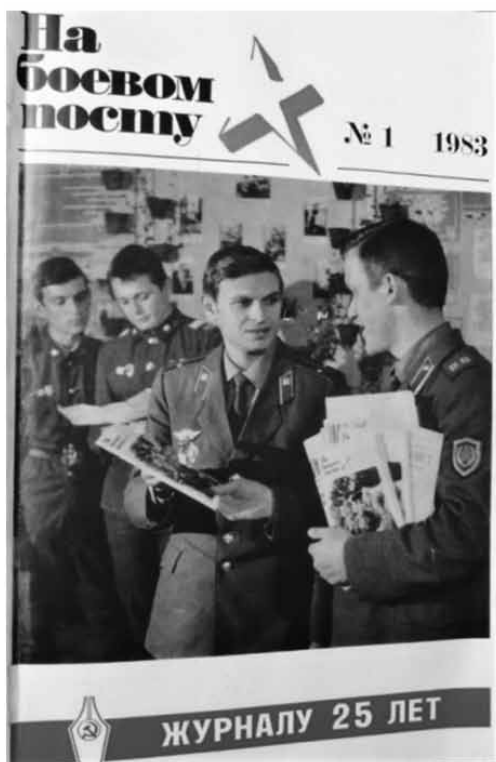
Следует особо отметить, что на высокие и ответственные должности Кузнецов был назначен в период интенсивного строительства внутренних войск, начатого в годы руководства ими генерал-полковника (в последующем генерала армии) Ивана Кирилловича Яковлева [22]. Кузницей кадров в те годы являлись старейшие военные учебные заведения войск – Орджоникидзевское (в последующем Владикавказское), Саратовское, Харьковское военные училища, ставшие по своему статусу высшими. Были образованы Новосибирское и Пермское высшие военные командные училища. Успешно функционировало Высшее политическое училище МВД СССР в Ленинграде [14; 16].

Вот что вспоминает ветеран внутренних войск полковник в отставке Владимир Степанович Цокур, ныне проживающий в Краснодаре:

– По роду службы Ким Леонидович достаточно часто бывал в Орджоникидзевском высшем военном командном училище, где я тогда служил в политотделе. Заместитель начальника войск, приезжая в командировки на инспектирование или выпуск молодых офицеров, всегда посещая кафедры, учебный центр, живо интересовался образовательным процессом, учил командиров и преподавателей активно внедрять в полевую и

На инспекторской проверке в одной из частей ордена Красной Звезды Управления внутренних войск МВД СССР по Северо-Западной зоне. Ленинград, конец 1970-х годов. Фото из Центрального архива войск национальной гвардии Российской Федерации (слева) и семейного архива А.К. Кузнецова (справа).

Статья в военно-политическом журнале политуправления внутренних войск МВД СССР «На боевом посту», членом редколлегии которого являлся К.Л. Кузнецов. Фотокопия журнала из семейного архива А.К. Кузнецова.

Пропуск на Красную площадь в день 66-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции 7 ноября 1983 года. Фотокопия из Центрального архива войск национальной гвардии Российской Федерации.

горную подготовку курсантов фронтовой опыт, призывал творчески мыслить при принятии решения, осваивать современное оружие.

О внимательном отношении к офицерским кадрам свидетельствуют воспоминания, которыми поделился полковник в отставке Валерий Федорович Олешко из Москвы:

– Генерал Кузнецов, когда я, будучи лейтенантом, впервые с ним встретился (а было это в 1971 году), произвел на меня сильное впечатление: военная форма органично подходила к его облику. Стройный, подтянутый, внимательный и рассудительный, он лично встречался с каждым прибывающим в дивизию офицером. Ким

**Генерал-майор К.Л. Кузнецов (в первом ряду в центре) с командованием и выпускниками
Орджоникидзевского высшего военного командного училища МВД СССР.
Фото из Центрального архива войск национальной гвардии Российской Федерации.**

Леонидович неоднократно участвовал в моем офицерском становлении. Например, настоял на моем поступлении в академию именно на очное, а не на заочное, как я собирался, отделение, подчеркнув, важность качества такого образования. Действительно, четыре года очного обучения в академии (после среднего военного училища) стали тем фундаментом, на котором затем проходила моя служба.

Немного о личном

Изучая биографии фронтовиков, записывая в свое время их воспоминания, знакомясь с архивными документами, убедился, что во многом их судьбы похожи. Супружеская чета Кузнецовых – не исключение.

Вот что рассказал о своих родителях сын, выпускник Военной орденов Ленина, Октябрьской Революции и Суворова академии имени Ф.Э. Дзержинского (ныне Военная академия РВСН им. Петра Великого) [1, стр. 60] кандидат технических наук полковник в отставке Александр Кимович Кузнецов:

– Мои родители выросли в забайкальском

Супруги Кузнецовы. Иркутск, 1950 г. Фото из семейного архива А.К. Кузнецова

поселке Хилок, вместе учились и дружили с юности. Мама – Мария Григорьевна, в девичестве Назарова, после окончания школы и до начала войны работала в бухгалтерии. Так же, как и отец, добровольцем пошла в Красную Армию. Проходила службу в частях ПВО. С 9 августа по 3 сентября 1945 года в составе 94-й отдельной зенитной пулеметной роты Забайкальского фронта выполняла задачи по обеспечению боевой деятельности частей Красной Армии в борьбе с японскими милитаристами. Закончила службу 16 сентября 1945 года в должности пулеметчика, в воинском звании «красноармеец».

После войны родители, как говорили в то время, расписались в ЗАГСе, создав семью. Прожили в мире и согласии, неоднократно переезжая к новому месту службы. Все тяготы быта мама брала на себя. Воспитали двоих детей, дали нам хорошее образование. Старшая дочь Людмила (моя сестра) окончила химический факультет МГУ. Я после окончания военной академии проходил службу в 3-м ЦНИИ Министерства обороны. Службу во внутренних войсках продолжил внучатый племянник Кима Леонидовича подполковник Сергей Валерьевич Кузнецов, окончивший Новосибирское высшее

военное командное училище МВД СССР и ставший в последующем начальником штаба – заместителем командира полка по охране железнодорожных коммуникаций в г. Чите.

Заслуги родителей перед Родиной отмечены государственными наградами. Мама удостоена медалей Жукова, «За победу над Японией» [12], юбилейных знаков отличия.

Отец был награжден орденами Октябрьской Революции, Красного Знамени, Красной Звезды и многими медалями Советского Союза и зарубежных стран, знаком «Заслуженный работник МВД» [26]. Части и соединения, которыми он командовал, неоднократно отмечались в приказах министра внутренних дел СССР и награждались грамотами.

По отзывам офицеров внутренних войск МВД – сослуживцев и подчиненных – генерал-лейтенант Ким Леонидович Кузнецов запомнился чутким и внимательным человеком, заботливым командиром, умелым организатором боевой службы и учебы. Многие служебные вопросы, которые входили в компетенцию начальника управления боевой подготовки, в последующем нашли практическую реализацию в деятельности войск правопорядка [13; 14; 18].

Автор выражает признательность за оказанную помощь в сборе биографического материала и предоставленные фотографии полковнику запаса С.С. Колесникову, полковникам в отставке А.К. Кузнецову, Н.Н. Кузнецову, В.Ф. Олешко, В.С. Цокуру, полковнику внутренней службы в отставке Ю.П. Ржевцеву, полковнику полиции в отставке В.П. Сидоренко, подполковнику Н.Н. Петелину, заведующему Хилокским краеведческим музеем Забайкальского края В.Ф. Петрову.

Список литературы

1. 3-й Центральный научно-исследовательский институт в лицах и биографиях: Энциклопедия. – М., 2017. – 288 с.
2. Великая Отечественная / Под общ. ред. Золотарева В.А. Т. 7(2): Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30–40-е годы: документы и материалы / Авт.-сост.: Варганов В.Н. (рук.) и др. – М.: б.и., 2000. – 437 с.
3. Верстаков В.Г. Столетия Русских Богов // Наш современник. – 2022. – № 5. – С. 21-24.
4. Возрожденная в нашей памяти. – Чита: Экспресс-издательство, 2020. – 244 с.
5. Генерал-лейтенант внутренних войск Ким Леонидович Кузнецов // Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Хилокский краеведческий музей» <https://museum.hilok.ru/index.php/kraevedenie/izvestnyezemlyaki/105-general-lejtenant-vnutrennikh-vojsk-kim-leonidovich-kuznetsov>
6. Игнатик А. Депо Хилок со 120-летием! // Земля. Крестьянская газета (Чита). – 2020. – 01 сентября.
7. Карасев С.В. Проблемы плена в советско-японской войне и их последствия (1945-1956 годы): монография. – Иркутск: Иркутский государственный технический ун-т, 2006. – 353 с.
8. Кузнецов К.Л. // Энциклопедия Забайкалья: Читинская область: в 4 т. Т. 3: И-Р./ Гл. ред. Р.Ф. Гениатулин. – Новосибирск: Наука, 2006. – 540 с.
9. Кузнецов К.Л. Некролог // На боевом посту. – 1984. – № 7.

10. Кузнецов К.Л. Обучению – комплексный подход // На боевом посту. – 1983. – № 1. – С. 38-41.
11. Кузнецов К.Л. Совершенствовать командирскую подготовку // На боевом посту. – 1982. – № 1. – С. 40-44.
12. Лысенков С.Г. Государственные награды СССР и порядок награждения ими военнослужащих в период Великой Отечественной войны // Современные проблемы науки и образования во внутренних войсках МВД России: Сборник научных трудов научно-педагогического состава Санкт-Петербургского военного института внутренних войск МВД России. – СПб.: Санкт-Петербургский ВИ ВВ МВД России, 2015. – С. 164-166. – в сб. 283 с.
13. Лысенков С.Г., Сидоренко В.П. Внутренние войска: страницы истории: Монография. – СПб.: Санкт-Петербургский ВИ ВВ МВД России, 2001. – 174 с.
14. Новожилов В.Ю. Из истории подготовки офицерских кадров внутренних войск МВД России // Известия Саратовского университета. Новая серия. – Серия: История. Международные отношения. – 2012. – Т. 12. – № 1. – С. 37-41.
15. Петров В.Ф. Город Хилок. История продолжается. – Чита: Поиск, 2002. – 144 с.
16. Проценко Е.Д. Правовые основы развития профессионального образования в системе МВД в послевоенный период // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2008. – № 1(37). – С. 37-45.
17. Ростов Н.Д. Идем мы в решительный бой... – подготовка резервов для фронта в Сибири в годы Великой Отечественной войны: Монография. – Барнаул: АлтГТУ, 2007. – 512 с.
18. Сальников В.П., Кондрат Е.Н., Борисов О.С. Войска национальной гвардии современной России и их предназначение // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 9. – С. 130-145.
19. Финал: Ист.-мемуарный очерк о разгроме империалист. Японии в 1945 г. / Под общ. ред. Маршала Советского Союза М.В. Захарова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Наука, 1969. – 415 с.
20. Часнык В.З. Летопись трудовой славы паровозного депо станции Хилок. – Чита: Забтранс, 2007. – 168 с.
21. Чепуров А.Н. Еще биография пишется...: Стихи. – Л.: Советский писатель: Ленинградское отделение, 1983. – 136 с.
22. Эдоков А. Вечность решительной мысли. К столетию со дня рождения генерала армии Ивана Яковлева // Независимое военное обозрение. – 2018. – 03 августа.
23. Электронный ресурс «Память народа. 1941-1945» // https://pamyat-naroda.ru/heroes/pamyat-commander5197/?static_hash=14f0c064e126c77b97d73f5373c2a0ebv1
24. Фонды Центрального архива войск национальной гвардии Российской Федерации (Москва).
25. Фонды филиала Центрального музея национальной гвардии Российской Федерации (Нижний Новгород).
26. Фонды филиала Центрального музея национальной гвардии Российской Федерации (Хабаровск).

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО. КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

СОРОКИНА Елена Владимировна,
старший преподаватель Северо-Западного филиала
Российского государственного университета
правосудия, советник РАЕН, кандидат педагогических наук,
доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: halens@mail.ru

Специальность 5.1.2 – Публично-правовые
(государственно-правовые) науки

ГАРАНТИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

***Аннотация.** Актуальность рассматриваемой проблемы определена тем, что информационные отношения служат интересам самоуправления народа. Целью данной публикации является рассмотрение системы, видов, подвидов, характеристика гарантий государственной защиты информационных прав и свобод человека и гражданина. Гарантии права и свободы на информацию актуализированы на основе Конституции Российской Федерации. Гарантии государственной защиты систематизированы на виды: общие, юридические и организационные. Определено дальнейшее деление каждого из видов. Подвиды общих гарантий (экономические, идеологические, политические и социальные) юридически обоснованы и объяснены. Отмечено, что юридические средства установления информационных прав и свобод личности – нормотворческий процесс, в рамках которого конструируются и закрепляются нормы информационного права. Из подвидов юридических гарантий основной акцент поставлен на международно-правовые и внутригосударственные. Особый интерес представляет анализ подвидов организационных гарантий в условиях активно развивающейся цифровизации не только социума, но и сферы реализации прав и свобод граждан. Отражено современное научное видение системы гарантий государственной защиты информационных прав и свобод человека и гражданина.*

***Ключевые слова:** Конституция Российской Федерации; государственная защита; информационные права и свободы человека и гражданина; общие, правовые, организационные гарантии государственной защиты; их виды; подвиды; характеристики.*

SOROKINA E.V.

GUARANTEES OF STATE PROTECTION OF INFORMATION RIGHTS AND FREEDOMS OF MAN AND CITIZEN

***The summary.** The Relevance of the topic of the article is determined by the fact that information relations serve the interests of self-government of the people. The purpose of this article is to consider the system, types, subspecies, characteristics of guarantees of state protection of information rights and freedoms of man and citizen. Guarantees of the right and freedom to information are updated on the basis of the Constitution of the Russian Federation. Guarantees of state protection are systematized into the following types: General, legal and organizational. Further division of each*

species is determined. Subspecies of General guarantees (economic, ideological, political and social) are legally justified and explained. It is noted that the legal means of establishing information rights and freedoms of the individual is a normative process, within which the norms of information law are constructed and fixed. Among the subspecies of legal guarantees, the main emphasis is placed on international and domestic legal guarantees. Of particular interest is the analysis of subspecies of organizational guarantees in the conditions of actively developing digitalization of not only society, but also the sphere of realization of the rights and freedoms of citizens. This paper reflects the modern scientific vision of the system of guarantees of state protection of information rights and freedoms of man and citizen. Ключевые слова: Конституция Российской Федерации; государственная защита; информационные права и свободы человека и гражданина; общие, юридические, организационные гарантии государственной защиты; их виды; подвиды; характеристика.

Key words: *Constitution of the Russian Federation; state protection; information rights and freedoms of man and citizen; General, legal, organizational guarantees of state protection; their types; subspecies; characteristics.*

Статья 45 Конституции Российской Федерации гарантирует государственную защиту прав и свобод человека и гражданина, в том числе в сфере информационного права, а также предоставляет право каждому «защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещёнными законом» [1]. Поправки, внесенные в наш Основной закон в 2020 году, еще более укрепили конституционные гарантии [2; 6; 9; 10; 11; 12; 18; 29; 30; 49].

Под гарантиями в современной теоретической литературе понимается «система условий, средств и способов, обеспечивающих равные правовые возможности личности для выявления, приобретения и реализации своих прав и свобод» [13, стр. 70]. Гарантии информационных прав личности по содержанию подразделяются на общие, юридические и организационные.

Общие гарантии подразделяются на экономические, социальные, политические и идеологические и отображают объективную реальность существующего государственного устройства, уровень цивилизации и гражданского общества. Экономические гарантии отражают уровень экономического развития общества, уровня, необходимого для существования информационного общества с информационными технологиями и внедряющегося в индустрию и быденную жизнь искусственного интеллекта. Все это, с одной стороны, – базис информационных отношений, с другой стороны, – их гарант.

Социальные гарантии определяются ментальностью общества как элементы общей и правовой культуры [14; 20; 36; 39; 45] и представляют

собой совокупность общественных устоев, отношений, политико-правовых традиций [42; 43; 44; 47] и пр., определяющих правила поведения личности в информационной среде. Социальные отношения устанавливают для личности информационные границы, удерживающие от недозволенного поведения, и обеспечивают информационную свободу.

Благодаря такому положению вещей в современном социуме недопустима расовая, идеологическая, религиозная нетерпимость, присутствует толерантность и информационная корректность. Политические гарантии установлены всем механизмом формирования власти, основанном на демократии. В этом случае информационные отношения служат интересам самоуправления народа. Идеологические гарантии закреплены в мировоззрении личности, системе культурных, духовных, религиозных, научных ценностей, нравственных началах общества и личности. Российские национальные ценности имеют суверенную окраску, они значительно отличаются от так называемых западных ценностей, которые по существу для нас являются антиценностями [3; 4; 8; 17; 21; 24; 25; 26; 34; 41; 46; 51]. Указанные гарантии определены составляющими духовной культуры, формирующими корпус информационных правоотношений для обеспечения государственных гарантий, конституционно закрепленных: идеологического многообразия, общедоступного и качественного образования, свободы мысли, творчества и пр.

Юридические гарантии информационных прав и свобод личности – система юридических

средств, методов и способов установления, реализации информационных прав и свобод и их охраны. По методу и функциям своего действия юридические гарантии подразделяются на средства установления, формы реализации и механизм охраны. Юридические средства установления информационных прав и свобод личности – нормотворческий процесс, в рамках которого конструируются и закрепляются нормы информационного права. Гарантия юридических средств информационного права заложена в принципах законотворчества, законотворческом процессе и механизме надзора за соблюдением Конституции Российской Федерации [48, стр. 676]. Эти вопросы постоянно анализируются в научной литературе [5; 35; 37; 38; 40], в том числе и в публикациях периодического журнала «Информационное право» [19; 28; 33].

Относительно принципов нормотворческого процесса в отечественной юридической науке существует несколько мнений, мы отметим основополагающие:

- законности, реализующегося в пределах полномочий нормотворческого органа, с соблюдением процедуры и публично;
- научности – должны быть учтены закономерности бытия, изменения в научном знании, тенденции развития информационного общества (цифровизация, например);
- использования правового опыта – поддержание правовых традиций, сохранение преемственности актов, их логическая последовательность, учет отечественного и зарубежного опыта;
- демократизма – с учётом народного мнения и инициативных социальных групп и слоёв;
- связи с практикой – ориентация на результат, своевременное устранение правовых пробелов;
- системности – в строгой правовой иерархии с иными актами, консолидировано, кодифицированно и по необходимости с возможностью инкорпорации [7, стр. 181].

Формы реализации права, в плане реализации гарантированных прав и свобод, в информационном праве образуют следующую структуру [32, стр. 117]:

- соблюдение как воздержание от нарушения установленных запретов и совершения противоправных деяний;

- использование права – выбор юридически верного поведения, выстроенного по своему усмотрению;
- исполнение юридических обязанностей и их применение:
 - с одной стороны – «властная деятельность компетентных органов и должностных лиц по подготовке и принятию индивидуального решения по юридическому делу» [31, стр. 239],
 - с другой стороны, «властная деятельность, состоящая в рассмотрении конкретного юридического вопроса, дела и вынесении по нему индивидуального решения, обязательного для адресатов» [50, стр. 221].

Приведённые выше теоретические суждения относительно реализации государственных гарантий распространяются на информационное право. К гарантиям реализации относятся: «пределы прав и свобод, их конкретизация в текущем законодательстве; юридические факты как основания возникновения и прекращения процесса реализации прав и свобод; меры поощрения и льготы для стимулирования правомерной реализации прав, в которой заинтересовано общество и государство» [13, стр. 70]. В реализацию государственных гарантий информационных правоотношений включён механизм их охраны – «конституционный контроль и надзор, меры защиты прав и свобод личности от нарушений, меры ответственности за их нарушения, средства предупреждения и профилактики нарушений прав личности и т.д.» [13, стр. 70].

По сфере действия юридические гарантии подразделяются на международно-правовые и внутригосударственные. Международно-правовые гарантии информационных прав и свобод – принятые международным сообществом нормы, которые формируют международное правовое поле и в которых закреплены информационные права и свободы [27, стр. 118]. Отметим, что страны-участницы, подписавшие (ратифицировавшие) международно-правовые нормы, берут обязательства по их обеспечению. Контроль за исполнением международных обязательств в сфере информационных правоотношений возложен на международные и региональные организации (ООН, Европейская комиссия, Лига Арабских государств и иные). Международно-правовые гарантии информационных прав и

свобод подтверждены ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации, устанавливающей правила и нормы, регулирующие правоотношения, в том числе, и в сфере информации:

- 1) общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью её правовой системы;
- 2) если международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора.

Внутригосударственные гарантии как система условий и факторов, обеспечивающих охрану и защиту информационных прав личности, подразделяются на нормативные и институциональные. Если нормативные гарантии – это совокупность юридических норм, то институциональные гарантии – это система государственных законодательных, исполнительных, надзорных и судебных органов, органов местного самоуправления, правозащитных и иных общественных организаций. Организационные гарантии – «это деятельность государства, его органов и должностных лиц, а также общественных организаций в сфере правотворчества, правоприменения и осуществления различных мер по защите и созданию условий для реализации прав и свобод личности» [13, стр. 70], имеющие целью «создание условий и повышение эффективности использования общих и юридических гарантий прав личности» [13, стр. 70]. По своему содержанию они делятся на организационно-технические, процедурные и контрольные. Организационно-технические гарантии информационных прав личности заложены в бесперебойном функционировании технических средств хранения, передачи и обработки информации (почта, СМИ, сеть Интернет, телевидение, радио и пр.), связанного с их эксплуатацией и использованием. Посредством этого происходит информирование населения о принимаемых законах, льготах, стимулах, нарушениях закона, о необходимых мерах безопасности и т.д. Функционирование технических средств хранения, передачи и обработки информации, а также библиотеки и архивы, обеспечивают аккумуляцию, накопление и хранение всего корпуса информации.

Благодаря активной цифровизации существенную роль стали играть многофункциональные центры предоставления государственных и

муниципальных услуг – МФЦ. Функционируя по принципу одного окна, МФЦ является инновационным методом, целью которого стоит минимизация времени предоставления лицам услуг [15]. Процессы цифровизации затронули и эту область, благодаря чему запросить необходимую информацию можно, используя ресурсы сети Интернет, определяя запрос в личном кабинете. Процедурные гарантии содержатся в совокупности процессуальных норм права; субъект, вступая в информационные правоотношения, выбирает наиболее эффективную модель поведения: короткую по времени, малозатратную по финансам и с более очевидным результатом. Процедурные гарантии заложены в основной своей части, в правовом статусе субъекта информационных правоотношений. Контрольные гарантии заложены в стабильной работе механизма контроля за исполнением информационного законодательства. В структуру механизма входят:

- мероприятия общего контроля: парламентские слушания, депутатские запросы, общественные слушания и пр.;
- деятельность надзорных органов: прокуратуры, уполномоченного по правам человека, центральной избирательной комиссии и др.;
- судебные процедуры, ведомственный контроль, в том числе, посредством специально созданных служб: Федеральная антимонопольная служба, Межведомственная комиссия по защите государственной тайны, Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) и пр.;
- органы общественного контроля: Общественная палата и др.

Способами самозащиты информационных прав и свобод человека и гражданина являются:

- обращения в государственные органы и органы местного самоуправления;
- обжалование действий (бездействия) должностных лиц, нарушающих права граждан;
- обращения в средства массовой информации и правозащитные организации, общественные объединения.

Все эти проблемы в той или иной степени находят отражение в публикациях указанного журнала «Информационное право» [16; 22; 23].

Таким образом, в Российской Федерации с

позиций юридической теории, законодательного регулирования и правоприменительной практики признаны, закреплены и применяются все или, по крайней мере, основные гарантии государственной защиты информационных прав и свобод человека и гражданина. Однако применение того или иного вида гарантий обособленно и отдельно от иных не может считаться эффективным инструментом в механизме обеспечения

информационных прав и свобод человека и гражданина. Только совокупное их (гарантий) применение позволит добиться решения задач, стоящих перед государством, в сфере соблюдения информационных прав и свобод человека и гражданина. Это следует из ряда моментов: общего объекта и предмета защиты, единого государственного механизма и диалектической связи всех элементов, перечисленной в настоящей статье.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. – М., 2022.
2. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 11. – Ст. 1416.
3. Ананских И.А., Серпухова О.Ю., Шелепова М.А. Формирование новой концепции брака и семьи в западной христианской церкви (американский профессор Джеймс В. Браунсон о новом прочтении Священного Писания) // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 4. – С. 181-188.
4. Ананских И.А., Силантьева В.А., Кулева М. Трансформация традиционных семейных ценностей как угроза национальной безопасности // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 1. – С. 40-46.
5. Бачило И.Л., Лопатин В.Н., Федотов М.А. Информационное право. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – 789 с.
6. Боброва Н.А. Конституционная реформа-2020 как решение проблемы «транзита власти»-2024 // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 2. – С. 3-9.
7. Булаков О.Н., Рязанцев И.Н. Парламентское право России: Курс лекций / Под общ. ред. О.Н. Булакова. – М.: Юстицинформ, 2017. – 295 с.
8. Бурова С.Н. Современная семья: крах или другая жизнь? // Социология. – 2015. – № 2. – С. 4-15.
9. Виноградова Е.В. Грани современного российского конституционализма. – М.: РИТМ, 2021. – 240 с.
10. Виноградова Е.В. Конституционные ценности – система без иерархии // Юридическая наука: история и современность. – 2022. – № 3. – С. 78-82.
11. Виноградова Е.В., Батюлик Г.С. Поправки 2020 года в Конституцию Российской Федерации. К вопросу о роли Конституционного Суда в защите прав и свобод человека и гражданина // Образование и право. – 2020. – № 2. – С. 24-28.
12. Виноградова Е.В., Виноградова П.А. Укрепление конституционных гарантий поправками 2020 года в Конституцию Российской Федерации. – М.: Эдитус, 2020. – 200 с.
13. Воронина И.А. Теория государства и права: Учебное пособие.. – Оренбург: Оренбургский государственный ун-т, 2009. – 232 с.
14. Галиев Ф.Х. Правовая культура: социально-философские проблемы // Мир политики и социологии. – 2016. – № 7. – С. 182-190.
15. Государственные и муниципальные услуги (функции) в Санкт-Петербурге // <https://gu.spb.ru/mfc/>.
16. Дмитриев К.А. Проблемы развития электронной демократии в электронном государстве // Информационное право. – 2020. – № 3(65). – С. 32-36.
17. Жданов П.С., Сальников С.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. От гуманизма к имморализму, от прав естественных к правам противоестественным: смена ценностных оснований западного права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 90-98.
18. Захарцев С.И., Сальников В.П. Поправки в Конституцию Российской Федерации в контексте запрограммированного общества // Поправки к Конституции Российской Федерации и перспективы развития регионального законодательства: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 24 марта 2021 г.) / Отв. ред. Н.В. Ямалетдинова. – Уфа: РИЦ БашГУ. – 2021. – С. 64-69.
19. Захарцев С.И., Сальников В.П. Право в XXI веке в контексте запрограммированной жизни, информационных технологий и правосудия // Информационное право. – 2020. – № 3(65). – С. 9-15.

20. Захарцев С.И., Сальников В.П. Русский менталитет и право // Правовое государство: теория и практика. – 2018. – № 4. – С. 41-47.
21. Захарцев С.И., Сальников В.П. Что отличает человека русской культуры от любого другого: философско-правовой взгляд // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 1. – С. 23-40.
22. Захарцев С.И., Кривоносова Д.В., Сальников В.П. Преобразующая сила информационной культуры // Информационное право. – 2021. – № 4. – С. 7-10.
23. Захарцев С.И., Сальников В.П., Гаранин А.О. Оперативно-розыскные мероприятия: понятия, информационно-правовой аспект // Информационное право. – 2021. – № 1(67). – С. 15-22.
24. Исаева Е.А. Однополые пары и дети: аспекты британского и американского законодательства // Социально-юридическая тетрадь. – 2012. – № 2. – С. 138-147.
25. Исаева Е.А. Трансформация института семьи: опыт зарубежных стран // Социально-юридическая тетрадь. Вып. 3: Семья в пространстве права: Сборник научных трудов. – Ярославль: ЯрГУ, 2013. – С. 110-123.
26. Исаева Е.А., Соколов А.В. Легализация однополых браков: реализация политики равенства или разрушение института семьи? // Ярославский педагогический вестник. Том I (Гуманитарные науки). – 2013. – № 3. – С. 109-112.
27. Кайнов В.И., Семухин О.А., Семухина Е.В. Информационное право: Учебник. – М.: Кнорус, 2021. – 394 с.
28. Ковалева Н.Н., Анисимова А.С. Право на доступ к информации в условиях распространения COVID-19: достоверный и «фейковый» контент // Информационное право. – 2022. – № 1(71). – С. 10-13.
29. Лазарев В.В. Идеология конституционного реформирования правовой системы Российской Федерации // Журнал российского права. – 2021. – № 4. – С. 5-17.
30. Лазарев В.В. Конституция и аксиология государственно-правовой идеологии // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 1. – С. 36-46.
31. Леушин В.И. Реализация, применение и толкование права // Теория государства и права: Учебник для вузов / Отв. ред. В.Д. Перевалов. – М.: Юрайт, 2016. – 341 с.
32. Маликов М.Ф., Фаткуллин Ф.Н., Фаткуллин Ф.Ф. Теоретические основы реализации права. Монография. – Уфа: БашГУ, 2003. – 242 с.
33. Михайличенко И.В. Перспективы развития цифровых прав человека // Информационное право. – 2022. – № 1(71). – С. 23-26.
34. Назарова Н.Л., Петросян Л.К., Сэруа В.С. Эволюция семейных ценностей в современном западном мире // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 5. – С. 96-100.
35. Никодимов И.Ю. Некоторые актуальные проблемы предмета информационного права // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 12. – С. 135-140.
36. Правосознание и правовая культура как условие эффективности реализации права: проблемы теории, методологии и практики: Монография / Колл. авт., под ред. д.ю.н. И.Х. Бободжонзода, д.ю.н. А.Р. Нематова. – Душанбе: Дониш, 2022. – 241 с.
37. Рассолов М.М. Информационное право: Учеб. пособие. – М.: Юрист, 1999. – 398, [1] с.
38. Сальников В.П. Гарантии конституционных прав и свобод граждан России как механизм их социально-правовой защиты // Права человека в России и правозащитная деятельность государства: Сбор. матер. Всерос. науч.-практ. конф., Москва, 12 мая 2003 г. / Под. ред. В.Н. Лопатина. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С. 62-66. – в кн. 399 с.
39. Сальников В.П. Правовая культура. Гл. XX // Общая теория государства и права. Академический курс в трех томах / Отв. ред. М.Н. Марченко. 4-е изд., перераб. и доп. Том 3: Государство, право, общество. – М.: ИНФРА-М, 2013. – С. 503-530. – в кн. 720 с.
40. Сальников В.П. Рецензия на учебник В.Н. Лопатина «Информационное право (третье издание с изменениями и дополнениями) // Информационное право. – 2021. – № 1(67). – С. 47-48.
41. Сальников В.П., Груздева М.Л. Преодоление Европы: философско-правовое эссе // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 11-22.
42. Сальников В.П., Сальников М.В. Национально-этнические ценности в правовой культуре и политико-правовых традициях // Вестник Башкирского ун-та. – 2014. – № 3. – Том 19. – С. 1096-1099.
43. Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей // Юридическая мысль. – 2014. – № 4(84). – С. 70-86.
44. Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и правовая традиция в их категориальном соотношении и понимании // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 3(37). – С. 13-19.
45. Сальников В.П., Стремюхов А.Б. Правовая культура общества и личности – важнейшее средство охраны прав человека // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2000. – № 4 (8). – С. 19-22.
46. Сальников В.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. Западная цивилизация и угроза голубого интернационала: политико-правовая агрессия периода постмодерна // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 193-202.

47. Сальников М.В. Политико-правовая традиция России: генезис и эволюция: Монография. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2004. – 203 с.
48. Семухина Е.В., Семухин О.А. Конституционный контроль прав и свобод человека в субъектах Российской Федерации // Правозащитная деятельность в современной России: проблемы и их решение. – СПб: Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, 2017. – С. 676-680.
49. Хабриева Т.Я., Клишас А.А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации О поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». – М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. – 240 с.
50. Черданцев А.Ф. Теория государства и права: Учебник. – М.: Юрист, 2003. – 393 с.: ил.
51. Чернова О.Ю. «Право» на однополый брак в контексте личных прав человека // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 38(48). – С. 81-85.

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО. ГРАЖДАНСКИЙ И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

ИГНАТЬЕВА Светлана Викторовна,
профессор кафедры гражданского права Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: svetignateva60@mail.ru

Специальность 5.1.3 – Частно-правовые (цивилистические) науки

К ВОПРОСУ О МОРАЛЬНОЙ КОМПЕНСАЦИИ ЗА ВРЕД, НАНЕСЁННЫЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕМУ

***Аннотация.** Раскрывается различное понимание термина «интересы ребенка» учёными из разных отраслей знаний. Рассматривается такая формы защиты прав детей, как моральная компенсация за вред, нанесённый несовершеннолетнему. Приводятся основания для взыскания данной компенсации, а также причины, по которым ребенок или его представитель может требовать компенсацию морального вреда.*

***Ключевые слова:** интересы ребенка; защита прав и интересов несовершеннолетних; права ребенка; защита прав и интересов несовершеннолетних; компенсация морального вреда; семейное право.*

IGNATIEVA S.V.

TO THE QUESTION OF MORAL COMPENSATION FOR HARM CAUSED TO A MINOR

***The summary.** A different understanding of the term "interests of the child" by scientists from different branches of knowledge is revealed. This form of protection of children's rights is considered as moral compensation for harm caused to a minor. The grounds for the recovery of this compensation are given, as well as the reasons why the child or his representative may demand compensation for moral damage.*

***Key words:** interests of the child; protection of the rights and interests of minors; the rights of the child; protection of the rights and interests of minors; compensation for moral damage; family law.*

В сфере нематериальных благ остаётся дискуссионным вопрос интересов детей, как одного из важнейших компонентов семейного права. Этому вопросу уделено максимальное

внимание на фоне реформирования семейного законодательства, а конкретнее вопросов, касающихся изъятия ребёнка из семьи. Согласно первому пункту статьи 73 Семейного кодекса РФ,

необходимость учитывать интересы детей в процессе отбора их у родителей закреплена законодательно. При этом, нередки случаи изъятия ребенка из семьи при непропорциональном применении такой меры. Во-первых, это происходит из-за отсутствия общего подхода к вопросу толкования интересов детей и связано с отсутствием определения данного понятия в законодательстве. Во-вторых, этот вопрос не является базисным в семейном праве. Ювенальная юстиция, широко распространенная за рубежом и порой используемая у нас, не работает на семью и интересы ребенка. Она не случайно вызывает острую дискуссию в отечественной юриспруденции [20; 37; 38].

У учёных сформировался единый подход к пониманию категории интересов детей. А.Ю.Сологуб приводит определение, которое подразумевает создание условий, которые необходимы для содержания ребёнка, а также его благополучного развития [39, стр. 142]. А.М.Нечаева считает, что понятие развитие составляет базис для понимания понятия интересов детей, она относит его к числу сложнейших, потому как оно имеет много признаков [24, стр. 62]. С точки зрения духовного, нравственного или физического развития возможность правильно оценить интересы ребёнка позволяет определить в дальнейшем его настоящие интересы с точки зрения развивающейся личности.

.В трудах О.Г. Миролобовой есть предложение определения интересов детей как охраняемых законом потребностей в духовных или материальных благах, которое позволяют обеспечить гармонию в процессе личностного развития ребенка [21, стр. 57-58].

В соответствии с современными стандартами правовой среды возможность признания выявления мнения детей как неотъемлемой части в процессе определения их интересов выступает в роли подтверждения их субъективности. При этом возникает вопрос, связанный с потребностями детей, которые не попадают под охрану законодательства РФ.

Приведем пример, связанный с разлученными или несопровожаемыми детьми родителями. Законодательство РФ не относит такую категорию несовершеннолетних к требующим дополнительной защиты категориям, которую гарантирует международное право [42, р. 41]. Очевидно, что поиск членов семьи такому ребёнку будет в

его интересах, а меры, которые будут приняты без учёта возможности для передачи ребенка родственникам, следует считать нарушающими его права. Следовательно, критерий, которые позволяет осуществлять охрану интересов детей со стороны закона, выступает в роли препятствия для определения истинных интересов детей.

Вопрос возникает также в сфере гармоничного личностного развития ребенка. Законодательство РФ ставит перед собой задачу осуществления условий для ребенка, в которых он будет сыт и здоров. Этот момент находит отражение в судебной практике, где в первую очередь учитывается благосостояния родителя, к которому хотят направить ребёнка, а не желания ребенка.

Понимания термина «интересы ребенка» осложнено ещё тем, что он является межотраслевым, то есть его истолковывают учёные из разных отраслей знаний. Как точно отмечает О.Ю. Ильина, подходы с точки зрения разных отраслей в сфере исследований одного и того же вопроса приводит к разному смысловому наполнению понятий, которые рассматриваются [15, стр. 53]. Таким образом, появилась необходимость создания единого понимания со стороны различных органов, которые занимаются вопросами относительно детей и их интересов. При этом возникает мысль о том, чтобы предусмотреть в Семейном кодексе РФ (СК РФ) определение такого понятия с закреплением перечня факторов, учитываемых при их оценке. Такой подход на наш взгляд является ошибочным. Даже в процессе разработки текста Конвенции ООН о правах ребенка этого не было сделано.

Рассмотрим этот вопрос с точки зрения международного права, ведь именно им руководствуются и зарубежные, и российские законодатели. Первоначально обратимся к указанной ранее Конвенции ООН о правах ребенка, которая была принята в 1989 году [6]. Стоит отметить, что также вопросы интересов детей затронуты в Гагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей, которая была создана в 1980 году. В преамбуле ее указывается, что интересы детей носят первостепенное значение..

В третьей статье Конвенции ООН прописано, что необходимо в первую очередь уделять внимание максимальному обеспечению интересов детей при осуществлении любых действий в отношении ребёнка. Даже на международном

уровне существует понимание интересов детей с точки зрения сложности этого понятия, которое выходит за рамки семьи и отдельной отрасли права, регулирующей правоотношения в семье.

В процессе учёта интересов детей стоит цель обеспечения целостности (психологической, физической, духовной и моральной), а также неприкосновенности детей и оказания содействия в обеспечении их человеческих достоинств. В настоящий момент в Конвенции отсутствует исчерпывающее описание перечня интересов детей, а также в документах, связанных с деятельностью Комитета по правам ребенка ООН как органа, действующего во исполнение Конвенции ООН о правах ребенка. Этот орган систематизировал глобальное применение данной категории.

Такая концепция была несколько раз подвержена критике, потому что не имеет точного определения. Следует отметить, что в концепции отсутствует перечень списка факторов, принимаемых во внимание с целью установления, а также оценки интересов детей. Этот факт указывает на то, что необходимо установить их для каждого ребенка, а также свидетельствует об отсутствии желания ограничить толкование этого понятия. В Своде законов Российской империи (т. X, ч.1) отмечалось, что «только после добросовестного исследования в каждом данном случае всей внутренней обстановки и жизни семьи означенный вопрос может подлежать правильному и отвечающему интересам детей разрешению» [25, стр. 43].

Данная законодательная установка свидетельствует об отношении к семье в Российской империи как важной социальной ценности [7; 8; 9; 12; 19; 40], которая исторически присуща нашему Отечеству, выступающая в качестве национальной политико-правовой традиции [31; 32; 33; 34; 35; 36], носящей суверенный характер. В этом проявляется сущность российской государственно-правовой идеи [10; 11; 13; 14; 23; 28; 30] и русской национальной философии права [16; 17; 18; 26; 27; 29; 41]. Представляется очень важным не упустить сегодня эту суверенную нашу национальную сущность.

Научные исследования международного уровня по данному вопросу посвящены не самому понятию интересов детей, а тому, что входит в это понятие. Учёные анализируют практику применения этой концепции, а конкретнее действия властей и соблюдают или нарушают

они интересы детей.

Базис Конвенции о правах ребенка ООН составляет идея необходимости особенной защиты детей. Кроме различных прав детей, в ней представлены принципы, применяемые при толковании любого из её положений, например принцип необходимости учёта наилучших интересов ребенка.

Это положение обладает первостепенной важностью. В связи с этим фактом, Комитетом по правам ребёнка были учтены указанные выше замечания общего порядка. В этом документе эксперты принимают интересы детей за систему координат и любую ситуацию предлагают рассматривать в её рамках. В случае возникновения конфликта, интересы детей выходят на первый план.

В России интересы ребёнка занимают совершенно другое место. В основах семейного законодательства нет учёта интересов детей. Этот момент обосновывается теоретически. К примеру, О.Ю. Ильина произвела анализ ст.7 Семейного кодекса РФ под названием «Осуществление семейных прав и исполнение семейных обязанностей». На основе данного исследования автор заключила, что в законодательстве исключён приоритет частных интересов каждого отдельного члена семьи. В своих трудах она отмечает что семейные интересы – это совокупность интересов каждого её члена. Интересы семьи всегда специфичны, что обусловлено индивидуальностью личности каждого члена семьи и соответственно уникальностью их [15, стр. 65]. При этом она высказывает позицию о том, что приоритетными являются интересы семьи как единого звена, а в свою очередь субъекты правовых отношений в сфере семейного права обязаны соотносить собственные интересы с их интересами [15, стр. 71].

Ситуация, связанная с конкурированием прав и наилучших интересов детей с интересами государства, в результате которой первые проигрывают наглядна также в других нормативно-правовых документах, которые входят в состав семейного законодательства РФ. Например, в Концепции государственной семейной политики в РФ, ограниченной 2025 годом [5], указаны принципы, путём использования которых государство осуществляет семейную политику. К ним можно отнести презумпцию добросовестности со стороны родителей в процессе осуществления их

родительских прав, самостоятельность семьи в вопросах принятия решений внутри их жизни, а также укрепление авторитета в общественных и семейных кругах родительства. При этом в указанной концепции отсутствует принцип, защищающий интересы детей.

На период с 2012 по 2017 годы была принята Национальная стратегия в интересах детей [4]. Эта стратегия представляла собой ключевой документ в сфере защиты прав ребёнка в России на национальном уровне. В этой стратегии рассматриваемый нами вопрос был вынесен на такой высокий уровень, на какой ранее не выносился. В ней был закреплён приоритет норм в рамках международного права, связанных с определением направлений, а также задач по защите интересов детей со стороны государства. Всё же стоит отметить, что содержание данной стратегии в очередной раз является подтверждением того, что регулирование со стороны государства имеет направление на увеличение численности детей и их оздоровление. Иными словами, демографические интересы государства доминируют над интересами детей в широком понимании.

Факт отсутствия в перечне принципов законодательства в семейной среде приоритета учёта наилучших интересов детей создаёт мнимый сигнал уполномоченным органам защищать детей. Даже суд не может выступать в качестве гаранта соблюдения интересов детей, если он не обладает алгоритмом для оценки действий органов, которые изымают детей. Для сокращения количества несправедливых изъятий детей из семей, мы считаем, будет способствовать внесение положения, которое закрепит значимость учёта наилучших интересов детей в базисах семейного законодательства.

Остро стоит вопрос, касающийся такой формы защиты прав детей, как моральная компенсация за вред, нанесённый несовершеннолетнему. Компенсация подобного рода представляет собой определённые денежные выплаты, которые направлены на уменьшение нравственных или физических страданий, полученных вследствие нарушения прав.

Статья 45 Конституции РФ трактует человеческое право на защиту собственных прав способами, которые не противоречат законодательству [1]. Одним из способов такой защиты выступает денежная компенсация.

Понятие морального вреда является спорным

вопросом. Суть этого понятия заключается в признании или непризнании пострадавшим лица от каких-либо нравственных или физических страданий. Иными словами, вопрос морального вреда с точки зрения юридического факта, который порождает ответственные за нанесение вреда отношения.

Почти во всех странах, включая Россию, основным способом защиты неимущественных благ выступает институт компенсации нанесённого вреда [22, стр. 255]. Статья 151 Гражданского кодекса РФ трактует понятие компенсации морального вреда как способа защиты в сфере личного неимущественного права, а также иных материальных благ, принадлежащих гражданину [2]. В современном мире участились случаи исков, связанных с компенсацией морального вреда, нанесённого в семье.

Вопрос, связанный с размером возмещения морального вреда, на данный момент остаётся нерешённым [3]. В среде семейных правоотношений этот вопрос особо дискуссионный. Право на компенсацию морального вреда закреплено в гражданском законодательстве, но единого подхода для оценки нравственных или физических страданий в законодательстве нет. Также отсутствует максимальный и минимальный размеры возмещения моральной компенсации. Право определять размеры подобных выплат остаётся за судом. Это создаёт острую проблему. Компенсация морального вреда происходит в соответствии с ГК РФ, хотя моральный вред со стороны членов семьи оказывает большие страдания, что сильнее отражается на психическом здоровье. Следовало бы регулировать данный вопрос с точки зрения СК РФ. Здесь можно сделать вывод – недопустима оценка различных правоотношений с точки зрения одинаковых критериев. В современной России подобного рода выплаты сильно занижены. Происходит это, потому что принципы, помогающие суду в решении подобных вопросов, довольно неоднозначны, и суд устанавливает размер компенсации, руководствуясь собственным мнением.

Примерами совершения морального вреда являются случаи, при которых угрожают, оскорбляют и унижают детей, ребёнку наносят телесные наказания. Тем самым родители совершают насилие как физического, так и психического характера и оказывают несомненный вред психическому развитию детей.

Стоит отметить, что несовершеннолетним моральный вред причиняется с момента появления у них способности испытывать страдания (физические и нравственные). Ребёнок с малого возраста в семейной среде уязвим перед разными формами насилия, поэтому в случае совершения правонарушения обязательно должно осуществляться возмещение морального вреда. В таких ситуациях необходимо привести доказательства причинения страданий ребёнку и указать, при каких обстоятельствах они были получены.

Доказательством страдания ребёнка является его психическое состояние, которое приводит к проблемам со здоровьем и учёбой.

Противоправное поведение родителей может сказаться на поведении ребенка и через годы. Конечно, во многих случаях невозможно возместить причиненные страдания ребенка денежной компенсацией. Но это хотя бы каким-то образом позволит немного сгладить совершенное деяние и наказать правонарушителя. В любом случае действия, которые причинили вред личным немущественным правам ребенка, всегда порождают у потерпевшего право требовать денежную компенсацию за причиненные страдания,

Таким образом, если родители уклоняются от выполнения родительских обязанностей по отношению к ребенку, уклоняются от уплаты алиментов, злоупотребляют своими правами по отношению к ребенку, жестоко обращаются с ребенком, осуществляют психическое воздействие – в таком случае их могут лишить родительских прав. Но следует отметить, что для устранения причиненной ребенку психологической травмы и достижения справедливости лишения родительских прав недостаточно. В таком случае было бы справедливым закрепить в статье, которая регулирует порядок лишения родительских прав, возможности требования возмещения морального вреда детям.

Основаниями для взыскания компенсации должны быть следующие обстоятельства:

- физические или нравственные страдания ребенка;
- вина причинителя;
- следственная связь между противоправными действиями виновного и потерпевшего ребенка.

Выделим еще причины, по которым ребенок или его представитель может требовать компенсацию морального вреда при предоставленных доказательствах: физическое насилие (применение физической силы), психологическое насилие (унижение ребенка), создание различных препятствий к обучению, нанесение ущерба интересам ребенка, злоупотребление правами.

Ребенок, который испытывает физические и нравственные страдания, не может оценить их степень, таким образом, правом на оценку морального вреда должны обладать родители, орган опеки и попечительства, прокурор в отношении ребенка, и сам ребенок по достижении возраста 14 лет.

Можно сделать определенные выводы по защите прав ребенка:

- 1) ребенок испытывает физические и нравственные страдания в большей степени по сравнению с взрослым человеком;
- 2) институт компенсации вреда свободно может быть применим при защите прав ребенка, но это только в небольшой степени сгладит все переживания, перенесенные ребенком;
- 3) защиту прав ребенка, а также требование возмещения морального вреда может осуществлять один из родителей, а также органы опеки и попечительства. А при достижении определенного возраста ребенок сам вправе защищать свои интересы в суде;
- 4) институт компенсации вреда следует выделить отдельными нормами в семейном законодательстве как для взрослых, так и для детей.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. – М., 2022.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая). – М., 2022.
3. Семейный кодекс Российской Федерации. – М., 2022.
4. Указ Президента РФ № 761 от 01.06.2012 «О национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 – 2017 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 23. – Ст. 2994.

5. Распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 35. – Ст. 4811.
6. Конвенция ООН о правах ребенка (принята Резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 г.) // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1990. – № 45. – Ст. 955.
7. Алборова А.Г. Крестьянская семья в имперской России (общая историко-правовая характеристика) // Правовое поле современной экономики. – 2014. – № 10. – С. 106-109.
8. Алборова А.Г., Сальников М.В., Семенова М.В. Отношение к институту брака в российской крестьянской среде XIX века // Мир политики и социологии. – 2013. – № 12. – С. 130-134.
9. Ананских И.А., Алборова А.Г., Кавшбая Л.Л., Романовская В.Б. Заключение брака по русским и абхазским обычаям XIX века (сравнительно-правовое исследование) // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 9. – С. 81-95.
10. Богатырёв Д.К., Сальников В.П. Ценности, мышление, культура в пространстве духовной жизни // Мир политики и социологии. – 2019. – № 9. – С. 186-194.
11. Брылева Е.А., Захарцев С.И., Сальников В.П. Благотворительность как свойство российской суверенной государственно-правовой идеологии // Теория государства и права. – 2021. – № 4(25). – С. 23-32. DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.002
12. Епископ Филипп (М. Филипченко). Православная семья: духовность, быт, здоровье. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. – 283[2] с. – (Золотой фонд).
13. Захарцев С.И., Сальников В.П. Размышления об основах русской суверенной философско-правовой идеологии // Юридическая наука: история и современность. – 2020. – № 2. – С. 183-194.
14. Зорина Н.В., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Прокофьев К.Г., Сальников М.В. Идея свободы в суверенной идеологии права: аксиологический и нравственно-правовой аспекты // Мир политики и социологии. – 2018. – № 11. – С. 188-193.
15. Ильина О.Ю. Понятие и иерархия интересов в семье и семейных правоотношениях // Проблема гармонизации частных и публичных интересов в семейном праве Российской Федерации: научная школа доктора юридических наук, профессора О. Ю. Ильиной: Монография. – М.: ЮНИТИ : Закон и право, 2015. – 431 с.
16. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Философия Ф.М. Достоевского как источник суверенной российской философии права // Права человека в диалоге государственной власти и гражданского общества: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Дню прав человека (г. Уфа, 10 декабря 2020 г.). В 2-х частях. Ч. 1 / Отв. ред. Е.О. Тулупова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. – Уфа, 2020. – С. 83-92. – в сб. 243 с.
17. Керимов А.Д., Масленников Д.В. Научная работа петербургских правоведов в перспективе суверенной философии права // Мониторинг правоприменения. – 2019. – № 4. – С. 14-18. DOI: 10.21681/2226-0692-2019-4-14-18.
18. Керимов А.Д., Сальников В.П., Хабибулин А.Г. Гегелевская философия как теоретическая предпосылка суверенной философии права // Творческое наследие Гегеля: философия, теология, право, экономика: Сборник материалов Межрегиональной конференции с международным участием, посвященной 250-летию со дня рождения Г.В.Ф. Гегеля (Санкт-Петербург, 19–21 ноября) / Отв. редактор Д. В. Масленников. – СПб: РХГА, 2020. – С. 284-290. – в сб. 306 с.
19. Кириллова Т.К., Биктасов О.В., Сальников С.П. Юридический статус русских граждан в области семейно-брачных отношений (XVI-XVIII вв.) // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 4. – С. 32-37.
20. Лысов П.К., Сальников М.В. Система ювенальной юстиции в России: размышления «за» и «против» // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 11. – С. 129-133.
21. Миролюбова О.Г. О семейно-правовом понятии «интересы ребенка» // Вестник ЯрГУ. – Серия: Гуманитарные науки. – 2012. – № 4(22). – С. 56-58.
22. Мограбян А.С. Проблемы компенсации морального вреда при нарушении права личности на неприкосновенность внешнего облика // Вести Волгоградского государственного университета. – 2011. – № 1 (14). – С. 251-255.
23. Морозов А.И., Прокофьев К.Г., Сергеева А.Ю. Институт семьи как нравственно-правовая ценность (к вопросу о суверенной правовой идеологии как основании семейного права Российской Федерации) // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 12. – С. 107-114.
24. Нечаева А.М. Защита интересов ребенка в многодетной семье // Законы России. Опыт, анализ, практика. – 2012. – № 6. – С. 59-67.
25. Нечаева А.М. Правовые проблемы семейного воспитания несовершеннолетних: Монография. – М.: Проспект,

2016. – 129 с.
26. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И. Философия Гегеля как теоретическая предпосылка суверенной философии права России. Краткий обзор докладов, статей и выступлений на Межрегиональной конференции с международным участием «Творческое наследие Гегеля: философия, теология, право, экономика», посвященной 250-летию со дня рождения Г.В.Ф. Гегеля // *Юридическая наука: история и современность*. – 2021. – № 1. – С. 182-194.
27. Сальников В.П., Масленников Д.В., Морозов А.И. Человек в системе нравственно-правовых ценностей и задача формирования суверенной философии права // *Права человека в диалоге государственной власти и гражданского общества: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Дню прав человека (г. Уфа, 10 декабря 2020 г.). В 2-х частях. Ч. 1 / Отв. ред. Е.О. Тулупова*. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. – С. 176.-187. – в сб. 243 с.
28. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Морозов А.И. Ценностное основание суверенитета (к вопросу о суверенной государственно-правовой идеологии) // *Юридическая наука: история и современность*. – 2019. – № 11. – С. 149-162.
29. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Сальников М.В. Развитие идеи абсолютной свободы в классической русской философии как источник суверенной философии права // *Юридическая наука: история и современность*. – 2019. – № 12. – С. 185-193.
30. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Прокофьев К.Г., Морозов А.И. Принцип суверенности государственно-правовой идеологии и философии права // *Мир политики и социологии*. – 2019. – № 9. – С. 170-178.
31. Сальников М.В. Геополитические, экономические и социо-культурные факторы в контексте становления и динамики развития национальной политико-правовой традиции в России // *Правовое поле современной экономики*. – 2012. – № 11. – С. 47-66.
32. Сальников М.В. Отечественная политико-правовая традиция: геополитические, экономические и социально-культурные детерминанты // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. – 2004. – № 3 (23). – С. 20-22.
33. Сальников М.В. Отечественная политико-правовая традиция: факторы, определяющие самобытность // *Правовое поле современной экономики*. – 2013. – № 10. – С. 27-44.
34. Сальников М.В. Политико-правовая традиция России: генезис и эволюция: Монография. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2004. – 203 с.
35. Сальников М.В. Политико-правовая традиция: итоги и размышления // *Юридическая наука: история и современность*. – 2015. – № 1. – С. 170-188.
36. Сальников М.В. Эволюция отечественной политико-правовой традиции: некоторые проблемы соотношения статического и динамического начал // *Правовое поле современной экономики*. – 2013. – № 9. – С. 62-81.
37. Сердюк Л.В. О защите детей от семейного насилия и проблеме их правового воспитания // *Вопросы ювенальной юстиции*. – 2014. – № 3 (53). – С. 16-19.
38. Симонова С.С. Судебная реформа 1864 г. и формирование отдельных институтов ювенальной юстиции // *Юридическая наука: история и современность*. – 2018. – № 4. – С. 164-169.
39. Сологуб А.Ю. Категория «законный интерес» как элемент правового статуса ребенка // *Вопросы современной юриспруденции*. – 2013. – № 29. – С. 140-144.
40. Сэруа В.С., Семенова М.В. Юридические научные общества и их роль в становлении буржуазного семейного права в дореволюционной России // *Юридическая наука: история и современность*. – 2013. – № 12. – С. 111-116.
41. Фролова Е.А. Проблемы теории и философии права: Монография. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 304 с.
42. Kravchuk N. Re-defining unaccompanied and separated children in Russia // *Pravo. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki*. 2016. № 2.

ТРУДОВОЕ ПРАВО И ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ. ЗЕМЕЛЬНОЕ, ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ И АГРАРНОЕ ПРАВО. ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО И ОХРАНА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ. КОРПОРАТИВНОЕ И ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ПРАВО. ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО. ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС

ХАБИБУЛИН Алик Галимзянович,
заведующий кафедрой экономических и финансовых расследований Высшей школы государственного аудита (факультет) МГУ им. М.В. Ломоносова, профессор кафедры теории государства и права и политологии Юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)
E-mail: khabibulin-ag@mail.ru.

СОМИК Кирилл Васильевич,
профессор кафедры экономических и финансовых расследований Высшей школы государственного аудита (факультет) Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, доктор экономических наук, профессор (г. Москва, Россия)
E-mail: kirill.somik@mail.ru

Специальность 5.1.1 – Теоретико-исторические правовые науки

ПРАВОВЫЕ, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ ПЛАТФОРМЫ ОБЩЕГО РЫНКА ЕАЭС

***Аннотация.** Рассмотрены правовые, экономические и технологические аспекты проблемы выбора и адаптации цифровой платформы общего рынка ЕАЭС в условиях санкционной политики и жесткого навязывания неправовых и экономически невыгодных решений и интернет-технологий. Проведен анализ новой отечественной цифровой платформы, основанной на рекурсивной СУБД LISE, реализующей технологии Big Data и систему программирования умных цифровых транзакций на базе метода СИС. Показано, что предлагаемый перспективный программно-технологический комплекс эффективно обеспечит реализацию интеграционных экономических процессов не только в рамках ЕАЭС, но также ШОС и БРИКС.*

***Ключевые слова:** цифровая платформа; цифровые активы; ассоциативные цепочки спроса и предложения; метод связанных информационных структур; система программирования умных цифровых транзакций.*

**KHABIBULIN A.G.
SOMIK K.V.**

LEGAL, ECONOMIC AND TECHNOLOGICAL ASPECTS OF THE FORMATION OF A DIGITAL PLATFORM FOR THE EAEU COMMON MARKET

The summary. The legal, economic and technological aspects of the problem of choosing and adapting the digital platform of the EAEU common market in the context of the sanctions policy and the strict imposition of illegal and economically unprofitable solutions and Internet technologies are considered. An analysis of a new domestic digital platform based on the recursive LISE DBMS implementing Big Data technologies and a system for programming smart digital transactions based on the ICU method was carried out. It has been shown that the proposed promising software and technology complexes will effectively ensure the implementation of integration economic processes not only within the EAEU, but also the SCO and BRICS.

Key words: digital platforms; digital assets; associative supply and demand chains; linked information structures method; system for programming smart digital transactions.

Введение

Анализ показал, что охвативший многие страны процесс внедрения цифровых технологий в сферу экономики и финансов на самом деле использовался США для реализации целей установления глобального доминирования и монопольного управления. Цифровая трансформация мировой экономики базируется на технологиях цифровых активов, больших данных, интернета вещей, электронной торговли, облачных и когнитивных вычислений, которые образуют цифровые платформы корпоративных, отраслевых, национальных и наднациональных экономических систем. Однако, реализация указанных безусловно перспективных технологий осуществляется под постоянным и настойчивым контролем США в соответствии с комплексом директив и стратегических мер, которые по своей сути устанавливают «правила» цифровизации, призванные обеспечить Америке безусловное лидерство, глобальную экспансию и конкурентные преимущества. Например, в 2015 году правительство США издало программу Digital Economy Agenda (цифровая повестка экономики), целью которой является внедрение через интернет выгодной Америке глобальной платформы цифровой экономики с экспансией практически на весь мир. При этом, если национальные интернет-экономики не в полной мере обеспечивают принципы открытости и доступности в отношении американских экономических интересов, а пытаются реализовать их суверенное развитие, в действие приводятся правила и функционеры, учрежденные в 2017 году программой правительства США «Цифровой аташе» («Digital Attache»). В ряду этих драконовских правил «достойное» место занимает программа США «Щит конфиденциальности»,

принятая в ответ на озабоченность администрации США мерами, которые предпринимали правительства ряда стран (в частности, Россия, Китай и др.) по локализации данных, циркулирующих в интернете. По их мнению, это создавало риски и снижало конкурентоспособность американских компаний на мировых электронных рынках, тормозило осуществление указанных выше глобальных программ.

Необходимо особо отметить, что в качестве технологической основы, продвигаемой США цифровой платформы экономики, предлагалось использовать, первоначально разработанные в АНБ США криптографические системы обеспечения финансовых транзакций типа блокчейн. Сами по себе технологии блокчейн могут, конечно, рассматриваться как перспективные технологические инструменты, если будут приняты меры по их сравнительному анализу, сертификации и гарантии избавления от не дремлющего ока АНБ. Первоначально данная технология была объявлена как основа криптовалюты биткоин через два месяца после начала известного финансового кризиса 2008 года. С тех пор криптовалюта биткоин активно развивалась, захватывая все более широкие сегменты финансового рынка, одновременно обрастая мифологизированной историей своего создания, якобы, в «народных массах программистов-финансистов». Наконец, в июне 2016 года в Федеральной резервной системе США прошла конференция «Финансы в потоке: технологическая трансформация финансового сектора», организованная МВФ и Всемирным банком. Присутствовали представители около 100 центральных банков и регуляторов со всего мира. После вступительной речи председателя Федеральной резервной

системы США Джанет Йеллен с докладом «Новая среда для денег» выступил Адам Людвин – исполнительный директор компании Chain. В первой части этого доклада были декларированы принципиальные достоинства новой технологии, апробированной в рамках криптовалюты биткоин. Основным из них является возможность с помощью криптографических методов проводить финансовые транзакции с цифровыми активами без посредников (наверное, кроме контролеров из АНБ). А во второй и заключительной части доклада А. Людвин выдвинул инициативу, более похожую на установку, по переводу практически всех процессов цифровизации мировой экономики на технологию «блокчейн» под эгидой Федеральной резервной системы США. К счастью, этого пока не случилось.

На наш взгляд, приоритетное значение в разрабатываемой программе должна иметь задача создания новой отечественной сертифицированной и отвязанной от бдительного ока АНБ США цифровой интеграционной платформы, которая обеспечит достаточную степень автономии российской и евразийской экономики при сохранении возможностей эффективного взаимодействия в общем поле мирового цифрового пространства. Здесь уместна аналогия значения данной платформы со значением операционных систем в сфере развития программного и математического обеспечения ИКТ. Как и цифровая платформа в экономике, операционная система в компьютерной области – это ключевая метатехнология. Тот, кто ее создает и распространяет, на самом деле в значительной степени доминирует в соответствующей области и определяет ее развитие. Известно, что наша страна в настоящее время не имеет операционной системы собственной разработки, поэтому практически все прикладные программы открытого назначения фундаментально зависят от операционных систем американского производства, например, Windows (корпорация Microsoft) и UNIX. Принципиально важно, чтобы в программе развития цифровой экономики России были выработаны меры, исключающие такую доминирующую зависимость.

В этих целях, по нашему мнению, в основе инновационной интеграционной платформы цифровой экономики России, стран Евразийского союза, а также, возможно ШОС и БРИКС целесообразно использовать метод связанных информационных структур (СИС) для создания системы

программирования связанных структур событий (финансовых транзакций – сделок). Метод СИС – оригинальная, не имеющая аналогов российская разработка, позволяющая осуществлять синтез и программирование эффективных операций на всем мировом электронном пространстве экономических событий или отдельных его сегментах, а также удостоверить переход прав собственности на цифровые деньги и другие активы в процессе электронной торговли. Лауреат Нобелевской премии академик РАН А.М. Прохоров в заключении о научной и практической значимости метода СИС отмечал, что «... в экономике применение метода позволяет осуществлять поиск оптимальной стратегии поведения на электронных рынках...».

Программная реализация метода СИС представляет комплекс инструментальных средств (ПИК LISE, см. приложение), которые реализуют технологии связанного представления ассоциативных цепочек спроса и предложения на электронных рынках и альтернативные процедуры удостоверения прав собственности на цифровые активы. Метод СИС успешно апробирован на Московской бирже, а также международном межбанковском рынке Fogex. Установлено, что соответствующий программно-инструментальный комплекс обеспечивает необходимую функциональную полноту в качестве прототипа цифровой платформы и обладает дополнительными уникальными возможностями по выявлению и программированию эффективных каналов и связанных сегментов движения цифровых активов на электронных рынках. При этом гарантируется надежность и определенная автономия программных процедур удостоверения прав собственности на цифровые активы.

В рамках создания цифровой платформы ЕАЭС, а также ШОС и БРИКС, на наш взгляд, целесообразно наряду с переходом на расчеты в национальных валютах также разработать и принять более справедливую и объективную систему их оценки и обеспечения.

Как известно, в настоящее время продолжает действовать искусственно формируемая и поддерживаемая США следующая система обеспечения доллара как мировой валюты. Эмитентом этой валюты является Федеральная резервная служба США (ФРС). А в качестве обеспечения доллара выступают активы, показанные в балансе США. Основополагающих статей в активе баланса

две: государственные казначейские облигации (Treasury securities) – 67%, и ипотечные ценные бумаги – 29%. Важными дополнительными факторами косвенного обеспечения доллара являются всеобщее признание доллара как валюты обмена, а также тот факт, что четверть мирового производства номинирована в долларах. Особое экономическое значение имеет интеллектуальная собственность. Здесь США владеют правами на более 50% всех мировых патентов. Очевидно, что такая система обеспечения мировой валюты порождает финансовые пузыри и крайне уязвима от катастрофы. В такой системе действует экономически абсурдный, а юридически неосновательный мошеннический принцип: одна бумага обеспечивается другими бумагами, а в результате открывается доступ к реальному мировому богатству. Интеллектуальная собственность практически присваивается за счет непризнания и затруднения регистрации национальной интеллектуальной собственности, как это имеет место, например, в отношении нашей страны. К этому следует добавить хорошо организованные и устойчивые каналы вывоза долларов из других стран, например, из России. При этом внешний долг США постоянно растет и сейчас составляет свыше 31 трлн. долларов.

Такая организация однополярной экономи-

ческой и финансовой системы, основанная на правилах, установленных и поддерживаемых единым монополистом, резко контрастирует с реальным экономическим положением и возможностями национальных государств. Например, общепризнано, что наша страна обладает уникальным интеллектуальным потенциалом, который в большой мере обеспечивает производство научно-технических достижений в авиации и ракетостроении, атомной промышленности и энергетике. Промышленное производство и сельское хозяйство производят богатства, востребованные во многих странах мира. Разведанные запасы полезных ископаемых России оцениваются почти в 30 трлн. долларов, а неразведанные – в 300 трлн. долларов. Поэтому в интеграционной платформе ЕАЭС должны найти отражение в качестве обеспечения национальных валют реальные активы и их объективные оценки.

Кроме того, использование метода связанных информационных структур (СИС) позволит, по нашему мнению, закрепить еще больше системный характер исторически сложившегося в России суверенного проявления российской государственно-правовой идеологии [2; 3; 5; 6; 11; 16; 18], русской философии права [7; 8; 9; 14; 15; 17; 22] и отечественной общественно-политической и правовой системы.

Приложение.

Программно – инструментальный комплекс – ПИК LISE

Основные понятия и термины

Реляционная система управления базами данных (СУБД) – это совокупность взаимосвязанных таблиц, каждая из которых содержит информацию об определенных объектах учета. Строка таблицы содержит данные об одном объекте, а столбцы таблицы описывают различные характеристики (атрибуты) объектов. Строки таблицы, имеют одинаковую структуру – они состоят из полей, хранящих атрибуты объекта.

Рекурсивные СУБД – это реляционные, объектовые или иерархические СУБД, в которых реализован метод СИС, обеспечивающий автогенерацию транзитивных конфигураций событий.

Связная конфигурация событий – упорядоченная совокупность событий, выделенных из СИС по заданному правилу.

Ситуация – связная совокупность событий и других информационных объектов, вводимая в базу данных или отобранная из одной СИС по какому-либо правилу для дальнейшего анализа.

Типология – типовая ситуация, соответствующая модели объекта изучения, отображаемая связной информационной структурой.

Виды критериев связи – правила отождествления субъекта или объекта события; правила фиксации совпадений с определенной точностью локализации событий (место и время); правила установления связи лиц через адрес места жительства, через телефон, через место работы, через транспорт и т.д.

Основные процедуры преобразования СИС: образование новых СИС; пополнение СИС; слияние СИС; разбиение СИС.

Основные процедуры аналитической обработки и визуализации СИС: локализация СИС; определение связности объектов СИС; выделение цепочек связи; выявление «доминирующего» центра связей; визуализация СИС по технологии «телескоп» / «микроскоп»; географическая привязка событий; формирование временных рядов и марковских цепей событий; прогнозирование развития связанных конфигураций событий.

Актуальной проблемой является увеличение интеллектуальных, особенно, прогностических возможностей современных информационных систем, применяемых для поддержки эффективного управления сложными видами деятельности, например, экономической, социальной и научно-исследовательской.

В этой связи был разработан новый подход к модульному проектированию информационных систем, предназначенных для распознавания и типологизации проблемных ситуаций, возникающих в процессе целенаправленной деятельности, прогнозирования их развития и выдачи ЛПР (лицо, принимающее решение – Авт.) обоснованных вариантов действий, способствующих достижению поставленных целей.

В настоящее время широко используются реляционный, объектовый и сетевой подходы (или их сочетания) к конструированию СУБД, на основе которых и создаются информационные системы. Однако, при прочих достоинствах все они обладают одним принципиально важным недостатком. Создаваемые на основе этих подходов базы или хранилища данных по своей сути имеют относительно жесткую и стационарную структуру. Поэтому они адекватно не отражают и, следовательно, не выявляют фундаментальное свойство авторекурсии и транзитивного замыкания бинарных отношений событий, как проявление закономерностей исследуемого процесса или целенаправленной деятельности. Образно говоря, данные в современных СУБД – это во многом застывшие тени (или схемы) на самом деле динамично развивающихся конфигураций событий.

Предлагаемый подход направлен на решение данной проблемы и создание рекурсивных баз данных – LISE (Linked Information Structures of Events – Авт.) – с автогенерацией транзитивных конфигураций событий. В его основе – концепция органичного встраивания информационной системы в контур управления целенаправленными видами деятельности (рис.1) и применение

метода связанных информационных структур [20; 21] (Рис. 1).

В процессе ввода и обработки информации рекурсивная СУБД обеспечивает образование и преобразование связанных информационных структур, которые в любой момент времени отображают разбиение множества представленных в ней событий и других информационных объектов в соответствии с ассоциативными связями.

Рассмотрим, каким образом достигаются указанные возможности в предлагаемом методе.

Основным элементом структуры рекурсивной базы данных является информационный объект – ИО.

Типовой состав реквизитов описания ИО включает: наименование; категорию; идентифицирующие признаки; идентификатор (уникальный ключ, генерируемый СУБД); связи с другими ИО; дополнительные реквизиты, включая значение состояния и текстовое описание.

Конкретная совокупность ИО БД может быть самой разнообразной и включать описания людей, организаций, материальных объектов (например, элементарных частиц, атомов, молекул, космических тел и др.), идей, проблем, адресов, телефонов, транспорта и др. Но в любой рекурсивной БД типа LISE обязательными ИО являются событие и связанная информационная структура.

Событие – значимый исход (результат) действий, имеющий пространственно-временную и субъектно-объектно-предметную идентификацию в конкретной области деятельности. Данный информационный объект играет особую роль в автогенерации связанных информационных структур. Минимальная конфигурация описания события включает следующие элементы: субъект, объект, предмет, локализация (место, время). Структура события представлена на рис.2. В роли перечисленных элементов события могут выступать одушевленные и неодушевленные, материальные и нематериальные сущности, представленные в БД в форме соответствующих ИО. Полагается, что все ИО, входящие в описание данного события, находятся в состоянии активной или пассивной связи между собой.

Далее среди ИО различных классов особо выделяются те, которые могут быть тождественны ИО, уже ранее представленным в БД LISE в составе описаний различных событий и СИС. Например, в социальных и экономических

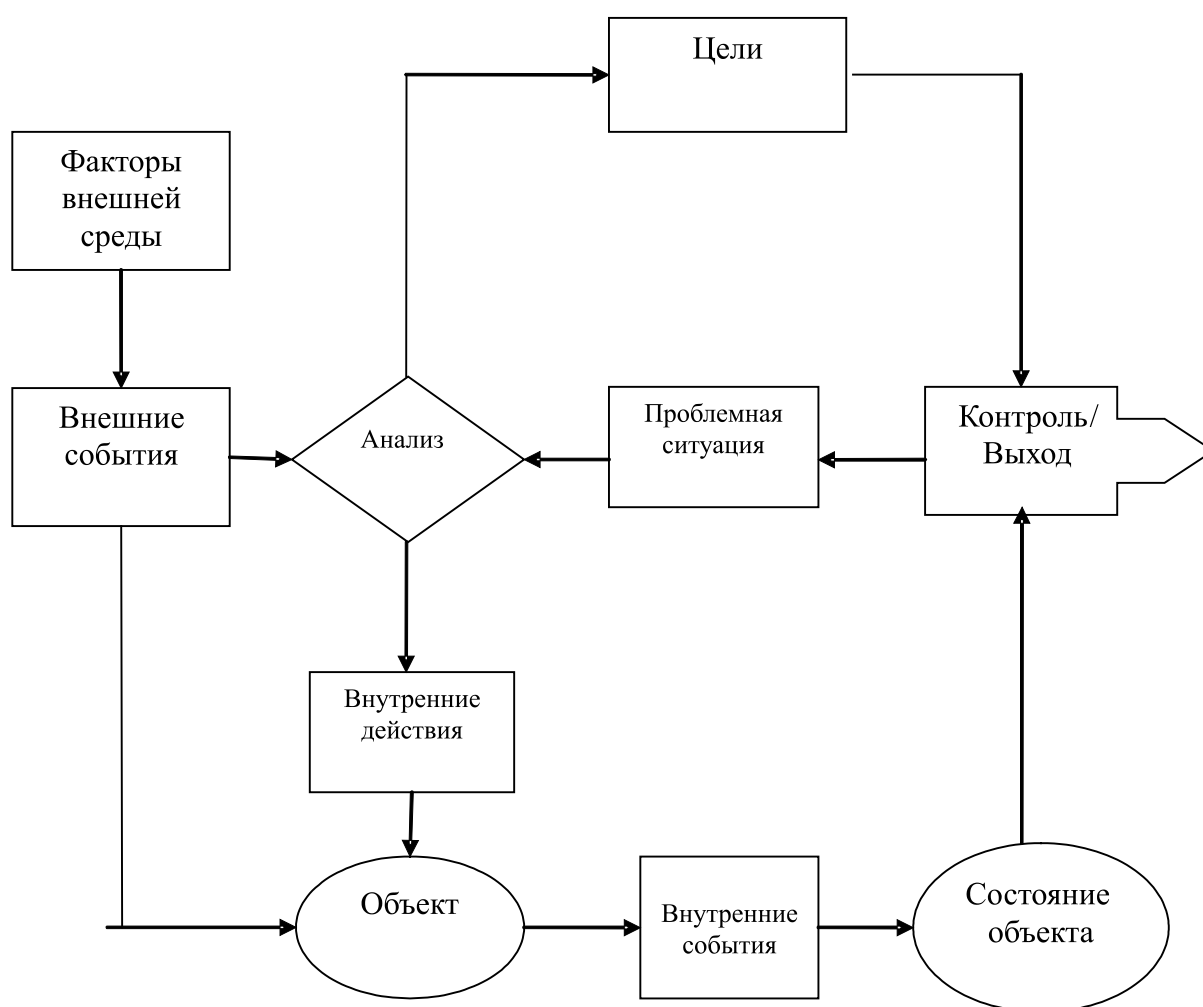

Рис. 1. Схема контура управления целенаправленной деятельностью

процессах одни и те же люди, организации, предметы (адреса, телефоны, автомобили и т.д.) могут повторяться в различных событиях и в различных ролях.

В природных процессах, например, сейсмических, вулканических, в качестве такого рода ИО выступают сейсмически активные зоны земной коры и вулканы.

В отношении таких ИО при вводе информации должна проводиться процедура идентификации, которая может порождать ассоциативные связи, слияние и пополнение ранее сформированных СИС.

Также должна выполняться процедура установления связи между событиями, у которых совпадают с заданной степенью точности характеристики места и времени, т.е. элемента

локализации событий.

В результате идентификации тождественных информационных объектов и установления ассоциативных связей при вводе описания очередного события в рекурсивной СУБД автоматически выполняются следующие процедуры.

Образование новых СИС (LIS)

Если при вводе очередного события и выполнения процедуры идентификации в отношении всех ИО было принято решение «новый» – образуется новая СИС с уникальным идентификатором (системным номером), который присваивается всем входящим в нее ИО.

Также формируется прямой и инверсный список отсылочных связей между ИО данной СИС.

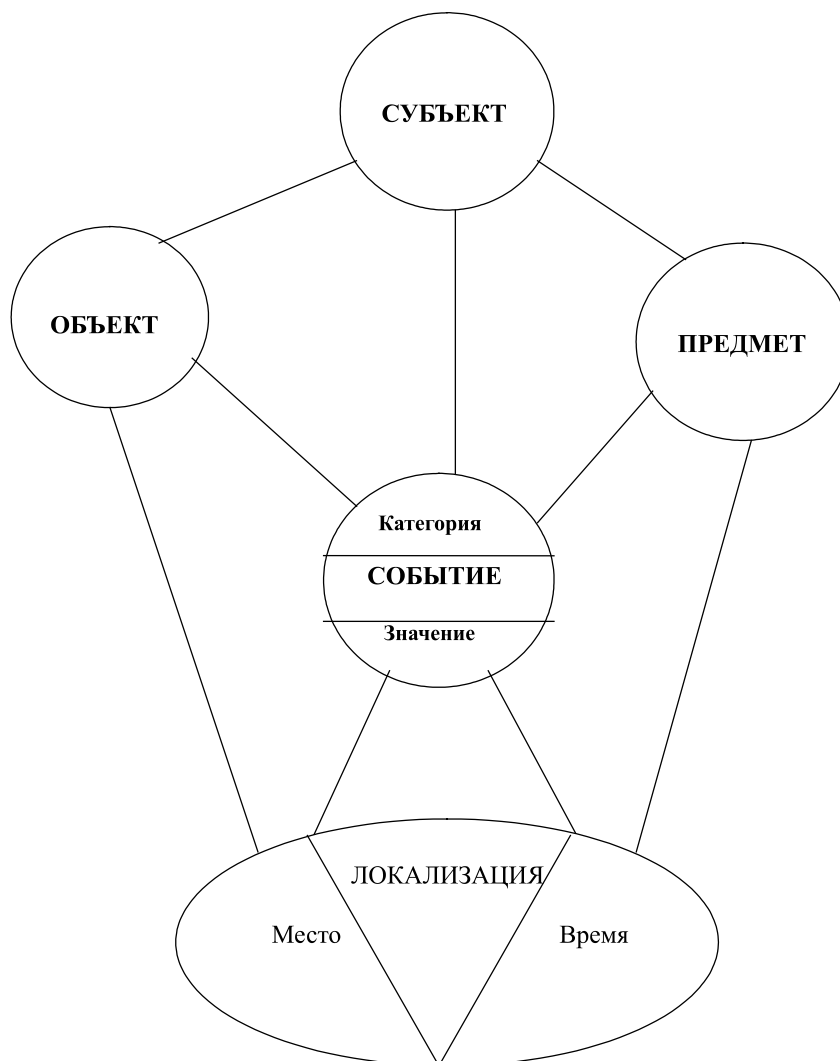

Рис.2. Структура события

Слияние СИС (LIS)

Если при вводе очередного события и выполнения процедуры идентификации в отношении одного или нескольких ИО было принято решение «один и тот же» (или совпала локализация нового и ранее введенного события) и при этом отождествляемые объекты ранее были включены в разные СИС, происходит слияние данных структур. Образуется новая СИС, сохраняющая список отсылок на объединяемые структуры предшествующего поколения. При этом списки отсылок связей отождествляемых ИО объединяются, что дает возможность восстанавливать многозвенную конфигурацию связей в СИС.

Пополнение СИС (LIS)

Если при вводе очередного события и выполнения процедуры идентификации в отношении

одного или нескольких ИО было принято решение «один и тот же» (или совпала локализация нового и ранее введенного события) и при этом отождествляемые объекты локализованы в одной из ранее сформированной СИС, новая СИС не образуется, вводимому событию и всем новым ИО присваивается идентификатор данной пополняемой структуры, а списки отсылок связей отождествляемых ИО объединяются.

Разбиение СИС (LIS)

Данная процедура выполняется, как правило, при удалении из БД тех или иных ИО. Такое удаление осуществляется по различным причинам, в том числе, недостоверности ранее введенной информации

Удаление СИС (LIS).

Связная информационная структура (LIS) – это одно или совокупность событий, а также других информационных объектов, включенных

в нее согласно цепочкам отсылочных связей.

В терминах теории множеств LIS определяется следующим образом:

X – множество событий, представленных в БД;

Y – множество других информационных объектов, за исключением LIS;

$Q(x)$ – подмножество IO, соответствующих событию x (через отсылки).

1. Между событиями x_i и x_j имеет место бинарное отношение $\rho : x_i \rho x_j$, если :

$Q(x_i) \cap Q(x_j) \neq \emptyset$.

2. Между событиями x_i и x_j имеет место отношение транзитивного замыкания

$\rho_t : x_i \rho_t x_j$, если : а) либо $x_i \rho x_j$; б) либо \exists цепочка событий такая, что :

$x_i \rho x_{i+1} \rho x_{i+2} \dots x_{j-1} \rho x_j$.

Тогда LIS – подмножество событий (и других, связанных с ними информационных объектов), между которыми имеет место отношение транзитивного замыкания.

Описание LIS включает вышеуказанный набор типовых реквизитов. При этом реквизит связи (Ts) представляет список отсылок на соответствующие события, которые включаются в процессе ввода информации по нижеизложенным правилам.

Ситуация – связная совокупность событий и других информационных объектов, вводимая в базу данных или отобранная из одной LIS по какому-либо правилу для дальнейшего анализа.

Связная конфигурация событий (LKS) – упорядоченная (например, по времени) совокупность событий, отобранных из одной LIS.

В общем случае структура ситуации, LKS и события допускает рекурсию. Например, объектом события может быть другое событие или ситуация, или LKS.

Метаязык (ML)

Метаязык LISE (ML) предназначен для связной структуризации информации, поступающей на вход информационной системы, и преобразования ее во внутреннюю структуру соответствующей СУБД.

ML обеспечивает удобный для пользователя интерфейс с системой, позволяющий описывать, искать и загружать в базы данных ситуации, представленные на языке, близком к естественному.

Язык ML включает термины, номинирующие информационные объекты, типовой набор

реквизитов описания информационных объектов, иерархию логически связанных цепочек указателей (суффиксов) реквизитов, которые в совокупности однозначно определяют полную конструкцию элементов описания типовых ситуаций (вводимых и поисковых).

Критерии связи

1. Отождествление субъекта или объекта события
2. Совпадение с определенной точностью локализации события (место и время)
3. Связь лиц через адрес места жительства.
4. Связь лиц через телефон.
5. Связь через место работы
6. Связь через транспорт и т.д.

Процедуры ввода информации

Основными источниками информации являются специалист, внешние базы данных, Интернет и др.

Основными режимами ввода информации являются:

- ручной с помощью клавиатуры;
- полуавтоматизированный с бумажных носителей через сканнер;
- автоматизированный: загрузка фрагментов внешних баз данных.

На этапе проектирования информационной системы термины и логические конструкции языка ML используются для описания выявленного набора типовых ситуаций, которые включаются в расширяемую библиотеку, и автоматически транслируются в стандартные таблицы СУБД, описывающие те или иные информационные объекты. На этапе ввода или поиска

информации пользователь задает мнемонический код интересующей типовой ситуации. При ручном режиме ввода система автоматически формирует необходимую и достаточную совокупность взаимосвязанных таблиц, поля которых предлагается заполнить пользователю в диалоговом режиме. При автоматизированном режиме ввода информации из внешних баз данных соответствующие входные файлы автоматически размечаются и затем загружаются в соответствии со структурой заданной типовой ситуации.

В процессе ввода информации (в том числе в режиме исполнения запросов) осуществляется автоматическое сопоставление и идентификация информационных объектов. По результатам принимаются следующие три решения:

- «один и тот же»;
- «новый объект»;
- «похожий»: решение «один и тот же» или «новый» принимается вручную с учетом дополнительной информации.

В результате идентификации и связывании IO в базах данных системы формируются следующие два прямых и инверсных списка первичных связей E – IO: IO – E (рис.3).

Как было показано выше в результате идентификации тождественных информационных объектов и установления ассоциативных связей при вводе описания очередного события с помощью прямых и инверсных списков в рекурсивной СУБД автоматически выполняются процедуры

образования, пополнения, слияния и разбиения СИС.

В рекурсивных СУБД реализуется следующий минимальный набор процедур поиска, аналитической обработки и визуализация СИС:

- Локализация СИС.
- Определение связности объектов СИС.
- Выделение цепочек связи.
- Построение дерева связей.
- Выделение фрагментов связей заданной структуры.
- Выделение наименьшего доминирующего множества.
- Таксономия и кластерный анализ.
- Визуализация СИС по технологии «телефоскоп» / «микроскоп».
- Географическая привязка и визуализация событий (с помощью географических систем).
- Формирование временных рядов и марковских цепей событий.
- Прогнозирование развития связных конфигураций событий.
- Реализация изложенного метода конструирования рекурсивных СУБД позволит создавать эффективные интеллектуальные прогностические информационные системы в различных сферах деятельности таких, как расследование сложных преступлений, выработка стратегий на финансовых рынках и др.

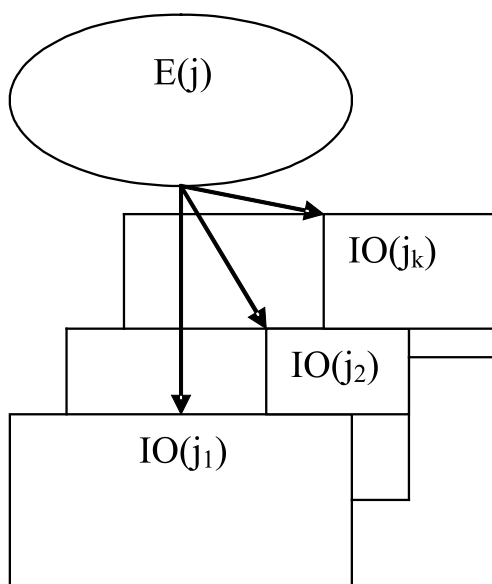

Рис. 3

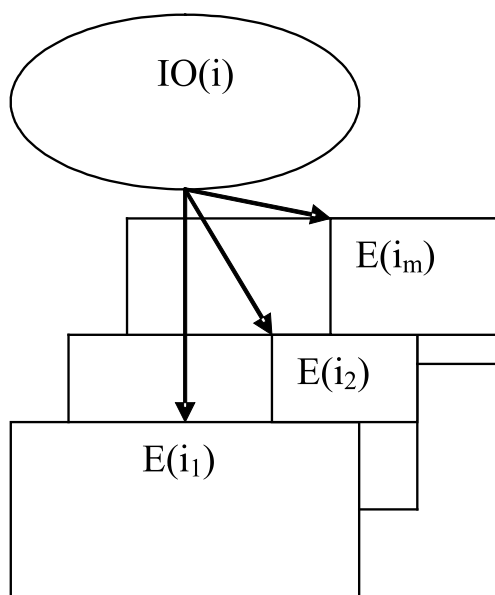

Рис.4. Прямые и инверсные списки связей событий

Список литературы

1. Поручение Президента России от 5 декабря 2016 года № Пр-2346. П.2
2. Богатырёв Д.К., Сальников В.П. Ценности, мышление, культура в пространстве духовной жизни // Мир политики и социологии. – 2019. – № 9. – С. 186-194.
3. Брылева Е.А., Захарцев С.И., Сальников В.П. Благотворительность как свойство российской суверенной государственно-правовой идеологии // Теория государства и права. – 2021. – № 4(25). – С. 23-32. DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.002
4. Добрынин А.П., Черных К.Ю., Куприяновский В.П. Цифровая экономика – различные пути к эффективному применению технологий // International Journal of Open Information Technologies ISSN: 2307-8162 vol. 4, no. 1, 2016.
5. Захарцев С.И., Сальников В.П. Размышления об основах русской суверенной философско-правовой идеологии // Юридическая наука: история и современность. – 2020. – № 2. – С. 183-194.
6. Зорина Н.В., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Прокофьев К.Г., Сальников М.В. Идея свободы в суверенной идеологии права: аксиологический и нравственно-правовой аспекты // Мир политики и социологии. – 2018. – № 11. – С. 188-193.
7. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Философия Ф.М. Достоевского как источник суверенной российской философии права // Права человека в диалоге государственной власти и гражданского общества: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Дню прав человека (г. Уфа, 10 декабря 2020 г.). В 2-х частях. Ч. 1 / Отв. ред. Е.О. Тулупова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. – Уфа, 2020. – С. 83-92. – в сб. 243 с.
8. Керимов А.Д., Масленников Д.В. Научная работа петербургских правоведов в перспективе суверенной философии права // Мониторинг правоприменения. – 2019. – № 4. – С. 14-18. DOI: 10.21681/2226-0692-2019-4-14-18.
9. Керимов А.Д., Сальников В.П., Хабибулин А.Г. Гегелевская философия как теоретическая предпосылка суверенной философии права // Творческое наследие Гегеля: философия, теология, право, экономика: Сборник материалов Межрегиональной конференции с международным участием, посвященной 250-летию со дня рождения Г.В.Ф. Гегеля (Санкт-Петербург, 19–21 ноября) / Отв. редактор Д. В. Масленников. – СПб: РХГА, 2020. – С. 284-290. – в сб. 306 с.
10. Людвин А. Доклад о цифровых активах «блокчейн». Конференция в ФРС США «Финансы в потоке: технологическая трансформация финансового сектора». Июнь 2016 // <https://bitnovosti.com/2016/07/12/tsifrovye-dengi-v-srede-blockchain/>
11. Морозов А.И., Прокофьев К.Г., Сергеева А.Ю. Институт семьи как нравственно-правовая ценность (к вопросу о суверенной правовой идеологии как основании семейного права Российской Федерации) // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 12. – С. 107-114.
12. Программа EU-U.S. Privacy Shield Framework // [privacyshield.gov.](https://privacyshield.gov/), 2016.
13. Прохоров А. Заключение о научной и практической значимости метода связанных информационных структур. – М.: Фонд поддержки ученых «Научная перспектива», 2001.
14. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И. Философия Гегеля как теоретическая предпосылка суверенной философии права России. Краткий обзор докладов, статей и выступлений на Межрегиональной конференции с международным участием «Творческое наследие Гегеля: философия, теология, право, экономика», посвященной 250-летию со дня рождения Г.В.Ф. Гегеля // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 1. – С. 182-194.
15. Сальников В.П., Масленников Д.В., Морозов А.И. Человек в системе нравственно-правовых ценностей и задача формирования суверенной философии права // Права человека в диалоге государственной власти и гражданского общества: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Дню прав человека (г. Уфа, 10 декабря 2020 г.). В 2-х частях. Ч. 1 / Отв. ред. Е.О. Тулупова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. – С. 176-187. – в сб. 243 с.
16. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Морозов А.И. Ценностное основание суверенитета (к вопросу о суверенной государственно-правовой идеологии) // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 11. – С. 149-162.
17. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Сальников М.В. Развитие идеи абсолютной свободы в классической русской философии как источник суверенной философии права // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 12. – С. 185-193.
18. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Прокофьев К.Г., Морозов А.И. Принцип суверенности государственно-правовой идеологии и философии права // Мир политики и социологии. – 2019. – № 9. – С. 170-178.

19. Сомик К.В. Связные информационные структуры – метод интеграции экономики будущего. – М.: Русский биографический институт, 2001. – 140 с.
20. Сомик К.В. Связные информационные структуры.- М.: Финансы и статистика, 1997. – 107, XVIII с.: ил.
21. Сомик К.В. Связные структуры экономических событий.- М.: Финансы и статистика, 2005. – 174,[1] с.: ил., табл.
22. Фролова Е.А. Проблемы теории и философии права: Монография. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 304 с.
23. Хабибулин А.Г., Сомик К.В. О создании цифровой интеграционной платформы экономики ЕАЭС // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 2. – С. 123-127.
24. Davidson A. Director of Digital Economy. Commerce Department USA. Digital Economy Agenda. Commerce Department USA. May 2016.
25. United States President's Council of Advisors on Science and Technology (June 2011). Report to the President on Ensuring American Leadership in Advanced Manufacturing (PDF). Executive Office of the President of the United States. p. iv. Archived (PDF) from the original on June 16, 2013.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС. КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ЗАХАРЦЕВ Сергей Иванович,
профессор Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации, доктор юридических наук, академик РАЕН (г. Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: zakhartsev2306@mail.ru

СЕМЁНОВА Ирина Владимировна,
врид начальника кафедры Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации, кандидат юридических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: 9053202867@mail.ru

Специальность 5.1.4 – Уголовно-правовые науки

ОТДЕЛЬНЫЕ КЛАССИФИКАЦИОННЫЕ ПРИЗНАКИ ЛИЧНОСТИ ПОТЕРПЕВШЕГО

***Аннотация.** Предлагаются научно обоснованные подходы к классификации личности потерпевшего. Потерпевший от преступления, представляет собой специфический объект криминалистического изучения. Предварительное изучение личности допрашиваемого, его сильных и слабых сторон является обцим для большинства криминалистических рекомендаций по поводу тактики производства допроса. Изучение личности потерпевшего, не имея прямого законодательного закрепления, фактически приобретает значение факультативного направления деятельности, реализуемого следователем по своему усмотрению. Эффективное проведение допроса зависит также от предварительной оценки позиции, которую занимает потерпевший. Для достижения стоящих перед следователем задач необходимо изучить и проанализировать основные характеристики личности потерпевшего, особенности его психических качеств, позиции, занимаемой им на следствии. На основании представленных научно обоснованных подходов различных специалистов и личного мнения, авторы приходят к выводу, что роль классификации личности потерпевшего в научном исследовании, несомненно важна, поскольку способствует более глубокому их исследованию и характеристике, позволяет более ясно выразить способность выполнять задачу по предупреждению, раскрытию преступлений и расширить границы познания в данной сфере. В связи с этим предложены основные критерии классификаций личности.*

***Ключевые слова:** классификация; признаки; личность потерпевшего; особенности и пределы восприятия; криминалистическая классификация потерпевших от преступления.*

**ZAKHARTSEV S.I.
SEMENOVA I.V.**

SEPARATE CLASSIFICATION SIGNS OF THE IDENTITY OF THE VICTIM

The summary. Evidence-based approaches to the classification of the victim's personality are proposed. The victim of a crime is a specific object of forensic study. A preliminary study of the identity of the interrogated person, his strengths and weaknesses is common to most forensic recommendations regarding the tactics of interrogation. The study of the identity of the victim, not having direct legislative consolidation, actually acquires the value of an optional line of activity, implemented by the investigator at his own discretion. The effective conduct of interrogation also depends on a preliminary assessment of the position taken by the victim. To achieve the tasks facing the investigator, it is necessary to study and analyze the main characteristics of the victim's personality, the features of his mental qualities, and the position he takes during the investigation. Based on the presented scientifically based approaches of various specialists and personal opinion, the authors come to the conclusion that the role of classifying the identity of the victim in a scientific study is undoubtedly important, since it contributes to their deeper study and characterization, allows you to more clearly express the ability to perform the task of preventing, solving crimes and expand the boundaries of knowledge in this area. In this regard, the main criteria for personality classifications are proposed.

Key words: classification; signs; the identity of the victim; features and limits of perception; forensic classification of victims of a crime.

Защита от преступных посягательств жизни и здоровья, личной свободы, чести и достоинства, жилища и имущества, иных прав и законных интересов человека и гражданина, а также законных интересов и деловой репутации юридических лиц всех форм собственности определяет смысл и содержание современного российского судопроизводства. Обеспечение защиты указанных социальных ценностей происходит за счёт деятельности уполномоченных субъектов в ходе доказывания по уголовным делам.

Закон (ст. 85 УПК) определяет доказывание через выделение его структурных элементов (составных частей) как процесс собирания, проверки и оценки доказательств в целях установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания. Многими авторами справедливо отмечено, что установление обстоятельств, входящих в предмет доказывания как цель процесса доказывания, равнозначно установлению объективной истины по делу [21, стр. 65; 31, стр. 107; 37, стр. 295; 39, стр. 54; 43, стр. 199]. В то же время установление объективной истины – актуальная современная проблема в области уголовного судопроизводства, в том числе в философско-правовых исследованиях [13; 14; 15; 16; 17; 18].

Использование различных платформ, электронных средств для покупки товаров все

большее количество людей начинает использовать. Возрастает интерес к киберпространству у преступного сообщества, увеличивается количество взломов целых платформ и личных аккаунтов, а также утечек данных со стороны крупных IT-компаний, операторов связи. Последнее время все чаще и чаще жертвами преступлений становятся в такой сфере. Зачастую лица, пренебрегавшие цифровой гигиеной, становились жертвами [9; 10; 11; 19; 20; 42; 45; 46]. При проведении следственных мероприятий следует уделить внимание изучению личности потерпевшего.

Говоря о киберпреступлениях в целом, следует согласиться с мнением А.И. Бастрыкина, который говорил, что «тактика и методика расследования преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий, позволили выработать методологические подходы к организации предварительного расследования по уголовным делам, где с целью совершения преступлений злоумышленники используют современные технологии коммуникаций» [2, С 90].

Требование предварительного изучения личности допрашиваемого, его сильных и слабых сторон является общим для большинства криминалистических рекомендаций по поводу тактики производства допроса [32, стр. 94; 22, стр. 28].

Не является исключением в этом отношении и потерпевший от преступления, представляющий собой специфический объект криминалистического изучения.

В ходе расследования следователь в первую очередь прилагает усилия к выявлению и установлению обстоятельств, входящих в предмет доказывания, определяемых в статье 73 Уголовного процессуального кодекса Российской Федерации. Поэтому значительное внимание он уделяет изучению обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого, что прямо предусмотрено п. 3 ч. 1 ст. 73 УПК. Изучение личности потерпевшего, не имея прямого законодательного закрепления, фактически приобретает значение факультативного направления деятельности, реализуемого следователем по своему усмотрению. Но эффективное проведение допроса предполагает, что основным характеристикам личности потерпевшего, особенностям его психических качеств, позиции на следствии предварительно даётся верная оценка. Как точно замечают В.А. Образцов, С.А. Насонов и Т.Ю. Рзаев, до начала основной части допроса следователь должен чётко понимать, «с кем, в сущности, он имеет дело» [28, стр. 233]. Р.С. Белкин отмечал, что при допросе необходимо установить психологический контакт с допрашиваемым для того, чтобы он проникся уважением к следователю, понимал его задачи и обязанности, исключил для себя всякие личные мотивы в действиях должностного лица и осознал важность своих показаний для установления истины [24].

Помощь следователю в ориентации по поводу особенностей личности допрашиваемого могут дать данные типологии личности потерпевшего, поскольку как научный подход к изучению явлений типология, помимо прочего, призвана решать задачу обеспечения «наиболее эффективного поиска информации во всём многообразии форм её проявлений» [30, стр. 247]. Поскольку личность потерпевшего – проблема междисциплинарная, в структуризации типологии лиц, пострадавших от преступления, можно использовать различные типобразующие признаки: социально-демографические (пол, возраст, образование и т.д.), психологические (ведущие свойства характера, психические аномалии, уровень социальной адаптации и т.д.), поведенческие и прочие. В конечном итоге, выбор тех или иных оснований для выделения типологических групп

зависит, как точно заметил Г.М. Миньковский, от того, что, для чего и как должно изучаться [27, стр. 28].

Классификация потерпевших на группы призвана создавать для следователя возможность заранее определять свою линию взаимоотношений с ними при допросе и намечать тактические способы преодоления неблагоприятного поведения с их стороны. Искажения в показаниях возможны и у вполне добросовестных лиц в силу действия разнообразных психических закономерностей, определяющих содержание будущих показаний начиная с момента восприятия того или иного события. В этом случае следователь должен «проникнуть» в сферу внутренних переживаний потерпевшего, в борьбу его мотивов и сформировать правильную позицию, обеспечивающую получение правдивых и полных показаний.

Процесс формирования показаний по традиции условно делят на три этапа: восприятие, воспоминание и воспроизведение [31, стр. 56–57; 23, стр. 598]. Такое деление важно и в научном, и в практическом смысле. В научном плане оно необходимо для уяснения тех явлений, которые наблюдаются на каждом этапе, в практическом – позволяет понять пределы, в которых находятся возможности лица, производящего расследование, по получению полных и достоверных показаний. Криминалистикой наработан обширный арсенал средств и приёмов достижения целей допроса. Однако очевидно, что с учётом периодизации формирования показаний применяться они могут лишь на заключительных этапах, т.е. в ходе психических процессов воспоминания и воспроизведения сведений. При расследовании этап восприятия обстоятельств, образующих предмет допроса, находится в прошлом, т.е. вне пределов влияния и контроля со стороны следователя. С одной стороны, полнота показаний зависит от объёма воспринятого, с другой, – у следователя нет возможности расширить пределы того, что было реально воспринято. А.Б. Соловьёв в этой связи верно отмечает, что если какие-то обстоятельства потерпевшим не были восприняты или их восприятие было фрагментарным, то указанные пробелы являются невосполнимыми, поскольку невозможно давать правдивые показания о том, что не было воспринято [37, стр. 35]. Более подробную классификацию предложил А.В. Дулов, выделяя следующие стадии

формирования показаний:

- 1) ощущение;
- 2) восприятие;
- 3) использование воспринятого в своих последующих действиях и опыте;
- 4) оценка воспринятого с точки зрения собственной морали и правосознания;
- 5) запоминание;
- 6) определение допрашиваемым плана поведения на предстоящем допросе;
- 7) установление контакта с допрашиваемым;
- 8) получение мыслительной задачи;
- 9) вспоминание;
- 10) проведение вспоминания под воздействием следователя;
- 11) изменение ранее принятых волевых решений под воздействием следователя;
- 12) воспроизведение [32, стр. 192-203].

Выделение большего числа стадий по сравнению с тремя традиционными вызвано двумя основными причинами:

- 1) детализацией традиционных стадий,
- 2) включением во временные пределы процесса формирования показаний не только времени от восприятия до окончания первичного допроса, но всего времени расследования.

Таким образом, традиционный подход к определению процесса формирования показаний в своей основе остаётся верным, актуальным, хотя и несколько схематичным.

Аналізу должны быть подвергнуты особенности и пределы восприятия потерпевшим интересующих следствие обстоятельств криминального события. Конечно, точно эти обстоятельства могут быть установлены лишь с накоплением значительной информации по делу. Однако из тактических соображений хотя бы общие представления о них желательно иметь уже перед первым допросом потерпевшего, с тем, чтобы более целенаправленно двигаться к установлению обстоятельств, входящих в предмет допроса. Как точно по этому поводу выразился Г.А. Зорин, следует построить «вероятностную модель отражения преступления в сознании потерпевшего...», выделить возможные искажения воспринятой информации о преступлении» [21, стр. 299].

В общем виде восприятие можно представить как психический процесс отражения предметов и явлений во всей совокупности их свойств и признаков при непосредственном воздействии этих

объектов на органы чувств [35, стр. 97]. В ходе восприятия при активном участии мышления в сознании человека возникает целостный образ различных предметов и явлений. Знание закономерностей процессов восприятия помогает лучше понимать истоки ошибок следователя и на этой основе принимать меры к повышению эффективности правоохранительной деятельности.

Не вдаваясь глубоко в рассмотрение существенных аспектов восприятия, отметим, что специфика восприятия во многом зависит от свойств самого субъекта. Воспринимают не глаз и ухо, а конкретный живой человек. Поэтому в восприятии всегда сказываются особенности личности человека [25, стр. 209]. Поскольку многие свойства личности носят повторяющийся, типичный характер, в практической деятельности использование знаний о типологических группах потерпевших, может быть использовано в ходе подготовки к допросу для формирования достаточно определённых представлений об особенностях восприятия данным лицом значимой информации.

В юридической литературе не раз предпринимались попытки классифицировать личность потерпевших. Наиболее часто в основу разрабатываемых классификаций вошли особенности поведения потерпевших при совершении преступления и в ходе расследования.

Л.В. Франк среди потерпевших выделял две группы: способствующих и не способствующих совершению преступных посягательств [40, стр. 92].

Схожим образом, но более дифференцированно, рассматривал данную проблему Д.В. Ривман. Оценивая поведение потерпевших в момент посягательства либо непосредственно перед ним, он выделяет следующие классификационные группы:

- а) агрессивные потерпевшие, поведение которых в период посягательства было связано с намеренным созданием конфликтной ситуации, что, в свою очередь, послужило толчком к совершению преступных деяний;
- б) активные потерпевшие, которые, не создавая конфликтную ситуацию, активно способствовали совершению преступления; к такой группе потерпевших отнесены лица, обращавшиеся с просьбой о причинении им вреда либо сами себе причинившие вред;

- в) в группу инициативных потерпевших входят лица, поведение которых имело положительный характер, но привело к причинению им вреда;
- г) пассивные потерпевшие, которые в силу различных причин (физическая слабость, трусость, беспомощное состояние) не оказывали сопротивления преступнику;
- д) некритичные потерпевшие, продемонстрировавшие неосмотрительность, неумение оценить складывавшуюся обстановку; к ним были отнесены лица с низким интеллектуальным уровнем развития, несовершеннолетние и пожилые люди, психически больные;
- е) нейтральные потерпевшие – лица, поведение которых было безупречно во всех отношениях.

При этом отмечает, что необходимо дифференцировать потерпевших на основе учёта их демографических признаков: пола, возраста, национальности, профессии, специальности, семейного положения [34, стр. 80-84].

Схожий подход к типологии потерпевших встречается в работах В.В. Романова, рассматривающего в качестве оснований классификации потерпевших, выделяет характеризующие их социальные, психологические и биофизические признаки. В зависимости от характера взаимоотношений пострадавшего с преступником (по социальным контактам) жертвы преступления подразделяются на случайные, заранее неопределённые и predetermined. Случайными В.В. Романов называет жертвы, ставшие ими независимо от воли и желания преступника и потерпевшего, относя к ним, главным образом, потерпевших от преступлений по неосторожности. Лица, которым наносится вред в результате преступных действий, совершаемых исключительно по инициативе правонарушителя при инертной роли жертвы, считаются заранее неопределёнными. В свою очередь, predetermined жертвами считаются потерпевшие, в отношении которых преступление готовилось задолго до преступного акта [36, стр. 9-14].

Важность оценки социальных контактов, существовавших до совершения преступления между преступником и потерпевшим, отмечают и другие авторы. Учёт данного фактора положен в основу криминалистической классификации потерпевших от преступления, разработанной

Е.Е. Центровым [41, стр. 58].

По роли потерпевшего в возникновении преступного деяния жертвы преступления дифференцируются на нейтральные, соучаствующие и провоцирующие. Характеристика нейтральных потерпевших, предложенная В.В. Романовым, совпадает с характеристикой аналогичной группы, данной Д.В. Ривманом. Соучаствующей является жертва, принимающая участие в преступном деянии, хотя и претерпевающая при этом один из видов ущерба. При активной роли потерпевший сознательно принимает участие в противоправных действиях, во втором случае – допускает их совершение в силу ряда причин: заблуждения, страха, безволия и других. Если же жертва своим отрицательным поведением создаёт благоприятную обстановку для совершения преступления или же сознательно толкает преступника на совершение преступления, то потерпевший считается провоцирующим. Провоцирующие действия также могут проявляться в активной форме, в тех случаях, когда он прямо и непосредственно вызывает на себя противоправные действия, либо в пассивной форме, выражающейся в небрежных, самонадеянных или халатных действиях, создающих благоприятные условия для совершения преступления.

По психическим признакам, согласно классификации, предложенной В.В. Романовым, потенциальные жертвы можно подразделить на: лиц с явными нравственно-чувственными особенностями (жадность, агрессивность, легкомысленность и другими), а также лиц с выраженными отклонениями в психике (садисты, дебилы, наркоманы, алкоголики и т.п.). Основаниями классификации по биофизическим характеристикам потерпевших являются пол, возраст, физическое состояние в допреступной ситуации и при совершении преступления [35, стр. 9-14].

Оценивая приведённые выше классификации потерпевших, следует признать, что они более приемлемы для виктимологических исследований с целью изучения причин совершения преступлений и их профилактики. Но и высказанное в научной литературе мнение о том, что для нужд криминалистики они практически не пригодны [6, стр. 33], выглядит слишком категорично. Их использование может оказаться полезным при решении ряда криминалистических задач, в частности, связанных с получением показаний при допросе, так как рассмотренные

классификационные построения содержат достаточно важные данные, отражающие типичное поведение, роль жертвы преступления в криминальном событии.

Во-первых, определение роли потерпевшего в криминальном событии само по себе представляет важную задачу расследования. Личность и поведение потерпевшего могут оказывать существенное влияние на причины и условия совершения преступления и тем самым на общественную опасность преступного деяния и личности преступника, на степень его вины. Поэтому, планируя предстоящий допрос потерпевшего, следователь в любом случае должен предусмотреть выяснение вопросов, связанных с определением роли потерпевшего в произошедшем событии. Как верно отметил П.С. Дагель, в некоторых случаях роль потерпевшего в создании криминогенной ситуации и в реализации преступного деяния настолько велика, что он выступает в качестве своеобразного «соучастника» преступления [32, стр. 33].

Во-вторых, анализ поведения потерпевшего во время посягательства, позволяет спрогнозировать особенности его поведения и при производстве допроса. Например, выявление в действиях потерпевшего агрессии, особенно с неочевидной мотивацией, даёт серьёзный повод полагать, что и на следствии агрессивные проявления будут частью поведения данного лица, в том числе и по отношению к следователю. В основе агрессии могут лежать как биологические факторы, например, отражающие уровень половых гормонов, особенности функционирования нервной системы, так и социальные. При этом агрессия трудно поддаётся саморегуляции либо внешней регуляции и является достаточно устойчивым свойством личности [29, стр. 217–221]. Поэтому, со стороны таких потерпевших порождающая конфликты агрессивность может проявиться и в ходе допроса. Следователь должен учитывать данное свойство личности и по возможности предупреждать «разжигание» конфликта. Кроме того, агрессивность потерпевшего может проявиться и в содержании даваемых им показаний, что также требует соответствующей оценки. Стремление к подавлению оппонента, которое на следствии носит обычно заочный характер, может проявиться в ложных показаниях, оговоре, неверном описании обстоятельств преступления.

Подобный анализ может быть проведён и в

отношении иных указанных выше категорий потерпевших. Так, пассивные потерпевшие, в силу присущего им конформизма, склонны занимать на следствии выжидательную позицию. При допросе они предпочитают описывать обстоятельства произошедшего «в общих чертах», ссылаться на плохую память и т.п. При оказании на них давления со стороны могут изменить показания. При взаимодействии с данной категорией потерпевших следователю особенно важно продемонстрировать свой профессионализм, надёжность, способность в случае необходимости обеспечить защиту потерпевшего. Этому могут способствовать открытая демонстрация следователем своих намерений, проявление тёплого и доброжелательного отношения, демонстрация своей компетентности в обсуждаемом вопросе, умение убедительно излагать свои доводы.

Некритичные потерпевшие в силу присущих им особенностей психики и как следствие особенностей восприятия окружающей действительности склонны к заблуждениям и фантазированию, могут давать неточные либо несоответствующие действительности показания. В этом смысле показания некритичных потерпевших близки к показаниям активных потерпевших, также нередко сообщающих недостоверные сведения. Причём особенностью показаний последних нередко является стремление к самоуничтожению, а иногда и самооговору.

По качеству исходной позиции наиболее благоприятна ситуация когда анализ поведения потерпевшего позволяет отнести его к типу инициативных либо нейтральных, поскольку выступающие в их качестве лица часто занимают на следствии положительно активную позицию.

Прогноз поведения потерпевшего на следствии, который основан на анализе его активности в момент посягательства, носит приблизительный, ориентирующий характер. Поведение в момент посягательства – это своеобразное преломление свойств и качеств личности, зафиксированное в пределах быстротечного криминального события, что и позволяет сделать определённый прогноз будущего поведения. Вместе с тем, на специфику активности потерпевшего в момент преступления влияют не только особенности его личности, но и различные, иногда ситуативно возникающие факторы, оценить которые не всегда возможно.

Обладают безусловной криминалистической

ценностью и данные, отражающие специфику социальных контактов, существовавших до совершения преступления между преступником и потерпевшим. Их полезно учитывать при анализе показаний. Исследование, проведенное А.И. Жилиевым, свидетельствует, что наличие родственных или дружеских отношений между потерпевшим и преступником являются одной из главных причин лжесвидетельства потерпевшего [12, стр. 20-21]. Поэтому, при допросе потерпевшего, находившегося с преступником в дружеских, близких или семейных отношениях, особенно важно акцентировать внимание допрашиваемого на положениях ст. 307, 308 УК, ст. 51 Конституции РФ и обязательно разъяснить понятие «близкие родственники».

Большой интерес вызывает также позиция потерпевшего, которую он занимает при расследовании, в связи с чем предлагается несколько перекликающаяся друг с другом классификационных подходов типологии потерпевших [4, стр. 23; 5, стр. 39; 25, стр. 14]:

- 1) добросовестные активные (заинтересованы в расследовании уголовного дела, активно содействуют раскрытию преступления в течение всего процесса расследования);
- 2) добросовестные неактивные (занимают нейтральную позицию, мотивы которой различны вплоть до равнодушно-бездумного принятия действительности,

нередко содействуют органам следствия для достижения своих определенных целей (возмещение ущерба, возврат похищенного имущества и т.д.);

- 3) неустойчивые (частично или полностью изменяют свою позицию в процессе расследования под влиянием субъективных и объективных факторов);
- 4) недобросовестные (препятствуют расследованию, заинтересованы в нераскрытии преступления и неустановлении виновных лиц).

Предлагается классификация по социальным категориям: профессии, рода занятий, наличия заболевания, а также по другим признакам [37, стр. 189]. Выделяется видовая групповая victimность, свойственная потерпевшим, обосновывая это тем, что субъекты, «обладающие различными свойствами или качествами, как правило, становятся жертвами разных видов преступлений, а люди со сходными личностными, социальными, демографическими и иными показателями нередко несут ущерб от одинаковых по объекту посягательства преступлений» [1, стр. 116].

Анализ отмеченных типологий свидетельствует, что вопрос разработки уголовно-процессуального еще не разрешен до конца. Квалифицированная защита прав потерпевшего напрямую зависит от данных, которые будут исследованы о нем в ходе расследования.

Список литературы

1. Абрамова П.В. Роль криминалистического исследования личностей преступника и потерпевшего при расследовании воспрепятствования правосудию // *Философия права*. – 2021. – № 1(96). – С. 113-120.
2. Бастрыкин А.И. Выявление и расследование преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий // *Вестник Российской правовой академии*. – 2022. – № 4. – С. 88-94. – DOI 10.33874/2072-9936-2022-0-4-88-94.
3. Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. – М.: Норма, 2005. – 528 с.
4. Быков В.М. Проблемы расследования групповых преступлений: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – М., 1992. – 29 с.
5. Васильев В.Л. Юридическая психология: Учебник для вузов. 5-е изд., доп. и перераб. – СПб.: Питер, 2004. – 655 с.
6. Веснина С.Н. Криминалистическая характеристика различных типов потерпевших и особенности тактики их допроса: Дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2002. – 201 с.
7. Глазырин Ф.В. Изучение личности обвиняемого и тактика следственных действий: Учебное пособие. – Свердловск: Свердловский юридический ин-т, 1973. – 156 с.
8. Дулов А.В. Судебная психология: Учебное пособие для юридических ин-тов и факультетов. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск: Вышэйшая школа, 1975. – 462 с.
9. Жданов Ю.Н., Овчинский В.С.. Киберполиция XXI века. Международный опыт. – М.: Международные

- отношения, 2020. – 288 с.
10. Жданов Ю.Н., Кузнецов С.К., Овчинский В.С. COVID-19: преступность, киберпреступность, общество, полиция / Вступ. статья А.Л. Кудрина. – М.: Международные отношения, 2020. – 448 с.
 11. Жданов Ю.Н., Кузнецов С.К., Овчинский В.С. Кибермафия. Мировые тенденции и международное противодействие: Монография / Вступ. ст. О.В. Храмова. – М.: Норма, 2022. – 184 с. DOI 10.12737/1864981.
 12. Жилиев А.И. Криминологическая характеристика и предупреждение заведомо ложных показаний свидетелей и потерпевших: Автореф. дис.... канд. юрид. наук. – Н.Новгород, 2002. – 30 с.
 13. Захарцев С.И. Право и истина // Мир политики и социологии. – 2012. – № 9. – С. 146-152.
 14. Захарцев С.И., Сальников В.П. Истина как проблема философии: классика или постмодернизм // Российский журнал правовых исследований. – 2016. – № 2(7). – С. 96-100.
 15. Захарцев С.И., Сальников В.П. К проблеме истинности научного познания и бытия // Стратегические приоритеты. – 2020. – № 3-4 (27-28). – С. 110-119.
 16. Захарцев С.И., Сальников В.П. Классики отечественной юридической науки. Объективная истина: нужна ли она в уголовном процессе? К юбилею члена-корреспондента Академии наук СССР М.С. Строговича // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 2. – С. 76-82.
 17. Захарцев С.И., Сальников В.П. Продолжая дискуссию об истине // Мир политики и социологии. – 2016. – № 1. – С. 35-43.
 18. Захарцев С.И., Сальников В.П., Сальников М.В. Проблема истины в праве и юридических науках // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 3. – С. 191-196.
 19. Захарцев С.И., Сальников В.П., Хабибулин А.Г. COVID-19 и борьба с ним. Издана книга об актуальных проблемах жизнедеятельности общества в период пандемии, борьбе с преступностью и работе полиции // Государство и право. – 2021. – № 10. – С. 254-259. DOI: 10.31857/S102694520017278-6.
 20. Захарцев С.И., Сальников В.П., Хабибулин А.Г. Важно и срочно. Вышла книга о преступности в период пандемии и мировом сообществе. Рецензия на монографию Ю.Н. Жданова, С.К. Кузнецова и В.С. Овчинского «COVID-19: преступность, кибербезопасность, общество, полиция / Ю.Н. Жданов, С.К. Кузнецов, В.С. Овчинский; вступ. статья А.Л. Кудрина. – М.: Международные отношения, 2020. – 448 с.» // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 6. – С. 182-190.
 21. Зорин Г.А. Руководство по тактике допроса: Учебно-практическое пособие. – М.: Юрлитинформ, 2001. – 320 с.
 22. Кокорев Л.Д., Котов Д.П. Этика уголовного процесса: Учебное пособие. – Воронеж: Воронежский государственный ун-т, 1993. – 224 с.
 23. Криминалистика: Учебник для вузов / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е. Р. Россинская; под ред. Р.С. Белкина. – М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1999. – 990 с.
 24. Криминалистика: Учебник для вузов / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е. Р. Россинская; под ред. Р.С. Белкина. – М.: НОРМА, 2001. – 990 с.
 25. Лакаева О.А. Особенности допроса потерпевших от преступлений, совершаемых организованными группами: Автореф. дис.... канд. юрид. наук. – Саратов, 2002. – 25 с.
 26. Маклаков А.Г. Общая психология. – СПб.: Питер, 2002. – 582 с.
 27. Миньковский Г.М. О некоторых общих положениях криминологического изучения личности // Теоретические проблемы учения о личности преступника. – М.: Всесоюзный ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1979. – С. 24-33. – в кн. 184 с.
 28. Образцов В.А., Насонов С.А., Рзаев Т.Ю. Криминалистическое наблюдение как метод собирания ориентирующей информации по уголовным делам // Труды МГЮА. – 1997. – Вып. 2. – С. 227–243.
 29. Орешкина Т.Ю. Агрессия и насилие (обзор) // Актуальные проблемы буржуазной криминологии: Сборник обзоров. Вып. 3 / Редкол.: Ананиан Л.Л., Разумович Н.Н., Шупилов В.П. (Отв. ред.) – М.: ИНИОН АН СССР, 1983. – С. 217–243.
 30. Поврезнюк Г.И. Криминалистические признаки личности и их классификация // «Чёрные дыры» в российском законодательстве. – 2004. – № 4. – С. 246-250.
 31. Порубов Н.И. Допрос в советском уголовном судопроизводстве. – Мн.: Вышэйш. школа, 1973. – 368 с.
 32. Потерпевший от преступления: Сборник статей / Отв. ред. проф. П.С. Дагель; Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР. Дальневосточный государственный ун-т. – Владивосток: Дальневосточный государственный ун-т, 1974. – 216 с.
 33. Рагинов А.Р. Вопросы познания в судебном доказывании // Сов. государство и право. – 1964. – № 8. – С. 106–113.
 34. Ривман Д.В. Потерпевший от преступления: личность, поведение, оценка. – Л.: УВД Леноблисполкома, 1973. – 86 с.
 35. Романов В.В. Основы криминальной виктимологии: Учебное пособие. – Минск: Минская высшая школа

- МВД СССР, 1980. – 21 с.
36. Романов В.В. Юридическая психология: Учебник. – М.: Юристъ, 2002. – 488 с.
 37. Рыбакова Е.А. Криминологическая характеристика личности потерпевших от незаконной риелторской деятельности // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2017. – № 7(35). – С. 183-191.
 38. Соловьёв А.Б. Процессуальные, психологические и тактические основы допроса на предварительном следствии. – М.: Юрлитинформ, 2002. – 187 с.
 39. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. – Т.1. – М.: Наука, 1968. – 469 с.
 40. Уголовно-процессуальные основы деятельности органов внутренних дел: Учебное пособие / Безлепкин Б.Т., Гуткин И.М., Михайлов В.А. и др. – М.: Академия МВД СССР, 1988. – 181 с.
 41. Франк Л.В. Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии. – Душанбе: Ирфон, 1977. – 237 с.
 42. Хакеры нападают роём. Президент российской секции Международной полицейской ассоциации Юрий Жданов об угрозе глобальных кибератак // Российская газета. – 2021. – № 72(8423). – 6 апреля. – С. 10.
 43. Центров Е.Е. Криминалистическое учение о потерпевшем. – М.: Московский ун-т, 1988. – 160 с.
 44. Якупов Р.Х. Уголовный процесс: Учебное пособие / Под науч. ред. В.Н. Галузо. – М.: Теис, 2004. – 607 с.
 45. Zhdanov Yu.N., Kuznetsov S.K., Ovchinsky V.S. COVID-19: Crime, Cibersecurity, Society, Police / Yu.N. Zhdanov, S.K. Kuznetsov, V.S.Ovchinsky; Foreword by A.L. Kudrin. – М.: Mezhdunarodnye Otnosheniya, 2020. 392 p.
 46. Zhdanov Yu.N., Ovchinsky V.S. Cyber Police of the 21th century, International Experience / ed. S. Kuznetsov. – Moscow: International Relations, 2020. – 248 pages.

АКСЕНОВ Дмитрий Васильевич,

доцент кафедры уголовного права и процесса
Ленинградского государственного университета
им. А.С. Пушкина, кандидат юридических наук
(г. Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: dima6022738@gmail.com

ЗАХАРОВ Павел Алексеевич,

магистрант юридического факультета Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина (г. Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: z.pash_spb@mail.ru

ГРИГОРЬЕВ Виталий Петрович,

старший преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России (г. Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: v.p.grigoriev@mail.ru

Специальность 5.1.4 – Уголовно-правовые науки

ОСОБЕННОСТИ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НАРУШЕНИЕМ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

***Аннотация.** Анализируются особенности объективной стороны преступных деяний, которые связаны с нарушением правил дорожного движения. Обращается внимание на существующие проблемы, решение которых обусловлено необходимостью совершенствования законодательства в области соблюдения правил дорожного движения.*

***Ключевые слова:** правила дорожного движения; преступление; объективная сторона; состав преступного деяния; дорожно-транспортное происшествие.*

**AKSENOV D.V.
ZAKHAROV P.A.
GRIGORIEV V.P.**

FEATURES OF THE OBJECTIVE SIDE OF CRIMES RELATED TO VIOLATION OF TRAFFIC RULES

***The summary.** The features of the objective side of criminal acts that are associated with violation of traffic rules are analyzed. Attention is drawn to the existing problems, the solution of which is due to the need to improve legislation in the field of compliance with traffic rules.*

***Key words:** rules of the road; crime; objective side; composition of the criminal act; traffic accident.*

Важность и значимость обращения к проблеме дорожно-транспортных происшествий (ДТП) не вызывает каких-либо сомнений. Так, по итогам 2021 года в Российской Федерации

зарегистрировано более 120 тысяч ДТП, в которых погибли 11516 человек, почти 122 тысяч участников дорожного движения получили ранения разной степени тяжести (статистику взять за

год). Почти каждый четвертый погибший в ДТП связан с выездом на полосу встречного движения. Каждый девятый – получил смертельное ранение в ДТП из-за несоответствия скорости конкретным условиям движения [6].

На протяжении последних лет наблюдается устойчивая тенденция к росту доли погибших в ДТП с участием лиц, находившихся в состоянии опьянения. Так, в период с 2007 по 2021 год количество погибших в ДТП с участием водителей с признаками опьянения возросло на 75%, в то время как число погибших в ДТП, не связанных с опьянением водителей, сократилось более чем на 60%. Так же необходимо отметить, что за последние 6 лет при незначительном сокращении количества ДТП, совершенных лицами, находящимися в состоянии алкогольного опьянения или отказавшимися от прохождения медицинского освидетельствования, произошло практически трехкратное увеличение числа ДТП, совершенных лицами в состоянии наркотического опьянения [6].

Таким образом, уровень дорожно-транспортной аварийности остается достаточно высоким. Из всех ДТП с пострадавшими каждое одиннадцатое (9,6%) привело к смертельному исходу. Следует отметить, что значительное влияние на дорожно-транспортную аварийность оказало распространение новой коронавирусной инфекции COVID-19 [7; 8; 9; 21]. Действие ограничительных мер привело к сокращению доли населения, вовлеченного в дорожное движение, в результате этого в период наиболее строгих ограничений (апрель и май) количество ДТП сократилось на 33,3%, число погибших на 16,6%, раненых на 33,4%. Поэтому одной из наиболее важных проблем, которая требует эффективного решения путём правового регулирования, является безопасность дорожного движения, его обеспечение [10; 11; 12; 13; 17] и профилактика правонарушений [5; 16; 18; 19]. Система уголовно-правовых норм, определяющих ответственность за преступления в сфере дорожного движения в российском законодательстве довольно обширна, при этом необходимо отметить, что она регулярно усовершенствуется законодателем, появляются новые виды преступлений, другие декриминализуются (введение уголовной ответственности за нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутому административному наказанию и лишенным

права управления транспортным средством (ст. 264.2 УК РФ). В настоящее время широкое распространение получили преступные деяния, за совершение которых наступает уголовная ответственность по ст.ст. 264-264.1 УК РФ [15, стр. 822-828].

Существует точка зрения на определение объективной стороны преступления, связанного с нарушением правил дорожного движения (далее ПДД). Такое нарушение можно представить в виде двух слагаемых:

- а) действие или бездействие, которое привело к нарушению правил дорожного движения;
- б) нарушение повлекло за собой последствия в виде вреда для потерпевшего.

К нарушению ПДД следует отнести: превышение скоростного режима, выезда на запрещающие зоны, несоблюдение очередности проезда и обгона, неподчинение сигналам светофора, знакам и указателям, а также управление транспортным средством в состоянии наркотического и алкогольного опьянения, переутомление, невнимательность и сон за рулем. Например, Е.В. Хромов считает, что для рассматриваемых преступных деяний объективной стороной является факт несоблюдения установленных норм со стороны участников дорожного движения, а также их характеристики, например, причины, последствия, связанные с этими деяниями нарушении специальных правил, обеспечивающих безопасное дорожное движение и эксплуатацию транспортных средств, а также помимо самого деяния [20, с. 125].

Среди участников дорожного движения важная роль принадлежит водителю. Личность водителя, совершившего преступление, связанное с нарушением ПДД, очень значима. Она требует специального изучения [1; 2; 3; 4].

В последнее время актуальным стал вопрос совершения водителем так называемого «опасного вождения», последствиями которого все чаще становятся дорожно-транспортные происшествия, влекущие гибель не одного десятка человек. Ряд авторов считают необходимым закрепление термина «опасное вождение» на уровне уголовного законодательства. Так, С.Л. Кисленко для того, чтобы избежать неоднозначного толкования предлагает дополнить ст. 264 УК РФ примечанием с определением данного понятия. Однако полагаем дублирование термина «опасное вождение» в примечании

ст. 264 УК РФ нецелесообразным, при наличии данного определения в законодательстве, в связи с напрасным усложнением УК РФ [14, с. 20]. По мнению Е.В. Хромова, причинно-следственная связь является одной из форм зависимостей, которые есть между:

- фактом нарушения ПДД и/или использования транспортного средства, которые допустил пользователь, владелец или водитель, и преступным деянием, в результате которого наносится вред потерпевшим в виде нанесения тяжкого вреда или смерти, что образует первоначальный этап причинно-следственной связи;
- деянием, опасным для общества, и результатом преступления, который прописан в соответствующей статье УК РФ, что образует следующий этап причинно-следственной связи [20, с. 127].

Для того чтобы установить причинно-следственную связь между преступлением (нарушением ПДД) и результатом в виде последствий (смерть потерпевшего, тяжкий вред здоровью, повреждение имущества и т.д.), используются

различные доказательные инструменты, к которым относятся экспертизы, заключения, показания свидетелей и другие. Использование таких инструментов даёт возможность ответить на перечень вопросов, ответы на которые позволяют прояснить ситуацию:

- причины телесных повреждений;
- вред, который причинен здоровью потерпевшего, является ли тяжким;
- мог ли водитель средства повышенной опасности предотвратить ДТП;
- все ли действия водителя были верны, в том числе по оказанию первой помощи потерпевшим.

При этом ответы на вышеназванные вопросы не позволяют признать водителя виновным или невиновным, они лишь дают возможность подготовить следственным органам необходимые материалы для принятия дальнейшего процессуального решения. Однако стоит отметить, что уголовная ответственность по рассматриваемой статье 264 УК РФ исключается, если нарушение ПДД было совершено в условиях крайней необходимости.

Список литературы

1. Алиев Я.Л., Аруев К.Б., Сальников С.П., Третьяков И.Л. Автотранспортные преступники: к вопросу о типологии личности // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 81-86.
2. Алиев Я.Л., Аруев К.Б., Сальников С.П., Третьяков И.Л. Автотранспортные преступления в России: общее состояние проблемы // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 1. – С. 128-134.
3. Алиев Я.Л., Аруев К.Б., Сальников С.П., Третьяков И.Л. Личность гражданина, виновного в совершении автотранспортного преступления: общественно-опасные черты и установки // Мир политики и социологии. – 2012. – № 2. – С. 98-104.
4. Алиев Я.Л., Аруев К.Б., Сальников С.П., Третьяков И.Л. Мотивы автотранспортных преступлений: общая характеристика личности преступника // Мир политики и социологии. – 2012. – № 7. – С. 105-113.
5. Аруев К.Б., Реуф В.М., Сальников С.П., Третьяков И.Л. Профилактика автотранспортных правонарушений: некоторые вопросы теории и практики // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 1. – С. 46-51.
6. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 2021 год. Информационно-аналитический обзор. – М.: НЦ БДД МВД России, 2021. – 50 с.
7. Жданов Ю.Н., Кузнецов С.К., Овчинский В.С. COVID-19: преступность, киберпреступность, общество, полиция / Вступ. статья А.Л. Кудрина. – М.: Международные отношения, 2020. – 448 с.
8. Захарцев С. И., Сальников В.П., Хабибулин А. Г. COVID-19 и борьба с ним. Издана книга об актуальных проблемах жизнедеятельности общества в период пандемии, борьбе с преступностью и работе полиции // Государство и право. – 2021. – С. 254-259.
9. Захарцев С.И., Сальников В.П., Хабибулин А.Г. Важно и срочно. Вышла книга о преступности в период пандемии и мировом сообществе. Рецензия на монографию Ю.Н. Жданова, С.К. Кузнецова и В.С. Овчинского «COVID-19: преступность, кибербезопасность, общество, полиция / Ю.Н. Жданов, С.К. Кузнецов, В.С. Овчинский; вступ. статья А.Л. Кудрина. – М.: Международные отношения, 2020. – 448 с.» // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 6. – С. 182-190.

10. Квитчук А.С. Государственная политика по созданию правового комплекса безопасности дорожного движения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – № 2. – С. 97-104.
11. Квитчук А.С. Проблемы и пути формирования государственной и муниципальной систем управления обеспечением безопасности дорожного движения // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 3. – С. 102-107.
12. Квитчук А.С., Синькевич Н.А. Государственно-правовая политика обеспечения безопасности дорожного движения в России: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2005. – 187 с.
13. Квитчук А.С., Синькевич Н.А. Проблемы совершенствования системы безопасности дорожного движения // Транспортное право. – 2005. – № 4. – С. 43-46.
14. Кисленко С.Л. Принцип полноты данных, характеризующих личность подсудимого: проблемные аспекты и реализация в судебном разбирательстве уголовных дел // Российский судья. – 2021. – № 6. – С. 17-21.
15. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный). 6-е изд., перераб. и доп. / Под ред. профессора Н.Г. Кадникова. – М.: Юриспруденция, 2019. – 1096 с.
16. Криминология и профилактика преступлений: Учебное пособие. Курс лекций / А.В. Баженов, В.Н. Бурлаков, Г.Н. Горшенков, В.М. Егоршин, Р.Ф. Исмагилов, Г.Л. Касторский, Е.А. Костыря, О.В. Лукичев, В.Г. Павлов, Н.И. Пишигина, Н.И. Превезенцев, К.Т. Ростов, В.П. Сальников, Ф.Ю. Сафин, И.Г. Скурту, О.В. Харченко; под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2001. – 224 с.
17. Никишкин А.В. Безопасность дорожного движения – главная задача государства // Психология обеспечения правопорядка и безопасности; Материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 21-23 мая 2008 г. / Сост.: М.В. Пряхина, В.А. Корчмарюк, И.А. Андреева, В.М. Статный. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2008.
18. Сальников В., Захарцев С. Преступления, которых могло не быть // Защита и безопасность. – 2020. – № 4(95). – С. 30-31.
19. Сальников С.П. Автотранспортные правонарушения: социально-политическая сущность и профилактика // Мир политики и социологии. – 2012. – № 10. – С. 88-99.
20. Хромов Е.В., Зябликов А.Ю. О причинной связи в преступлениях, предусмотренных ст. 264 УК РФ // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 4. – С. 120-132.
21. Zhdanov Yu.N., Kuznetsov S.K., Ovchinsky V.S. COVID-19: Crime, Cibersecurity, Society, Police / Yu.N. Zhdanov, S.K. Kuznetsov, V.S.Ovchinsky; Foreword by A.L. Kudrin. – М.: Mezhdunarodnye Otnosheniya, 2020.

ТРУСОВА Елена Анатольевна,
доцент кафедры психологии УНК ПСД Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент
(г. Москва, Россия)
E-mail: etrus.elena@yandex.ru

Специальность 5.1.4 – Уголовно-правовые науки

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА В СИСТЕМЕ МЕР ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

***Аннотация.** Проводится анализ медицинских мер принудительного характера, выявляются их особенности в системе мер государственного принуждения. Рассматривается дефиниция, основания назначения, признаки, субъектный состав принудительных мер медицинского характера, цели. Обращается внимание на отсутствие в российском законодательстве дефиниции данной правовой категории, предлагается авторская редакция ч.1 ст.97 УК РФ посредством включения данного понятия.*

***Ключевые слова:** меры государственного принуждения; принудительные меры медицинского характера; цели; признаки; правовые особенности; основания применения.*

TRUSOVA E.A.

CORRECTIVE MEASURES OF A MEDICAL NATURE IN THE SYSTEM OF MEASURES OF STATE COORDINATION

***The summary.** The article analyzes medical coercive measures, reveals their features in the system of measures of state coercion. The definition, grounds for appointment, signs, subject composition of compulsory medical measures, goals are considered. Attention is drawn to the absence of a definition of this legal category in Russian legislation, the author's version of Part 1 of Article 97 of the Criminal Code of the Russian Federation is proposed by including this concept.*

***Key words:** measures of state coercion; compulsory measures of a medical nature; goals; signs; legal features; grounds for application.*

Активное и эффективное развитие демократических отношений в правовом государстве со всем своим многообразием (политические и экономические, социальные), как и общественных, правовых, иных социальных институтов может осуществляться исключительно при упорядочении, отношений, установлении системы общеобязательных правил поведения. При проявлениях нарушения подобных правил, признанных преступлениями, уголовный закон устанавливает основания и порядок применения мер государственного принуждения, к системе которых относятся принудительные меры медицинского

характера, характеризующиеся собственными юридическими особенностями и признакам мер государственного принуждения [7; 15]. Порядок применения принудительных мер медицинского характера определяет уголовно-процессуальным законом [5; 22; 23; 24, стр. 540-550; 25, стр.520-32;].

Государственное принуждение, как необходимый атрибут государственной власти, существует в мире тысячелетия [8; 14; 19; 20; 21, стр. 73].

Меры государственного принуждения в науке дефинированы и как способ воздействия государства на различные общественные отношения

в многоаспектных сферах человеческого бытия [18, стр. 56] и как проявление законных и обоснованных средств влияния, призванных способствовать, благодаря ограничениям и обременениям, ответственным действиям, к исполнению определенных запретов и к реализации обязанностей [6, стр. 184].

Признаки данного юридического явления могут быть отражены следующим образом: лица, подвергаемые мерам государственного принуждения, – участники юридических связей в системе публичного управления, совершившие нарушение правил должного поведения; лица, применяемые данные меры, обладают полномочиями на подобные действия в силу закона; основаниями их применения признана констатация причинно-следственной связи действия (бездействия) с нарушением действующего закона; процедура применения мер принуждения, исходящих от государства, как и система подобных мер, установлена на нормативном уровне.

Реализация государственных мер принуждения, классифицируемых на меры юридической ответственности, меры пресечения, меры защиты и меры предупреждения правонарушений, к которым относятся меры принудительного медицинского характера, предполагает осуществление основного предназначения принуждения, предопределяемого основной целью уголовного права, – обеспечение защиты публичных интересов от преступлений. Основная цель государственного принуждения, при этом, – обеспечение эффективного функционирования государственной системы управления, при этом применение государственных мер принуждения (обеспечительных и правопрекращающих, как и карательных) непосредственно предопределяет указанную цель [11].

Государственные меры принуждения медицинского характера, характеризующиеся названными юридическими признаками и целями, обладают собственными правовыми особенностями (характеристиками).

В отсутствии легальной дефиниции данной правовой категории, меры принуждения медицинского характера определены законодателем в качестве самостоятельного института уголовного права и разновидности мер государственного принуждения в общей системе мер принудительного характера, иных мер уголовно-правового характера, предусмотренных

русским законодателем в Уголовном кодексе РФ [2] в разд. IV.

В науке данное понятие отражено, как:

- меры социальной безопасности, направленные на обеспечение общественной безопасности посредством принудительного лечения лиц, которыми совершены преступления и которые страдают определенным психическим расстройством [15, стр. 103];
- особая уголовно-правовая форма государственного принуждения, заключающаяся в принудительном излечении лиц, признанных невменяемыми, как и вменяемых лиц, которыми совершены деяния и которые нуждаются, в силу определенного психического состояния, в лечении принудительно [16, стр. 41];
- меры принуждения государственного характера, заключающиеся в психиатрическом излечении и назначаемые в соответствии с судебным актом (определением либо приговором суда) лицам, которые имеют психическое расстройство и совершили уголовно-наказуемое деяние [4, стр. 7];
- разновидность государственного принуждения, направленность которого связана с формированием безопасной среды в государстве, обществе, и необходимостью применения в соответствии с решением суда в отношении лица, которым совершено предусмотренное уголовным законом деяние в состоянии, признанном на основании судебно-медицинской экспертизы невменяемым либо у которого подобное состояние констатировано после совершения деяния, обусловив, тем самым, невозможность назначения уголовного наказания [17].

Представляется, что применение медицинских принудительных мер не свидетельствует о каком-либо отрицательном отношении государства, не является карой, уголовным наказанием, уголовной ответственностью. При этом, необходимо признать принудительную сущность исследуемых мер, о чем свидетельствует и название данной меры государственного принуждения и позиции многих ученых [10, стр. 12; 12, стр. 104]. Действительно, принудительная сущность государственных мер принуждения медицинского характера заключается в определенном ограничении конституционных прав и свобод

(свобода передвижения и пр.), однако, исключительно как средство государственного принуждения в рамках непосредственной и необходимой реализации соответствующих медицинских психиатрических указаний.

В науке отражены различные позиции в отношении целей данных мер государственного принуждения. Обобщая исследованные точки зрения, а также – правовые позиции Верховного Суда РФ [10], полагаем, что в качестве таковых может быть представлена следующая их система: во-первых, защитная, направленная на ограждение общества от неправомерного поведения лиц, обладающих патологическими коррективами в психике и представляющих опасность для общества; во-вторых, социализирующая, поскольку виновный, в силу психического расстройства, не руководит в полной мере собственными действиями, поведением и, в указанной связи, нуждается в медицинском лечении и социализации; в-третьих, профилактическая, имеющая направленность на предупреждение совершения новых деяний; в-четвертых, медицинская, ориентированная на излечение лиц, указанных в ч.1 ст. 97 УК РФ, либо на улучшение психического здоровья; в-пятых, обеспечительная – в отношении охраны и защиты прав, интересов лиц, указанных в ч.1 ст.97 УК РФ (совершивших деяния, предусмотренные статьями Особенной частью УК РФ).

Классификация данных мер государственного принуждения представлена законодателем в ст.99 УК РФ: принудительное амбулаторное наблюдение и лечение у специалиста – психиатра; принудительное стационарное лечение общего типа в условиях медицинской организации; принудительное стационарное лечение в медицинской психиатрической организации специализированного типа; принудительное интенсивное стационарное лечение в медицинской психиатрической организации специализированного типа.

Необходимо отличать принудительные меры медицинского характера (ст. 97 УК РФ) и иную меру процессуального принуждения (ст. 435 УПК РФ), представляющую собой помещение лица, у которого констатировано психическое расстройство, в соответствующую медицинскую организацию, предоставляющую психиатрическую помощь в условиях стационара. Названная процессуальная мера принуждения применяется органом суда к подозреваемому, обвиняемому в качестве меры пресечения в виде содержания

под стражей в соответствии с ходатайством следователя к указанным выше лицам, совершившим преступление, либо к лицу, у которого расстройство психики наступило после факта совершения деяния):

- 1) для обеспечения эффективности расследования и рассмотрения, разрешения уголовного дела, как и
- 2) ограждения других лиц от представляющей от данного лица опасности, и
- 3) предоставления необходимой медицинской психиатрической помощи.

В заключение отметим: применение в Российской Федерации государственных мер принудительного характера, включая медицинские принудительные меры, возможно исключительно в связи с совершением преступления, предусмотренного действующим уголовным законом. Данные меры представляют собой вынужденную государственную реакцию на факт деяния, подлежащую применению при отсутствии возможности использования других методов воздействия, либо в ситуации, когда подобное воздействие является не эффективным, а также по причине невменяемости либо иным основаниям, указанным в ст.97 УК РФ (медицинские принудительные меры).

Меры государственного принуждения, включая медицинские меры принудительного свойства, обладают особым государственным характером, так как решение об их применении формируется от имени государства, именно с позиции государства совершенное действие (бездействие) признается в качестве преступления, при этом, мера государственного принуждения должна коррелировать личности виновного, уровню его правосубъектности.

Принимая во внимание отсутствие в действующем законодательстве легальной дефиниции правовой категории «принудительные меры медицинского характера», полагаем признать данное явление пробелом в праве [9; 13]. Предлагается следующая авторская дефиниция категории «принудительные меры медицинского характера», которую целесообразно включить в ч.1 ст. 97 УК РФ в редакции: «Принудительные меры медицинского характера, назначаемые судом, подлежат применению к лицам, указанным в части второй настоящей статьи, когда данные лица на основании психического расстройства, характера общественно-опасного деяния, других

обстоятельств представляют опасность для иных лиц, для себя либо присутствует возможность причинения другого вреда» (соответственно ч.1 ст.97 УК РФ приобретает нумерацию 2 и т.д.).

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. – М., 2022.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации. – М., 2022.
3. Постановление Пленума Верховного Суда от 7 апреля 2011 г. № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» // Российская газета. – 2011. – 19 апреля.
4. Батанов А.Н. Принудительные меры медицинского характера (история, теория, законодательное регулирование и практика применения): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2004. – 27 с.
5. Белоус В.Г. Принудительные меры медицинского характера: некоторые вопросы исполнения наказания. Рецензия на учебное пособие «Исполнение наказания, соединенного с принудительными мерами медицинского характера» // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 10. – С. 181-186.
6. Борискова И.В. Краткая характеристика мер государственного принуждения // Территория науки. – 2018. – № 3. – С. 134-138
7. Голикова О.А. Характерные черты формирования института принудительных мер медицинского характера на этапе становления советского государства // Теория государства и права. – 2022. – № 4. – С. 131-142.
8. Головинов В.А. Понятие и признаки государственного принуждения // Мир политики и социологии. – 2010. – № 1. – С. 33-35.
9. Захарцев С.И., Сальников В.П. Пробелы в праве – грань компрехендной теории его познания // Пробелы в позитивном праве: доктрина и практика: Материалы VI Международной научной конференции теоретиков права «Пробелы в позитивном праве: доктрина и практика» (Москва, 20-21 февраля 2020 г.) / Т.Я. Хабриева, С.В. Липень, В.В. Лазарев и др.; отв. ред. Н.Н. Черногор. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИД «Юриспруденция», 2021. – С. 93-104. – в сб. 464 с.
10. Колмаков П.А. Сущность, цели и виды принудительных мер медицинского характера: Учебное пособие. – Сыктывкар: СГУ, 1999. – 96 с.
11. Коренякина Я. С. Меры уголовно-правового и уголовно-процессуального принуждения: соотношение понятий // Молодой ученый. – 2022. – № 26 (421). – С. 109-111.
12. Корнеев С. А. Сущность принудительных мер медицинского характера в соответствии с российским уголовным законом // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2021. – № 1. – С. 99-107.
13. Лазарев В.В. Пробелы в праве и пути их устранения. – М.: Юридическая литература, 1974. – 184 с.
14. Мельникова О.В. К вопросу о сущности государственно-правового принуждения // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2022. – № 5(148). – С. 75-81.
15. Назаренко Г. В. Принудительные меры медицинского воздействия: раздел «меры общественной безопасности» // LEX RUSSICA. – 2017. – № 8 (129). – С. 101-111.
16. Назаренко Г.В. Принудительные меры медицинского характера: Учебное пособие. – М.: Флинта, 2008. – 144 с.
17. Савин А.А. Сущность принудительных мер медицинского характера // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 1. – С. 107-109.
18. Салимова А.М. Государственное принуждение в уголовном праве // Современная наука. – 2022. – № 2. – С.56-58.
19. Сальников В.П., Федоров В.П. Убеждение и принуждение в деятельности органов внутренних дел. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1989. – 91 с.
20. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулин А.Г. Государственность как феномен и объект типологии: теоретико-методологический анализ. Санкт-Петербургский университет МВД России, Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – СПб.: Фонд «Университет», 2001.– 208 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
21. Сатина Э.А. Понятие и виды государственного принуждения // Вестник ТГУ. – 2003. – выпуск 2 (30). – С. 73-76.
22. Спасенников Б.А., Смирнов А.М., Тихомиров А.Н. Исполнение наказания, соединенного с принудительными

- мерами медицинского характера. – М.: НИИ ФСИН России, 2015. – 171 с.
23. Тихомиров А.Н. Принудительное лечение психопатий, соединенное с исполнением наказания // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 1. – С. 133-141.
24. Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс): Учебник / Алексеев И.М., Андреева О.И., Антонов И.А., Асадов В.В., Бастрькин А.И., Безрядин В.И., Выменец П.С., Гаврилов Б.Я., Глушков М.Р., Григорьев В.Н., Гриненко А.В., Данилова Н.А., Егоршин В.М., Захарцев С.И., Иванов Д.А., Исмагилов Р.Ф., Калиновский К.Б., Качалова О.В., Качалов В.И., Клаус А.В., Колоколов Н.А., Марковичева Е.В., Медведев Е.Н., Михайлова Е.Е., Николаева Т.Г., Петров П.А., Победкин А.В., Прокофьева С.М., Сазин С.Т., Сальников В.П., Сеницын В.А., Слободанюк И.А., Трубникова Т.В., Федотов И.С., Шаров Д.В., Ченцов В.В., Чистилина Д.О., Хабибулин А.Г., Харатишвили А.Г., Химичева О.В., Яшин В.Н.; под общ. ред. докт. юрид. наук, профессора А.И. Бастрькина; науч. ред.: докт. юрид. наук, профессор И.А. Антонов и докт. юрид. наук, профессор В.П. Сальников. – СПб.: Фонд «Университет», 2023. – 672 с.
25. Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс): Учебник для вузов / Под ред. проф. Э.К. Кутуева; науч. ред. и вступительное слово проф. В.П. Сальникова; 2-е изд.; перераб и доп. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России; Фонд «Университет», 2019. – 583 с. – (Серия: «Учебники для вузов, специальная литература»).

ЖАРКОЙ Михаил Эмильевич,

доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии, кандидат исторических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: jarckoy@yandex.ru

Специальность 5.1.1 – Теоретико-исторические правовые науки;

5.1.4 – Уголовно-правовые науки

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ФАЛЬШИВОМОНЕТЧЕСТВА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РСФСР 1920-х гг.

***Аннотация.** Рассматриваются особенности уголовно-правовой и криминологической характеристики фальшивомонетчества по законодательству Советской России 1920-х гг. Особое внимание обращено на логическую стройность юридической конструкции норм, предусматривающих ответственность за указанное преступление, а также преемственность в тактической линии законодателя, направленной на борьбу с этим опасным видом преступной деятельности.*

***Ключевые слова:** фальшивомонетчество; подделка государственных ценных бумаг; уголовное законодательство; карательная политика; репрессия; новая экономическая политика; валютный контроль.*

ZHARKOY M.E.

FEATURES OF THE CRIMINAL-LEGAL AND CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF COUNTERFEITING ACCORDING TO THE LEGISLATION OF THE RSFSR OF THE 1920s

***The summary.** The paper examines the features of the criminal-legal and criminological characteristics of counterfeiting under the legislation of Soviet Russia of the 1920s. Particular attention is paid to the logical harmony of the legal structure of the norms providing for responsibility for the specified crime, as well as continuity in the tactical line of the legislator aimed at combating this dangerous type of criminal activity.*

***Key words:** counterfeiting; forgery of government securities; criminal legislation; punitive policy; repression; new economic policy; currency control.*

К началу 1921 г. гражданская война в Советской России в основном закончилась. Переход к миру ставил перед страной новые задачи, прежде всего в области экономического и хозяйственного строительства. Необходимо было восстановить экономическую инфраструктуру, которая по многим показателям была

отброшена на несколько десятилетий назад. Новые условия настоятельно требовали изменения прежних методов экономического и политического руководства обществом. Известно, что НЭП рассматривался его авторами исключительно как тактическая, но отнюдь не как стратегическая экономическая линия. Это была

политика восстановления, но не развития [4]. Противостояние сторонников и противников НЭПа со всей бескомпромиссностью завершила сама история. Рассматривая проблему в ретроспективе, свойственной нашему исследованию, отметим, что никаких реальных возможностей осуществить за несколько лет индустриализацию страны с созданием военно-промышленного комплекса, адекватного условиям предстоящей войны, не было. Характерно, что в связи со сказанным современный публицист С.Г. Кара-Мурза замечает, что уже в годы перестроечной истерии – в 1989 г. было проведено экономическое моделирование варианта продолжения НЭПа в 1930 гг., которое показало, что в этом случае «не только не было возможности поднять обороноспособность СССР, но и что годовой прирост валового продукта опустился бы ниже прироста населения – началось бы обеднение населения и страна неуклонно шла бы к социальному взрыву» [2, стр. 374]. Естественно, что советское руководство не могло ни в коем случае скатиться к уровню социального бедствия Российской Федерации второй половины 1990-х гг.

Кредитно-финансовая сфера в Советском государстве периода реформ 1920 – 1930-х гг. являлась одной из наиболее пораженных экономической преступностью. В связи с этим профилактическая карательная деятельность значительно повышала защищенность денежно – кредитной системы страны от поступления фальшивых денежных знаков и поддельных ценных бумаг. Объектом изготовления или сбыта поддельных денег или ценных бумаг выступала кредитно-денежная система СССР, а в случаях подделки валюты иностранных государств и кредитно-денежная система этих стран. Рассматриваемое преступление подрывало устойчивость государственных денег, затрудняло регулирование денежного обращения. Особую опасность оно приобретало в условиях оживления рынка, товарно-денежных отношений и экономических связей с развитыми капиталистическими странами в период НЭПа и индустриализации советской промышленности по своей сути означающий своеобразный промышленный переворот, выражающийся в трансформации аграрной страны в сверхиндустриальную супердержаву.

Однако товарно-денежные отношения, на которых стала строиться новая экономическая политика, не могли обойтись без четко

налаженных финансов. Комплекс мероприятий в этом направлении наметил Декрет ВЦИК от 10 октября 1921 г. «О мерах по упорядочению финансового хозяйства» [6, стр. 257-260]. Предусмотренные им меры подготовили проведение денежной реформы, которая началась уже в конце 1921 г. с замены денежных знаков на новые, образца 1922 г.

В противодействие мероприятиям Советского государства по восстановлению народного хозяйства усилия внутренней и внешней контрреволюции были направлены в сферу экономики. Шпионаж, диверсия, вредительство, спекуляция, взяточничество, контрабанда, изготовление фальшивых денег – вот основные проявления подрывной деятельности в тот период в сфере экономики [5, стр. 48]. Уже со второй половины 1922 г. в ОУР НКВД РСФСР стали поступать данные о сбыте фальшивых денежных знаков.

Угроза финансовому суверенитету страны была учтена при разработке проекта УК РСФСР 1922 г., введенного в действие с 1 июня [14]. Так к преступлениям против порядка управления относилась ст. 85 – подделка денежных знаков и государственных процентных бумаг, марок и других знаков государственной оплаты, учиненная по предварительному соглашению нескольких лиц и в виде промысла в отношении всех участников и пособников каралась высшей мерой наказания с понижением, при смягчающих обстоятельствах, наказания до лишения свободы на срок не ниже трех лет со строгой изоляцией и конфискацией имущества. Однако, при отсутствии предварительного соглашения, а равным образом в отношении укрывателей – лишением свободы на срок не ниже двух лет со строгой изоляцией и конфискацией имущества. В соответствии с п. б ст. 26 УПК РСФСР данное преступление относилось к подсудности губернского суда. В целях предупреждения возможности легкой подделки обращающихся в пределах РСФСР и союзных с ней республик ценных бумаг, а также для обеспечения их правильного учета и своевременного взимания причитающегося с них пропорционального гербового сбора ВЦИК и СНК РСФСР своим постановлением от 3 мая 1923 г. установили, что всякого рода ценные бумаги, выпускаемые государственными учреждениями, а равно торговыми, промышленными и кредитными обществами и товариществами – акции, облигации, временные

свидетельства и иные дивидендные и процентные бумаги должны быть изготовлены исключительно через Управление Фабриками изготовления государственных знаков НКФ [15]. Заметим, что подделка банковских билетов преследовалась наравне с подделкой денежных знаков [16].

В 1923 г. появились банкноты – червонцы, обеспеченные золотом, иностранной валютой и легко реализуемыми товарами. Золотое содержание червонца было приравнено к 1 золотнику 78,24 доли чистого золота (7,74234 г.), то есть такое же, как и в дореволюционной десятирублевой монете. Иными словами он равнялся к 10 руб. золотом [11, стр. 107]. За подделку червонцев виновные в соответствии с Постановлением СНК РСФСР от 26 октября 1922 г. также привлекались к ответственности по ст. 85 УК [13]. По этой же статье привлекались к ответственности лица, виновные в подделке трудгужналоговых знаков (марок) [12].

В виду того, что начиная со второй половины 1922 г. участились факты выпуска некоторыми учреждениями и предприятиями различных суррогатов денежных знаков, как то облигаций, бон, вкладных билетов, свидетельств о займе и т.п., вопреки Постановлению СНК РСФСР от 13 октября 1922 г., которым такой выпуск был запрещен, указанные действия также подпадали под ст. 85 УК, как подделка денежных знаков. Дело в том, что подобные деяния нарушали советскую денежную политику и затрудняли проведение в полной мере унификацию денежного обращения. Получалось, что частная эмиссия, сокращая емкость государственного денежного рынка, способствовала обесцениванию государственных денежных знаков. Кроме того, выпуск денежных суррогатов вносил путаницу в общественном сознании пользователей и таким образом подрывал у людей доверие к деньгам государства. Добавим, что по ст. 85 УК каралась и подделка железнодорожных билетов, являющихся наряду с деньгами, знаками государственной оплаты. Поэтому сбыт и пользование поддельными железнодорожными билетами рассматривались или как пособничество, или как укрывательство подделки [7, стр. 266]. Наконец следует иметь в виду, что ст.ст. 85 и 189 УК карались подделка денежных знаков и т.п. и подделка официальных бумаг, расписок. И хотя пользование этими подложными знаками и документами было не предусмотрено соответствующими

статьями УК оно не могло быть безнаказанным, поэтому Верховный Трибунал РСФСР предложил карать за указанные деяния на основании ст. 10 УК по аналогии теми же наказаниями, как и за подделку [7, стр. 266]. При этом подразумевалось, что подделка полная или переделка, восстановление должны быть такими, чтобы поддельная монета или билет – были бы достаточно похожи на настоящие.

В контексте нашей работы нельзя не обратить внимания на социальный состав фальшивомонетчиков. В своей основной массе, как свидетельствуют архивные документы, это были представители «бывших людей» – бывшие хозяева, бывшие служащие (словом те, кто обладал необходимыми знаниями и владел методикой и технологией изготовления валюты), которые собирались в крупные шайки. Среди подельников были и опытные рецидивисты. Крупными регионами – распространителями подделок выступали их столицы, центральные и черноземные губернии, а также Северо-Кавказский край, Чеченская Автономная область, Ново-Николаевская губерния, Дальневосточный край, Украина и Белоруссия.

Так за период с 1 сентября 1923 г. по 1 января 1925 г. в т.н. «центральной тройку», учрежденную в августе 1923 г. в составе начальника Экономического управления ГПУ, начальника УУР и представителя НКЮ под председательством представителя СНК и ЦИКа СССР ОГПУ [9], поступило 167 дел, раскрыто 143 организации, рассмотрено в Коллегии ОГПУ 104 дела, передано в суд – 3. Общее число обвиняемых составило 1349 чел, из них было привлечено к ответственности коллегией ОГПУ – 756. Несомненно, особый интерес вызывает характер и объем репрессии по рассмотренным делам. Так, к высшей мере наказания было приговорено 367 чел., к заключению в концлагерь на 10 лет – 111, на 5 лет – 83, на 3 года – 66, на 1 год лишения свободы – 3, выслано – 14, приговорено условно – 24 чел. Иными словами говоря, чуть более 50% привлеченных к ответственности были репрессированы с применением высшей меры социальной защиты, а 5,4% осужденных получили ниже низшего предела, предусмотренного УК. По 104 делам обвинялось 755 чел., из которых рабочие составляли 101, крестьян – 290, бывших мещан – 246 (32,5%), бывших дворян – 13 (1,72%), прочих – 106 [10].

Согласно Постановлению Президиума ЦИК СССР от 1 апреля 1924 г., принятому по докладу ОГПУ о борьбе с фальшивомонетчеством, в целях быстрого производства следствия и усиления борьбы с фальшивомонетчеством Коллегии ОГПУ предоставлялось право внесудебного рассмотрения дел вплоть до вынесения высшей меры наказания в отношении лиц, занимающихся изготовлением, сбытом и хранением фальшивых денежных знаков [8].

Очевидно, что когда в СССР реализовывался курс НЭПа, денежная система функционировала как рыночная и включала в себя как наличные, так и безналичные расчеты. Тем не менее, когда было принято судьбоносное решение об индустриализации, стало ясно, что подобная система не сможет обеспечить принятый в 1928 г. первый пятилетний план. Правая оппозиция, возглавляемая Н.И. Бухариным, фактически предприняла попытку саботировать предложенный И.В. Сталиным план форсированной индустриализации, вместо которого предлагался курс естественного, органичного развития экономики страны. В ходе известных дискуссий «правые» напоминали и о английской промышленной революции, которая произошла в сжатые сроки. Тем не менее «центристы», возглавляемые Сталиным, справедливо полагали, что источниками промышленного переворота в Англии было первоначальное накопление капитала в виде ресурсов колониального гнета. Естественно, что у СССР такого пути развития событий быть не могло [3, стр. 340].

В этих условиях уголовное законодательство вынуждено было изменить тактическую линию репрессий в указанной сфере. Так Уголовный кодекс РСФСР в редакции 1926 г. [17] содержал в своей особенной части преступления экономической направленности в разделах об особо опасных для Союза ССР преступлениях против порядка управления (п. 2 гл. 1), иных преступлений против порядка управления (гл. 2), преступлениях хозяйственных (гл. 5). Ст. 59⁸ УК РСФСР предусматривала ответственность за подделку или сбыт в виде промысла поддельной металлической монеты, государственных казначейских билетов, билетов Государственного банка СССР, государственных ценных бумаг, а равно подделку или сбыт в виде промысла поддельной иностранной валюты. Санкция устанавливала высшую меру социальной защиты – расстрел

с конфискацией имущества, с допущением при смягчающих обстоятельствах понижения до лишения свободы на срок не ниже двух лет с конфискацией всего или части имущества. При этом норма, содержащаяся в указанной статье, различала объекты подделки двух родов – во-первых, металлическую монету, государственные казначейские билеты, билеты Государственного банка, государственные ценные бумаги и иностранную валюту; во-вторых, знаки почтовой оплаты, билеты железнодорожного и водного транспорта и проездные и на провоз документы с различной ответственностью за подделку объектов обеих групп. Стоит заметить, что в обоих случаях перечень являлся исчерпывающим. В силу сказанного, например, подделка чеков или акций под ст. 598 УК не попадали. Криминологическая характеристика преступления подразумевала, что действие подделки состоит в изменении подлинного предмета, например исправления на червонце цифры «1» на «10» или в изготовлении фальшивого предмета. Подделка, хотя бы и единичная, попадала под действие ст. 598. Однако, сбыт, в том случае если он не выступал как соучастие в изготовлении, лишь в том случае, если он совершался в виде промысла. Важным обстоятельством выступало и то, что единичный сбыт фальшивого червонца лицом, нашедшим его, не образовывал состава преступления, предусмотренного указанной статьей. Однако в этом случае была принципиальная возможность понести ответственность за мошенничество.

Стоит остановиться на том, что законодатель очень строго подошел к проблеме оценки противоправных деяний в кредитно-денежной сфере. Так ст. 58⁷ УК, предусматривающая ответственность за подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения или кредитной системы с таким квалифицирующим сегментом, как совершенные в контрреволюционных целях, устанавливала в качестве наказания высшую меру социальной защиты – расстрел или объявление врагом трудящихся с конфискацией имущества и с лишением гражданства и изгнанием из пределов СССР с допущением, при наличии смягчающих обстоятельств, понижения до лишения свободы на срок не ниже трех лет с конфискацией всего или части имущества [18]. В данном случае рассматриваемый состав преступления квалифицировался уже как контрреволюционный. Поэтому для применения ст.

58⁷ УК следственным органам необходимо было, прежде всего, установить в действиях обвиняемых контрреволюционных целей. Следовало учитывать, что если в некоторых преступлениях контрреволюционный умысел выявлялся самым характером действий, совершаемых подозреваемым, то в преступлениях экономической направленности наличие контрреволюционной цели часто из самих действий выявлено быть не могло и в этих случаях должно было быть подтверждено конкретными доказательствами. В том случае, если преступные деяния имели место не вследствие контрреволюционной деятельности, а, например, по причине бесхозяйственности, то указанные действия должны были квалифицироваться по соответствующим статьям главы V УК «Преступления хозяйственные» [1, стр. 121]. Конструкция, предложенная законодателем, таким образом, вписывалась тактически в наличие нормы, изложенной в ст. 49 УК РСФСР в редакции 1926 г., предусматривающей институт реальной и идеальной совокупности преступлений, а стратегически полностью соответствовала концепции понятия преступления, которым признавалось всякое действие или бездействие, направленное против Советского строя или нарушающее правопорядок, установленный Рабочекрестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени.

Не вызывает сомнения, что уголовно-правовая характеристика преступления затрагивает преимущественно публичный интерес, сущность преступления состоит в причинение вреда государственному и общественному интересу путем выпуска денежных знаков под видом исходящих от государственной власти. При этом сама подделка представляла собой: во-первых, изготовление фальшивых денег; во-вторых, придание повышенной ценности настоящим деньгам; в-третьих, уменьшение действительной ценности металлических денег. Очевидно, что подделка по своей природе и материи предполагала умысел, так как изготовление поддельных денег немисливо без определенных подготовительных действий. Следовательно, необходимо признать, что объектом противоправных посягательств в данном случае выступало охраняемое государством денежное обращение и финансовое состояние в целом, которые требовали доверия со стороны населения к денежным знакам, как орудиям менового оборота, выпускаемых и охраняемых

государством.

Представляется, что указанная уголовно-правовая и криминологическая характеристика является исчерпывающей. В заключении заметим, что современный законодатель в соответствии с выработанными традициями отечественного уголовного права полагает, что для объективной стороны рассматриваемого преступления (ст. 186 УК РФ) важным является то, что изготовленные деньги или ценные бумаги считаются поддельными в случае их существенного сходства по ряду критериев с оригиналом. Поддельные деньги или ценные бумаги могут быть воспроизведены целиком либо на подлинных экземплярах могут быть подделаны их отдельные элементы. В случае же лапидарной подделки и явного несоответствия оригиналу, исключающего массового распространения такой подделки, и попытки сбыть ее содеянное, как и в прошлом, может быть квалифицировано как мошенничество по ст. 159 УК РФ.

Следовательно:

- 1) Кредитно-финансовая сфера в Советском государстве периода реформ 1920 – 1930-х гг. являлась одной из наиболее пораженных экономической преступностью. В связи с этим профилактическая карательная деятельность значительно повышала защищенность денежно-кредитной системы страны от поступления фальшивых денежных знаков и поддельных ценных бумаг;
- 2) Приоритетной сферой воздействия карательной политики государства в годы НЭПа были область экономики и, прежде всего, кредитно-финансовая сфера, обеспечивающая экономической суверенитет государства;
- 3) Позиция советского правительства была единственно правильной, позволившей в ходе свертывания НЭПа подготовить и провести кредитные реформы 1930-1931 гг., в результате которых единоличным эмитентом безналичных денег стал Государственный банк СССР, который, в свою очередь, стал монополистом в области краткосрочного кредитования и единым расчетным центром, что впоследствии способствовало эффективному регулированию экономикой в годы войны;
- 4) В теоретическом плане наблюдается преемственность российского права в

- уголовно-правовой и криминологической характеристике фальшивомонетчества;
- 5) Законодатель, не взирая на катаклизмы политических событий, строго стоит на страже финансовой независимости государства, охраняя ее суровой уголовной репрессией;
- 6) В условиях современной гибридной войны,

развязанной против России США и примкнувшими к ним иностранными государствами и международными организациями финансовая, валютная и кредитно-денежная система страны требует особой охраны со стороны правоохранительных органов и, в первую очередь, ФТС России, как субъекта валютного контроля.

Список литературы

1. Вроблевский А.Б., Утевский Б.С. Уголовный кодекс. Комментарий. – М.: Изд. НКВД РСФСР, 1928. – 524 с.
2. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. От начала до Великой Победы. – М.: Алгоритм, 2004. – 640 с.
3. Катасонов В.Ю. Экономика Сталина. – М.: Кислород, 2016. – 416 с.
4. Курицын В.М. Переход к НЭПу и революционная законность. – М.: Наука, 1972. – 216 с.
5. Мозохин О.Б. ВЧК – ОГПУ. Карающий меч диктатуры пролетариата. – М.: Эксмо Яуза, 2004. – 448 с.
6. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 1. – М.: Политиздат, 1967. – 783 с.
7. Уголовный кодекс РСФСР. Текст с построчно систематизированным материалом.... – М.: изд. Московского губернского суда, 1924. – 909 с.
8. ГАРФ. – Ф. 3316. – Оп. 64. – Д. 22. – Л. 4.
9. ГАРФ. – Ф. Р-393. – Оп. 45. – Д. 7. – Л. 107об.
10. ГАРФ. – Ф. Р-393. – Оп. 59. – Д. 5. – Л. 4.
11. Известия ЦК КПСС. – 1991. – № 7.
12. СУ РСФСР. – 1922. – № 57. – Ст. 718.
13. СУ РСФСР. – 1922. – № 66. – Ст. 876.
14. СУ РСФСР. – 1922. – № 80. – Ст. 153.
15. СУ РСФСР. – 1923. – № 39. – Ст. 417.
16. СУ РСФСР. – 1923. – № 64. – Ст. 827.
17. СУ РСФСР. – 1926. – № 80. – Ст. 699.
18. СУ РСФСР. – 1927. – № 49. – Ст. 330.

СУДЕБНАЯ И ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. АДВОКАТУРА И НОТАРИАТ

КРИЖАНОВСКАЯ Галина Николаевна,
доцент кафедры теории и истории государства
и права Санкт-Петербургского военного ордена
Жукова института войск национальной гвардии
Российской Федерации, кандидат исторических
наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: imyarec@list.ru

САЛЬНИКОВ Виктор Петрович,
профессор Санкт-Петербургского военного
ордена Жукова института войск национальной
гвардии Российской Федерации, доктор юри-
дических наук, профессор, Заслуженный дея-
тель науки Российской Федерации, Почетный
работник высшего профессионального обра-
зования Российской Федерации, Почетный
сотрудник МВД России, академик РАЕН (г.
Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: Fonduniver@bk.ru

Специальность 5.1.1 – Теоретико-исторические
правовые науки

ЖИЗНЬ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕТРА ВАСИЛЬЕВИЧА ЛОПУХИНА

***Аннотация.** Сквозь призму биографии рассматривается деятельность П.В. Лопухина на различных государственных постах: Санкт-Петербургского обер-полицмейстера, московского гражданского губернатора, генерал-прокурора и министра юстиции. Отмечаются такие личные качества Петра Васильевича Лопухина, прослужившего четырёх российским Государям почти 60 лет, как оперативность и основательность в делах, ум, терпение и глубокая прозорливость.*

***Ключевые слова:** Императорский Московский университет; обер-полицмейстер; генерал-губернатор; Министерство юстиции; Сенат; Государственный Совет; Комитет министров.*

**KRIZHANOVSKAYA G.N.
SAL'NIKOV V.P.**

THE LIFE AND STATE ACTIVITY OF PYOTR VASILYEVICH LOPUKHIN

***The summary.** Through the prism of biography, the activities of P.V. Lopukhin in various posts: St. Petersburg Chief of Police, Moscow Civil Governor, Prosecutor General and Minister of Justice. Such personal qualities of Pyotr Vasilyevich, who served four Russian Sovereigns for almost 60 years, as efficiency and thoroughness in business, intelligence, patience and deep insight are noted.*

***Key words:** Imperial Moscow University; Chief of Police; Governor-General; Ministry of Justice.*

Петр Васильевич Лопухин.
Портрет кисти В.Л. Боровиковского

Петр Васильевич Лопухин.
Портрет кисти С.С. Щукина

Петр Васильевич Лопухин родился в родовой дворянской семье небогатого майора Василия Алексеевича Лопухина, имевшего поместья в Порховском уезде. Он получил хорошее домашнее образование.

Учился в дворянской университетской гимназии (учебном заведении, находившемся в составе Императорского Московского университета). Будучи гимназистом, был в составе потешного батальона Московского университета, особое внимание уделял изучению истории, географии, права, иностранных языков, занимался переводами, перевёл с французского языка «Рассуждение графа Кайла о бальзамировании египтян...» (опубликовано в журнале «Собрание лучших сочинений к распространению знания...» в 1762 г.) [26].

По окончании гимназии Петр Лопухин был зачислен в Императорский Московский университет в качестве действительного студента, причем обучался он там на собственные средства [31, стр. 99-100]. Профессор университета И.А. Гейм так высказался о Лопухине в своей речи «О состоянии наук в России под

покровительством Императора Павла Первого»: «Чье сердце не исполнится радости и не возгордится мыслью, что величайшей доверенности Монаршей удостоенный, всеми Россиянами досточтимый Князь Лопухин у нас положил основание тем знаниям, которые делают его ныне способным отправлять с тонким благоразумием толь важные и многообъемлющие вверенные ему звания и исполнять самые труднейшие должности к удовольствию своего Государя и к счастью многочисленных народов? По справедливости возгордится Университет своим воспитанником, тем паче, что он с чувством признательности помнит его и не оставляет спешествовать общепользующей цели сего столь полезного училища» [4].

Лопухин начал свое университетское образование на философском факультете, а затем прошел юридическую специализацию, что позволило ему занять достойное место в числе государственных мужей.

В семилетнем возрасте, в 1760 г., П.В. Лопухин был записан в лейб-гвардии Преображенский полк и произведен в капралы. В

1769 г. поступил на службу, уже будучи прапорщиком, в 1775 г. получил чин капитан-поручика и перешел на гражданскую службу в звании полковника.

В 1779–1783 гг. Пётр Васильевич был Санкт-Петербургским обер-полицмейстером [6]. Находясь в этой должности, он реорганизовал аппарат полиции. Так, столица была разделена на десять полицейских частей и 42 квартала. Во главе полицейских частей были поставлены частные пристава. В каждой части была воинская команда, состоявшая из 34 человек. Кроме того, обер-полицмейстеру подчинялись «огнегасительные» работники, то есть пожарные (их было тогда 1400 человек) и извозчики (226 человек) [11, стр. 32]. При П.В. Лопухине в Петербурге была создана управа благочиния. В ее состав входили обер-полицмейстер, полицмейстер, пристав по гражданским и по уголовным делам. Управа благочиния осуществляла надзор за порядком, следила за исполнением законов; к её компетенции относилось также судебное производство по гражданским и тяжёлым делам, следственные действия и судебное производство по кражам и мошенничествам суммой меньше 20 рублей. Управа благочиния ежедневно утверждала представленный приставами список арестованных. П.В. Лопухин участвовал в разработке и начинал впервые в стране вводить в жизнь «Устав благочиния», инициатором и соавтором которого была Императрица Екатерина II, ей он ежедневно докладывал о жизни в столице империи.

При непосредственном участии П.В. Лопухина была открыта Обуховская городская больница, при которой функционировал дом призрения для умалишенных. На острове Новая Голландия были построены каменные склады для хранения леса.

В 1783 г. П.В. Лопухин был награжден орденом Святого Владимира 3-й степени [6, стр. 15]. В звании генерал-майора возглавил канцелярию Тверского наместничества [14, стр. 116].

В том же 1783 г. Лопухин был переведен в Москву, где получил должность московского гражданского губернатора. За почти 10 лет его правления (по 1793 г.) в Москве было завершено строительство Мытищинского водопровода, был капитально отремонтирован Большой Каменный мост и для удобства горожан построено несколько новых, деревянных. В 1786 и 1788

гг. в Москве были сильные наводнения. Поэтому по распоряжению П.В. Лопухина стали серьёзно укреплять берега и набережные Москва-реки: сначала «деревянным обрубом», а позднее и «диким камнем».

П.В. Лопухин участвовал в организации строительства Голицынской больницы; активно помогал возведению здания Императорского Московского университета на Моховой, которое было закончено в последний год его губернаторства. По его предложению в начале 1790-х гг. была организована Комиссия по снятию плана Москвы. Используя этот план, губернатор предполагал в будущем усовершенствовать планировку древнего города. План пригодился через два десятилетия, когда архитекторы создавали новую Москву на месте сгоревшей в пламени войны 1812 гг. За свою деятельность в Москве П.В. Лопухин 07 июня 1785 г. был награжден орденом Святого равноапостольного Князя Владимира 2-й степени [3, стр. 322].

В 1791 г. П.В. Лопухин получил звание генерал-поручика. Из Москвы Лопухин был переведен в 1793 г. в Ярославль в должности генерал-губернатора Ярославля и Вологды [18]. По вступлении на престол императора Павла I в 1796 г. П.В. Лопухин был произведен в тайные советники с пожалованием ордена Святого Александра Невского. При этом он был назначен присутствующим в Московском департаменте Сената [21].

По воспоминаниям сына Лопухина, Павла Петровича, его отец был человек «даровитый и в особенности отличался необыкновенною легкостью и быстротой работы». Благодаря этим своим качествам он в марте-апреле 1797 г. заслужил благосклонность государя, во время пребывания его на коронации в Москве. Лопухин был представлен императору вместе со всеми московскими сенаторами. Узнав, что Петр Васильевич недавно служил ярославским наместником, Павел I предложил ему задержаться во дворце и прояснить существо одного из дел, по которому до этого император ни от кого не мог получить пояснения. Передав задание, Лопухин в тот же день собрал все нужные бумаги по этому делу, находившемуся в московском департаменте Сената, и, просидев над ними всю ночь, наутро, в 6 часов, уже находился в приемной государя. Павел I сразу же принял его и остался очень доволен и содержанием доклада, толковым и

обстоятельным, и быстротой его подготовки.

Все последующие поручения государя Лопухин выполнял быстро и, главное, качественно. Вместе с бароном А. И. Васильевым и графом П.В. Завадовским он занимался делами внешнего государственного займа. Личные свойства Лопухина, его оперативность и основательность в делах без сомнения способствовали его возвышению. Но в те времена этого было все же недостаточно для успешной карьеры. На успех нельзя было рассчитывать без поддержки какого-либо влиятельного вельможи, имевшего вес при дворе. Им стал светлейший князь А.А. Безбородко.

В августе 1798 г. П.В. Лопухин был переведён в Санкт-Петербург и назначен генерал-прокурором и главой Правительствующего Сената Российской империи с производством в действительные тайные советники и награждением орденом Святого апостола Андрея Первозванного. За полтора года служения в этой должности Пётр Васильевич сделал немало. Участвовал в подготовке указов об избавлении от телесных наказаний лиц старше 70 лет и о передаче в Межевой департамент Сената дел об «отсуженных помещиками казённых землях» (оба 1798 г.), успел ввести новую тогда практику личного приёма прошений и жалоб по делам о злоупотреблениях и нарушениях законов. Он приказал губернским прокурорам доносить лично ему о злоупотреблениях высших должностных лиц губерний. Он принял строгие меры по искоренению разбоев, которые были в те времена бичом странствующих и путешествующих. Добился расширения прав губернских прокуроров по части надзора за местными органами власти.

После перевода в Петербург он обратил на себя внимание Павла быстротой и легкостью исполнения порученных дел. П.В. Лопухин занимался военными, финансовыми, административными, судебными делами, в его компетенцию входило назначение и увольнение, награждение, пожалование земли, душ и т.д.

По его докладом ежегодно выделялось 5 тыс. руб. на ремонт Московского университета, в 1799 г. было отпущено одновременно 25 тыс. руб. для постройки Дерптского (Тартуского) университета. Он занимался попечением казенных промышленных предприятий и сбором податей. П.В. Лопухин вопреки мнению Сената

16 октября 1798 г. добился запрещения продажи малороссийских крестьян без земли.

Успехи П.В. Лопухина были отмечены. 4 октября 1798 года он был избран почётным членом Санкт-Петербургского английского собрания. По прошению университетского начальства стал попечителем Московского университета. В 1798 году он вновь кавалер ордена Святого Андрея Первозванного и орденов Святой Анны и Иоанна Иерусалимского. 19 января 1799 г. Павел I дал указ Сенату: «В несомненный знак Нашего монаршего благоволения и в воздаяние верности и усердия в службе нашей действительного статского советника генерал-прокурора Лопухина всемилостивейше пожаловали Мы его князем Империи Нашей, распространяя достоинство и титул сей на все потомство от него, Лопухина, происходящее» [7]. По этому случаю был сделан герб нового княжеского рода: «Щит разделен горизонтально на две части, из коих в верхней в золотом поле находится черный двоеглавый орел коронованный, на груди которого изображено имя Государя Императора Павла Первого. В нижней части в серебряном поле красный Гриф, обращенный в правую сторону. На щите поставлены три шлема, увенчанные дворянскими коронами, и на среднем видны семь Павлиных перьев. Намет на щите голубой, подложенный серебром. Щит держат, с правой стороны Богиня, имеющая в руках Весы правосудия, а с левой Воин, имеющий в руках Знамя малинового цвета. Под щитом девиз «Благодать» [7].

11 марта 1799 г. Павел пожаловал Лопухину придворную ливрею и в потомственное владение староство Корсунь в Богуславском уезде Киевской губернии (ныне город Корсунь-Шевченковский Черкасской области, Украина), дававшее 200 тыс. руб. ежегодного дохода, а также великолепный сервиз и портрет императора с бриллиантами. Его жена была пожалована в статс-дамы, а дочь стала камер-фрейлиной.

Все эти монаршие милости породили зависть и злобу, начались интриги, которые через полгода в связи с нежеланием Петра Васильевича в них участвовать привели его к мысли о завершении службы в столице, и 07.07.1799 г. он подал прошение об отставке и уехал в Москву. В том же году известный поэт и куратор Московского университета М.М. Херасков откликнулся на деятельность П.В. Лопухина стихами:

*«Сияет кто душой, тому не есть излишни
Сиятельств имена, чины и титулы пышны,
Исчезнет в вечности и княжество и чин,
Но будет там сиять делами Лопухин!» [25].*

Вернул П.В. Лопухина на государственную службу император Александр I в качестве члена Непременного совета, учрежденного в 1801 г. В обязанности Непременного совета входили разработка и обсуждение важнейших законопроектов.

С 8 октября 1803 г. Пётр Васильевич Лопухин возглавил министерство юстиции и Комиссию по составлению законов. В 1808 г. Товарищем Министра юстиции рескриптом императора Александра I был назначен М.М. Сперанский [1; 2; 15; 28; 30].

Одновременно П.В. Лопухин занимал должность генерал-прокурора. Он провёл реорганизацию Сената: учредил два новых департамента, а также временные департаменты и комитеты для «обозрения» поступающих в Сенат жалоб. При этом П.В. Лопухин «испросил Высочайшего разрешения о порядке размещения департаментов в Санкт-Петербурге и Москве» [14, стр. 115]. В связи с тем, что дел в Сенате было много, то Лопухин предложил разделить 3-й департамент Сената на два отделения, с приложением штатов и расписанием губерний к ним. Кроме того, была заведена практика: в случае разногласий между сенаторами, каждый должен был на имя Императора подать записку с изложением своего мнения по спорному вопросу. В 1805 году Сенат направил на места разъяснение о том, что губернаторы не имеют права давать предписания прокурорам, как непосредственно подчиняющимся только генерал-прокурору [9, стр. 11]. За успехи в службе в 1806 г. П.В. Лопухин был награжден орденом св. Владимира 1-й степени.

В январе 1807 г. в дополнение к прежним обязанностям П.В. Лопухин возглавил Комитет сохранения общественной безопасности, рассматривавший дела об оскорблении величества, государственной измене, распространении «ложных сведений и слухов», о тайных обществах и другие. Многие чиновники положительно отреагировали на создание такого комитета. По словам государственного деятеля и литератора С.П. Жихарева «Пора обуздать болтовню людей неблагонамеренных; может быть, иные врут по глупости, находясь под влиянием

французов, но и глупца унять должно, когда он вреден...», – следовательно, учреждение Комитета как раз вовремя» [8, стр. 112].

По мнению А.Г. Звягинцева, данный комитет фактически возглавил организацию политического сыска в стране и стал промежуточным звеном между уничтоженной тайной экспедицией и созданным в 1826 г. Третьим отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии. В компетенцию Комитета входило рассмотрение дел о лицах, подозреваемых в переписке с неприятелем и в зловердных разглашениях, о возбуждении народа слухами о вольности крестьян, о подозрениях и изветах заговора против Государя Императора; об оскорблении особы Императора дерзкими и неприличными словами; о государственной измене; о распространении в народе ложных и вредных слухов по поводу военных событий; о составлении и распространении возмутительных воззваний и вредных сочинений [22]. Комитет сохранения общественной безопасности за три года провел сто семьдесят девять заседаний, рассмотрел 57 дел [8, стр. 112].

После образования в 1810 г. Государственного совета П.В. Лопухин был назначен председателем департамента гражданских и духовных дел, а в 1812 г. повелено было ему председательствовать в таких департаментах, как: гражданских и духовных дел, департаменте законов и государственной экономии, военных дел [3, стр. 322]. По мнению ряда современников и исследователей, в начале Отечественной войны 1812 г. именно князь П.В. Лопухин был одним из тех, кто предложил и настоял на назначении светлейшего князя М.И. Голенищева-Кутузова главнокомандующим русскими войсками.

В 1814 г. П.В. Лопухин был возведен в чин действительного тайного советника 1-го класса. Это был высший чин на государственной службе, соответствовал канцлеру и генерал-фельдмаршалу. В 1816 г. он был назначен председателем Государственного Совета и Комитета министров.

01.06.1826 г. П.В. Лопухин вступил в должность председателя Верховного уголовного суда, который рассматривал дела участников восстания декабристов. Причем среди участников этого мятежа был его сын от второго брака Павел Петрович Лопухин. Последний участвовал в Отечественной войне 1812 года, затем был

одним из основателей «Союза благоденствия», а после его распада вступил в возобновленное тайное общество. 28 декабря 1825 года император Николай I, после личного допроса молодого Лопухина, во время которого тот откровенно рассказал о своем участии в тайных обществах, «высочайше освободил» его от всякой ответственности [9, стр. 12].

2 ноября 1826 г. светлейший князь П.В. Лопухин, прослужив четырёх российским Государям почти 60 лет, из них более 40 лет на высших должностях, обратился к императору Николаю I с просьбой об отставке, однако император её не принял и просил его продолжать присматривать за делами государства. Таким образом, П.В. Лопухин дольше всех за всю историю существования руководил правительством Российской империи.

В 1819 г. П.В. Лопухин был избран почётным членом Российской академии наук. Это назначение было не случайно. При участии Петра Васильевича в его имениях были созданы известные архитектурные ансамбли: в селе Введенском с соимённым храмом близ Москвы (архитектор Н.А. Львов), на Аптекарском острове в Санкт-Петербурге (на этом месте до сих пор существует Лопухинский сад с проходящей рядом улицей, до 1936 г. именовавшейся Лопухинским шоссе, ныне улица Академика И.П. Павлова), в местечке Корсунь Киевской губернии (пожалованном Лопухину Императором Павлом I), а также дворец в Одессе, ныне гостиница «Лондонская».

Сохранились портреты П.В. Лопухина кисти В.Л. Боровиковского в Русском музее и С.С. Щукина в Государственном историческом музее, а также в галерее чешского г. Находа. Ныне репродукции и копии его портретов украшают парадные помещения Совета Федерации и здания правительства России, Генеральной прокуратуры и Министерства юстиции Российской Федерации.

Скончался Лопухин в 1827 г. в возрасте 74 лет и был похоронен в своём родовом имении на погосте Карачуницы Порховского уезда Псковской губернии в усыпальнице при Никольской церкви инвалидного дома, созданного Лопухиными.

Современники о Лопухине:

Ф. Растопчин высказался о нем так: «Трудно быть более способным, нежели этот человек. С обширным умом в нем соединяются глубокая прозорливость и умение легко работать. Он вкрадчив, лъстив, притворно простодушен, большой любитель прекрасного пола, ленив и фальшив до крайности. Ум, пороки и терпение этого человека поддерживали его кредит и доставили ему средства привязать к себе множество лиц, которым он оказывал услуги и на поведение которых глядел равнодушно».

Встречавшийся с Г.Р. Державиным С.П. Жихарев передал его мнение о Лопухине: «Человек старинного покроя и не тяготится принять и приласкать молодого человека, у которого нет связей... Все они (подразумеваю министров) большею частью люди добрые; вот хоть бы и граф Пётр Васильевич».

Князь И.М. Долгоруков: «Эгоист по характеру и чувству, равнодушный к родине, престолу и ближнему, он и добро, и зло делал только по встрече, без умысла и намерения; кроме себя, ничего не любит; кроме своего удовольствия, ничем не дорожит, покупая оное всеми средствами, без разбора их качества».

Иван Иванович Дмитриев, бывший в то время обер-прокурором Сената, вспоминал, что Лопухин был более опытен и сведущ в делах и законах, нежели его предшественник А.Б. Куракин. По его мнению, он «скоро понимал всякое дело, но никаким участием не занимался». Он не любил встречаться с прокурорами, а в трудных случаях склонен был поддерживать не своих подчиненных, а сенаторов, частенько вставая на их сторону. «Не предполагаю, – писал Дмитриев, – чтобы он хотел сделать кого несчастным, но равно и того, чтоб он решился стоять за правду».

К.Я. Булгаков писал о его болезни и смерти: «Лопухин плох... У него желудок перестал совершенно действовать. Надобно быть такому крепкому сложению, чтоб без желудка и ещё жить. Лежит и не может пошевелиться, так что у него сделались пролежни. Говорят, всё плачет, не хочет умирать... Вчера умер Лопухин, и как говорят, в памяти и твердости. Жене оставил дом, дачу и 50 тысяч дохода, прочее всё сыну».

Список литературы

1. Александрова А.Р., Кузнецов Э.В. Учебник по праву для императора (к истории ренессанса российского правоведения) // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 2. – С. 47-54.
2. Бадзгардзе Г.Д., Антонов И.А. Философско-правовые взгляды М.М. Сперанского и их реализация при проведении Судебной реформы 1864 года // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 3. – С. 39-45.
3. Бантыш-Каменский Д.Н. Словарь достопамятных людей русской земли, составленный Бантыш-Каменским: в 3-х частях. Часть 2. – СПб.: тип. Штаба отд. корпуса внутренней стражи, 1847. – 574 с.
4. Гейм И. О состоянии наук в России под покровительством Павла Перваго: Слово, при торжествовании все-радостного дня тезоименитства его императорского величества, всемилостивейшаго государя императора и самодержца всея России Павла Перваго / Именем Московскаго университета, говоренное на немецком языке Иваном Геймом, надворным советником, профессором и суббиблиотекарем университетским. – М.: Унив. тип., 1799. – [2], 14 с.
5. Гребельский П.Х. Светлейшие князья и дворяне Лопухины // Дворянские роды Российской Империи / Под ред. С.В. Думина. Т. 2. Князья. – СПб., 1995. – С. 168-185.
6. Гутман М.Ю., Кудин В.А., Сальников В.П. Обер-полицмейстеры Санкт-Петербурга (1779 – 1873 гг.) // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 4. – С. 11-53.
7. Дело Герольдмейстерской конторы: О даче Его Светлости генерал-прокурору князю Лопухину на сие достоинство диплома // РГАДА. – Ф. 286. – Оп.2. – Кн.70.
8. Звягинцев А.Г. 300 лет Российской Прокуратуры. Юбилейное издание к 300-летию создания Прокуратуры России. – М.: РИПОЛ классик, 2022. – С. 109-115.
9. Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. От первого прокурора России до последнего прокурора Союза. – М.: ОЛМА-Пресс, 2001. – 382 с.
10. Звягинцев А.Г. Прокуратура России. От истоков до наших дней. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. – 726, [2 с.: ил., портр., табл., факс.
11. Звягинцев А.Г. Роковая Фемида: драматические судьбы знаменитых российских юристов. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2012. – 430, [1] с.
12. Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. Жизнь и деяния генерал-прокуроров России в сценах и зарисовках. – М.: Олма-Пресс, 2001. – 351 с.
13. Змеев В.А. Жизнь и государственная деятельность П.В. Лопухина // Московский университет и судьбы русской интеллигенции. – М.: Полиграф сервис, 2004. – С. 124–131. – 225 с.: цв. ил.
14. Иванов П.И. Опыт биографий генерал-прокуроров и министров юстиции. – СПб.: печатано в Тип. Правительствующего Сената, 1863. – 181 с.
15. Иконникова И.С. М.М. Сперанский в интерьере личной библиотеки и правовая жизнь российского общества // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 18-24.
16. Карабанов П.Ф. Списки замечательных лиц русских, составленные П.Ф. Карабановым и дополненные князем П.В. Долгоруковым. – М.: Унив. тип., 1860. – 110 с.
17. Краевский Б.П. Лопухины в истории Отечества. К 1000-летию рода. – М.: Центрполиграф, 2001. – 861 с.
18. Лопухин Пётр Васильевич, светл. кн. [Биографическая справка] // Русский биографический словарь А.А. Половцова. Т. 10. – Стлб. 686–687.
19. Министерская система в Российской империи: к 200-летию министерств в России / М-во культуры и массовых коммуникаций РФ, Федеральное агентство по образованию, Российский гос. исторический архив; отв. сост. Д.И. Раскин. – М.: РОССПЭН, 2007. – 919, [1] с.
20. Министерство юстиции России за 200 лет (1802 – 2002). Историко-правовой очерк / М-во юстиции Российской Федерации; науч. ред.: М.М. Рассолов, С.А. Батова. – М.: НОРМА, 2002. – 405 с.
21. О назначении в сенаторы П.В. Лопухина // Российский государственный исторический архив. – Ф. 1374. – Оп. 1. – Д. 288. – Лл. 9, 11–25 (1796 г.)
22. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. – СПб., 1830. – Т. 29. – № 22425.
23. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. – СПб., 1830. – Т. 4. – № 2598.
24. Прокуроры России. 295 лет на страже Закона. – М.: Генеральная прокуратура Российской Федерации : Граница, 2016. – 239 с.
25. Светлейший князь Пётр Васильевич // Лопухины. Родословная // URL: <https://lopukhins.ru/person/303/>
26. Собрание лучших сочинений к распространению знания и к произведению удовольствия, или Смешанная библиотека о разных физических, экономических, також до манифактур и до коммерции принадлежащих вещах. – В Москве: У Вевера и Сколария, 1762.
27. Соломон П.Х. Советская юстиция при Сталине / Пер. с англ. Л. Максименкова. – М.: РОССПЭН, 2008. – 462,

[1] с.

28. Сперанский М.М. Руководство к познанию законов / Отв. ред. В.П. Сальников, Ю.А. Сандулов. Серия: Классики истории и философии права. – СПб.: Лань, 2002. – 680 с. – (Мир культуры, истории и философии).
29. Сухарева О.В. Кто был кто в России от Петра I до Павла I. – М.: АСТ, 2005. – 701, [2] с.
30. Томсинов В.А. Светило российской бюрократии: исторический портрет М.М. Сперанского. – М.: Молодая гвардия, 1991. – 336 с.
31. Шевырёв С.П. История Московского университета. – М., 1855.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА. МЕЖДУНАРОДНОЕ И ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО. ИНОСТРАННОЕ ПРАВО

ПИКИН Игорь Евгеньевич,

аспирант кафедры уголовного права и процесса
Ленинградского государственного университета
им. А.И. Пушкина (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: igorpik11@mail.ru

Специальность 5.1.4 – Уголовно-правовые науки

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ХИЩЕНИЯ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ В ЗАРУБЕЖНОМ ПРАВЕ

***Аннотация.** Рассмотрены подходы привлечения к уголовной ответственности за хищения транспортных средств в зарубежном законодательстве. Проанализированы особенности объективных и субъективных признаков составов хищений транспортных средств, а также положительный опыт противодействия рассматриваемому виду преступности. На основе исследования предложены варианты совершенствования российского уголовного законодательства об ответственности за хищения транспортных средств.*

***Ключевые слова:** хищение; транспортные средства; уголовная ответственность; зарубежное уголовное законодательство; лишение свободы; штраф; деяние; санкции.*

PIKIN I.E.

LIABILITY FOR THEFT OF VEHICLES IN FOREIGN LAW

***The summary.** Approaches to bringing to criminal liability for theft of vehicles in foreign legislation are considered. The features of objective and subjective signs of theft of vehicles, as well as the positive experience of counteracting the type of crime under consideration, are analyzed. On the basis of the study, options for improving the Russian criminal legislation on liability for theft of vehicles are proposed.*

***Key words:** theft; vehicles; criminal liability; foreign criminal law; deprivation of liberty; fine; act; sanctions.*

Введение

Предотвращение хищений транспортных средств, представляющих собой наиболее распространённую категорию преступлений, требует усиления правового регулирования, а также реализации особых законодательных мер. Очень важна профилактическая работа в сфере правонарушений. Лучше, чтобы преступления не было [13; 30], чем бороться с его последствиями.

Для некоторых государств характерно наличие специального законодательства, закрепляющего ответственность за совершение данного деяния. В большинстве западноевропейских стран противодействию аналогичным преступлениям отведена ведущая роль в программе по борьбе с организованной преступностью. На законодательном уровне закреплена обязанность по снабжению всех новых автомобилей специальными

электронными блокираторами. В национально-правовых системах отдельных государств санкции за совершённое деяние могут отличаться, однако достаточно чётко прослеживается ужесточение наказаний.

Актуальность исследования находит своё отражение в значимости анализа зарубежного законодательства для российской практики. Посредством комплексного изучения историко-правового пути развития уголовного законодательства по данному вопросу, его состояния в современных реалиях зарубежных стран даёт возможности для улучшения отечественного права, основываясь на опыте европейских держав. Безусловно, это приведёт к благоприятным последствиям.

В национальных правовых системах любого государства содержатся нормы, закрепляющие уголовную ответственность за незаконное заимствование чужого имущества. Нормативной базой для этих норм являются положения Всеобщей декларации прав человека [2]. В её положениях провозглашается право любого человека владеть имуществом и недопущение произвольного его лишения. В случае их нарушения лицо управомочено добиваться восстановления в судебном порядке. Право на беспрепятственное пользование принадлежит любому физическому и юридическому лицу, которые не могут лишиться имущества за исключением интересов общества или с сообщением законодательства и общих принципов международного права [3].

Как отмечалось выше, незаконное временное пользование чужим имуществом регулируется нормами уголовного права всех зарубежных стран. Тем не менее, регламентация этого деяния зависит от политико-правовых традиций [17; 19; 20], уровня правосознания и правовой культуры [11; 12; 14; 15; 16; 18] конкретной страны. В праве Туниса, Афганистана, Румынии, Португалии, Индии и Японии не выделяется специальная норма, закрепляющая ответственность за временное завладение чужим имуществом. К такому деянию применяются общие положения о воровстве. Для Польши, Франции, Испании, Грузии, Германии и ряда других государств характерно обособление соответствующих норм в уголовном законодательстве [9].

Основной задачей норм, регулирующих назначение наказания за данное деяние, является охрана имущественных интересов собственника

или иного законного владельца транспортного средства. Лицо, совершившее хищение, причиняет ему вред, поскольку изымает из владения не принадлежащую ему вещь. Данная трактовка характерна для экономически развитых стран – Австрия, Великобритания, Швейцария, США, Дания и другие.

Помимо имущественных отношений, субъект преступления своими неправомерными деяниями посягает на жизнь и здоровье людей, общественную безопасность и иные общественные отношения, которые регулируются нормами уголовного права. Однако ведущими отношениями по-прежнему выступают имущественные. С этим фактором связан перенос в уголовных кодексах некоторых стран (Беларусь, Азербайджан, Грузия) данных норм из глав, регулирующих деяния против общественной безопасности в главы, посвящённые преступлениям против собственности [9].

В таких странах как Финляндия, Швейцария и Дания предметом хищения признаётся имущество в целом, а в Австрии, например, он трактуется только как «чужая движимая вещь». Помимо общих положений, в законодательстве многих стран предусмотрены специальные составы, которые предусматривают наступление уголовной ответственности за хищение конкретного транспортного средства (велосипеда и автомобиля – в Германии), механического средства передвижения (Швеция, Польша) или транспортного средства, основанного на принципе машинной тяги (Австрия). В испанском уголовном праве даже предусмотрен стоимостной лимит, при котором похищенное транспортное средство может выступать предметом преступления – если мотоцикл и автомобиль стоят свыше 50.000 песет [9].

Анализируя данное деяние как посягающее на общественную безопасность, права личности и порядок управления, можно обратиться к законодательству Китая, Латвии, Франции, Казахстана и других государств, в которых к предмету преступления отнесены также различные суда и транспортные средства, на борту которых могут находиться люди, включая стационарные платформы континентального шельфа.

Хищение транспортного средства не подразумевает его дальнейшую эксплуатацию по прямому назначению [21; 22]. Данное положение также находит своё отражение в зарубежном праве. В праве Швейцарии лицо, утаивающее от

управомоченного лица принадлежащую ему движимую вещь, не имея цели присвоить её себе, считается субъектом преступления, поскольку причиняет значительный ущерб другому лицу.

В разных странах хищение транспортного средства носит и формальный (большинство) и материальный состав. Практически во всех странах деяние считается оконченным с момента неправомерного завладения или непосредственной эксплуатации (формальный состав). В США и Швейцарии состав данного деяния характеризуется как материальный. То есть, оно является оконченным исключительно при наступлении общественно опасных последствий.

В системе континентального права целью уголовного законодательства выступает дифференциация ответственности за совершение деяний, посягающих на имущественные отношения, что является отличием от англо-саксонского права. В большинстве европейских государств хищение транспортных средств выделено в отдельную группу с применением специальных норм.

В ведущих державах прецедентного права – США и Англии – завладение транспортным средством влечёт наступление ответственности как за хищение иного чужого имущества. В романо-германском уголовном праве временное завладение характеризуется как менее тяжкое деяние, что отражается на применяемых санкциях.

Целью данного научного исследования выступает комплексный анализ зарубежного законодательства, посвящённого вопросам применения мер уголовной ответственности за хищение транспортных средств.

Обзор литературы. В последние несколько лет проблема ответственности за хищение транспортных средств вызывает широкий общественный резонанс и становится темой множества научных споров и исследований. Ведущими аспектами этих исследований являются анализ зарубежного опыта, а также динамика изменений в законодательстве.

Рассмотрим некоторые выводы, которые были сделаны в рамках предшествующих исследований.

Многими авторами отмечается, что для зарубежных государств характерным является усиление роли мер, направленных на предотвращение совершения хищения, чем на наказание виновного лица. Особое место уделяется роли компьютерных информационных сетей и

специальных программ, направленных на поиск угнанного транспортного средства.

Авторы подчёркивают, что для большинства стран характерно отсутствие специальной нормы о хищении транспортных средств. В таком случае применяются общие положения о краже имущества. Также во многих странах отсутствует конкретизация видов транспортных средств, подпадающих под ту или иную норму. Для некоторых стран, напротив, характерно наличие исчерпывающего перечня, что порождает вопросы о наличии ответственности за хищение не упомянутых транспортных средств.

Делается вывод о чертах схожести и различия в зарубежном и отечественном уголовном праве. Авторы подмечают, что, несмотря на общие характеристики, зарубежное право во многом отличается от российского в вопросах регулирования хищения транспортных средств. Отсутствие норм, тождественных ст. 166 российского Уголовного кодекса, является наиболее очевидным отличием.

Таким образом, проанализировав имеющийся научный опыт по теме исследования, можно говорить о том, что данная проблема активно рассматривается многими российскими и зарубежными авторами.

Материалы и методы

Основу методологии проведённого исследования составляют такие методы как анализ, обобщение, а также историко-правовой и сравнительно-правовой методы. Посредством анализа и обобщения происходит систематизация имеющегося теоретического и практического опыта. Через историко-правовой и сравнительно-правовой методы анализируется развитие законодательства с учётом временных периодов, а также сравнивается опыт разных зарубежных государств. На основании метода индукции делается вывод об общих чертах правового регулирования данного вопроса в разных странах.

Данное научное исследование опирается на действующее зарубежное уголовное законодательство в сфере регулирования ответственности за хищение транспортных средств, а также на предшествующие исследования учёных и юристов.

Результаты

С целью недопущения совершения данного

преступления во многих странах широкое распространение получило применение различных превентивных мер. Среди европейских стран Франция ещё в начале 90-х годов XX века начала активно использовать информационные технологии – была внедрена система учёта регистрационных номеров транспортных средств и возложена обязанность уничтожать титульные документы на все транспортные средства, выведенные из эксплуатации без возможности восстановления [9].

Вдобавок была создана единая система регистрации автомобилей, принимались юридические меры для противодействия хищениям транспортных средств согласно указаниям Европейского союза. Информация обо всех хищениях транспортных средств сохранена в формате базы данных, созданную на основе Шенгенского соглашения. Помимо Франции компьютеризация информации о хищениях транспортных средств получила распространение в Люксембурге, Бельгии и Нидерландах.

В Словакии регистрационные документы транспортных средств включают в себя особые элементы защиты. При тесном взаимодействии органов правопорядка и компании «Car Coud Bratislava» создали специальную систему кодов, предъявляемых страховым компаниям. На стёклах автомобилей имеется специальная отметка, содержащая в себе последние 8 цифр идентификационного номера, что также ускоряет поиск похищенного автомобиля [9].

Также для стран Европы характерны деятельность общественных разъяснительных компаний и наличие специальной подготовки сотрудников правоохранительных органов. Данная подготовка включает в себя направленность на противодействие хищения транспортных средств и оперативное раскрытие таких дел.

Несмотря на широкий спектр принимаемых мер, уровень хищений транспортных средств остаётся высоким. Поэтому вопрос ответственности не теряет актуальность даже с учётом многообразия превентивных мер. Во многих странах хищение транспортных средств регулируется общими нормами уголовного права о краже имущества, не выделяя их в отдельную группу.

Особенностью немецкого законодательства выступает регулирование хищений транспортных средств нормами законодательства о пресечении незаконного оборота наркотических средств и иных проявлений организованной преступности.

Поэтому санкции за данное деяние можно охарактеризовать как наиболее строгие.

Например, совершение деяния группой лиц при наличии иных отягчающих обстоятельств или незаконный оборот похищенного транспортного средства группой лиц считается тяжким уголовно наказуемым деянием с применением соответствующих норм и видов наказания [9].

При раскрытии данной категории дел сотрудники правоохранительных органов обладают расширенным спектром полномочий. В частности, допускается прослушивать телефонные переговоры. Также с данным деянием напрямую связаны вопросы подделки документов транспортных средств и сопряжённые с этим преступления.

Согласно Уголовному кодексу Германии (раздел «Кража и присвоение») [27] данное преступление санкционируется лишением свободы до трёх лет, либо в форме штрафа, если по иным предписаниям не предусмотрена более строгая санкция. По заявлению потерпевшей стороны начинается уголовное преследование виновного лица. Покушение на хищение транспортного средства тоже санкционировано уголовным законодательством.

Предметом деяния выступают транспортные средства, приводимые в действие машинной силой. Сходство отечественного и немецкого законодательство по данному вопросу прослеживается в квалификации деяния как оконченного с того момента, как транспортное средство начало передвижение. Но если в российском уголовном праве ответственность наступает в результате передвижения транспорта средства любым способом, то в Германии необходимо привести его в движение исключительно силами собственного механизма [7].

В Великобритании действует законодательство о кражах от 1968 года [5], нормами которого закрепляется ответственность за завладение транспортным средством при отсутствии на то соответствующих прав. Отдельные нормы регулируют вопросы хищения иных групп транспортных средств, например, велосипед. Впоследствии был принят специальный закон, провозглашающий необходимость установки на все автомобили противоугонных средств с 1 июля 1972 года. Данные средства представляли из себя замки на рулевых колонках, что позволило на определённое время снизить процент угнанных автомобилей в несколько раз.

По общему правилу предусмотрено наказание в виде лишения свободы до десяти лет (параграф 7). Поскольку в Великобритании действует прецедентное право, то срок наказания определяется исключительно на основании судебной практики и не зависит от размера похищенного. За хищение как крупного, так и мелкого имущества судом может быть назначено равное наказание.

Нормами греческого законодательства предусмотрена ответственность за незаконный оборот транспортных средств – их подделка, кража, незаконное присвоение, получение и распределение доходов, полученных от указанных выше действий [5]. Вопросы незаконного оборота транспортных средств регулируются нормами таможенного законодательства, в частности, контрабанда, удаление номера шасси на автомобиле или перенос и воспроизведение его на ином средстве передвижения, если за него не уплачена установленная законом пошлина.

В национальной правовой системе Болгарии данное деяние характеризуется как неправомерное изъятие транспортного средства из владения другого лица в отсутствие его согласия с целью использования его в дальнейшем. Квалифицирующими признаками преступления выступают повторность его совершения, алкогольное опьянение субъекта деяния, а также его совершение в целях получения дохода от использования транспортного средства (данный состав является наиболее распространённым в современных реалиях) [4].

Нормами норвежского законодательства предусмотрено, что лицо будет привлечено к уголовной ответственности, если неправомерно завладело чужим транспортным средством, использует его, распоряжается им или способствует этому [23]. То есть, сравнивая нормы норвежского и российского уголовного права, можно сказать об их различии. В отечественном праве особое внимание уделяется самому факту завладения чужим транспортным средством, в то время как норвежцы акцентируются на его непосредственном использовании.

Также нормами законодательства Норвегии предусмотрены санкции за хищение судна с движущим механизмом и летательного аппарата. В качестве наказания за такие деяния предусмотрены штраф или лишение свободы не более чем на три года. В том случае, если деяние повлекло за собой причинение значительного ущерба

для потерпевшего лица или иного имущества, а также при повторном совершении преступления, срок может быть увеличен до пяти лет.

В уголовном праве Польши тоже уделяется большее внимание использованию транспортного средства. Субъектом преступления, согласно нормам, считается лицо, которое незаконно кратковременно использует не принадлежащее ему механическое транспортное средство. Хищение транспортного средства определено главой 35 «Преступления против имущества», конкретно ст. 289. Как и в ряде других европейских стран, в Польше особое внимание уделяется именно использованию транспортного средства, а не самому факту незаконного завладения [26].

Нормы австрийского права характеризуют предмет преступного посягательства как транспортное средство, оборудованное машинной тягой, что исключает отнесение к данному перечню велосипедов, например. Санкция за совершение указанного деяния включает в себя штраф в размере трёхсот шестидесяти трудодней. Также при временном завладении транспортным средством в Австрии или Швеции наказание не превышает шести месяцев лишения свободы [24].

Согласно законодательству Швеции хищение транспортного средства является разновидностью кражи и санкционируется нормами соответствующей главы Уголовного кодекса. Субъектом преступления выступает лицо, которое незаконно владеет или использует любое средство передвижения, которое принадлежит другому лицу. Помимо средств передвижения предметом данного деяния могут выступать и разновидности технических средств, которые предназначены для выполнения определённых ремонтных, строительных или обслуживающих работ [29].

В уголовном праве Узбекистана предметом преступления выступает транспортное средство как таковое, не обладающее конкретными характеристиками (ст. 267). При отсутствии квалифицирующих признаков за данное преступление предусмотрено наказание в виде лишения свободы: минимальная граница составляет пять, а максимальная – десять лет. В последние годы наказание было ужесточено, если раньше максимальным сроком было пять лет лишения свободы, то теперь эта цифра определяет минимальную границу. В случае рецидива преступления санкцией предусмотрено от десяти до пятнадцати лет лишения свободы [10].

В национальной правовой системе Республики Корея под хищением транспортного средства понимается его временное использование без согласия лица, которому принадлежат права на него. В отличие от многих других государств, данная норма была введена в уголовное право Кореи только в середине 90-х годов прошлого века в связи с её присоединением к международным конвенциям. Также характерной чертой корейского законодательства выступает единство ответственности за хищение транспортных средств любых видов. Какое наказание следует за хищение отдельно взятого транспортного средства, в нормах кодекса не раскрывается [25].

В законодательстве Испании существует норма, посвящённая мелкой краже в целях использования мотоцикла или автотранспорта. В том случае, если лицо возвратит похищенное транспортное средство прямо или косвенно в том состоянии, в котором оно было похищено, в течение 48 часов, то данное деяние характеризуется как временное завладение, а не хищение (более тяжкое деяние) [6]. Если транспортное средство не было возвращено, то деяние приобретает черты ограбления или кражи.

Прямым возвратом транспортного средства считается посредством контакта с её хозяином, а косвенное подразумевает её оставление на месте угона или в любом другом месте, чтобы хозяин легко её обнаружил. Данное деяние санкционируется 244 Артиклем Уголовного кодекса и предусматривает наказание в виде неоплачиваемых работ на общественных местах или штрафа в несколько размеров заработной платы [6].

Нормами уголовного права Грузии урегулировано, что если лицо, противоправно завладевшее транспортным средством без цели хищения, добровольно вернёт его в исходном состоянии, то срок наказания будет сокращён вдвое. Последние годы характеризуются ужесточением санкций за данное деяние, его тенденция в сторону лишения свободы, без применения иных видов наказания [6].

Для французского законодательства характерно отсутствие нормы, аналогичной положениям ст. 166 отечественного законодательства [1]. Тем не менее, в отдельной главе закреплена ответственность за насилие или угрозу его применения при захвате средства передвижения, на борту которого могут находиться люди [28]. Исходя из анализа данной нормы, можно

говорить о том, что большее внимание уделяется вопросам свободы человека при совершении данного деяния.

В уголовном праве Латвии не делается разграничений по составам таких преступлений как кража и угон транспортных средств. Мера ответственности за оба деяния одинакова, отличия заключаются лишь в аспектах мотива совершения деяния, в предмете и способах [6].

Для уголовного права США хищение транспортных средств связано с получением страховых выплат для потерпевшей стороны. И в США и в Мексике неправомерное владение транспортным средством при отсутствии движения на нём является уголовно наказуемым деянием.

В Уголовном кодексе штата Нью-Йорк определено, что лицо признаётся виновным, когда оно незаконно проникло в помещение или иной объект недвижимого имущества и осталось в нём [8]. Примечательно, но к понятию «помещение» приравниваются сухопутные средства передвижения, суда, которые могут быть использованы для ночлега или ведения дел. Следовательно, согласно данной норме, помещением является даже автомобиль, поскольку любые передвижения на нём трактуется законодателем как ведение дел.

Основываясь на анализе уголовно-правовых норм в законодательстве зарубежных стран можно сделать вывод об отсутствии единства в правовом поле по данному вопросу. Несмотря на то, что государства однозначно характеризуют данное деяние как уголовно наказуемое, имеются различия в трактовке преступления в целом и его отдельных характеристик. Неоднозначным является и подход к назначению наказания. Не все страны содержат в своём законодательстве альтернативные санкции, что говорит о недостаточной эффективности конкретного института уголовно-правовой ответственности.

Обсуждение. В процессе анализа и сравнения норм, регулирующих вопросы ответственности за хищение транспортных средств в зарубежных странах, целесообразным представляется выявить также черты сходства и различия и относительно отечественного уголовного права. Наиболее очевидным в этом сравнении выступает критерий наличия или отсутствия данного состава в зарубежном законодательстве. На основании данного признака все государства можно разделить на две категории:

- 1) те, в уголовном праве которых присутствуют нормы, характеризующие хищение транспортных средств как уголовно наказуемое деяние (Польша, Россия, Германия, Болгария) – в законодательстве данных стран раскрывается понятие указанного деяния, описываются его характерные особенности и квалифицирующие признаки (повторное совершение, совершение деяния группой лиц и др.) [5];
- 2) те, для уголовного права которых характерно не выделение хищения транспортных средств в отдельную норму (Франция, Великобритания) – деяние рассматривается как кража с применением общих норм [5].

Некоторыми авторами в отдельную группу выделяются государства, в которых нормы, регулирующие вопросы ответственности за совершение указанного деяния, включают в себя исчерпывающий перечень предметов преступления – только легковые автомобили, например. В таких случаях транспорт специального назначения (автокраны, поливочные и снегоуборочные машины), и также грузовые автомобили не будут являться предметом преступления [5].

Вопрос ответственности за хищение транспортных средств во многих государствах решается по-разному. Наиболее распространёнными видами наказания в европейских странах выступают лишение свободы на определённый срок или штраф (Германия, Польша). В отечественном уголовном праве к указанным выше санкциям добавляются также ограничение свободы, принудительные работы и арест.

Таким образом, российское законодательство считается более эффективным, поскольку при наличии альтернативных санкций у суда появляется возможность назначить более подходящее в реалиях конкретного дела наказание, чтобы была достигнута его основная цель – исправление осуждённого и предотвращение совершения им преступлений в дальнейшем [9].

Несмотря на некоторую разрозненность в правовом регулировании данного деяния и в вопросах ответственности за его совершение, выделяются основные черты сходства.

Во-первых, для большинства государств характерно наличие обособленной нормы за совершение указанного деяния. Следовательно, это говорит о высокой статистике аналогичных преступлений, а также о его ведущей роли

в системе уголовного права зарубежных государств.

Во-вторых, как и в отечественном уголовном праве, в европейских странах деяние, связанное с причинением имущественного вреда посредством совершения противоправных действий отнесено к преступлениям против собственности. Тем не менее, расположение норм, предусматривающих санкцию за данное деяние, решает по-разному. Для многих государств характерно расположение данной нормы в главе, регулирующей вопросы ответственности за посягательства на право собственности, как и в российском Уголовном кодексе. Однако некоторые государства трактуют указанное деяние как транспортное преступление (Молдова) [6].

Отдельного внимания заслуживает добровольный возврат транспортного средства и его значение в уголовном праве. В Уголовном кодексе Грузии в случае возвращения транспортного средства в течение суток без повреждений способствует сокращению наказания в два раза. В некоторых странах даже предусмотрено полное освобождение от уголовной ответственности, если лицо ранее к уголовной ответственности за аналогичное деяние не привлекалось, добровольно заявило о совершённом преступлении в правоохранительные органы и возместило убытки.

В Дании возврат носит обязательный характер, поскольку в противном случае виновному будет назначено наказание не в виде штрафа (по общему правилу), а лишение свободы.

Заключение. Из анализа рассмотренного выше законодательства зарубежных стран следует, что акцент делается на повышении эффективности государственного регулирования по вопросам оборота транспортных средств. Достижение данной цели в большей степени связано с информатизацией этого процесса и посредством участия в нём общественных организаций.

Для некоторых стран (Финляндия, Швейцария, Норвегия) характерен специальный порядок привлечения к уголовной ответственности за хищение транспортных средств. В законодательстве Швейцарии содержится норма, гласящая, что к виновному лицу не будут применены санкции, если:

- 1) ущерб от совершённого деяния незначительный;
- 2) пострадавшая сторона откажется от подачи

жалобы при выявлении совершения преступления.

Для Финляндии и Норвегии характерным является учёт позиции потерпевшей стороны при определении преступности незаконного использования транспортного средства.

Проанализировав предусмотренные за данное деяние санкции можно говорить о лишении свободы и штрафе как основных видах наказания. В большинстве стран размер штрафа напрямую законом не определён. Тем не менее, в уголовном праве некоторых государств всё же установлены конкретные суммы или способы их определения. В Таблице 1 представлены некоторые из них.

Также во многих странах виновному лицу может быть назначено наказание в виде тюремного заключения или ареста.

Для Швеции и Австрии максимальный срок тюремного заключения не превышает шести месяцев, а в Дании он увеличен вдвое. В Польше предусмотрено лишение свободы от 3 месяцев до 5 лет, в Германии максимальный срок составляет 3 года. В США при наличии альтернативных санкций может быть назначено наказание до десяти лет тюремного заключения.

Естественно, институт уголовной ответственности за хищение транспортных средств в зарубежных странах находится в процессе формирования и совершенствования. Тем не менее, уже

можно говорить о положительных тенденциях и перспективах развития. Как способ противодействия имущественным преступлениям институт ответственности успешно реализуется и привносит свой вклад в становление единого европейского правопорядка.

Важным фактором является обязательный учёт всего негативного опыта организации данной деятельности и реализации мирового законодательства в современных реалиях. Адаптация наиболее эффективных положений законодательства других стран также способствует унификации норм по данному вопросу и созданию единого правового поля.

Проанализировав зарубежное законодательство по вопросам хищения транспортных средств, делается вывод о наличии как смежных, так и полярных признаков в российском праве сравнительно с иностранными аналогами. Также в рамках европейского пространства соседние страны могут обладать разными подходами к регулированию данного деяния.

Сделанные в ходе проведённого исследования выводы помогут сформировать целостную картину о состоянии зарубежного законодательства и на его основе продолжить дальнейшее реформирование отечественного уголовного права по вопросам наступления ответственности за хищение транспортных средств.

Таблица 1

Государство	Сумма штрафа	Пояснения
Австрия	360 трудодней	
Испания	От 3 до 8 заработных плат	
США	Зависит от стоимости имущества	Если она превышает 100 долларов, то максимальная сумма штрафа составит 10.000 долларов, а если не превышает, то не более 1.000 долларов.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации. – М., 2022.
2. Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.) // Российская газета. – 1998. – 10 декабря.
3. Протокол № 1 Европейской конвенции о защите прав и основных свобод от 20 марта 1952 // URL: <https://docs.cntd.ru/document/901867999>
4. Гаухман Л.Д. Ответственность за преступления против собственности. – М.: Юрист, 2018. – 338 с.
5. Гладили В.В. Временное позаимствование в уголовном праве: вопросы ответственности: Монография. – М:

- Волтерс Клувер, 2016. – 414 с.
6. Грибов А.С. Особенности криминализации неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством в зарубежном уголовном праве // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. – 2016. – № 1. – С. 50-52.
 7. Жалинский А.Э. Современное немецкое уголовное право. – М.: Проспект, 2017. – 480 с.
 8. Козочкин И.Д. Уголовное право США: Учебное пособие. – М.: Право, 2018. – 371 с.
 9. Кузнецова А.А. История зарубежного уголовного законодательства об ответственности за неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения // Молодой ученый. – № 4 (399). – С. 201-204.
 10. Лозовицкая Г.П. Общий сравнительно правовой комментарий и сравнительные таблицы уголовных кодексов государств – участников Содружества Независимых Государств (СНГ): в 2 ч. / Под ред. П.Г. Пономарева. – М.: Правовед, 2017. – 298 с.
 11. Насурдинов Э.С. Правовая культура: Монография / Отв. ред. Ф.Т. Тахиров. – М.: Норма, 2014. – 352 с.
 12. Сальников В.П. Правовая культура общества: понятие и структура // Вопросы теории государства и права. № 7. – Саратов: б.и., 1986. – С. 44-54.
 13. Сальников В., Захарцев С. Преступления, которых могло не быть // Защита и безопасность. – 2020. – № 4(95). – С. 30-31.
 14. Сальников В., Сальников М. Правовая онтология гражданского сознания // Юридический мир. – 2005. – № 11. – С. 48-53.
 15. Сальников В.П., Стремоухов А.Б. Правовая культура общества и личности – важнейшее средство охраны прав человека // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2000. – № 4 (8). – С. 19-22.
 16. Сальников В.П., Сальников М.В., Биктасов О.В. Онтологическо-правовые основания гражданского сознания // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – № 3. – С. 7-13.
 17. Сальников М.В. Национальное и универсальное начала в политико-правовой традиции (теоретико-правовой и аксиологический анализ) // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 10. – С. 11-32.
 18. Сальников М.В. Политико-правовая традиция и правовая культура общества: соотношение в теоретическом правоведении и юридической практике // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 169-186.
 19. Сальников М.В. Политико-правовая традиция как фактор, детерминирующий специфику национальной правовой системы // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 174-192.
 20. Сальников М.В. Традиционализм как политико-правовой феномен: методология познания и исследования // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 169-179.
 21. Сальников С.П., Павлик Е.М. Предупреждение хищений транспортных средств: криминологические и уголовно-правовые вопросы // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 10. – С. 122-130.
 22. Сафин Ф.Ю. Предупреждение угонов и хищений транспортных средств: общесоциальные меры // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10. – С. 160-164.
 23. Уголовное законодательство Норвегии / Под ред. Ю.В. Голика. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2018. – 421 с.
 24. Уголовный кодекс Австрии / Под ред. С.Ф. Милюкова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2016. – 485 с.
 25. Уголовный кодекс Республики Корея / Под ред. А.И. Коробеева. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2016. – 210 с.
 26. Уголовный кодекс Республики Польша / Под ред. А.И. Лукашова, Н.Ф. Кузнецовой. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2018. – 391 с.
 27. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии / Под ред. Д.А. Шестакова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2018. – 398 с.
 28. Уголовный кодекс Франции / Под ред. Л.В. Головки, Н.Е. Крыловой. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2018. – 226 с.
 29. Уголовный кодекс Швеции / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, С.С. Беляева. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2017. – 269 с.
 30. Яковлева М.А. Авторский взгляд на систему субъектов профилактики правонарушений в современной России // Юридическая наука. – 2019. – № 8. – С. 81-87.

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА. ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ПРАВОСОЗНАНИЕ. СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА И ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

САЛЬНИКОВ Виктор Петрович,
профессор Санкт-Петербургского военного
ордена Жукова института войск национальной
гвардии Российской Федерации, доктор юриди-
ческих наук, профессор, Заслуженный деятель
науки Российской Федерации, Почетный работ-
ник высшего профессионального образования
Российской Федерации, Почетный сотрудник
МВД России, академик РАЕН (г. Санкт-Петербург,
Россия)

E-mail: Fonduniver@bk.ru

ЗАХАРЦЕВ Сергей Иванович,
профессор Санкт-Петербургского военного
ордена Жукова института войск национальной
гвардии Российской Федерации, доктор юриди-
ческих наук (г. Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: zakhartsev2306@mail.ru

МАСЛЕННИКОВ Дмитрий Владимирович,
проректор Русской христианской гуманитар-
ной академии по научной работе, доктор фило-
софских наук, профессор (г. Санкт-Петербург,
Россия),

E-mail: dwm61@inbox.ru

**Специальность 5.1.1 – Теоретико-исторические
правовые науки**

Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ И ЕВРАЗИЙСКАЯ ИДЕЯ

***Аннотация.** Комплекс геополитических воззрений Ф.М. Достоевского формирует его идея народа, которая складывается во взаимодействии идеи Бога и идеи «почвы». Будущее России Достоевский видел не в общеславянском единстве, а в утверждении ее цивилизационной роли в географических пространствах на стыке Европы и Азии, исторически охваченных Российской империей, а также в нравственном влиянии России, русского «слова», на мировую культуру и на отношения между народами в условиях возрастающей агрессивности уходящей из мировой истории западной цивилизации.*

***Ключевые слова:** Ф.М. Достоевский; евразийство; геополитика; государство; добро; Валиханов; Данилевский; народ; философия права.*

**SAL'NIKOV V.P.
ZAKHARTSEV S.I.
MASLENNIKOV D.V.**

F.M. DOSTOEVSKY AND THE EURASIAN IDEA

The summary. The complex of geopolitical views of F.M. Dostoevsky is formed by his idea of the people, which is formed in the interaction of the idea of God and the idea of "soil". Dostoevsky saw the future of Russia not in pan-Slavic unity, but in the assertion of its civilizational role in the geographical spaces at the junction of Europe and Asia, historically covered by the Russian Empire, as well as in the moral influence of Russia, the Russian "word", on world culture and on relations between peoples in conditions of increasing aggressiveness of Western civilization leaving the world history.

Key words: F.M. Dostoevsky; Eurasianism; geopolitics; state; good; Valikhanov; Danilevsky; people; philosophy of law.

В своих художественных произведениях, в публицистике, в письмах Достоевский сумел максимально полно выразить мысль о том, что Россия не может существовать, не заключая в себе «идею» своего существования. Эта идея – одновременно и объективный «эйдос» (в платоновском смысле слова, как порождающая модель действительности), и субъективная идея, несущая смыслы всему человечеству [10, стр. 170-176]. То само «слово», о котором постоянно говорил мыслитель. Достоевский настаивает на том, что без этой всемирно-исторической миссии Россия не может существовать как государство [9, стр. 253].

В философии Достоевского идея народа обретает конкретность через причастность двум идеям: идее «максимума» духовного бытия – идее Бога – и идее «минимума» духовного бытия – идее земли, почвы. Синтез этих двух идей, собственно, и определяет особенность бытия народа. В системе миропонимания Достоевского Бог и земля не имеют противопоставления онтологического характера. Земля, будучи творением Божиим, свята и духовна [12, стр. 101-109]. Его материальность – это «иное» Бога, но это – Его «иное».

Р. Лаут, впервые предложивший метод систематической реконструкции философии Ф.М. Достоевского [57, стр. 171-182], писал «об особом отношении Достоевского к земле, которое следует назвать сострадательной любовью» [45, стр. 356; 12, стр. 101-110]. По Достоевскому, каждый стремится к единению с землей, хотя в историческом развитии общества люди все больше отделяются от нее, что в конечном счете может привести к апокалипсису [30; 47]. Однако «такое единство возможно для крестьянина. Мистическим образом он соединяет мужественное начало с женственным, когда пашет своим

плугом землю и бросает в нее семена» [45, стр. 356]. Лаут подчеркивает, что приобщение к земле означает для человека приобщение ко всему сущему, направленное на собственное совершенствование и на обожение, и обращает внимание на то, что, скажем, у Алеши Карамазова любовь к земле пробуждается вместе с укреплением в «сопереживании добра» [45, стр. 257].

Такого рода мистическое отношение Достоевского к земле, безусловно, имеет отношение к geopolitics, составляя исходный пункт ее философского основания. Geopolitics Достоевского строится на основе представлений, во-первых, о неразрывности народа и земли, на которой народ рождается и которую обрабатывает, и, во-вторых, о земле как о нравственно очищающей почве, как об источнике не только физической, но и нравственной жизни народа.

Geopolitics как наука о влиянии географического пространства и природной среды на становление и развитие народа и его государства [54] начала складываться несколько позже, ближе к началу XX столетия, будучи отмечена работами Ф. Ратцеля, К. Хаусхофера, Р. Челлена, А. Мэхэна, Х. Маккиндера... В России одна из наиболее заметных геополитических моделей была связана с идеологией так называемых «евразийцев»: Г.В. Вернадского, Л.П. Карсавина, П.Н. Савицкого, Н.С. Трубецкого, разработавшего философско-правовую составляющую евразийской идеологии Н.Н. Алексева [1; 2; 3; 44; 49; 70]. Позже идеи, близкие к евразийским, развивал Л.Н. Гумилев. В последние годы эти идеи становятся особенно востребованными с учетом динамичных тенденций евразийской интеграции [69, стр. 69-81], связанных как с геополитическими, так и с чисто экономическими интересами государств континента [66, стр. 7-9].

Согласно евразийцам, географическое

пространство, ограниченное Ледовитым океаном на севере, Тихим – на востоке, горными массивами на юге и отрицательной изотермой января на западе, определило общность исторической судьбы и духовную близость населяющих это пространство народов. Эта относительно замкнутая материковая «чаша» была почти полностью объединена в единое государство татаро-монголами, наследником которых стало российское государство, созданное прежде всего союзом русского и тюркских народов. Кровной близости славян, с которой связывали свои надежды многие национальные мыслители России в XIX веке (идея, против которой выступил Ф.М. Достоевский), евразийцы противопоставили близость по исторической судьбе и общему культурно-историческому коду, которые задаются единством и цельностью географического пространства от Карпат до Тихого океана и от Северного Ледовитого океана до Тибета.

Объединение этого пространства составило не только всемирно-историческую, но и нравственную задачу государствообразующего русского народа. Нравственный смысл государственного объединения географического пространства, предназначенный нам самой историей, понятен если вспомнить, что говорил Достоевский о нравственном значении земли, почвы, а с другой стороны, что говорит нам классическая философия от Платона до Гегеля о государстве как выражении высшей нравственной идеи [48]. Нравственная сущность почвы требовала завершенности в нравственной же идее Российского государства.

Отсюда понятно то исключительное значение, которое придавал философ неделимости и целостности Российского государства: «Я сам буду стоять за политическую целостность этой громады, до последней капли крови, потому что это единственный хороший результат, приобретенный Россией тысячелетними своими страданиями» [21, стр. 178]. Для Достоевского территориальная неделимость России – это не только политическая, но и – прежде всего! – нравственная категория. Как нам кажется, именно в этом пункте его рассуждений заложены основы для преодоления односторонности позиций славянофилов и западников [38, стр. 178-187].

Это геополитическое и историческое своеобразие России определило и характер взаимоотношения живущих в ней народов. Государство,

созданное совместным историческим творчеством разных народов на пространстве, предназначенном для их совместной жизни, не могло быть основано ни на каком ином принципе, кроме идеи межнациональной гармонии коренных этносов. За все время существования Московского царства, а затем Российской империи, ни один из населявших ее народов не прекратил своего существования. Российское государство никогда не знало геноцида народов, который сопровождал историю Европы и Америки. Напротив, народы двигались к своему культурному процветанию: создавалась национальная письменность там, где ее ранее не было, велось преподавание на национальных языках, поддерживались религиозные культы. Со времен Екатерины II не только православное, но и мусульманское духовенство получало материальную поддержку от государства.

В отличие о западных ученых-геополитиков русские евразийцы более последовательно акцентировали связь с почвой не только политических, но и нравственных устремлений народа. Эта составляющая, может быть, не очень явная, позволяет смотреть на Достоевского как на одного из их предшественников, как на «предь-евразийца» [32, стр. 17-24; 46, стр. 284-291].

Думаем, что ставя вопрос о евразийских идеалах Достоевского не будет лишним вспомнить и о времени его пребывания в сердце евразийских пространств – в степях под Семипалатинском, где глубоко символичной оказалась его дружба с двумя незаурядными представителями европейской и азиатской нации, по воле Российского государства встретившихся в Сибири ради общего дела государственного строительства речь идет об Александре Егоровиче Врангеле и Чокане Ченгизовиче Валиханове [16, стр. 145-162; 13; 15; 52].

А.Е. Врангель был этническим немцем, бароном, выпускником Царскосельского лицея, горячим патриотом России. Ч.Ч. Валиханов – сыном султана Чингиза Валиева, внуком султана Валихана, правнуком хана средней Кайсацкой орды Аблая. Таким образом, русский писатель подружился и близко сошелся с представителями двух народов – германского и тюркского – сыгравших самую значительную роль в становлении Российской империи. Было что-то символичное в этой дружбе, предвещавшее будущие любимые идеи мыслителя об историческом

предназначении России, о единении в ней самых разных народов и культур, о том уроке всечеловечности, который России должна и может дать миру. Именно гармония в отношениях между народами должна обеспечить, по глубокому убеждению Достоевского, грядущее величие России.

Дружба великого писателя с А.Е. Врангелем и Ч.Ч. Валихановым символически предвосхитила его будущую роль в мировой культуре – роль посредника между культурами Европы и Азии, стремившегося в своем творчестве реализовать историческое предназначение России как связующего звена между Востоком и Западом на основе всеобщего идеала человека как высшей ценности [7; 8; 11].

А.Е. Врангель служил в Семипалатинске прокурором и имел немало возможностей помочь ссыльному писателю, но более всего он помогал ему самым своим обществом образованного и благожелательного собеседника. Вот как писал об этом сам молодой прокурор: «Мы все ближе и ближе сходились с Федором Михайловичем. Он стал все чаще и чаще заходить ко мне, во всякое время дня, насколько позволяла его солдатская и моя чиновничья служба, зачастую обедал у меня, но особенно любил заходить вечерком пить чай – бесконечные стаканы – и курить мой «Бостанжогло» (тогдашняя табачная фирма) из длинного чубука... Снисходительность Федора Михайловича к людям была как бы не от мира сего. Все забитое судьбою, несчастное, хворое и бедное находило в нем особое участие. Его совсем из ряда выдающаяся доброта известна всем близко знавшим его. Ему я многим обязан, – писал Александр Егорович родным в Петербург, – и его слова, и советы, и идеи на всю жизнь укрепят меня. Он человек весьма набожный, болезненный, но воли железной...» [62, стр. 171].

В дальнейшем барона А.Е. Врангеля ждала долгая жизнь путешественника и дипломата (он скончался в 1915 году). Но самым главным событием своей жизни он всегда считал дружбу с великим человеком, который называл его – «мой брат и друг» [25, стр. 378]. В своих воспоминаниях А.Е. Врангель неизменно возвращался к своим беседам с русским гением: «Любимое времяпрепровождение было, когда мы в теплые вечера растягивались на траве и, лежа на спине, глядели на мириады звезд, мерцавших из синей

глубины неба. Эти минуты успокаивали его. Созерцание величия Творца, всеведомой, всемогущей Божеской силы наводило на нас какое-то умиление, сознание нашего ничтожества как-то смиряло наш дух. О религии с Достоевским мы мало беседовали. Он был скорее набожен, но в церковь ходил редко и попов, особенно сибирских, не любил. Говорил о Христе с восторгом... Чудные минуты пережил я с ним. Как много дало мне сближение с такой чудной, богато одаренной натурой. Между нами за все время нашего совместного житья не пробежала ни одна тучка, не было ни одного недоразумения. Он был десятью годами старше и много опытнее меня. Не раз, когда я, по молодости моих лет и житейской неопытности, приходил в отчаяние от окружающей меня гнусной среды, в которой я принужден был работать, когда подчас, казалось, силы оставят меня в борьбе со злом, Федор Михайлович всячески поддерживал во мне энергию, подбадривал меня своими советами и участием. За многое я ему благодарен, на многое он открыл мне глаза, и особенно я чту его память за чувство гуманности, которое он вселил в меня» [18, стр. 279 -280].

Был благодарен своей судьбе Достоевский и за встречу с Чоканом Валихановым, о котором современник писал: «Это был небывалый феномен – киргизский юноша, офицер... пользовавшийся в местном русском обществе репутацией человека с блестящими умственными способностями и с благородным направлением мыслей... Чокан был киргизский патриот, но в то же время это был и патриот русский...» [62, стр. 177]. Примечательно и то, что познакомился с Валихановым Достоевский в доме К.И. Иванова, мужа О.И. Анненковой, дочери декабриста И.А. Анненкова [19, стр. 287]. Военный инженер К.И. Иванов, адъютант начальника инженерной службы Отдельного Сибирского корпуса генерал-майора Бориславского, в своё время учился вместе с Достоевским в Петербургском инженерном корпусе.

Уже спустя некоторое время после окончания сибирской ссылки в письме А.Е. Врангелю из Твери от 31 октября 1859 г. Достоевский писал: «Валиханов премилый и презамечательный человек... Он член Географического общества. Справьтесь там о Валиханове, если будет время. Я его очень люблю и очень им интересуюсь» [25, стр. 371]. Достоевский, действительно,

следил за научной деятельностью молодого друга вплоть до его безвременной смерти.

Юрий Селезнев в своей биографии Достоевского так пишет о его дружбе с молодым «киргизом» (киргизами тогда называли всех представителей тюркских народов, живших в Средней Азии): «Валиханов и Достоевский за немногие дни, проведенные вместе, успели по-настоящему сдружиться, понять и полюбить друг друга. Валиханова угнетало настоящее состояние некогда создавших уникальную культуру народов Средней Азии» [62, стр. 177].

В России, в ее широкой, открытой душам других народов культуре, видел Валиханов единственную защиту от полного политического, национального и культурного упадка, порабощения великоханьским Китаем, надежду на возрождение народов Средней Азии. Россия же, по мысли Валиханова, служа связующим мостом между Востоком и Западом открывает его родине путь к вершинам человеческой культуры, путь Просвещения. Удачно выразил это качество Валиханова Г.Н. Потанин: «Он был слишком европеец, более европеец, чем многие русские. Эта привязанность к Европе не отрывала его от его народа, напротив, европейский дух, в котором он воспитался, обязывал его смотреть на себя как на слугу своего киргизского народа» [51, стр. 572].

Два великих патриота России, два европейца и евразийца сразу же нашли единый язык. Общение с Достоевским помогло Валиханову окончательно решить для себя вопрос о выборе жизненного пути – пути просветителя своего народа. «Мы связаны с русскими, – писал он, – исторически и даже кровным родством. Судьба миллионов людей, подающих несомненные надежды на гражданственное развитие людей, которые считают себя братьями русских по Отечеству и поступили в русское подданство добровольно, кажется, заслуживает большего внимания и большей попечительности в таких решительных вопросах, которые формируются в шекспировское «быть или не быть» [51, стр. 178].

«...Вы спрашиваете совета: как поступить Вам, – писал Валиханову Достоевский. – Напишите статью о Степи... помните, мы говорили об этом... Тогда бы Вы могли заинтересовать даже родных Ваших возможностью новой дороги для Вас...не великая ли цель, не святое

ли дело – быть чуть ли не первым из своих, который бы растолковал в России, что такое Степь, ее значение и Ваш народ относительно России, и в то же время, служить своей родине, просвещенным ходатайством за нее у русских. Вспомните, что Вы первый киргиз – образованный по-европейски вполне. Судьба же Вас сделала вдобавок превосходнейшим человеком, дав Вам и душу и сердце. Нельзя, нельзя отставать; настаивайте, старайтесь и даже хитрите, если можно. А ведь возможно всё, будьте уверены» [25, стр. 249].

М.М. Сеитов, ставя вопрос о «предъевразийстве» Ф.М. Достоевского, не только указывает на Ч.Ч. Валиханова как на прообраз одного из значительнейших персонажей «пятикнижия» – Версилова, в котором также разглядел черты евразийца, преодолевающего крайности славянофильства и западничества (заметим, что в одном из черновых набросков к роману Достоевский намечает характер Версилова путем отсылки к своим воспоминаниям о давнем друге: «страшное простодушие, Валиханов, обаяние» [29, стр. 43]) [61, стр. 133-137]. В этом автору статьи оказываются близки и позиции других исследователей. Так, например, А.Г. Ашитова, пишет, что в лице Валиханова будущий автор «Подростка» «...столкнулся с феноменом синтеза двух культур: мусульманской и европейской» и при этом подчеркивает: «В способностях сильного ума, настолько критического, чтобы не стать ни славянофилом, ни западником, заключается еще одна общая черта Валиханова и Версилова» [6, стр. 316].

Опираясь на эту предпосылку, автор статьи, не без оснований утверждает, что именно Валиханов первоначально сориентировал Достоевского на евразийские идеи: «По его мнению, Европа в лице России – первый и главный «партнер» у киргизов. Он явился инициатором новой казахской культуры, направленной на преодоление этнической замкнутости и ориентированной на приобщение к мировой культуре. Например, Валиханов предложил учредить в округах вместо татарских (исламских) школ русские. С одной стороны, здесь налицо критическое отношение Валиханова к религии, с другой – доверительное отношение к российскому образованию (сам он его получил в одном из лучших учебных заведений Сибири). И не случайно Достоевский скажет ему: «Вспомните, вы первый киргиз

– образованный по-европейски вполне». При этом возрождение Степи просвещенный казах представлял как гармонической синтез национального с элементами европейской культуры, подчеркивая, что нововведения должны осуществляться лишь с учетом традиций. Так, он требовал от российского правительства не ликвидировать обычного права казахов – адата – и сохранить в неизменном виде суд биев» [61, стр. 133].

Соединение Просвещения Европы и Просвещения Востока, сохранение всех традиций и обычаев народов евразийского пространства через их культурную огранку – эту мысль, неоднократно выражавшуюся Валихановым, мы встретим потом в разных формах и в «Дневнике писателя», и в художественных произведениях Достоевского.

Достоевский и Валиханов потом много лет переписывались, хотя переписка эта не сохранилась (видимо, из-за многочисленных путешествий Валиханова). Показательна история с подарком Валиханова писателю, который был так значим для него, что он даже использовал его образ при объяснении в любви с Анной Григорьевной Сниткиной.

Вот как она сама описывает это в своих «Воспоминаниях»:

«- Видите этот большой палисандровый ящик? Это подарок моего сибирского друга Чокана Валиханова, и я им очень дорожу. В нем я храню мои рукописи, письма и вещи, дорогие мне по воспоминаниям. Так вот, вижу я во сне, что сижу перед этим ящиком и разбираю бумаги. Вдруг между ними что-то блеснуло, какая-то светлая звездочка. Я перебираю бумаги, а звездочка то появляется, то исчезает. Это меня заинтриговало: я стал медленно переключать бумаги и между ними нашел крошечный брильянтик. Но очень яркий и сверкающий.

- Что же вы с ним сделали?

- В том-то и горе, что не помню? Тут пошли другие сны, и я не знаю, что с ним случилось. Но то был хороший сон!» [17, стр. 40].

Валиханов, как и Достоевский, был настоящим патриотом Российской империи, справедливо считая ее строительство общим делом славянских и тюрских народов, а само евразийское государство – их общим домом. Думаем, что своеобразие имперской идеи Достоевского [29, стр. 49-50] сложилось не без влияния Валиханова.

Говоря о своеобразном предъевразийстве

Достоевского, нужно иметь в виду и идейную близость ему учения Н.Я. Данилевского, которого считают прямым предтечей евразийцев XX столетия [63; 64; 67].

Н.Я. Данилевский в своем учении об «исторических типах» систематически обосновал исходную для евразийства идею принципиального различия цивилизационного кода и исторической судьбы России и Европы. Согласно Данилевскому, Россия не относится к Европе, которую нужно рассматривать не в географическом, а в культурно-историческом смысле: как культуру преимущественно романо-германских народов, связанных с наследием древней средиземноморской цивилизации.

Оригинальность идей Данилевского состоит, в отличие от других панславистов, в том, что он построил политическую концепцию в свете органического учения о культурных типах, концепцию, которая во многом подобна шпенглеровской (есть свидетельства, что О. Шпенглер был знаком с книгой Данилевского). Согласно этой концепции, единого и связного культурно-исторического развития не существует, а есть лишь независимое друг от друга развитие определенных групп населения, образующих единую культуру.

По Данилевскому, Россия не является частью Европы. Россия должна составлять свой собственный мир, опираться на культурные традиции населяющих ее народов, без оглядки на Европу. Будущее этого самодостаточного мира Данилевский видел во всемирном объединении славянства. Нужно сказать, что отчасти этот проект, действительно, был реализован после Второй Мировой войны. Однако история показала, что Данилевский ошибался в перспективах общеславянского союза и переоценил значение славянского «братства», оставшегося, возможно, в глубокой древности.

Насколько прозорливее выглядит в этой связи Достоевский, который в «Дневнике писателя» прямо говорил о том, что никакой славянский союз невозможен, что при первой возможности западно-славянские народы предадут России и вольются в ряды ее самых сильных ненавистников! А для начала постараются максимально отмежеваться от России и забыть о помощи, оказанной ею славянским народам: «Но чтоб сказать прощальное слово об этой сербской войне, в которой мы, русские, чуть не все до единого, так участвовали нашим сердцем, то

мне кажется, что сербы расстанутся с нами и с помощью нашей еще с большею недоверчивостью, чем с какою встречали нас в начале войны. Заключить можно тоже, что недоверчивость эта к нам будет в них идти, увеличиваясь все время, пока они будут умственно расти и развиваться сами; стало быть, очень долго, и что нам, стало быть, прежде всего надо не обращать никакого внимания на их недоверчивость и делать свое дело, как сами знаем. Нам в Восточном вопросе необходимо иметь в виду неустанно одну истину: что славянская главная задача не в том только, чтоб освободиться от своих мучителей, а и в том, чтоб освобождение это совершить, хоть и с помощью русских (нельзя же иначе, и – если б только они могли обойтись без русских!), но по крайней мере оставаясь как можно меньше обязанными русским» [23, стр. 44]. Правоту данного суждения Ф.М. Достоевского вполне подтвердили события XXI века.

Впрочем, за исключением учения о всеславянском единстве Достоевский разделял все основные идеи автора «России и Европы». В письмах Достоевского имя Данилевского упоминается неоднократно с неизбежным уважением и выражением полного согласия с его учением. «Я от Страхова письмо тоже получил; много литературных новостей. Порадовало меня, между прочим, известие о статье Данилевского «Европа и Россия», о которой Ник<олай> Ник<олаевич> пишет как о капитальной статье. Признаюсь Вам, что о Данилевском я с самого 49-го года ничего не слыхал, но иногда думал о нем. Я припоминал, какой это был отчаянный фурьерист. И вот из фурьериста обратиться к России, стать опять русским и возлюбить свою почву и сущность! Вот по чему узнается широкий человек! Тургенев сделался немцем из русского писателя, – вот почему познается дрянной человек» [25, стр. 326] (Из письма А.Н. Майкову 11 декабря 1868 г.).

Но наиболее полную оценку работе Данилевского писатель да в своем послании известному критику Н.Н. Страхову 18 марта 1869: «Статья же Данилевского, в моих глазах, становится всё более и более важною и капитальною. Да ведь это – будущая настольная книга всех русских надолго; и как много способствует тому язык и ясность его, популярность его, несмотря на строго научный прием. Как хотелось бы мне поговорить об этой статье с Вами,

именно с Вами, Николай Николаевич; но слишком много надо говорить. Она до того совпала с моими собственными выводами и убеждениями, что я даже изумляюсь, на иных страницах, сходству выводов; многие из моих мыслей я давно-давно, уже два года, записываю, именно готовя тоже статью, и чуть не под тем же самым заглавием, с точно такою мыслию и выводами. Каково же радостное изумление мое, когда встречаю теперь почти то же самое, что я жаждал осуществить в будущем, – уже осуществленным – стройно, гармонически, с необыкновенной силой логики и с тою степенью научного приема, которую я, конечно, несмотря на все усилия мои, не мог бы осуществить никогда. Я до того жажду продолжения этой статьи, что каждый день бегаю на почту и высчитываю все вероятности скорейшего получения «Зари» (и хоть бы по три-то главы печатала редакция вместо двух! Прочтешь две главы и думаешь: целый месяц еще, а пожалуй и 40 дней! – так как «Заря» все-таки не отличается же аккуратностию выхода, не правда ли?). Потому еще жажду читать эту статью, что сомневаюсь несколько, и со страхом, об окончательном выводе; я всё еще не уверен, что Данилевский укажет в полной силе окончательную сущность русского призвания, которая состоит в разоблачении перед миром русского Христа, миру неведомого и которого начало заключается в нашем родном православии. По-моему, в этом вся сущность нашего будущего цивилизаторства и воскрешения хотя бы всей Европы и вся сущность нашего могучего будущего бытия. Но в одном слове не выскажешься, и я напрасно даже заговорил. Но одно (еще выскажу: не может такое строгое, такое русское, такое охранительное и зидительное направление журнала не иметь успеха и не отзываться радостно в читателях, после нашего жалкого, напускного, с раздраженными нервами, одностороннего и бесплодного отрицания» [27, стр. 30-31].

Как уже отмечалось, в отличие от Данилевского, будущее России Достоевский видел не в общеславянском единстве, а утверждении ее влияния в пространствах бывшей империи Чингис-хана и бывшей Византии (даже с возможным переносом столицы в Константинополь). Миссия такой России состоит в том, чтобы сказать миру свое «слово», выразить идею, что станет смыслом и системообразующим началом российского государства. Тем самым

Достоевский прямо предвосхищает ключевую мысль евразийства об «идее-правительнице».

О завершении петровской эпохи Достоевский пророчески писал: «Вы вот думаете, что будет все один Петербург продолжаться. Уж и теперь начинается местами протест провинциальной печати против Петербурга (да и не против Петербурга вовсе, а против вас же, усевшихся в Петербурге и в нем обособившихся) – и которая хочет что-то там сказать у себя новое» [22, стр. 57]. Обратим внимание на это выражение: «и в нем обособившихся». Как мы уже отмечали, тема обособления, выпадения из единства народа, возникает у Достоевского всякий раз, когда он писал о потере человеком истины и в «Преступлении и наказании», и в «Бесах», и на страницах «Дневника писателя», посвященных либералам, «обособившимся» в своем Петербурге.

«Слово», которое должна сказать Россия миру – это не какое-то отдельное суждение или фокусническая фраза, или даже целая теория, изобретенная рассудком отдельного человека. Это «нравственное слово» – то знание истины, которое выработал в себе народ в процессе всей своей истории, накапливающей опыт подвижничества, самопреодоления и развития. Это – та самая «русская идея», которая, по словам В.С. Соловьева, есть то, что Бог думает о нации в вечности.

Согласно Достоевскому «Слово» это должно открыть миру особенное русское знание о Христе. Прежде всего оно должно быть выражено в каждой из возможных форм практического действия, обращенных к миру, включая и справедливую внешнюю политику: «Для всякого русского это не может и не должно составлять вопроса. Россия поступит честно – вот и весь ответ на вопрос. Пусть в Англии первый министр извращает правду пред парламентом из политики и сообщает ему официально, что истребление шестидесяти тысяч болгар произошло не турками, не башибузуками, а славянскими выходцами, – и пусть весь парламент из политики верит ему и безмолвно одобряет его ложь: в России ничего подобного быть не может и не должно. Скажут иные: не может же Россия идти во всяком случае навстречу явной своей невыгоде? Но, однако, в чем выгода России? Выгода России именно, коли надо, пойти даже и на явную невыгоду, на явную жертву, лишь бы не нарушить справедливости» («Дневник

писателя»). Именно идея справедливости должна лежать в основании и государственности, и права, и геополитики России.

Говоря о религиозно-нравственном начале, лежащем в основе российской государственности, о том начале, которое должно быть явлено всему миру, Достоевский выявляет его различные стороны: здесь милосердие и нравственное начало русского суда, здесь и любовь как первооснова государства. Это, кстати, не только художественная метафора: Гегель на высоком категориальном уровне обосновывает мысль о любви как основе государства [14, стр. 424]. Достоевский, возвращаясь в письме А.Н. Майкову 21-22 марта 1868 года к теме народной монархии, утверждал, что любовь, явленная в отношении монарх и народа, лежит в основе русского государства и именно этой своей стороной оно должно явить себя миру: «... наша конституция есть взаимная любовь монарха к народу и народа к монарху. Да, любовное, а не завоевательное начало государства нашего (которое открыли, кажется, первые славянофилы) есть величайшая мысль, на которой много созиждется. Эту мысль мы скажем Европе, которая в ней ничего ровно не понимает...» [26, стр. 280]. Отметим, что эта тема народной монархии была очень близка Достоевскому. Отстаивая ее, петербургский писатель во многом предвосхитил идеи Л.А. Тихомирова и И.Л. Солоневича [65; 68].

Разделяя идеи Н.Я. Данилевского о том, что Россия излишне и с вредом для себя была погружена в европейские дела, что ей следует более обратиться к своим внутренним делам, что необходимо сместить приоритеты внешней политики с западного на восточное направление. Достоевский уделял много внимания вопросам отношения Европы и России в публицистике, в письмах и в художественных произведениях (достаточно вспомнить образ Версилова). От проницательного взгляда писателя не ускользнули черты, предвещавшие грядущий «закат» Запада, провозглашенный полстолетия спустя О. Шпенглером.

В «Зимних заметках о летних впечатлениях» Достоевский признавался: «За границей я не был ни разу; рвался я туда чуть не с моего первого детства... Вырвался я наконец за границу сорока лет от роду, и, уж разумеется, мне хотелось не только как можно более осмотреть, но даже всё осмотреть, непременно всё, несмотря

на срок» [38, стр. 178]. Встреча, однако, глубоко разочаровала его. Неустроенность быта, постоянный зимний холод, от которого в Европе некуда скрыться («Морозы здесь ударили ужасные, доходило до 20 градусов, и даже и теперь холод.... Топлива идет бессмысленно много, а тепла нет. Немцы хотят лучше мерзнуть, чем перенять у русских печи. Россию здесь ненавидят» [27, стр. 165], пьянство и грубость народа – вот темы, постоянно звучащие в его письмах из-за границы [26, стр. 243].

Образованное общество в Европе уже тогда было заражено тем качеством, которое в России назовут мещанством. Нужно сказать, что об опасности мещанства много размышлял и писал не только Достоевский, но совсем не близкие ему и, тем более, друг другу А.И. Герцен и К.Н. Леонтьев. Заметим по ходу дела, что комментируя «Преступление и наказание», Достоевский не преминул указать на мещанское происхождение Раскольникова, очевидно, имея в виду не только принадлежность к определенному сословию.

Именно под впечатлением от обмещанивания западной культуры Достоевский предостерегал от излишнего «европейничанья» наших людей за границей. Так, отрыв от родной почвы много способствовал, по мысли Достоевского, нравственному перерождению И.С. Тургенева и оскудению его таланта. Это явление, по Достоевскому, выражает собой отъединенность таких людей от единого народного тела, а во всякой отъединенности, разрушающей гармонию единого и многого, восходящую ко всеобщей гармонии Абсолютного Добра, писатель усматривает источник зла.

В письме наследнику престола 10 февраля 1873 года он прямо пишет об этом: «Эти явления – прямое последствие вековой оторванности всего просвещения русского от родных и самобытных начал русской жизни. Даже самые талантливые представители нашего псевдоевропейского развития давным-давно уже пришли к убеждению о совершенной преступности для нас, русских, мечтать о своей самобытности. Всего ужаснее то, что они совершенно правы; ибо, раз с гордостью назвав себя европейцами, мы тем самым отреклись быть русскими» [27, стр. 260].

Из стремления понравиться Европе сами русские начинают желать развала России и поддерживать ее врагов: «Я вон как-то зимою прочел в «Голосе» серьезное признание в передовой

статье, что «мы, дескать, радовались в Крымскую кампанию успехам оружия союзников и поражению наших». Нет, мой либерализм не доходил до этого; я был тогда еще в каторге и не радовался успеху союзников, а вместе с прочими товарищами моими, несчастенькими и солдатиками, ощутил себя русским, желал успеха оружию русскому и – хоть и оставался еще тогда всё еще с сильной закваской шелудивого русского либерализма, проповедованного г-ками вроде букашки навозной Белинского и проч., – но не считал себя нелогичным, ощущая себя русским. Правда, факт показал нам тоже, что болезнь, обуявшая цивилизованных русских, была гораздо сильнее, чем мы сами воображали, и что Белинскими, Краевскими и проч. дело не кончилось» [27, стр. 145].

Тем не менее, Россия, воспринявшая от Европы Просвещение, должна быть ей благодарна: «Европа нам тоже мать, как и Россия, вторая мать наша; мы много взяли от нее, и опять возьмем, и не захотим быть перед нею неблагодарными». О ней должно даже заботиться, как о дряхлеющей матери, и спустя десятилетия, когда в ориентализированной Европе сложатся новые народы и возникнут новые культуры, ухаживать за «могилой» этой «матери», вспоминая по большей части не причиненное ею зло, а то богатое культурное наследство, которое она оставила и которое ее народы в свое время отвергли, «ибо после такого духа, после такой науки – ввериться идее меча, крови, насилия и даже не подозревать, что есть дух и торжество духа, а смеяться над этим с капральской грубостью! Нет, это мертвый народ и без будущности» [27, стр. 176].

В 1871 году, когда были написаны эти строки, Европа находилась на вершине своего политического и экономического могущества. Для многих в России незыблем был ее нравственный авторитет, казалось, только с европейской культурой могут быть связаны идеалы гуманизма и прогресса. Однако вспомним, что в начале следующего столетия Первая мировая война похоронила эти прекраснодушные иллюзии. А заглавие книги О. Шпенглера – «Закат Запада» – прозвучало как своего рода эпитафия. Однако, полный смысл этого произведения, как и пророчеств Достоевского, будет раскрыт только в постевропейском мире.

Напомним, что книга Шпенглера была написана уже после трагических событий европейской истории. Достоевский же предсказал

мировую войну за тридцать с небольшим лет до нее, ошибившись лишь в сроках. В августе 1880 года, незадолго до своей смерти, он писал: «Наступит нечто такое, чего никто и не мыслит... Я только предчувствую, что подведен итог. Окончательный же расчет, уплата по итогу может произойти даже гораздо скорее, чем самая сильная фантазия могла бы предположить. Симптому ужасны. Уж одно только стародавнее-неестественное политическое положение европейских государств может послужить началом всему. Да и как бы оно могло быть естественным, когда неестественность заложена в основании их и накоплялась веками?» [24, стр. 167 -187].

Отталкиваясь от мысли о неестественности мирового господства Запада, Достоевский делает вывод о неизбежности мировой войны: «Эта неестественность и эти «неразрешимые» политические вопросы (всем известные, впрочем) непременно должны привести к огромной, окончательной, разделочной политической войне, в которой все будут замешаны и которая разразится в нынешнем еще столетии...» [24, стр. 187].

Как видим, ошибся наш пророк всего на пятнадцать лет. Но будущий крах всеевропейского «Титаника» он вполне явно различал и предостерегал против того, чтобы спешить брать на этот «Титаник» билет. Предостерегал против интеграции с ценностями, о которых завтра забудут, и против механического переноса уже изживших себя социальных, правовых, политических институтов: «А теперь-то вы, господа, указываете на те самые учреждения, которые там завтра же рухнут, как изживший свой век абсурд, и в которые и там уже многие умные люди не верят, которые держатся и существуют там до сих пор лишь по одной инерции. Да и кто, кроме отвлеченного доктринера, мог принимать комедию буржуазного единения, которую видим в Европе, за нормальную формулу человеческого единения на земле?» [24, стр. 168-169].

Нравственный надлом европейской культуры Достоевский видел в двуличии европейской политики по отношению к России, которая, впрочем, вполне поддерживалась (и не без выгоды) и рядовыми европейцами. Эту «связку» интересов писатель показал на примере информационной войны против России. Вот, что писал он об этом редактору одного из иностранных журналов в августе – сентябре 1868 года (письмо не было отправлено адресату): «Всем известно, что

есть в Европе несколько периодических изданий, почти специально назначенных ко вреду России. Не прекращается тоже в разных краях Европы и появление отдельных сочинений с тою же целью. Эти книжки имеют большею частью вид обнаружения тайн и ужасных секретов России. Человек, европеец или русский, долго страдавший и негодовавший в России, собиравший сведения, случайно поставленный так, что мог добраться до истины и до обнаружения чрезвычайных фактов, успевает наконец покинуть несчастную страну, в которой он задыхался от негодования, и где-нибудь за границей, где уже русское правительство над ним бессильно, издает наконец книгу – свои наблюдения, записки, секреты. Его издатель спешит надписать на заглавной странице «собственность издателя» – и вот масса публики, в чем я твердо убедился в этот год жизни моей за границей, с самой наивной добросовестностью верит, что всё это правда, святая истина, а не спекуляция на благородных чувствах читателя, не продажа на фунты или на метры благородного негодования, отлично фабрикованного для двух целей – для вреда России и для собственной выгоды, потому что благородное негодование все-таки продается, и продается с выгодой. Книжка издателю окупается, «труд» сочинителя тоже. Таких книжек я видел много, некоторые из них читал. Фабрикованы они или иностранцами, или даже русскими, – во всяком случае людьми, необходимо бывшими в России. В них называются известные имена, сообщается история известных лиц, описываются события, действительно бывшие, – но всё это описание неверно, с искажением для известной цели. И чем более автор лжет, тем становится он наглее. Промахи против истины и умышленные клеветы до такой степени иногда наглы и бесстыдны, что становятся даже забавны; я часто смеялся, читая эти сочинения. Тем не менее они вредны, – так, как и всякая клевета, всякое искажение истины. От всякой клеветы, как бы она ни была безобразна, все-таки что-нибудь остается. Кроме того, в массах европейской публики распространяются ложные, искаженные мнения и тем сильнее, чем малоизвестнее европейцам русская жизнь, а ложные мнения, ложные убеждения могут вредить в этом случае и не одной России. Таково по крайней мере мое убеждение» [26, стр. 314-315].

Начав письмо с частного, сугубо личного случая (Достоевский был произвольно назван

в одном из европейских изданий главой российских революционеров), писатель выходит на уровень поистине философского обобщения: не может быть культуры, общества, государства, основанных на лжи. Утрата стремления к истине как в делах планетарного масштаба, так и в частной сфере, свидетельствует об угасании культуры (отметим, что именно эта мысль во многом инициировала первоначальный интерес к Достоевскому в Европе [40, стр. 185-197]).

История учит, что степень агрессивности умирающей цивилизации многократно возрастает. В «Дневнике писателя» Достоевский описывал возвращение прусских войск из поверженного Парижа в 1871 году, сопровождавшееся чудовищным всплеском немецкой русофобии: «”Вот мы покончили с французами, а теперь примемся и за вас“. Эта злоба против русских вскипела тогда в народе сама собою» [22, с. 60]. В этом великий писатель, впрочем, не находил ничего удивительного для себя.

Уже в XIX веке Европа утратила моральный авторитет для всего остального мира. «Не может одна малая часть человечества владеть всем остальным человечеством как рабом, а ведь для этой единственно цели и слагались до сих пор все гражданские (уже давно не христианские) учреждения Европы, теперь совершенно языческой» [24, стр. 167-187]. Но только в наши дни это перерождение европейской культуры, отмеченное Достоевским, становится в полной мере очевидным. Европейские ценности для России все больше становятся антиценностями

и лжеценностями, они неприемлемы для россиян [4; 5; 28; 35; 36; 50; 53; 55].

Согласно Достоевскому, лишь в правде своей земли, в благом опыте богообщения, накопленном народом, человек находит ориентиры, ведущие к истине. Эти ориентиры – нормы права и идеалы морали, ценности, в которых человек видит грани идеи абсолютного добра [31, стр. 80-87; 37, стр. 173-178; 39, стр. 51-58]. Задача современной русской философии права, основные идеи которой, по свидетельству П.И. Новгородцева, были продуманы именно Достоевским, нам видится в том, чтобы выявить основные метафизические предпосылки синтеза идеи права, исходя из моментов идеи свободы [33] и справедливости [34; 41], фокусированных в общенациональных ценностях [42, стр. 102-115; 43, стр. 83-92; 59, стр. 170-178; 56, стр. 185-193; 60, стр. 163-180; 58, стр. 149-162].

Решению этой задачи служит творческое наследие Ф.М. Достоевского. Поскольку никто как Ф.М. Достоевский так остро и убедительно не выявил напряженный потенциал тех нравственных проблем, с которыми сталкивается человек, народ, государство, обращаясь к идеалу абсолютного добра. Специальная военная операция, начатая 24 февраля 2022 года, показала действительность двух основных тенденций, на которые пророчески указывал Ф.М. Достоевский сто пятьдесят лет назад: глубокий культурный кризис и все возрастающую степень агрессивности уходящей из мировой истории западной цивилизации.

Список литературы

1. Алексеев Н.Н. Идея государства. 2-е изд. / Отв. ред. В.П. Сальников, Ю.А. Сандулов. – СПб.: Лань, 2001. – 368 с. – Серия «Мир культуры, истории и философии».
2. Алексеев Н.Н. Очерки по общей теории государства. Основные предпосылки и гипотезы государственной науки. – М.: Московское научное изд-во, 1919. – 208, [1] с.
3. Алексеев Н.Н. Основы философии права / Под общ. редакцией В.П. Сальникова, М.Б. Ревновой, Д.В. Масленникова. – СПб: Юридический институт (Санкт-Петербург), 1998. – 216 с.
4. Ананских И.А., Серпухова О.Ю., Шелепова М.А. Формирование новой концепции брака и семьи в западной христианской церкви (американский профессор Джеймс В. Браунсон о новом прочтении Священного Писания) // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 4. – С. 181-188.
5. Ананских И.А., Силантьева В.А., Кулева М. Трансформация традиционных семейных ценностей как угроза национальной безопасности // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 1. – С. 40-46.
6. Ашитова Г.А. Чокан Валиханов как один из прототипов образа Версилова (роман «Подросток») // Ф.М. Достоевский и национальная культура / под ред. Г. К. Щенникова, А. В. Подчиленова. – Челябинск: Челябинский гос. ун-т, 1994. – Вып. 1. – С. 314 – 318.

7. Бастрыкин А.И., Сальников В.П. Идея человека в учении Ф.М. Достоевского о праве и государстве // Вестник института права Башкирского государственного университета. – 2021. – № 4. – С. 9-19.
8. Бастрыкин А.И., Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Взаимосвязь идеи абсолютного добра и свободы человека в философии права Ф.М. Достоевского // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 6. – С. 176-181.
9. Бастрыкин А.И., Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Идея Добра в творчестве Ф.М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права (к 200-летию Ф.М. Достоевского) / Вступительное слово профессора А. Александрова. – Издание второе, исправленное и дополненное. – СПб: Фонд «Университет», 2023. – 456 с.
10. Бастрыкин А.И., Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Творческое наследие Ф.М. Достоевского в современной европейской философии: поиск путей преодоления духовного отчуждения человека // Юридическая наука: история и современность. – 2020. – № 6. – С. 170-177.
11. Бастрыкин А.И., Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Человек и народ как высшие ценности в философии права Ф.М. Достоевского // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 3. – С. 165-172.
12. Богданова О.А. Концепт «земля» в творческом сознании Ф.М. Достоевского и культурных деятелей Серебряного века // Ф. М. Достоевский и культура Серебряного века: традиции, трактовки, трансформации. к 190-летию со дня рождения и к 130-летию со дня смерти Ф. М. Достоевского. – М.: Водолей, 2012. – С. 101-110.
13. Врангель А.Е. Воспоминания о Ф.М. Достоевском в Сибири. 1854-1856. – СПб.: тип. А.С. Суворина, 1912. – IV, 221 с.
14. Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – 524 [2] с.
15. Гришин Д.В. Достоевский: человек, писатель и мифы // Достоевский и его «Дневник писателя». – Мельбурн: Мельбурнский университет, 1971. – 369 с.;
16. Громыко М.М. Сибирские знакомые и друзья Ф.М. Достоевского. 1850-1854 гг. / Отв. ред. Н.Н. Покровский. – Новосибирск: Наука: Сибирское отделение, 1985. – 170 с. – Серия «Страницы истории нашей Родины».
17. Достоевская А.Г. Воспоминания. – М.: Правда, 1987. – 541,[2] с., [8] л. ил.
18. Достоевский глазами современников. – СПб: Амфора, 2016. – 459, [1] с.
19. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом). Т. 4. Записки из Мертвого дома. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1972. – 326 с., 1 л. ил.: факс.
20. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах/ АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом). Т. 16. Подросток Рукописные ред. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1976. – 438 с.: факс.
21. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом). Т. 20. Статьи и заметки. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1980. – 432 с.
22. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом). Т. 23: Дневник писателя за 1876 год. Май-октябрь. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1981. – 423 с.
23. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом). Т. 25. Дневник писателя за 1877 год. Январь – август. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1983. – 470 с.
24. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом). Т. 26. Дневник писателя, 1877, сентябрь-декабрь – 1880, август. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1984. – 518 с., 1 л. портр.
25. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом). Т. 28, кн. 1. Письма 1832 – 1859. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1985. – 551 с., 1 л. портр. : факс., портр.
26. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом). Т. 28, кн. 2. Письма 1860 – 1868. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1985. – 616 с.: факс., портр
27. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом). Т. 29, кн. 1. Письма 1869 – 1874. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1986. – 573 с., 1 л. портр. : портр., факс.
28. Жданов П.С., Сальников С.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. От гуманизма к имморализму, от прав естественных к правам противоземным: смена ценностных оснований западного права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 90-98.
29. Захаров В.Н. Имперская идея Ф.М. Достоевского // Русская литература и национальная государственность XVIII-XIX вв. Тезисы докладов международной научной конференции К 500-летию Московского

- Новодевичьего монастыря и 300-летию провозглашения Российской империи. – М.: ИМЛИ РАН, 2020. – С. 49-50.
30. Захарцев С.И., Сальников В.П. О гипотезе катаклизмов и круговорота жизни на Земле в контексте глобальных угроз человечеству // Мир политики и социологии. – 2016. – № 5. – С. 174-183.
 31. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 376 с. DOI 10.17513/np.467.
 32. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Теоретико-методологические основания философии права Ф.М. Достоевского как идеолога «предъевразийства» // Правовое государство: теория и практика. – 2019. – № 2 (56). – С. 17-24.
 33. Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права): Монография / Под ред. докт. юрид. наук С.И. Захарцева; И.А. Ананских, И.Н. Грибов, С.И. Захарцев, Н.В. Зорина, И.Р. Исмагилов, О.А. Клименко, О.Ю. Лежнева, С.Ф. Мазурин, Б.В. Маков, Д.В. Масленников, А.К. Мирзоев, П.А. Петров, Е.А. Поливко, К.Г. Прокофьев, О.В. Пылева, В.П. Сальников, М.В. Сальников, Ф.О. Чудин-Курган. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 288 с.
 34. Идея справедливости в традициях постклассической философии права: Научное издание / Р.Ф. Исмагилов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников, С.И. Захарцев, М.В. Сальников, Л.К. Петросян, А.В. Черняева; под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 176 с.
 35. Исаева Е.А. Трансформация института семьи: опыт зарубежных стран // Социально-юридическая тетрадь. Вып. 3: Семья в пространстве права: сборник научных трудов. – Ярославль: ЯрГУ, 2013. – С. 110-123.
 36. Исаева Е.А., Соколов А.В. Легализация однополых браков: реализация политики равенства или разрушение института семьи? // Ярославский педагогический вестник. Том I (Гуманитарные науки). – 2013. – № 3. – С. 109-112.
 37. Исмагилов Р.Ф. Добро и зло в философии права Ф.М. Достоевского // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 10. – С. 173-178.
 38. Исмагилов Р.Ф. Поиск путей сближения позднего славянофильства и западничества в философии права Ф.М. Достоевского // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 11. – С. 178-187.
 39. Исмагилов Р.Ф. Сущность и смысл всеобщего бытия в творчестве Ф.М. Достоевского // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 8. – С. 51-58.
 40. Исмагилов Р.Ф. Творчество Достоевского как феноменология русской души и культуры (ранний опыт восприятия европейскими философами русского мыслителя) // Мир политики и социологии. – 2016. – № 10. – С. 185-197.
 41. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость: исторические традиции и современные модели (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX-XXI вв.): Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 324 с. (Серия: «Наука и общество»).
 42. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Справедливость и правда как идея в русской философии права // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 7. – С. 102-115.
 43. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Философия Ф.М. Достоевского как источник суверенной российской философии права // Права человека в диалоге государственной власти и гражданского общества: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Дню прав человека (г. Уфа, 10 декабря 2020 г.). В 2-х частях. Ч. 1 / Отв. ред. Е.О. Тулупова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. – Уфа, 2020. – С. 83-92. – в сб. 243 с.
 44. Кондратьева А.Н., Сальников М.В., Цыганов В.И. Идеи евразийства в политико-правовой реальности современной России // Правовое государство: теория и практика. – 2018. – № 1. – С. 67-74.
 45. Лаут Рейнхард. Философия Достоевского в систематическом изложении / Под ред. А.В. Гулыги. Пер. с нем. И.С. Андреевой. – М.: Республика, 1996. – 447 с.
 46. Лесевидский А.В. Евразийский концепт Ф.М. Достоевского // Общество и этнополитика: Материалы седьмой Международной научно-практической интернет-конференции. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Сибирский институт управления / Под науч. ред. Л.В. Савинова. – Новосибирск: Сибирская академия государственной службы, 2015. – С. 284-291.
 47. Литвинов Н.Д. Пророчества как источник информации о кризисных ситуациях глобального характера в странах Западной Европы // Мир политики и социологии. – 2019. – № 11-12. – С. 59-95.
 48. Масленников Д.В., Ревнова М.Б. Отношение религии и государства в философии права Г.В.Ф. Гегеля // Юридическая мысль. – 2018. – № 1. – С. 20-25.
 49. Масленников Д.В., Семенов И.В. Учение Н.Н. Алексеева о нравственном идеале государства как опыт интеграции философии истории и философии культуры // Мир политики и социологии. – 2019. – № 11-12.

- С. 176-180.
50. Назарова Н.Л., Петросян Л.К., Сэруа В.С. Эволюция семейных ценностей в современном западном мире // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 5. – С. 96-100.
51. Потанин Г.Н. Чокан Чингисович Валиханов // Ч.Ч. Валиханов Собр. соч.: в 5 т. Т. 4. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1968. – С. 570 – 578.
52. Руцков Н.И. Достоевский и христианский социализм // Достоевский: материалы и исследования. – Вып. 1. – Л. : Наука. Ленинградское отделение, 1974. – 352 с.
53. Сальников В.П., Груздева М.Л. Преодоление Европы: философско-правовое эссе // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 11-22.
54. Сальников В.П., Ивашов Л.Г., Джегутанов Б.К. Философия глобализации (Методологические основы геополитической доктрины России): Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 268 с.
55. Сальников В.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. Западная цивилизация и угроза голубого интернационала: политико-правовая агрессия периода постмодерна // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 193-202.
56. Сальников В.П., Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников М.В. Развитие идеи абсолютной свободы в классической русской философии как источник суверенной философии права // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 12. – С. 185-193.
57. Сальников В.П., Исмагилов Р.Ф., Масленников Д.В., Захарцев С.И. Философия Ф.М. Достоевского как объект интерпретирующей реконструкции // Мир политики и социологии. – 2018. – № 9-10. – С. 171-183.
58. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Морозов А.И. Ценностное основание суверенитета (к вопросу о суверенной государственно-правовой идеологии) // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 11. – С. 149-162.
59. Сальников В.П., Захарцев С.И., Масленников Д.В., Прокофьев К.Г., Морозов А.И. Принцип суверенности государственно-правовой идеологии и философии права // Мир политики и социологии. – 2019. – № 9. – С. 170-178.
60. Сальников В.П., Исмагилов Р.Ф., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Морозов А.И. «Пушкинская речь» Достоевского и нравственная идея государства (К 140-летию выступления Ф.М. Достоевского) // Юридическая наука: история и современность. – 2020. – № 11. – С. 163-180.
61. Сеитов М.М. «Предъевразийство» Ф.М. Достоевского (А.П. Версильев И Ч.Ч. Валиханов) // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 10 (148). – С. 131 – 137.
62. Селезнев Ю.И. Достоевский. – 2-е изд. – М.: Молодая гвардия, 1985. – 543 с., ил – (Жизнь замечательных людей. Сер. биогр. Вып. 1(621)).
63. Соловьев С.А. Типология государств в концепции культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 10. – С. 47-51.
64. Соловьев С.А. От Данилевского к Шпенглеру: развитие цивилизационного подхода к типологии государств // Мир политики и социологии. – 2015. – № 10. – С. 76-79.
65. Солоневич И.Л. Народная монархия. – Минск: Лучи Софии, 1998. – 500, [3] с.
66. Степашин С.В. Приоритеты для евразийской интеграции и обеспечения ее конкурентоспособности // Право интеллектуальной собственности. – 2020. – № 4. – С. 7-9.
67. Султанов К.В. Социальная философия Н.Я. Данилевского: конфликт интерпретаций. – СПб.: СПбГУ, 2001. – 247 с.
68. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. – СПб.: Комплект, 1992. – 674,[6] с.
69. Хабриева Т.Я., Лукьянова В.Ю. Евразийская интеграция: особенности динамики // Бизнес и власть в России: регуляторная среда и правоприменительная практика / Шохин А.Н., Баширов М.Ф., Борисов С.Р., Воробьев М.А., Гальперин М.Л., Ефременков И.Н., Жигалов С.В., Иванов А.А., Иванов Е.А., Иванова В.С., Калганова Л.А., Кириллина В.Н., Комшукова О.В., Котелевская И.В., Ледяев В.Г., Лексин В.Н., Ложевский И.А., Лукьянова В.Ю., Назаров А.Г., Наумовский Лу. и др. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2017. – С. 69-81.
70. Цыганов В.И., Романовская В.Б. Возникновение евразийства: идейные истоки // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 7. – С. 121-123.

ОЛЬ Павел Андреевич,

профессор кафедры правоведения Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: opspb@mail.ru

САЛЬНИКОВ Михаил Викторович,

Президент Фонда содействия науке и образованию в области правоохранительной деятельности «Университет», главный научный сотрудник Юридического института (г. Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН (г. Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: salnikov-mihail66@yandex.ru

Специальность 5.1.1 – Теоретико-исторические правовые науки

ПРАВОСОЗНАНИЕ КАК ФОРМА ОТРАЖЕНИЯ ПРАВОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ

***Аннотация.** Анализируется правосознание как форма отражения правовой реальности в рамках материалистической методологии, обращаясь при этом к традиционному философскому дискурсу об общественном бытии и общественном сознании. Отмечается, что в современных условиях правосознание определяет и смысл жизни человека, и нормы поведения в обществе, и ценностные ориентиры деятельности.*

***Ключевые слова:** правовая реальность; правосознание; общественное сознание; отражение; материалистический подход.*

**OL P.A.
SAL'NIKOV M.V.**

LEGAL CONSCIOUSNESS AS A FORM OF REFLECTION OF LEGAL REALITY WITHIN THE FRAMEWORK OF MATERIALISTIC METHODOLOGY

***The summary.** Legal consciousness is analyzed as a form of reflection of legal reality within the framework of materialistic methodology, while referring to the traditional philosophical discourse about social being and social consciousness. It is noted that in modern conditions, legal consciousness is determined by the meaning of human life, and the norms of behavior in society, and value orientations of activity.*

***Key words:** legal reality; legal awareness; public consciousness; reflection; materialistic approach.*

Социально-историческая реальность предполагает единство субъективного и объективного

начал – общественного бытия и общественного сознания, которые при возведении в правовую

форму выступают соответственно как правовая реальность и ее отражение – правосознание или форма отражения правовой реальности. И в этом смысле правовая реальность выступает «в двух основных формах – объективной и субъективной. В первом случае это правовые отношения и социальные институты, а также соответствующие институты и организации, обслуживающие их, а во втором – сфера правосознания с ее нормами и ценностями» [1, стр. 115]. Таким образом, правовая реальность представляет собой синтез объективного и субъективного начал, единство общественного бытия и общественного сознания.

«Право, рассматриваемое в формально-структурном аспекте, одновременно дискретно и континуально. С одной стороны, в него входят нормы, законы, институциональные образования с отчетливыми социальными очертаниями, а с другой, оно представляет собой духовное пространство ценностей и смыслов, не имеющих жестких содержательных границ» [2, стр. 7]. Поэтому форма отражения правовой реальности представляет собой идеальное восприятие субъектом юридических явлений (психологический элемент), а также «духовное пространство ценностей и смыслов» т.е. сформированные на этой эмпирической основе общие представления, понятия о юридически должном, справедливом, целесообразном и т. п. (идеологический элемент). Таким образом, правосознание как форма отражения правовой реальности обладает собственной внутренней структурой и может быть условно дифференцировано на различные элементы (как правило, выделяют психологическую и идеологическую составляющие) [3, стр. 40-41].

В этой связи следует отметить, что представление о правовой реальности формируется на основе нравственных, духовных и других ориентаций индивида, группы, общества в целом, и, наоборот, правовую оценку получают религиозные, политические, экономические и иные институты и процессы. При этом «конкретное общественное правосознание в своей действительности выступает только как исторически и культурно определенное. Поэтому вопрос о сущности правосознания должен решаться посредством выявления именно таким образом определенных основных смысловых единиц». Эти «смысловые единицы», в свою очередь, являются доминантами духовности, некими системообразующими

идеями [21, стр. 12]. Таким образом, форма отражения правовой реальности есть результат соотношения юридических явлений с общими ценностями культуры. Как форма отражения правовой реальности правосознание представляет собой совокупность правовых представлений, чувств, убеждений, оценок, выражающих субъективное отношение индивидов, социальных групп, общества в целом к действующему или желаемому праву, другим явлениям правовой действительности, к поведению людей в сфере правового регулирования как правомерному или противоправному [36, стр. 475].

Формы общественного сознания существуют не обособленно, а взаимно дополняют друг друга, образуя единую систему отражения социально-исторической реальности [20, стр. 215]. Поэтому правосознание является также элементом правовой реальности и, следовательно, предполагает своеобразную самооценку и поиски путей своего совершенствования [20, стр. 215]. При этом следует согласиться с тем, что «отражение в сознании объективных характеристик права по своим механизмам, по «материализующимся» конечным результатам представляют собой один и тот же процесс, одну и ту же деятельность. Стремление удовлетворить определенные потребности посредством права вынуждает людей с помощью соответствующих операций, поступков, действий овладеть им, понять его природу. Многократные, постоянно возобновляющиеся акты «использования» права приводят к тому, что человеческое сознание начинает исподволь выделять его объективные признаки, воспринимать и осмысливать их как родственно близкие, то есть подводить их под одно понятие...образ права» [22, стр. 113]. Из этого следует, что правосознание находится в тесной взаимосвязи с правопониманием. Эта взаимосвязь определяется с одной стороны влиянием определенных чувств, эмоций настроений, переживаний, привычек и т. д. на познавательно-правовую деятельность, влиянием идеологии на складывающееся восприятие правовых явлений, формулировку понятия о праве и т. д. С другой стороны, сложившиеся представления о праве, понятие права, безусловно, составляют основу правовой идеологии. В зависимости от того, что понимается под правом (государственная воля, мера свободы, естественные жизненно-важные потребности человека и т. д.) определяется

направленность складывающихся в обществе взглядов, убеждений, теорий, концепций и т. д.

Очевидно, что все вышеизложенное предполагает определенным образом понимаемое соотношение социальной реальности и ее отражения в сознании человека. Соответственно мы должны обратиться к категориям и методологии философии. Здесь по нашему мнению необходимо в частности к традиционному философскому дискурсу об общественном бытии и общественном сознании. В этой связи следует констатировать, что отечественная философская мысль достаточно фундаментально раскрывает отношение между «общественным бытием» и «общественным сознанием». Методологическую основу при этом составляли диалектика Г.В.Ф.Гегеля и труды классиков материалистического философского подхода. При этом следует отметить, что в исследовании соотношения форм, уровней развития и содержательной стороны, наука «остановилась» на том суждении, что «гносеологическую сторону представляют обыденное и теоретическое сознание (по уровню отражения) и формы – политическое и правовое сознание, мораль, религия, искусство и т. д., а социологическую сторону такие элементы и компоненты, как знания, мнения, убеждения, нормы, символы, ценности (сознание делится по сферам – общественная психология, идеология, наука)» [39, стр. 63].

Научные концепции советского периода отечественной науки в основном исходили из того, что причиной всех изменений в сфере сознания, в том числе структурных, является диалектика материального и идеального в живой общественной практике индивидов. В этом смысле у всех форм сознания именно потому, что они суть порождения материального жизненного процесса, нет собственной истории и развития. Например, «действительная ограниченность» отношений древних общественно-производственных организмов, обусловленная низким уровнем развития производительных сил, «отражается идеально в древних религиях, обожествляющих природу, в народных верованиях» [25, стр. 89-90]. Такая форма бессознательно-художественной переработки действительности, как античная мифология, выросла на почве незрелых общественных отношений древнегреческого полиса, с наибольшей полнотой воплотившего «нормальное детство» человеческого

общества [28, стр. 48]. Отсюда суть постановки вопроса о формах сознания, их возникновении и социальной функции заключалась в том, чтобы вывести эти формы из реального хода вещей, из предметного мира деятельности индивидов, «из собственных форм существующей действительности развить истинную действительность как ее должествование и конечную цель» [24, стр. 380].

При этом учитывались обозначенные еще К. Марксом три формы связи индивидов: природно-личная, вещная и действительно социальная формы общности [28, стр. 100-101], а также данная им оценка особенности историчности, характеризующая своеобразной диалектикой содержания и формы. Этот процесс «беспрерывного изменения» идей – политических, правовых, религиозных, моральных, философских и т. д. – происходит в рамках сохраняющих устойчивость общих форм сознания – политики, права, философии, морали, религии, которые исчезнут лишь в будущем [28, стр. 445-446].

Исходя из этих положений, возникла задача, заключающаяся «в раскрытии процесса исторического осознания общественного бытия, динамика которого, в конечном счете, обуславливает и складывающиеся в ходе духовного освоения действительности состав и структуру общественного сознания. Ведь ни одна из его конкретных форм не возникает беспричинно и в заранее заданном виде. Вывести ту или иную конкретную форму, тот или иной уровень сознания из реального хода вещей, из действительной человеческой истории не значит свести сущность сознания или любой из его конкретных форм к отражению определенной социально-экономической реальности. Поэтому перед исследователями с необходимостью встает вопрос о форме и путях образования политических, правовых, моральных и прочих идеологических представлений и идей» [39, стр. 61].

В результате решения поставленной теоретической задачи исследование «форм общественного сознания» пошло по основным координатам: коллективное и индивидуальное, обыденное и теоретическое, историческое и функциональное. Это, безусловно, затронуло и область классических теоретико-правовых исследований советского периода. В рамках разных концепций правосознание, например, рассматривалось на основе функционального подхода, а также на

основе разграничения на общественное и индивидуальное, профессиональное и обыденное, что было характерным и относительно феномена правовой культуры в целом [34].

Опыт вычленения сознания в качестве социологического феномена позволил дать характеристику общественной формы духовной деятельности людей, выявить роль и функцию сознания в историческом процессе, в развитии той или иной общественной системы. В социологическом анализе сознание предстает одновременно как закономерный продукт и функционально значимый элемент социальной системы. Тем самым отечественной наукой было положено начало более глубокому и многостороннему изучению взаимоотношений сознания и общества: и в связи с духовной деятельностью вообще, и в связи с особой формой ее организации и функционирования – духовным производством, и в связи с развитием духовной культуры общества. Проблема «двойного» подхода к сознанию возникла как раз из-за узости гносеологической характеристики познавательного отношения человека к миру. И не только познавательного, но и вообще человеческого отношения, так как отражение, оказалось, не следует сводить лишь к познанию. Ограниченность формы (преимущественно логико-методологической), в которой реализовал себя гносеологический анализ сознания, вынуждал исследователей решать при помощи социологического анализа и собственно познавательные проблемы. Подспудно подразумевалось, что на диалектический материализм падает задача давать сознанию гносеологическую характеристику, а социологическую ему дает исторический материализм.

Как справедливо заметил Э.Х. Степанян, «независимо от желания авторов и несмотря на их оговорки, что такое разграничение не ведет к противопоставлению, подобная характеристика гносеологии и социологии создает неверное представление о марксистской философии и методологии. При таком различении обоих аспектов анализа теория познания диалектического материализма приобретает пассивно-созерцательный характер, а марксистская социология, по сути дела, лишается материалистического понимания истории. По этой логике получается, что анализ процесса отражения общественного бытия в общественном сознании – одно, а анализ происхождения, содержания

и роли общественного сознания – другое, т.е. теория отражения остается за пределами социологического исследования» [39, стр. 56].

Нам представляется, что сознание общественно уже генетически, по своему происхождению, являясь плодом, продуктом и одновременно инструментом деятельности общественного человека. Сознание невозможно без «мыслящей материи», без мозга, но и мозг как порождение природы становится человеческим лишь тогда и постольку, когда и поскольку он служит органом деятельности общественного индивида, необходимым условием его общественного бытия. Вместе с тем, сам К. Маркс «менее всего интересовался зарождением сознания в глубинах психики индивида, оно занимало его преимущественно как общественное явление. При анализе сознания он отказался от традиционной схемы субъективно-объективных взаимоотношений и включил в нее промежуточное звено – систему общественных отношений. Это звено К. Маркс рассматривает как доминирующий фактор, определяющий содержание объекта и субъекта, в определенном смысле формирующий и объект и субъект» [17, стр. 122]. Отсюда задача философии «заключается вовсе не в том, чтобы различить и противопоставить друг другу все, что находится «в сознании отдельного лица», всему, что находится вне этого индивидуального сознания, а в том, чтобы разграничить мир коллективно исповедуемых представлений, т. е. весь социально организованный мир духовной культуры, со всеми устойчивыми и вещественно зафиксированными всеобщими схемами его структуры, его организации, и реальный мир, каким он существует вне и помимо его выражения в этих социально узаконенных формах «опыта», в объективных формах духа» [15, стр. 46]. В этом, по нашему мнению, заключается и важнейшее методологическое значение философии права как научной дисциплины. Структура познавательной деятельности осуществляемой в рамках философии права и обращенная к правовой реальности как к объекту, должна исходить из самого факта объективно-существующих социальных отношений. При этом специфика предметной области должна определяться тем, что эти отношения соответствующим образом соотносятся и с правовой формой и с ее общественным осознанием, которое само формой относительно правовой реальности, или формой

общественного сознания.

В рамках материалистической диалектики определялось, что, однажды возникнув, формы сознания образуют некую общую систему, внутри которой устанавливаются сложные и специфические отношения, заставляющие исследователя любой из форм сознания считаться с рамками «условий, которые предписываются самой данной областью...» [26, стр. 420]. Но и эти отношения, в конечном счете, определяются ролью форм сознания в человеческой деятельности, характером их связи с реальным жизненным процессом, что совершенно необходимо учитывать при их исследовании. «Скажем, проблемы правосознания нельзя рассматривать «изнутри», без соотнесения их с состоянием и проблемами развития производственных отношений, «юридическим отражением» которых правосознание является; анализ нравственного сознания социалистического общества не будет плодотворным, если обходить реальную, «земную» его почву, ища истоки и причины возникающих морально-этических проблем где угодно, но только не в деятельности общественно-производственного организма; наблюдая отставание или отрыв искусства и литературы от жизни, важно подняться до обсуждения фактически сложившихся отношений между обществом и эстетическим сознанием» [39, стр. 68]. Если же идеолог, теоретик, художник форму и содержание мыслительного процесса выводит «из чистого мышления – или из своего собственного, или из мышления своих предшественников» [27, стр. 83], положительного эффекта от такой духовной деятельности, оторванной от реальной действительности, ждать не приходится. Первой серьезной юридической монографией в этом ракурсе явилась работа И.Е. Фарбера, в которой впервые в советское время был рассмотрен вопрос о правовой идеологии и правовой психологии как структурных элементах правосознания [40, стр. 60 и далее].

В разных научных подходах усматривается устойчивый дуализм в видовом разграничении общего понятия по уровням, в соответствии с глубиной и особенностями отражения явлений. В частности выделяют обыденное и теоретическое сознание, при этом иногда рассматриваются и некоторые промежуточные уровни, например, специализированное или профессиональное сознание. При рассмотрении правовой

реальности как явления общественного, социального, выступающего содержательной составляющей правосознания, необходимо остановиться на уровне обыденного сознания, которое формируется относительно спонтанно, в том плане, что в минимальной степени подлежит централизованному формирующему воздействию.

Исходным пунктом социально-философского анализа обыденного сознания является характеристика его как составной части исторически развивающегося общественного сознания, осуществляющей в условиях общественного разделения труда только ей свойственные познавательные и социальные функции.

В современной юридической науке обыденное правосознание рассматривается как совокупность повсеместно распространенных правовых знаний, представлений, чувств, возникающих как результат осмысления правовых предписаний и практики их реализации в деятельности субъектов. Ими обладают и их используют в практической деятельности абсолютное большинство субъектов независимо от принадлежности к различным социальным группам. Поэтому обыденное правосознание иногда интерпретируется в качестве массового, но не в смысле, того что оно не может быть индивидуальным, а подчеркивая его социальную значимость. Правосознания, которое складывается из передаваемого из поколения в поколение опыта социально-бытовой, трудовой и иной социальной деятельности, поскольку она приобретает правовую форму и связана с действием права. Массовое правосознание охватывает обычаи, традиции, простые нормы нравственности, представления об окружающей действительности, которые прямо или косвенно связаны с правовыми явлениями. При этом обыденный уровень правосознания соответствует индивидам, социальным группам, которые реализуют (соблюдают, исполняют, используют) правовые предписания в повседневных отношениях [36, стр. 482].

Занимая определенную нишу в структуре знаний об общественном сознании, обыденное сознание выполняет важную работу по «производству идеального» самими массами, непосредственными участниками общественного процесса производства. Содержание и значение этой работы (функции) вряд ли может быть определено посредством сопоставления обыденного сознания с теоретической формой освоения

действительности. Не случайно при подобных сопоставлениях возникает вопрос, «куда отнести» обыденное сознание в структуре, выделяющей три уровня общественного сознания – психологический, идеологический и научно-теоретический, и приходится решать схоластическую проблему – насколько обыденное сознание шире или уже общественной психологии.

Если общественное сознание есть осознанное бытие, которое порождается, вырабатывается обществом и неотделимо от многогранной деятельности людей, то это сложное по составу и структуре общественное явление, выполняющее многочисленные и разнообразные функции. Исходя из того, что «руководящей и организующей душой» любого объекта является его «назначение», следует констатировать, что общественная природа сознания может быть выявлена путем раскрытия его социальной функции в процессе саморазвития общества. Следовательно, процесс возникновения и развития сознания должен рассматриваться как становление и реализация важнейшей способности совокупной общественной деятельности людей, что предполагает совпадение логического с историческим.

«Принцип историзма и структурно-функциональный анализ сознания в социально-философской теории марксизма органически взаимосвязаны. Так, характеристика процесса возникновения и развития общественного сознания проливает свет на многие его особенности и закономерности, которые отнюдь не заданы изначально, а когда-то появились и проявились, самоутверждались и претерпевали существенные изменения. Вне истории взаимоотношений общественного бытия и общественного сознания нельзя понять ни социальную природу сознания, ни сам факт появления его конкретных форм – нравственности, религии, искусства, философии и др. Столь же несомненно и значение функционального анализа общественного сознания, в котором оно предстает как некое целостное образование и система. Рассматривая сознание как подсистему и функцию самой общественной жизни, мы обращаемся к наиболее развитым формам общественного сознания и благодаря этому получаем возможность правильно представить и оценить все его предшествующие исторические формы и стадии развития» [39, стр. 59].

Вместе с тем попытки представить обыденное сознание в качестве исторически изначальной

формы общественного сознания привело к тому, что оно всецело стало принадлежать ранним ступеням развития человеческого общества, т.е. первобытнообщинной формации. Хотя понятие «обыденное сознание» исторично и имеет смысл лишь в сопряжении с теоретической формой сознания, которая вырабатывается профессионалами. Как известно, оно возникает на определенной ступени развития общественного сознания. Переход от «стадного сознания» к сознанию общественно развитого («разумного») человека, возникновение первобытной морали, искусства, публично-правовых представлений и т.д. означает становление общественного сознания в собственном смысле слова. Так как происходит вычленение и отделение «непосредственного сознания», органически и напрямую связанного с жизнедеятельностью человека в социально организованное, «обобщенное» сознание. Например, мифологическое сознание по общепринятому мнению есть первая историческая форма и способ осознания природной и социальной действительности. Однако видеть в нем обыденное сознание, упуская из виду, что это специфическое общественное явление сложилось в процессе общественного разделения труда как результат «рассечения» духовной сферы после того, как она отделилась от материальной и обрела относительную самостоятельность. Обыденное сознание становится функцией общественного бытия в условиях разделения умственного и физического труда, когда на долю большинства агентов общественного производства выпадает сугубо исполнительская функция, а производством идей, образов (идеального плана деятельности), выработкой представлений и норм начинают заниматься особые группы людей – «профессионалы».

Однако если результатом исследования обыденного сознания стало, по крайней мере, согласие по фундаментальным вопросам, то понимание сознательности получило противоречивое толкование. Так, в «одной ипостаси сознание предстает как реальность особого рода, обладающая своей логикой, языком и символикой. Оно выступает в виде совершенно самостоятельной сферы деятельности по выработке разнообразных продуктов духа (идеи, взгляды, теории, образы и т. д.), которые кристаллизуют в себе результаты специфического труда отдельных личностей и целых коллективов. В условиях

непреодоленного еще старого разделения труда, власти социального (всеобщего) над индивидуальным общественное сознание приобретает характер определенным образом институциализированной (специализированной и профессионально вычлененной) деятельности по «производству сознания», или, иначе, производства общественной связи в форме идеального, «объективных мыслительных форм». Это сознание, ставшее социальным институтом, духовным производством, возникает, исторически развивается на базе материального производства данной эпохи и рядом с эмпирическим сознанием работников материального производства. Оно-то и становится тем особым способом и механизмом, с помощью которых в идеальной, мыслительной форме осуществляется объединение и интеграция людей.

В другой ипостаси общественное сознание выступает как зеркало и функция самого общественного бытия, суть саморефлексии которого заключается в производстве и воспроизводстве социальности человека как общественного и целостного существа, во всем богатстве его действительных отношений с миром. Сама способность отражать бытие, или «представлять» действительность в человеческой голове, проявляется в способе соединения мира предметностей (природных и общественных) с миром отношений, в которые вступают люди в процессе своей жизнедеятельности. Человеческая связь, как носитель социальности, создается путем разрешения противоречия материального и идеального, исходя из того, как складываются их взаимоотношения в условиях данного общества. В одних условиях материальное и идеальное оторваны и противопоставлены друг другу, и тогда сущность сознания выражается в способности отличать вещь по имени «человек» от всех других вещей – товаров, то есть в обобщенной «картине» отношений вещей, а не людей. В других условиях оба начала представляют собой моменты единой, целостной человеческой деятельности, ибо «зеркалом» саморефлексии для человека выступает здесь другой человек. И тогда исчезает (разумеется, не сразу, а постепенно) нужда и потребность создавать какое-то отдельное и особое царство духовности, идеальности, на плечи которого возлагается задача вырабатывать и «вносить» сознание в «массы» [39, стр. 57-58]. На лицо двойное

толкование сознательности. С одной стороны, оно связывается с формированием профессионального института, а с другой – с отсутствием в нем необходимости.

Исходя из принятых положений и отдельных наработок, было дано следующее определение «формы общественного сознания». «Это способы, социально необходимые построения объективных мыслительных форм, вырабатываемые в ходе многообразной деятельности людей по преобразованию и изменению мира. Они фиксируют особенности содержания и формы протекания жизненного, социально-исторического процесса, представляя и характеризуя его общественную форму (всегда конкретную, исторически определенную). Это не что иное, как идеальные нормы, в которых нашли отражение и воплощение формы социальной связи и отношений людей» [39, стр. 66].

Вместе с тем дальше общего объяснения богатством самого предметного мира человеческой жизнедеятельности, требующего столь же богатого, многообразного идеального выражения и подтверждения, исследование, как правило, не продвигалось. Как следствие не установился и сам перечень форм. Если первоначально число форм ограничивалось пятью – наукой, философией, религией, искусством и нравственностью [18, стр. 33], то затем состав их пополняется политическим и правовым сознанием [16, стр. 6]. В результате подвижности, как в определении, так и учете форм, некоторые исследователи стали пересматривать само понятие «форма общественного сознания» и предложили заменить его понятиями «сфера» или «вид», которые, как они считают, более точно выражают состав и сложность структуры общественного сознания, отражают единство его социальной и познавательной функций. С другой стороны в науке превалировало представление, что «содержание любой из конкретных форм общественного сознания составляет единство трех сфер – идеологии, науки и общественной психологии» [39, стр. 67-68].

В итоге было признано, что «вопрос о генезисе, истории и логики развития этих форм (когда и почему та или иная форма, отделяясь от материального содержания деятельности людей, проделывает определенный путь развития, что обуславливает и каков закон исторического самодвижения, изменения форм и превалирования

одной из них над другими в данную эпоху) не получил сколько-нибудь обстоятельного ответа. Не разработана и проблема многообразия форм сознания» [39, стр. 66-67].

Для раскрытия понятия «формы сознания» следует использовать категорию «историчности», поскольку камнем преткновения, на наш взгляд, было отождествление категории «отражение», как атрибута материи с ее конкретной формой. Хотя попытки рассмотрения форм сознания через «логическое и историческое» были продекларированы, реально принцип историзма угасал в структурно-функциональном анализе. Как следствие понятие развития отождествлялось с сущностью. Причем это связано не столько с непониманием содержательной важности проблемы, сколько с ограниченными возможностями используемого формального аппарата. То есть средства и способы не соответствовали выражению процесса развития. Например, задача сводилась к установлению связи между реальным ходом вещей и его отображением в категориях «содержание и форма». Образцом решения служил показ зависимости государственного строя от способа производства. Но даже установленные параллели между этими характеристиками нуждались в дополнительном критерии, чтобы выстраивать ряды в определенной последовательности. Этим дополнительным критерием мог быть прогресс, эффективность производства, сокращение затрат, самовозрастание прибыли. Сразу же возникает вопрос о правовом прогрессе [7; 9; 10; 11; 12; 13; 14]. Отсюда проблема одного порядка сменилась другой проблемой – выбором критериев. В результате «приращение понятий и оснований деления сознания (по видам, по типам, по сферам, по состояниям и т. д.) не сделало наше представление о структуре и формах сознания более ясным.

Одно из препятствий методологического порядка связано, думается, как раз с утратой единого основания структурирования общественного сознания. Ведь одно дело признавать многоаспектность такого сложного явления, как общественное сознание, и другое – видеть в этом проявление его якобы плюралистической природы, отражение многоплановости самой его сущности» [39, стр. 64].

На наш взгляд, препятствие как раз не в утрате единого основания, а в его жесткости. Роль исторического подхода к пониманию форм

сознания не означает затушевывание значения общественного бытия. Зато в рамках одной лишь зависимости бытия и мышления, материи и сознания «формы сознания» остаются нерасчленимыми. Это точно так же, как атом химически неразложим или по мере удаленности телескоп не может различить структуру планет, так из открытия закона не следует однозначное его исполнение. Например, никто не подвергает сомнению, что экономика пронизывает надстроечные образования. Напротив, если мы остановимся на определении государства, как политической системы выражающей и регулирующей господствующий способ производства, то этим будет схвачена сущность и предназначение. Однако из этого не следует, что на смену феодализма неизбежно придет капитализм. Для сущности, раскрываемой категориями «содержание и форма», подобные переходы не существуют, поскольку превращаются и развиваются сами сущности. Без учета такового фактора отождествление сущностных связей и исторических переходов, закона и уровня развития неизбежно. А именно по этой причине формы общественного сознания – политическое, правовое, мораль, искусство, религия, наука и философия – предстают в качестве ряда несвязанных понятий. Хотя связь и указывается. «Политическое сознание занимает особое место уже потому, что в нем наиболее выпукло, непосредственно проявляются экономические отношения и классовые интересы ... которые в других формах общественного сознания находят тем более опосредованное проявление, чем значительнее они удалены от экономической основы, на которой, в конечном счете, зиждутся все проявления человеческого духа» [39, стр. 73].

Данная формулировка обязывает нас, во-первых, не согласиться с тем, что этот связывающий фактор или принцип соотношения между формами действительно ведет именно к такой последовательности. Во-вторых, в связи с упоминанием о проявлении «духа», но оставленного без определения и оговорок, придется обратиться к гегелевской системе только этим духом и пропитанной. В-третьих, поднимая тему о превращении сущностей, нельзя обойти опыт Г. В. Ф. Гегеля. И, в-четвертых, вернуться к забытому определению содержания, принятому для любой из конкретных форм общественного сознания, как «единству трех сфер – идеологии,

науки и общественной психологии».

Как известно, деление «Философии права» Гегеля, несмотря на ее новое прочтение [8], основано на последовательном развитии «идеи в себе и для себя свободной воли», что означает развитие духа в форме реальности. Перед этим в субъективной форме дух еще пребывал лишь у себя, но, объективируясь, он обретает «мощь и признание». Таким образом, в субъективной форме дух попросту формирует дееспособность субъекта или соответствует становлению в каждом свободном сознании. Дух в своем «простейшем определении» в качестве «Я», сливаясь в хоре других и «абстрагируясь даже от своей жизни», предоставляет свободе наличную необходимость. Затем порожденный этим духом мир или «наличное бытие свободной воли есть право». Итак, субъективный дух, проходя три стадии, превращается в форму объективности.

На новой ступени он также проходит три стадии: «непосредственности» – где идея обретает свое лицо, «моральности» – где идея раздваивается, постигая «отношение к праву мира и к праву идеи», чтобы затем на стадии «нравственности» эти противоположности соединились, представ «как действительность и необходимость» [5, стр. 93]. Далее эти стадии делятся: на право формального или единичного лица, право частной воли или моральности и субстанциональной воли – нравственности [4, стр. 328]. Как видно в сравнении с первым изложением ступени каждый раз обыгрываются, обогащаясь и пополняясь примерами. Главное, что здесь достигается, – это обоснование самой поступательности. Так, мораль возникает как «обязанность осуществления прав». Тем самым обеспечивается возвращение самих прав, хотя и опосредованно через государственные институты. «По существу это значит, что тот, кто не имеет никаких прав, не имеет и никаких обязанностей, и наоборот» [4, стр. 328]. В нравственности происходит соединение различий, что оказывается предпосылкой перехода на новую ступень развития.

На новой стадии дух, став абсолютным, совершает этапы восхождения от прекрасного (искусство), через откровение и веру (религия) к истине (философия). Благодаря этому прохождению, дух завершает все постигнутое и объясняет само движение. Таков дух у Г. В. Ф. Гегеля: все объединяющий и обосновывающий. Богатство

этого принципа соотношения форм в отличие от предлагаемого советской школой очевидно.

Здесь следует остановиться на важном моменте концепции Г. В. Ф. Гегеля, на способе решения обоснования. Он демонстрирует принцип соотношения между формами, как ступенями развития, где каждый шаг был обусловлен предшествующей ситуацией, в совершении вносил дополнение и выступал предпосылкой для следующего. У Гегеля они обретают трехчленность, поскольку указывают откуда появились, что за исполняемая функция и чем завершается поступательность. Хотя это было отмечено при исследовании форм общественного сознания. Например, Толстых писал: «общественное сознание несет в себе закон рождения, функционирования и развития конкретных форм» [39, стр. 65]. Но оно не реализовалось. Что подтверждает необходимость не только содержательного осмысления предмета, но и умения его формализовать. Гегелевский принцип соотношения между формами есть переход между сущностями, раскрываемыми через форму и содержание. Он не затрагивает установленных отношений. Напротив, пытается сохранить общепринятое понимание. Главное привнесение – это порядок расположения связей и указание на роль каждой в развитии. Если определить трактуемые ступени развития духа, как формы общественного сознания, то они им выстраиваются, исходя из метода, подтверждаемого примерами, а не обобщением самих примеров. Это принципиальный момент. Поскольку за эту инициативу Г. В. Ф. Гегель обвинялся в идеализме. Здесь получается, что порядок не следует из обстоятельств, а привносится. Когда установлена истинность теории, то ею руководствуются в работе над объектом. Главное, чтобы из этого не следовало, что теорией твориться объект. Определение границ существования субъективной активности и объективных условий есть конкретное определение области вторичного бытия и превращение сущности первого порядка во вторичное.

Нельзя сказать, что проблема соотношения сущности и отражения ранее не исследовалась. Конкретизации отношения между самими атрибутами материи отражение и движение была посвящена работа С.Н. Смирнова. Он сразу обратил внимание на сосуществование многих не точностей. «Первоначально основная цель

данного исследования заключалась в раскрытии закономерностей взаимосвязи отражения и взаимодействия в процессе перехода от одного эволюционного уровня движения материи к другому. Постановка этой проблемы сразу же выявила недостаточность тех концепций отражения, согласно которым оно представляет собой особую сторону, часть, результат взаимодействия, является процессом, возникающим и существующим только при взаимодействии отражающего тела (субъекта) с отражаемым телом (объектом)» [37, стр. 14]. Надо было преодолеть утверждение, что «отражение всегда возникает при взаимодействии. Поэтому и генезис форм отражения есть лишь сторона генезиса форм взаимодействия» [38, стр. 259]. Этот «генезис форм взаимодействия субъекта с объектом есть в свою очередь результат развития отражения внешнего мира субъектом, что развитие форм отражения и взаимодействия представляет собой не односторонний процесс перехода новых форм взаимодействия в новые формы отражения, а взаимопереход отражения и взаимодействия друг в друга в качестве относительного момента содержания движения материальных образований и способа осуществления их движения, являющегося одновременно и особым способом выражения, проявления, существования этого момента содержания движения» [37, стр. 23]. Исходя из этого, были выведены определения эволюции самодвижения, взаимодействия материального образования субъекта с внешним миром и отражения внешнего мира субъектом.

Эволюция самодвижения есть «развитие материальных образований, составляющих некоторый уровень движения материи, характеризующийся определенным видом их взаимодействия с внешним миром и соответствующей формой отражения ими внешнего мира в материальные образования другого уровня движения, характеризующегося единством более сложного вида их взаимодействия с внешним миром и более сложной формы отражения ими внешнего мира».

Под взаимодействием материального образования субъекта с внешним миром «мы понимаем обмен изменениями между этим образованием и объектами остального мира, т. е. в содержание

понятия «взаимодействие субъекта с объектом» мы включаем лишь такие изменения субъекта, которые, будучи вызванными, индуцированными в субъекте некоторым объектом, сами вызвали соответствующее изменение объекта и тем самым уравнивали, погасили его воздействие на субъект».

Под отражением же внешнего мира субъектом «мы понимаем воспроизведение в изменениях, в движении субъекта некоторых особенностей тех или иных объектов внешнего мира» [37, стр. 15].

Это принципиальное различие между взаимодействием и воспроизведением позволяет понять, что отражение есть сторона сущности. То есть в отражении сущность выражается, как в своем атрибуте. Но вне исторического развития как нельзя определить уровень производства, так и формы его отражения. Ведь иной эффект, когда сознание исследуется на низшей стадии развития, и когда подкрепляется экономически. Тогда «разделение труда делает возможным – более того: действительным, что духовная и материальная деятельность, наслаждение и труд, производство и потребление выпадают на долю различных индивидов» [23, стр. 29].

Относительно вопроса о правосознании следует отметить, что его возникновения как формы отражения правовой реальности становятся для общества преимущественной сферой производства самой правовой реальности. Правовая реальность перестает быть сферой стихийного формирования социальных отношений [6; 31; 33; 35]. Правосознание, правовое воспитание становится немислимимым без комплекса идеологических воздействий – политического, нравственного, эстетического и т.д., целенаправленного и социально организованного [19; 29; 30; 32]. Это составляет прерогативу целой отрасли общественного производства – духовного производства, отвечающего за разработку и «внедрение» общественной формы человеческого сознания (и тем самым бытия) в соответствии с целями, интересами и потребностями данного общества. Следовательно, правосознание как все «общие формы» сознания определяют и смысл жизни человека, и нормы поведения в обществе, и ценностные ориентиры деятельности.

Список литературы

1. Бачинин В.А. Основы социологии права и преступности. – СПб.: СПбГУ, 2001. – 306 с.
2. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия «Наука и общество»).
3. Бельский К.Т. Формирование и развитие социалистического правосознания. – М.: Высшая школа, 1982. – 183 с.
4. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. В 3 т. Т. 3: Философия духа: – М.: Мысль, 1977. – 470 с.
5. Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – 524 [2] с.
6. Захарцев С.И. Правосознание: понятие и уровни // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 2. – С. 48-53.
7. Захарцев С.И., Сальников В.П. О правовом прогрессе как философско-правовой проблеме // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 2(3). – С 113-121.
8. Захарцев С.И., Сальников В.П. Перечитывая Гегеля. Размышления к 200-летию «Философии права» // Теория государства и права. – 2021. – № 2. – С. 67-88. DOI 10:47905/MATJIP.2021.22.2.005.
9. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс – новая философско-правовая дефиниция // Мир политики и социологии. – 2016. – № 4. – С. 171-188.
10. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс и совершенствование правового регулирования и правотворчества в России в XXI веке // Правотворчество в XXI веке: эволюция доктрины и практики (к 90-летию со дня рождения А.С. Пиголкина). Сборник научных статей / Под ред. В.В. Лазарева. – М.: Норма, 2022. – С. 63-72. – в кн. 344 с.
11. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс и ценности права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 17-31.
12. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс как актуальная философско-правовая проблема // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 9. – С. 175-192.
13. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс: новое направление исследования права // Теория государства и права. – 2017. – № 2. – С. 20-35.
14. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс: философский и философско-правовой подходы // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 13-30.
15. Ильенков Э. Искусство и коммунистический идеал: Избранные статьи по философии и эстетике. – М.: Искусство, 1984.– 349 с.
16. Келле В.Ж., Ковальзон М.Я. В.И. Ленин о соотношении общественного бытия и общественного сознания // Великие идеи Ленина претворяются в жизнь: Сборник статей / Ред. коллегия: доц. С. А. Юдачев (отв. ред.) и др.; Мин-во высш. и сред. спец. образования СССР. Упр. преподавания обществ. наук. – М.: Высшая школа, 1961. – 528 с.
17. Классен Э.Г. Идеальное. Концепция Карла Маркса. – Красноярск: КрасГУ, 1984. – 148 с.
18. Константинов Ф. В. Формы общественного сознания: Лекции / Высш. парт. школа при ЦК ВКП(б). Кафедра диалект. и ист. материализма. – М.: б.и., 1951. – 92 с.
19. Кравченко О.В. Проблемы правовой социализации несовершеннолетних в Республике Таджикистан: теоретический аспект: Монография. – Душанбе: Российско-таджикский славянский ун-т, 2022. – 192 с.
20. Макаров С.В., Сальников В.П. Правосознание и правовая культура // Проблемы теории права и государства: Курс лекций / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб., 1999.
21. Малахов В.П. Природа, содержание и логика правосознания: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – М.: Московская академия МВД России, 2001. – 54 с.
22. Мамут Л.С. Правосознание // Общественное сознание и его формы / В.И. Толстых, Н.Б. Биккенин, Л.С. Мамут и др.; под общ. ред. В.И. Толстых. – М.: Политиздат, 1986. – 366, [1] с.
23. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Москва : Политиздат, 1988. – 574 с. : факс.
24. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 1. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. – 700 с.
25. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Т. 23. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. – 908 с.
26. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Т. 37. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1965. – 600 с.
27. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Т. 39. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1966. – 716 с.

28. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46. ч. I. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1968. – 560 с.
29. Покровский И.Ф. Формирование правосознания личности (Вопросы теории и практики). – Л.: ЛГУ, 1972. – 152 с.: табл.
30. Правосознание и правовая культура как условие эффективности реализации права: проблемы теории, методологии и практики: Монография / Колл. авт., под ред. д.ю.н. И.Х. Бободжонзода, д.ю.н. А.Р. Нематова. – Душанбе: Дониш, 2022. – 241 с.
31. Романовская В.Б. Духовность и правосознание (соотношение феноменов) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2001. – № 1 (3). – С. 161-169.
32. Рябко И.Ф. Правосознание и правовое воспитание. – Ростов-на-Дону: Ростовский ун-т, 1969. – 191 с.
33. Сальников В., Сальников М. Правовая онтология гражданского сознания // Юридический мир. – 2005. – № 11. – С. 48-53.
34. Сальников В.П. Социалистическая правовая культура. Методологические проблемы: Монография / Под ред. Н.И. Матузова. – Саратов: СГУ, 1989. – 144 с.
35. Сальников В.П., Сальников М.В., Биктасов О.В. Онтологическо-правовые основания гражданского сознания // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – № 3. – С. 7-13.
36. Сапун В.А. Правосознание и правовая культура // Теория государства и права: Курс лекций под общ. ред. С.Л. Сергеевича и П.А. Оля. – 2-е изд. – СПб.: ИПЦ СИЗУ РАНХиГС, 2021. – 431 с.
37. Смирнов С.Н. Диалектика отражения и взаимодействия в эволюции материи. – М.: Наука, 1974. – 382 с.
38. Современные проблемы теории познания диалектического материализма / Под ред. М.Б. Митина и др. В 2 т. Т. 1: Материя и отражение. – М.: Мысль, 1970. – 430 с.
39. Толстых В.И. Общественное сознание: социальная природа, функция, формы // Общественное сознание и его формы / В.И. Толстых, Н.Б. Биккенин, Л.С. Мамут и др.; под общ. ред. В.И. Толстых. – М.: Политиздат, 1986. – 366, [1] с.
40. Фарбер И.Е. Правосознание как форма общественного сознания. – М., Госюриздат, 1963. – 206 с.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Научный журнал «Юридическая наука: история и современность» публикует научные статьи и материалы различной экономико-правовой тематики, отвечающие требованиям научной новизны, актуальности, фундаментальности и аргументации выводов.

Редакция принимает к рассмотрению научные статьи на русском языке. Срок принятия решения о публикации – не более двух месяцев с даты регистрации рукописи.

Основанием для включения статьи в журнал является:

- положительная рецензия независимого рецензента, определяемого редакционным советом журнала;
- для аспирантов дополнительно – отзыв-рекомендация научного руководителя;
- издательский договор с автором статьи;
- лицензионный договор о передаче прав на использование произведения автора;
- выполнение правил представления рукописей и требований к их оформлению.

Требования к оформлению статьи.

1. Электронный вариант статьи предоставляется в формате Word или RTF, кегль 14 «Times New Roman».

2. Бумажный вариант статьи предоставляется в двух экземплярах форматом А4, печать текста через полтора интервала.

3. Объем статьи – не менее 12 стр., но не более 18 стр. (до 40 000 знаков, включая пробелы); объем статьи для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – не менее 6 стр.

4. Рисунки встраиваются в формате BMP, диаграммы – в формате Excel, таблицы – в формате Word.

5. Аннотация статьи – на русском и английском языках (не более 1000 знаков, включая пробелы).

6. Ключевые слова – на русском и английском языках (не более 7).

7. Затекстовые ссылки (на русском и английском языках) оформляются в соответствии с библиографическими требованиями, размещаются после текста статьи под заголовком «Список литературы». Источники располагаются по алфавиту. Для связи затекстовых библиографических ссылок с текстом статьи используют знак отсылки, который приводят в виде цифр (порядковых номеров). Отсылки в тексте статьи заключаются в квадратные скобки. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста документа, в отсылке указываются порядковый номер и страницы. Сведения разделяют запятой. Например:

- в тексте: [7, стр. 15].

- в затекстовой ссылке: 7. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия: «Наука и общество»).

8. Если автор считает необходимым привести ряд комментариев, то перед списком литературы необходимо создать раздел под заглавием «Примечания», в котором в порядке очередности будут указаны авторские уточнения или пояснения, обозначенные в тексте одной и несколькими (до трех) звездочками.

9. Специальные символы (например, греческие, древнерусские и другие редкие буквы) оформляются в виде картинки или сопровождаются шрифтами с данными символами.

К тексту статьи прилагаются данные об авторе:

1. Ф. И. О. автора (полностью на русском и английском языках).

2. Полное название (на русском и английском языках) организации, где работает автор, с указанием города, страны.

3. Почтовый адрес.

4. Контактный адрес: E-mail, телефон, факс.

5. Ученая степень и звание.

6. Основные направления научных исследований.
7. Специальность по Номенклатуре специальностей научных работников.
8. Для аспирантов и соискателей: научный руководитель (Ф. И. О., научная степень, ученое звание, должность).

Обязательными компонентами условий включения статьи в научный журнал являются:

- представление автором текста статьи и комплекта сопутствующих документов в строгом соответствии с вышеназванными требованиями, подтверждаемое получением регистрационного номера;
- подписание лицензионного договора;
- предварительная оплата автором научного рецензирования статьи (рецензентом, определяемым редакционным советом журнала).

Рукопись статьи направляется рецензентам после поступления на счет Издательства оплаты по договору на этот вид деятельности.

Печать статьи в порядке естественной очередности с предоставлением одного экземпляра ее оттирка при получении положительной рецензии производится для автора бесплатно. Оплата расходов за редактирование и полиграфию осуществляется за счет средств Фонда поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет».

В случае необходимости срочной публикации статьи Издательство может после получения положительной рецензии за отдельную плату реализовать определяемый автором ускоренный выход статьи в свет: один, полтора, два, два с половиной, три или три с половиной месяца после подписания журнала в печать.

В этом случае автор также компенсирует все затраты по выпуску его статьи. Автору предоставляется один экземпляр журнала с собственной статьей.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

По просьбе автора могут предоставляться дополнительные платные услуги:

1. Одно повторное рецензирование статьи, в случае неположительной первой рецензии.
2. Литературное редактирование.
3. Написание и перевод на английский язык текста аннотаций, перечня ключевых слов, затекстовых ссылок
4. Продажа дополнительных экземпляров журнала на льготных условиях.
5. Предоставление библиографического описания и электронной версии окончательного варианта статьи с указанием страниц в журнале сразу после появления оригинал-макета номера журнала.

Перечень обязательных и дополнительных услуг, а также полная стоимость публикации статьи в журнале определяется издательским договором.

Рукопись статьи и сопутствующие ей документы направляются на редактирование и в печать после поступления средств на счет по издательскому договору. Авторские гонорары не выплачиваются. Рукописи и сопутствующие материалы не возвращаются.

Материалы просим присылать по адресу:

Фонд содействия науке и образованию в области правоохранительной деятельности «Университет»
Редакция журнала «Юридическая наука: история и современность»,
198261, Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б
тел.: 8 (901) 370-00-25, тел./факс: 8 (812) 755-56-58
E-mail: fonduniver@bk.ru

www.fonduniver.ru

Редактор О.П. Человечкова, к.ю.н.
Технический редактор Д.А. Ларин

**ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»**

2023, № 1

Выход в свет 02.02.2023. Формат 60 x 84 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Объем 18,5 уч.-изд. л.; 27,5 усл. печ. л. Тираж 500 экз. Заказ № 14.

Фонд содействия науке и образованию в области правоохранительной деятельности «Университет»
198261, Санкт-Петербург, пр. Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б.
тел.: 8 (901) 370-00-25; E-mail: fonduniver@bk.ru; www.fonduniver.ru

СУМКИ И КАРТИНЫ РКНАМАТ

В современном мире вещи, сделанные руками, обретают новую ценность. Все чаще человек ищет что-то необычное, уникальное, созданное в единственном экземпляре. Философию уникальности несет в себе каждое изделие от Rkhamat. Оно пронизано энергетикой, теплом и любовью мастера. Каждый стежок на сумке или на картине имеет свою историю и помнит тепло рук, которые его сделали.

Rkhamat (Пхамат) – это ручная работа, пронизанная красотой флореального искусства!

Вышивка лентами – уникальный вид рукоделия, сочетающий классические вышивальные швы и стежки со специальными элементами, которые выполняются атласными или шелковыми лентами, благодаря чему получаются невероятно красивые объемные картины и панно, позволяющие передать все великолепие живых цветов.

Pkhamat гарантирует каждому клиенту, что выбрав наше изделие, он становится обладателем качества и получает возможность идти в ногу со временем, при этом выбирая свою дорогу. Мы дарим возможность быть исключением в мире правил.

Инстаграм: Pkhamat
E-mail: hamathanova.asya@mail.ru
С уважением, Ася Хаматханова.

«Лидер Консалт» — современный инвестиционно-финансовый холдинг с корпоративным центром, головным офисом в Санкт-Петербурге и представительствами в регионах России. Холдинг основан в 2006 году. За 15 лет запущено более 25 проектов. Более 500 сотрудников занято в реализованных холдингом проектах.

Холдинг умеет правильно и эффективно действовать по следующим направлениям:

- привлечение инвестиций;
- управление проектами;
- исследование и оценка инвестиционной привлекательности;
- управление рисками: правовыми, фискальными и специальными ситуациями;
- взаимодействие с государственными органами и ГЧП;
- цифровизация бизнес-процессов.

«Лидер Консалт» — на острие ваших амбиций!

lc-rus.com

info@lc-rus.com

Тел.: +7 (812) 339-33-13

191040, г. Санкт-Петербург, Лиговский пр., д. 78, корп. 2, лит. А.

LCG — профессионал в сфере аутсорсинга и вспомогательных бизнес-процессов и функций. Стратегический союзник с высоким уровнем компетенций в области консалтинговых услуг, подбора персонала, кадрового аутсорсинга, финансового сопровождения бизнеса и инвестиционной деятельности.

Мы полностью независимы и обладаем собственными технологиями и инфраструктурой. Наша компания объединяет высококлассных специалистов из различных областей. Компания работает с 2006 года и представлена в каждом субъекте РФ. Головной офис расположен в Санкт-Петербурге, работают филиалы в Москве и Екатеринбурге.

- кадровое администрирование;
- аутсорсинг персонала;
- рекрутинг;
- юридическое сопровождение по подготовке разрешительной документации для иностранных работников;
- аутсорсинг в сфере охраны труда;
- профессиональный клининг;
- изготовление форменной одежды и текстиля для бизнеса;
- разработка айдентики, видеопродакшн, smm-продвижение.

lcpersonnel.ru

Тел.: +7 (800) 511-12-11

191040, г. Санкт-Петербург, Лиговский пр., д. 78, корп. 2, лит. А.

СПЕЦИАЛЬНЫЕ СИТУАЦИИ АГЕНТСТВО ПРАВОВЫХ РЕШЕНИЙ

«МедПроф» — сеть медицинских центров, специализирующихся на проведении профосмотров с выдачей индивидуальных заключений согласно Приказу № 29н.

Услуги оказываются как в собственных медицинских центрах в Санкт-Петербурге и Москве, так и на территории заказчика силами выездной бригады. Также «МедПроф» обслуживает клиентов в 45 регионах благодаря сети партнерских центров.

Ключевые услуги:

- проведение предварительных и периодических медицинских осмотров;
- оформление и продление личных медицинских книжек;
- психиатрическое освидетельствование;
- тестирование на COVID-19 методом ПЦР, анализ на антитела IgG и IgM;
- медицинская комиссия для водителей;
- медицинские справки различного назначения;
- вакцинация препаратами высокого качества, в том числе от COVID-19;
- лабораторные исследования.

mc-medprof.ru

Санкт-Петербург

Тел.: +7 (812) 458-98-88

«МедПроф» Центр: Лиговский пр., д. 78, к. 2А

«МедПроф» Юг: ул. Малая Балканская, д. 2Б

«МедПроф» Север: пр. Просвещения, д. 23А

«МедПроф» Восток: пр. Большевиков, д. 7, к. 2, стр. 1

Москва

Тел.: +7 (495) 001-01-57

«МедПроф» ВДНХ: ул. Бориса Галушкина, д. 3

Оказывает содействие бизнесу в разрешении конфликтных ситуаций с государством и правоохранительными органами, защищает от недружественных поглощений и разрешает корпоративные конфликты, урегулирует претензии налоговых органов, занимается сопровождением проблемных активов.

- экономическая безопасность бизнеса;
- налоговая практика;
- комплексная безопасность труда.

20+

квалифицированных специалистов.

150+

завершенных проектов.

300+

миллионов рублей отстояли наши специалисты в качестве сокращения требований по недоимкам и штрафам, предъявленных нашим клиентам.

www.ss-rus.com

info@ss-rus.com

Тел.: +7 (812) 702-39-16

191040, г. Санкт-Петербург, Лиговский пр., д. 78, корп. 2, лит. А.